

ЛОШАДИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Тезисы докладов и сообщений
Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2024 г.)

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины
Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
Ассоциация исследователей истории торговли,
купечества и таможенного дела

**ЛОШАДИ
В МИРОВОЙ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ**

Тезисы докладов и сообщений
Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2024 г.)

Санкт-Петербург
2024

УДК 599.723.2
ББК 28.693.362.442+63.3(0)-7я431
Л 81

Составитель
А. И. Раздорский

Тексты опубликованы в авторской редакции

Лошади в мировой истории и культуре : тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2024 г.) / С.-Петерб. гос. ун-т ветеринар. медицины, С.-Петерб. ин-т истории Рос. акад. наук, Ассоц. исследователей истории торговли, купечества и тамож. дела ; сост. А. И. Раздорский. — Санкт-Петербург, 2024. — 462 с. — DOI: 10.52419/3006-2024-10-462. — Текст : электронный.

В сборнике представлены тезисы 154 докладов и сообщений 188 авторов из 44 городов Российской Федерации и семи зарубежных стран (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Китай, Латвия, Сербия) — специалистов в области иппологии, коневодства, ветеринарии, экономики, истории, археологии, филологии, этнологии, фольклора, философии, искусствоведения и культурологии, а также студентов профильных высших учебных заведений.

DOI 10.52419/3006-2024-10-462

© Раздорский А. И., составление, 2024

Содержание

<i>К. А. Абдрахманов.</i> Лошади в механизме российско-азиатской караванной торговли XVIII–XIX вв.	12
<i>П. А. Аваков.</i> Главная жертва войны в Крымском походе 1735 г.	15
<i>К. А. Аверьянов.</i> Была ли Куликовская битва конным сражением?	18
<i>К. В. Азаров.</i> Лошадь в формировании медицины как западноевропейской культурной категории	22
<i>Г. Акбарова-Бен-Цви, Г. Дильбази.</i> История выведения и развития азербайджанской породы лошадей «Дильбаз».....	24
<i>М. К. Акользина.</i> Лошади в хозяйственной жизни провинциального уездного города первой половины XIX в. (по материалам Тамбовской губернии)	27
<i>А. С. Алмазов.</i> Лошади в повседневной жизни гетмана Ивана Самойловича и его семьи	30
<i>Т. К. Арзыбаев.</i> Роль лошади в истории киргизского народа	33
<i>Г. Ш. Асылгараева.</i> Погребения с конями Новославского II могильника... ..	36
<i>А. Н. Бабенко, А. Ю. Сергеев, Д. А. Куприянов, Д. С. Коробов.</i> Археоботанический анализ конского навоза из культурного слоя Киевского городища II–IV вв. н. э. (РСО — Алания)	38
<i>Т. А. Базарова.</i> Лошади в Санкт-Петербурге в начале Северной войны.....	41
<i>Г. Д. Базиева.</i> Конь в карачаево-балкарском фольклоре.....	44
<i>О. А. Баландина.</i> Использование лошадей в условиях партизанской войны на оккупированной территории Ленинградской области в 1941–1944 гг.	47
<i>О. Б. Балашова.</i> Лошадь в мифологических представлениях и верованиях коренных жителей старинных сел Суздальского района Владимирской области	50
<i>С. С. Баленкова.</i> Конь как предмет искусства.....	53
<i>В. Н. Беляева.</i> Конская торговля на территории Нижегородского Поволжья в XVII в.	55
<i>А. А. Богомазова, К. С. Худин.</i> «Мерин бур, зовью Хлюпа»: лошадиные клички в документах монастырей Русского Севера	57

<i>Е. В. Болнова.</i> Образ лошади в поэзии Виктора Сосноры	60
<i>А. В. Борисова.</i> Лошади в русской армии накануне Отечественной войны 1812 г.	63
<i>Н. Д. Борщик.</i> О состоянии коннозаводства Таврической губернии в середине XIX в.	66
<i>Е. С. Бутрин.</i> Организация таможенных сборов на конской площадке в Шуе в XVII — начале XVIII в.	68
<i>А. Ю. Быков.</i> Стратегический товар середины XVIII — начала XIX в.: к истории русско-казахской и транзитной торговли лошадьми	71
<i>А. А. Валувев, С. А. Денисов, К. Н. Скворцов.</i> Снаряжение коня и всадника из погребений некрополя Альт-Велуа второй половины XIII — XV вв.	74
<i>Е. Н. Варникова.</i> Сельская иппонимия — исчезающий зоонимический вид	77
<i>М. В. Виноходова.</i> Развитие представлений о природе сапа у лошадей	80
<i>К. А. Вихрова.</i> Лошади и «американская мечта» в романе Кормака Маккарти «Кони, кони»	83
<i>Л. В. Выскочков, П. К. Романов.</i> Лошади и экипажи императора Николая I	86
<i>А. А. Ганулич.</i> Сколько лет русской тройке?	88
<i>И. А. Гвоздева.</i> Троянские игры в Риме	91
<i>Т. Б. Гвоздева.</i> Эрихтоний и состязание апобатов в Афинах.....	93
<i>К. А. Гилева.</i> «Чугунные лошадки»: лошади в каслинском художественном литье из чугуна XIX–XXI вв.	95
<i>А. А. Глашев.</i> Коневодство у скифов, сарматов, гуннов и алан: история и наследие.....	97
<i>А. А. Глушецкий.</i> Образ лошади и конной упряжи в изделиях народных художественных промыслов.....	101
<i>Е. Б. Грузнова.</i> Изображения коней на русских печатях до конца XV в. ...	109
<i>А. А. Гущина.</i> Изображение лошади на некоторых археологических предметах среднесарматского времени с территории Нижнего Поволжья и Подонья.....	112
<i>С. Б. Егоров.</i> Лошадь в традиционной культуре вепсов	115
<i>И. О. Ермаченко.</i> Кавалерийская служба и конно-гузевой транспорт в полосе отчуждения КВЖД (конец XIX — начало XX в.).....	118

<i>В. А. Есис.</i> Полые подвески-«коньки» как отражение мифологических представлений восточных славян и финно-угров	120
<i>Т. В. Жиброва.</i> «Грива налево, во лбу звезда»: записная книга г. Воронежа о продаже лошадей (начало XVIII в.)	123
<i>В. М. Жигалов.</i> Лошади в мероприятиях по строительству укреплений, в полковой и городской службе Белгородского разряда	125
<i>Н. В. Жилина.</i> Формирование декоративного изображения лошади (по материалам археологии и народного искусства)	128
<i>А. А. Задерейчук.</i> Коневодство и коннозаводство в роду Фальц-Фейнов.....	131
<i>Н. Н. Задорова.</i> История становления племенного коневодства в Чувашии	134
<i>О. П. Игнатьева.</i> Вокруг коня: опыт этнографического изучения кочевой культуры.....	136
<i>Н. В. Иевлев.</i> Использование лошадей в колхозах Вологодской области в 1980-е годы на примере колхоза им. Коминтерна Нюксенского района	139
<i>З. А. Исмаилова.</i> «Моры въ конихъ» и их политическое значение в Древней Руси	141
<i>А. Ю. Кабанов.</i> «Конность» служилых «городов» Восточного Замосковья по разборным десятиям 1648/49 г. (на примере Юрьева-Польского, Луха и Гороховца).....	144
<i>А. В. Калюта.</i> Роль лошадей в завоевании Испанской Америки: мифы и реальность	147
<i>Т. Н. Кандаурова.</i> Культура коневодства первой половины XIX в.: конские заводы кавалерийских военно-поселенных округов	149
<i>Л. Ю. Карпенко, Е. К. Великодная.</i> Анализ породного состава лошадей — победителей и призеров Олимпийских игр 2024 г.	152
<i>Д. С. Кидирниязов.</i> Ногайская порода лошади в истории России	155
<i>А. Л. Киштымов.</i> Белорусское коневодство на конских выставках XIX — начала XX в.	158
<i>Н. А. Кореева.</i> Частные конские заводы на территории Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX в.	161
<i>Е. Ф. Королькова.</i> Любимый конь Петра I: загадки истории.....	164
<i>П. А. Косинцев.</i> Первые «колесничные» лошади Евразии	167
<i>А. А. Космовская.</i> Сборы с конской торговли (на материалах Прикамья XVIII в.)	169

<i>А. В. Котова.</i> Скелет кентавра: палеонтологические вымыслы.....	172
<i>Е. С. Кравцова.</i> «Лошадиные» названия населенных пунктов в топонимике Курского края	174
<i>В. М. Кривчиков.</i> Использование лошадей в ходе оборонного строительства на территории Белостокской области БССР накануне Великой Отечественной войны	177
<i>П. Ф. Кузнецов.</i> О времени и месте приручения лошадей по данным археологии и палеогенетики	180
<i>В. А. Курская.</i> Образ лошади в британском изобразительном искусстве Первой мировой войны	183
<i>О. И. Кускарова.</i> Образ коня в культуре адыгов	186
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, Н. Н. Спаская.</i> Лошади и всадники из меотского могильника в Прикубанье	188
<i>М. В. Маковецкая.</i> Образ лошади в философии	191
<i>А. В. Малов.</i> Конюшенные чины в расходных книгах Казенного двора 1613–1626 гг.	194
<i>П. Н. Марциновский.</i> Организация первых губернских конских скачек в Симферополе в конце 20-х — 40-е годы XIX в.	196
<i>И. Е. Мелентьева.</i> Лошади в жизни и творчестве Александра Солженицына	199
<i>В. П. Микитюк.</i> Конный спорт на Среднем и Южном Урале (вторая половина XIX — начало XX в.).....	202
<i>И. А. Мирюлюбов.</i> Образ коня в жизнеописаниях правителей античного мира.....	205
<i>М. Н. Митина.</i> Художественный образ лошади в русской народной глиняной игрушке	208
<i>М. В. Моисеев.</i> Ногайский конь в истории коммуникаций, торговли и культуры Московского государства и Ногайской орды в XVI в.	211
<i>О. С. Морозова.</i> Метафорический образ лошади в политической философии	214
<i>А. П. Неклюдова, М. А. Никитина.</i> Позиционирование образа лошади-каскадера в современном массовом сознании на примере фильмов «Кунг-фу жеребец» (2023) и «Мой любимый чемпион» (2024)	216
<i>Е. И. Нестерова.</i> Российская военно-научная экспедиция в южную Корею (1895 г.): иппологический аспект	219

<i>А. К. Нефёдкин.</i> Трактат «О всадническом искусстве» Симона Гипполога (V в. до н. э.)	221
<i>О. А. Никифоров, О. В. Зарубкина.</i> Об отдельных аспектах освещения роли иппотерапии в социально-медицинской реабилитации (историографический анализ)	223
<i>Л. И. Новикова, Л. В. Красникова.</i> Издания по коневодству и коннозаводству в фонде редкой книги Фундаментальной библиотеки СПбГУВМ	226
<i>В. А. Новоженев, М. В. Бедельбаева.</i> Лошадь в наскальном искусстве Казахстана	229
<i>Е. Ю. Нуйкина.</i> Роль лошади в научной экспедиции (по дневникам географа-геоморфолога В. П. Кальянова)	232
<i>Р. Л. Нуралиев.</i> Ногайская лошадь в Московском царстве: конный торг и военные реформы	235
<i>Д. Н. Округин.</i> «Ограниченная мобильность»: роль лошадей в функционировании антибольшевистских правительств на Русском Севере и в Сибири	238
<i>И. В. Онучина.</i> Лошади для высочайших визитов: две выставки в Каргополе.....	241
<i>Т. С. Орлова.</i> Интегративные подходы к изучению доместикации лошадей: археологические и генетические аспекты.....	244
<i>И. В. Осипова.</i> Образ лошади в творчестве Ф. М. Достоевского	247
<i>Я. В. Осипова.</i> Кумысолечение в дореволюционной России: проблемы развития глазами современников	250
<i>В. Я. Парамонов.</i> Влияние появления верховых лошадей на китайскую письменность	254
<i>Л. Р. Париева.</i> Возрождение Московского ипподрома в 1920-е годы (по материалам Российского государственного архива экономики) ...	257
<i>Е. К. Пиотровская.</i> Конь в компиляции «Книги Законные»	260
<i>В. В. Понарядов.</i> Из истории верховой езды в русской армии: от трензеля к мундштуку и обратно	261
<i>Е. А. Поправко.</i> «Временно исполняющий должность автомобиля»: транспортно-гужевые подразделения Красной армии в 1941–1945 гг.	265
<i>А. Н. Потапов.</i> Белый конь Белого генерала	268
<i>Д. А. Прохоров.</i> Лошади и кони в традиционном хозяйстве крымских караимов в Средневековье и в Новое время	270

<i>Е. В. Пчелов.</i> Первые кони русской геральдики.....	273
<i>А. И. Раздорский.</i> Конские таможенные книги XVII–XVIII вв. как исторический источник	276
<i>Р. Н. Рахимов.</i> Башкирская лошадь в походах национальной конницы эпохи наполеоновских войн	280
<i>М. И. Роднов.</i> Конные соревнования (скачки) в культуре города Уфы ...	283
<i>П. В. Романец.</i> Иппонимическая лексика в «Житии протопопа Аввакума»	285
<i>А. А. Рона.</i> Применение средневековых методов обучения лошадей в современной дрессировке на основе трактата Иордана Руфуса XIII в.	288
<i>А. Д. Севастьянова.</i> Искусство конной скульптуры: памятники второй половины XX в. в двух столицах	291
<i>А. А. Семенов.</i> Аргумент миниатюрности лошадей как критерий наличия колесницы в погребении со следами повозки и его несостоятельность	294
<i>Е. Д. Сергеева.</i> Fraeno rationis: семантика изображения мундштучного оголовья в европейском искусстве XVI в.	297
<i>О. С. Смаголь.</i> Образ коня в декоре интерьеров замка Пандоне ди Венаффо и традиция иллюстрированного ветеринарного трактата в Италии эпохи Возрождения	300
<i>А. А. Смирнов, М. Н. Волков, А. Ю. Антонов.</i> Мобилизация конского состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны	302
<i>Г. Ю. Смирнова.</i> Конь — лошадь — мерин (сосуществование в истории, языке и тексте)	304
<i>О. С. Советова.</i> Образ коня в наскальном искусстве Минусинской котловины	307
<i>Н. В. Соколова.</i> Лошади на конюшенном дворе московского Донского монастыря (по описям от 15 марта, 2 и 4 сентября, 20 декабря 1702 г.)	310
<i>И. Р. Соколовский.</i> От конских книг к конским переписям: пролегомены к социальной истории русской лошади от XVII века к 1917 году	313
<i>М. В. Соловейчик.</i> Использование лошадей в служебной деятельности милиции на начальном этапе существования Советского государства в 1918–1922 гг.....	315

<i>Н. Н. Спасская, А. Р. Канторович, В. Е. Маслов, В. Р. Эрлих, О. И. Фризен, А. В. Шишилов, Н. В. Федоренко, А. В. Колпакова, И. И. Марченко, Н. Ю. Лимберис, А. Б. Белинский.</i> Лошади для погребальных обрядов на Северном Кавказе раннего железного века: сакральный или хозяйственный подход?	319
<i>Н. Н. Спасская, О. С. Лебедева, Е. В. Торопова, К. Г. Самойлов.</i> Стоматологические проблемы у лошадей из средневековых слоев Старой Руссы (предварительные результаты)	322
<i>И. Д. Ткаченко .</i> Чепрак, тебенек или покрывка на круп? Седельные комплексы в традиционной культуре кочевников Сибири.....	325
<i>С. Н. Ткаченко.</i> Значение лошади в борьбе за Крым (на примере Керченско-Феодосийской десантной операции и действий Крымского фронта в 1942 г.)	328
<i>А. У. Токтабай.</i> Конноспортивные игры казахов	331
<i>И. О. Тюменцев.</i> Царские табуны в 1608–1609 гг.	335
<i>Т. П. Урожаева.</i> Возрождение конного спорта в Иркутске в конце XX — начале XXI в.	338
<i>И. М. Федина.</i> Лошади в историко-культурном пространстве черноморских (кубанских) казаков	341
<i>С. В. Филатова.</i> «Все в округе помнили ее..., носящейся во весь опор по полям»: Лошади в сфере интересов женщины дворянской среды в XIX — начале XX в. (по материалам Пензенского края).....	344
<i>И. А. Фомина.</i> К вопросу об интерпретации образа лошади в искусстве и культуре Возрождения: сюжетные и концептуальные аспекты интерпретации рисунка Якопо Беллини «Похищение Фавна»	347
<i>А. А. Хлезов.</i> Конь в культуре Северной Европы I тыс. н. э.: общее и особенное	350
<i>М. И. Хуснутдинов.</i> Состояние французской кавалерии в годы Семилетней войны	353
<i>Н. Н. Цветкова.</i> Образ коня в современном художественном текстиле (на примере творчества российских и зарубежных авторов)	356
<i>М. А. Чернова.</i> Конь королевича Марка: от фольклора к медиа	359
<i>Л. И. Шатилова.</i> Лошади в траурной культуре: Печальный кортеж русского императорского двора	362

<i>В. Ю. Шелестин.</i> Место лошади в хеттских культурах	365
<i>О. О. Шишкина.</i> Лошадь в искусстве и погребальных материалах Тепсейского археологического микрорайона	367
<i>Г. И. Шляхова.</i> Лошадь в языковой картине мира России и Франции	370
<i>В. А. Шпагина.</i> Развитие конной ветеринарной медицины в России ...	373
<i>Е. Е. Шурупова, А. П. Яковлева.</i> «Возраст лошадей колеблется от 9 до 27 лет»: использование лошадей на Соловках в начале XX века — от монастыря к Соловецким лагерям особого назначения	375
<i>В. П. Щербаков.</i> Человек глазами лошади: литературный прием и философский метод в «Холстомере» Л. Н. Толстого	377
<i>А. В. Энговатова, Н. Н. Спаская, А. М. Зайцев, Е. Ю. Полянская, А. Б. Дубровская, А. А. Дацышин, Е. Е. Антипина.</i> Лошади Троице-Сергиева монастыря начала XVII в. — участники обороны в период его осады войсками Лжедмитрия II	379
<i>А. И. Юдин.</i> Лошадь в неолите Восточной Европы	382
<i>А. И. Яроцук.</i> Архивные данные о продаже лошадей в Испании в XVII–XIX вв.	385

Тезисы студенческих сообщений

<i>А. С. Гончарова.</i> Значение лошадей в хозяйственной жизни	389
<i>В. И. Клейменов.</i> «И коней немецких великих много приведоша во Псковь»: конский состав городского полка Пскова в XIV–XV вв.	392
<i>К. С. Колесник.</i> Сборы лошадей с вотчин Феодоровского монастыря в начале Северной войны и их последствия	394
<i>Д. Б. Костян.</i> Формирование мифологизированного лингвокультурного концепта на примере образа лошади	397
<i>С. К. Логунова.</i> Лошадь как переход от реального к чудесному на примере Конька-Горбунка	400
<i>Ю. А. Макаулиффе.</i> Роль кавалерии в Беотийской войне	402
<i>А. А. Мачнева.</i> Конская ветеринария в России XVIII в.	404
<i>П. П. Озерова, Д. О. Стоякова.</i> Лошадь Пржевальского — последняя дикая лошадь на Земле: история открытия и спасения вида	407
<i>У. Ю. Павлова.</i> «Наставление для выездки ремонтных лошадей» 1870 г. ...	410

<i>В. Н. Пономарева.</i> Конокрадство как криминальный феномен (по материалам Оренбургской губернии XIX в.)	413
<i>Д. Д. Рязанова.</i> История возникновения и развития выездки в России	415
<i>Е. В. Свешникова.</i> Лошади в похоронных обрядах древних славян.....	419
<i>Д. Секулович.</i> Феррари — отражение символики лошади в автомобильной и итальянской культуре	422
<i>В. А. Серянова.</i> Динамика жизни и образ лошади: от свободы до ответственности	424
<i>А. С. Соколова.</i> Структурно-семантические особенности фразеологизмов с зоонимическим компонентом «лошадь» в английском языке	427
<i>В. П. Станкова.</i> История выведения породы англо-норманн во Франции	430
<i>М. Г. Старкова, Д. К. Малахова.</i> «Hirros» как основной смысловой компонент в заимствованиях, содержащих концепт «лошадь»	433
<i>А. А. Томилина.</i> «Бойся данайцев, дары приносящих»: семиотика троянского коня	435
<i>С. А. Топорова.</i> Лингвокультурная значимость концепта «лошадь» в различных сферах жизни (на материале английского языка)	438
<i>М. С. Ускова.</i> История конской торговли в России во второй половине XIX в.	441
<i>С. И. Федотова.</i> История разведения и селекции тракененских лошадей для конного спорта	443
<i>П. А. Элькинд.</i> Образ коня в фольклоре донских казаков	445
Сведения об авторах	447

К. А. Абдрахманов

Лошади в механизме российско-азиатской караванной торговли XVIII–XIX вв.

Наряду с верблюдами, волами, ослами и мулами лошади входят в категорию вьючных животных, которых активно использовали для доставки товаров в рамках караванной торговли. Главенствующая роль верблюдов в алгоритме караванного хода является общеизвестным фактом. Понимая значимость этих вьючных животных для обеспечения торговых контактов России и Азии в XVIII–XIX вв., отдельные авторы (К. А. Абдрахманов, В. А. Германов) подробно рассмотрели особенности эксплуатации верблюдов на караванных маршрутах. Это неприхотливое, выносливое и чрезвычайно сильное животное было незаменимо при организации торгового каравана, которому предстояло пересечь безводные, со скудной растительностью пространства Казахской степи и Средней Азии. Физиология верблюда делала его идеальным транспортным средством для перевозки крупногабаритных тяжеловесных грузов на дальние расстояния.

Вес кладки для 4–6-летних верблюдов колебался в пределах 9–12 пудов (147–196 кг). В среде караванщиков существовало негласное правило, предписывавшее грузить на взрослого двугорбого верблюда ношу весом не более 16 пудов (262 кг) без учета крепежной снасти и тары (седло, веревки, кошма, ящики). Конечно, деловые люди, для которых в приоритете была доставка максимально возможного количества груза при минимальных затратах на средства перевозки, в большинстве случаев закрывали глаза на эту рекомендацию.

В середине XIX в. русский историк и путешественник П. И. Небольсин писал: «...в общем расчете раскладки тяжести на верблюдов принято за правило, не всегда впрочем соблюдаемое, чтобы средний вес ноши верблюда никогда не превышал тяжести шестнадцати пудов...». Первостепенная забота купечества

о коммерческой выгоде при определении веса товара, закреплявшегося на спине верблюда, нашла отражение в «Военной энциклопедии» 1911 года. По свидетельству издания, эксплуатировавшиеся в армейских частях выючные животные переносили снаряжение в 12–16 пудов, но «при движении в составе купеч[еских] караванов в[ерблюды] несет груз в 20–22 п[уд]». Если взрослый двугорбый бактриан без ущерба для здоровья принимал ношу в 16–19 пудов (262–311 кг), то более сильный одnogорбый казахский «нар» нес груз весом 20–24 пуда (327–393 кг).

В отличие от работы верблюдов, принцип применения лошадей в составе купеческих караванов подробно исследователями не изучался, поэтому представленные материалы помогут восполнить этот историографический пробел.

При выборе выючных животных для доставки товаров организаторы каравана руководствовались такими критериями как сила, выносливость, пищевой рацион, анатомические особенности (размер, строение тела, форма копыт) и адаптация к суровому климату местности. По многим из этих «квалификационных» параметров лошади значительно уступали верблюдам, а потому в механизме караванного хода являлись звеном второго, если не третьего порядка.

Лошадей редко ставили «под выюк» из-за скромных, по сравнению с верблюдом, силовых показателей. На себе лошадь могла нести не более 10 пудов (163 кг) груза, правда, ровная сухая дорога позволяла запрячь лошадь в телегу, что почти вдвое увеличивало перевозимый вес. Кроме этого, кормежка лошадей во время переходов через степи и пустыни представлялась весьма серьезной проблемой. «Лошадь все-таки избалованное животное, требует ухода, а если и может обойтись без овса, то всегда нуждается в чистой и вкусной воде, в сочной траве; она не станет ни пить дурной воды, ни жевать негодной травы, покрывающей степь», — описывал сложности ухода за лошадьми источник. Избирательность лошадей в плане питания вынуждала караванщиков брать в дорогу солидный запас фуража. Данное обстоятельство доставляло купцам определенные неудобства, так как кладь с кормом занимала место, которое можно было использовать для размещения коммерческих грузов.

Несмотря на указанные недостатки, стандартный купеческий караван всегда насчитывал определенное количество лошадей. В российско-азиатском караванном сообщении XVIII–XIX вв. предусматривалось несколько направлений эксплуатации лошадей. В караванах, сформированных российскими коммерсантами, лошади использовались для верховой езды. На них передвигались сами владельцы товара, их приказчики и наемные работники, тогда как возчики из казахов предпочитали путешествовать на своих верблюдах. На определенных отрезках местности лошади имели преимущество перед верблюдами. Если на маршруте следования каравана встречались горы или пролегала неровная каменистая почва, то менее грузоподъемные, но более быстроходные и маневренные лошади были гораздо эффективнее тяжеловесных громоздких верблюдов.

П. А. Аваков

Главная жертва войны в Крымском походе 1735 г.

Крымский поход генерал-лейтенанта М. И. Леонтьева 1735 г. вошел в историю как одна из самых неудачных военных операций Российской императорской армии. Между тем истинные причины ее бесславного завершения, как и характер понесенных потерь, до сих пор остаются малоизученными. Делопроизводственные материалы Кабинета министров, Правительствующего Сената и Военной коллегии позволяют прояснить эти вопросы.

1 октября корпус Леонтьева выступил из местечка Царичанки в направлении северных рубежей Крымского ханства. В его рядах находилось 39 421 человек, в том числе 21 865 малороссийских, слободских и донских казаков, компанейцев и молдаван, 10 300 драгун и солдат полевой кавалерии и пехоты, и 6911 драгун и солдат ландмилицейской кавалерии и пехоты. Более трех четвертей личного состава представляли конницу, две трети которой были иррегулярной. То есть больше чем наполовину корпус состоял из казаков. Кроме того ожидалось, что позже к ним присоединятся около 10 000 запорожцев, после чего численность корпуса возрастет до 50 000 человек.

Вначале действия Леонтьева развивались вполне успешно: войска перешли границу у р. Кильчень и последовали на юг, вдоль течения р. Днепр. 9 октября трехтысячный конный отряд подполковника А. Гаста разбил пять ногайских улусов, кочевавших у р. Конские Воды. Но вскоре запоздалое выступление в поход дало о себе знать. Поскольку трава в степи уже высохла, и к тому же еще оказалась местами выжжена ногайцами и вытравлена их скотом, к 10 октября от бескормицы лошади в корпусе начали худеть и уставать. 13 октября при урочище Святовом (или Горькие Воды) корпус был застигнут дождем, сильным ветром и холодом, которые 15-го числа перешли в снегопад, вьюгу и мороз. Пока в ожидании улучшения погоды войска с 13 по 16 октября стояли в лагере, пало 2888 лошадей. Если бы

марш был продолжен, то «не едина б лошадь возвратиться не могла», — донес в Кабинет министров Леонтьев 19 октября. В лагере заканчивалась вода, а недостаток дров не позволял разжечь огонь, чтобы растопить снег и согреться. Люди, не имевшие ни шуб, ни епанчей, страдали от холода. Не видя возможности продолжать поход, 16 октября Леонтьев собрал военный совет, на котором генералитет и штаб-офицеры единогласно «приговорили ту Крымскую экспедицию, за <...> нынешними незапно случившимися ненасными днями в пути и безкормицею лошадиною, оставить, и паки возвратиться в Украину». До Перекопа оставалось всего десять дней пути, но недостаток в фураже, ставший причиной массовой гибели лошадей и превративший конницу в пехоту, изнурение людей и возрастающая стужа делали продолжение экспедиции невозможным. Измождение лошадей вынудило командование бросить запасы провианта и не позволяло послать ни одного разъезда для получения сведений о неприятеле. Драгуны и казаки шли пешком и сами везли провиант, артиллерию и патронные ящики, а лошадей кормили в дороге сухарями и толченкой, расходуя свое продовольствие. В таком жалком состоянии корпус достиг приграничной р. Кильчень, где присланные из Царичанки подводы с овсом подкрепили лошадей и облегчили их дальнейший путь к российской границе. 2 ноября войска вернулись из похода.

Оценивая плачевный результат «Крымской экспедиции» 1735 г. историки обычно безоговорочно принимают на веру более позднее и непонятно на чем основанное известие К. Г. Манштейна, писавшего позже в своем памфлете, что «поход поглотил более 9000 человек и такое же число лошадей». Между тем указанное им число человеческих потерь противоречит официальной отчетности. Согласно рапорту, составленному Леонтьевым 2 ноября 1735 г., безвозвратные потери регулярных войск (полевых и ландмилиции) за время похода составили 266 человек, в том числе 243 человека умершими и 23 человека пропавшими без вести. Кроме того, 39 военнослужащих бежали и 1786 вернулись больными. Зато потери конского состава регулярных частей корпуса оказались поистине катастрофичными: 10 898 из 13 354 лошадей не вернулись из степи, в том числе пало — 5028, пропало без вести — 315, и было брошено «за ус-

талью» — 5555. При этом не следует забывать, что всего в экспедиции было задействовано 44 366 лошадей, включая казачьих, то есть погибло не менее четверти из них. В рапорте генерал-лейтенанта остались неучтенными потери иррегулярных войск, но они были очень далеки от того гигантского числа, которое назвал Манштейн. Так, из 3446 выступивших в поход донских казаков было «побито, померло и безвесно пропало» 60 человек. Гораздо более ощутимой для донцов оказалась убыль конского состава: из 6811 казачьих лошадей в степи пало, было убито и брошено 2305 животных, то есть треть от первоначального числа.

Таким образом, настоящей причиной провала Крымского похода стал массовый падеж конского состава корпуса, вызванный истощением кормов, в первую очередь обусловленным поздним открытием кампании и слишком ранним и резким для региона изменением погодных условий. В результате главной жертвой начавшейся войны для России в 1735 г. оказались лошади.

К. А. Аверьянов

Была ли Куликовская битва конным сражением?

Вынесенный в заголовок вопрос является отголоском давнего спора: кто из двух родов войск — конницы или пехоты — главнее? По мнению Ф. Энгельса, изучавшего данный вопрос на западноевропейском материале, «в течение всего средневекового периода кавалерия оставалась главным родом войск во всех армиях... который повсюду в Европе действительно решал участь сражения». Пехота рассматривалась им как «хлам», как «плохо вооруженная толпа».

Также мыслили наши военные историки XIX в. По мнению Д. Ф. Масловского, русское войско в XIV в. состояло главным образом из конных полков, а пехота была немногочисленной. С ним соглашался Н. С. Голицын, считавший конницу «главным, многочисленным и сравнительно лучшим родом войск», которая была составлена «из чинов и лиц княжеских дворов и из дворян и детей боярских, имевших средства и возможность служить на конях. Не имевшие же их, по недостаточному или бедному состоянию, служили пешими и составляли второстепенный род войск — пехоту, которая входила и в состав полевых ратей, но преимущественно назначалась для службы городской — охранения и обороны городов, а также полевых военных станов и укреплений». А. Байов в «Курсе истории русского военного искусства почти полностью повторил мнение Голицына. Наиболее абсолютизировал роль конницы П. А. Плева, полагавший, что Дмитрий Донской «привел на поле сражения 150 000 конного войска», а всего «на Куликовском поле сражалось с обеих сторон не менее 300 000 конницы».

Высказывались и противоположные взгляды. В. В. Мавродин считал, что «в XIV в. в русском воинстве большое значение приобрела пешая рать, игравшая не меньшую роль, чем конница, а «главную силу русских войск составляла “посоха” — народное

ополчение, набиравшееся из крестьян и “черных людей” городов. Именно эта народная рать должна была решить исход грядущей битвы».

А. А. Строков попытался выяснить количественное соотношение пехоты и конницы в Древней Руси. В Ипатьевской летописи под 1241 г. говорится, что воевода князя Даниила Галицкого имел в составе действующего войска три тысячи пеших воинов и три сотни конников, то есть последние составили $\frac{1}{10}$ численности рати.

Ныне возобладало мнение, что войско Дмитрия Донского было исключительно конным. Как указывал В. А. Кучкин, за 12–14 дней мобилизации пещцы из сравнительно удаленных городов не могли собраться в Москве, это могла сделать только конница. К тому же, «ни один из ранних памятников Куликовского цикла не сообщает о пешей русской рати». Впервые она упоминается только в Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище», отразившейся в Никоновской летописи конца 20-х — начала 30-х годов XVI в.

Действительно, мобилизация была крайне спешной: планы Мамаея оставались во многом еще неясными и нужны были какие-то силы, чтобы закрыть основную линию обороны по Оке. Как указывал А. Н. Кирпичников, первые белозерские, ярославские и ростовские князья прибыли в Москву, пройдя расстояние 150–600 км за 7–10 дней. С этой скоростью могла двигаться только кавалерия. В этих условиях русские князья срочно направили к Дмитрию Ивановичу конные подразделения, а сами продолжали комплектовать на местах преимущественно пехотой свои рати. По мере их формирования они направлялись к Москве и далее на юг. Сбор же всего войска, по подсчетам историка, занял в общей сложности около 30 дней. Если передовой отряд белозерских князей возглавил Федор Семенович, то основную рать привел старший в роде Федор Романович. То же самое видим у ярославских и ростовских князей.

Свою роль сыграли расчеты Ф. Ф. Шамагонова. Считается, что место сражения при впадении Непрядвы в Дон занимает площадь около 10 км². Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», на Куликовом поле сражались 300 тыс. русских ратни-

ков и соответствующее число бойцов Мамаю. Но разместить здесь 600 тыс. русских и татарских воинов, чтобы они имели возможность двигаться, действовать, идти в атаку, рубиться, наступать и отступать, просто невозможно. Всадник для минимального движения, чтобы просто стоять в строю, должен занимать пространство не менее чем в 6 м². В таком плотном строю войска заняли бы 3,6 км².

Поскольку палеопочвенные исследования показали, что Куликово поле в древности представляло собой лес, постепенно переходивший в лесостепь, имевшую лишь небольшие открытые поляны-«кулиги» шириной 2–3 км, стало превалировать мнение, что битва была исключительно конным сражением. По мнению М. И. Гоняного, протяженность места боевых столкновений составляла два километра при максимальной ширине восемьсот метров. Что касается числа сражающихся, на взгляд О. В. Двуреченского, следует говорить исключительно о конниках, «от пяти до десяти тысяч как с той, так и с другой стороны». Цифры в 15–20 тыс. человек вошли в «Большую российскую энциклопедию».

Ряд историков еще более сократил эти цифры. В. В. Пенской оценил русскую рать на Куликовом поле в 5–6 тыс. всадников. А. А. Булычев пошел еще дальше, считая, что у Дмитрия было порядка 1–1,5 тыс. конных воинов при общем числе рати (вместе с обозной прислугой) около 3–5 тыс. человек.

Серьезные коррективы внес С. Н. Азбелев, доказавший, что определение места битвы «на усть Непрядвы» означает не впадение этой реки в Дон, а ее исток из озера Волово (аналогичный пример: крепость Орешек «на усть Невы», при ее истоке из Ладожского озера). Это коренным образом меняет картину битвы, которая оказывается встречным боем противников, шедших по Муравскому шляху.

Имеется возможность проверить пропорцию конницы и пехоты на Куликовом поле. Первые сведения о числе дворцовых лошадей восходят к XVII в. Из письма Петра I к сыну Алексею следует, что во времена Алексея Михайловича в дворцовых конюшнях содержали до 50 тыс. лошадей. Можно полагать, что численность боевых коней в XIV в. была примерно такой же или

несколько меньшей. Из «Сказания о Мамаевом побоище» вытекает, что в 1380 г. было мобилизовано 400 тыс. человек. Если предположить, что на них приходилось 50 тыс. лошадей, то получится примерно такое же соотношение кавалерии и пехоты (около $\frac{1}{10}$), что и в примере из Ипатьевской летописи.

В этих условиях утверждать, что войско Дмитрия Донского было исключительно конным, не приходится.

К. В. Азаров

Лошадь в формировании медицины как западноевропейской культурной категории

В западной науке культурология медицины, в основном в рамках антропологического проекта, является устоявшейся дисциплиной со сложившимся кругом обсуждаемых проблем. Однако для России это сравнительно молодая область. Культурологические же вопросы, связанные с нечеловеческой медициной, зоокультурология, как отрасль культурологии, занятая взаимодействием нечеловеческих животных и культурных процессов, мало изучена как у нас, так и на Западе. Необходимо попытаться обозреть культурологическую роль медицины и ветеринарной медицины относительно их сложных, динамических отношений и того значения, которым европейская традиция наделяла в этом контексте лошадь.

Кто основатель западной ветеринарии? Шалихотра считается основателем ветеринарии в индийской цивилизации и, что характерно, работа Шалихотры («Шалихотра Самхита») является именно гиппиатрическим трактатом, то есть посвящена здоровью лошадей, как, возможно, самого важного спутника человека осевого времени.

Назвать одного основателя западной ветеринарии было бы чрезвычайно трудно. Само греческое слово «гиппиатр» кажется более древним, чем латинское «ветеринар». Через арабское *albéitar* слово «гиппиатр» перешло в некоторые европейские языки. Именно лошади — средство ведения войны, условие выживания высшей военной аристократии в походе и в бою — были в центре внимания как европейцев, так и индийцев, китайцев, других великих цивилизаций. Например, в Испании раннего Нового времени, как сообщает Алина Ярошук, существовали методы лечения многих болезней лошадей, мулов и ослов, в то время как других животных практически не лечили.

Западная роль лошади во многом аналогична Индии. Хирон, кентавр, получеловек-полулошадь, является одной из важнейших фигур греческой культуры. Это персонаж, воспитавший не только Геракла, но и многих других героев Греции (Ясон, Ахилл). Одновременно Хирон — это и покровитель средневековых коноводов-ветеринаров Византии, как ранее и коноводов-ветеринаров древней Греции. Именно он выучил самого Асклепия, бога медицины, и первых врачей, Подалирия и Махаона. То есть с точки зрения древнегреческой мифологии не ветеринар — тип врача, а врач — тип ветеринара, в современном нашем языке что-то перепутано с точки зрения поэтического цивилизационного истока, важного в вопросах культурного значения. Хирона же мы обнаруживаем и в хирургии (общий корень — греческое слово «*χεῖρ*» — «рука», принципиальное и для профессии, и для мифологического персонажа, и для выделения человека из животного мира).

В ветеринарии, как в мифе о Хироне, осуществляется важнейший момент экзистенциального становления человека. Кентавры отражают память о выделении человека из зверя, они необузданны и страстны, полагаются лишь на грубую силу и проигрывают людям, которым, тем не менее, нужен Хирон, чтобы осуществить свое подлинное становление и стать героями, завершив пайдейю, доказав свое достоинство быть людьми. Так же и человеку необходимо вернуться к природе в заботе о животном или растении, чтобы подлинно осуществить свой человеческий потенциал.

Искусство излечения исходит от животного к человеку, возвращаясь обратно к животному, например, в горестных фигурах Геракла, заботящегося о ранах своего учителя, как некогда он сам заботился о своем воспитаннике, и умирающего рядом же Хирона. Движение медицинских технологий повторяет тот же цикл, словно отражаясь в филогенезе в духе закона Мюллера-Геккеля. Так, лапароскопия была впервые экспериментально проведена на собаках Георгом Келлингином (Georg Kellingin) в 1902 г., чтобы стать частью человеческой медицины в 1910-м. Значительно позднее, в 1970-х годах, эта процедура стала частью гипшиатрической практики.

Г. Акбарова-Бен-Цви, Г. Дильбази

История выведения и развития азербайджанской породы лошадей «Дильбаз»

Из 260-ти пород лошадей, существующих в мире, три породы являются местными азербайджанскими: Карабахская, Губинская и Дильбаз. Азербайджан — страна Южного Кавказа, славящаяся традицией коневодства, ведущей свою историю еще со времен Ахеменидской империи, когда она была ее частью в VI в. н.э.

Изучение древних пород лошадей, существовавших в то время на территории Южного Кавказа, позволило разделить их на каспийскую и тюркскую группы. К каспийской группе относилась нисейская порода, к тюркской — туркменская, каждая из которых оставила генетический след в местных породах, выведенных в Азербайджане.

Нисейская порода была широко распространена во времена правления Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.) и составила основу конницы персов, мидян, Кавказской Албании и других местных народов и племен. Тюркские лошади проникли на Кавказ во времена Ахеменидов и Парфии, их число возросло после расширения территорий племенных союзов Аккоюнлу и Каракоюнлу в XIII–XV вв. н. э.

Среди местных пород Азербайджана выделяется Дильбаз — горно-степная скаковая и верховая порода, выведенная в начале XVIII в. в западной части современной территории Азербайджана старинным родом Дильбази, занимавшемся племенным коневодством в Газахском селе Ханлыглар. Начало выведения породы связано с именем персидского шаха Надир хан Афшара, основателя династии Афшаров. Согласно семейной легенде, Надир шах подарил представителю рода арабского скакуна из своего табуна, скрещенного затем с местными мадьянами. Начиная с 1738 г. до настоящего времени порода селекционно улучшалась, на ее формирование оказало влияние скрещивание с пер-

сидскими, туркменскими породами, в том числе и местной карабахской породой.

В 1836 г. было опубликовано «Обозрение российских владений за Кавказом», в котором дается описание Газахской дистанции Елисаветпольской губернии, в том числе газахских (Дильбаз) лошадей: «Казахские лошади хотя не большого роста, но статны, весьма крепки и рысисты. Число их простирается до 9500. Тамошние жители меринов не имеют, а одних только жеребцов <...> Самый лучший конский завод в дистанции находится в селении Дах-кесемен и принадлежит Агалару, Капишану Гассан-Ага; в заводе считается более 300 лошадей, происходящих от смеси карабахских с куртинскими; они роста среднего, статны, крепки и рысисты; цветом большею частью гнедые».

В 1867 г. лошадь породы Дильбаз по кличке «Узелок» получила высшую награду на Всероссийской выставке.

Исторически порода использовалась в военных действиях, и, как следствие, в Первой и Второй мировой войнах поголовье серьезно пострадало. В 1943 г. с целью улучшения качества конского поголовья в Азербайджанской ССР был организован Государственный племенной рассадник, с 60-х годов XX в. дильбазских лошадей улучшали в значительной степени терскими жеребцами. В настоящее время разведение породы проводится «в себе», а для улучшения используются арабские жеребцы.

На территории бывшего СССР с 1962 по 1990 г. дильбазские лошади 39 раз участвовали во всесоюзных соревнованиях и восемь раз занимали 1-е место. Во время Первой Карабахской войны (1988–1994 гг.) ввиду близости к месту проведения боевых действий, местные породы лошадей (карабахская и Дильбаз) были перевезены в безопасное место в другие районы республики, в это время селекционные работы или не проводились, или проводились очень слабо. И хотя в 1997 г. в Акстафинском районе республики было создано коневодческое хозяйство по разведению породы Дильбаз, ввиду тяжелых экономических последствий численность поголовья резко уменьшилось. С 2015 г. после указа президента республики о выделении средств на развитие работ по селекции Дильбаз улучшение породы возобновилось. В 2019 г. другим указом президента возрождено и ре-

конструировано коневодческое хозяйство по разведению породы Дильбаз в Акстафинском районе.

Дильбаз является одной из самых высоких горных кавказских пород лошадей, уступая только кабардинской породе. Она не прихотлива в уходе, в горных условиях, в том числе и в горных военных подразделениях, используется как верховая, выючная порода, может преодолевать до 70 км в день. В ипподромных состязаниях и национальных видах конного спорта показала себя как лучшая порода, с выдающейся выносливостью в длительных пробегах и переходах. Характерной особенностью дильбазских лошадей является как их неуравновешенный темперамент, так и широкое распространение аллюра иноходи. Это порода — долгожитель, обладает хорошим здоровьем и плодовитостью. Нрав нервный и очень энергичный, положительной чертой является высокая резвость, отличная обучаемость, отрицательными — непостоянный характер и нервозность, что даже нашло отражение в названии породы (азерб. «dәli» — «безумный»). Для породы характерна своеобразная форма языка с глубокой выемкой на конце, что создает впечатление его двойственности.

Кроме Азербайджана (около 15 % всего поголовья лошадей страны) порода распространена в Грузии, северном Иране, а также в России (преимущественно в Дагестане).

М. К. Акользина

**Лошади в хозяйственной жизни провинциального
уездного города первой половины XIX в.
(по материалам Тамбовской губернии)**

Конское поголовье в уездных городах Тамбовской губернии во второй половине XIX в. непрерывно увеличивалось. Так, в Липецке оно возросло с 750 голов в середине указанного столетия до 1,5 тыс. в 1863 г.

Для раскрытия заявленной темы необходимо рассмотреть несколько аспектов: использование лошадей в хозяйственной жизни городской усадьбы, в организации торговой деятельности, как транспортного средства.

На протяжении первой половины XIX в. лошадей активно использовали в хозяйственной жизни городской усадьбы. Лошади работали на мельницах и крупорушках («действующих силою животных машинах круподерных»), принадлежавшим купцам или находившихся на оброчном содержании. В описании купеческих усадеб встречаются, часто косвенные, сведения о наличии лошадей, например, «между сосновым сараем и осиновым амбаром для лошадей дубовая колода», упоминаются коновязь, деревянная конюшня с камышовой крышей, конюшня под железными крышами, конный двор, покрытый тесом, подъездные сараи. В сельских усадьбах купцов, занимавшихся товарным сельским хозяйством, приводятся перечни конского поголовья: жеребцы молодые 3-летки и старые, мерины и рабочие кобылы (до сотни голов), жеребчики и кобылы. В этих хозяйствах были конные молотилки, водовозки, многочисленные телеги на ходу и сани, использовавшиеся для перевозки грузов. О большом количестве лошадей в загородных хозяйствах купцов свидетельствуют перечисления хомутов, седел, уздечек, вожжей, чересседельников, недоузdkов и дуг, а также другого конского инвентаря.

Работали лошади в многочисленных купеческих заведениях уездных городов: крупорушках и круподельнях, лесных пристанях и складах, на постоянных дворах, а также на почтовых и пожарных станциях.

В архивных источниках описана и торговля лошадьми «на дворе» в одной из городских усадеб. Поскольку купцы занимались поставкой провианта и овса для армии с моршанских пристаней со сплавом до Рыбинска для петербургских магазинов, доставка хлебных грузов до пристаней осуществлялась посредством конских обозов. Купцы содержали постоянные дворы, где останавливались приехавшие торговцы, и размещались конюшни или крытые дворы для лошадей.

Для обслуживания большого количества лошадей существовали кузницы («кузнечные заведения») с кузнецом и 1–4 работников.

Лошадей запрягали в беговые дрожки и беговые санки, городские дрожки, крытые тарантасы на железном ходу, хуторские тележки на железном ходу, хуторские дроги. Для выезда использовали хомуты запряжные с ременными гужами и шлеями, пристяжные хомуты с постромками, шорни с ременными постромками.

Сохранилось описание очень солидного по тем временам «гаража» одного из представителей торгово-промышленного населения уездного города: дорогие 4-х местные городские сани, 2-х местные городские сани, сани 2-х местные с верхом, возок зимний, фаэтон с верхом, 4-х местное ландо. Для подвоза воды на купеческую усадьбу использовалась водовозка с бочкой на конной тяге. Обслуживали транспорт две вороных матки по 4 года и караковый мерин «без годов».

Интересны факты о наличии транспортных средств у городских жителей. Например, у моршанского мещанина Петра Ильина Кудинова в 1831 г. была повозка «на длинных дрогах окрашенная с откидным верхом, обитым кожей, на железных осях с окованными колесами на всем полном ходу». Эту повозку выпросил у него для поездок протоиерей Софийской соборной церкви.

В XIX в. в уездных городах Тамбовской губернии функционировали каретные и тележные «заведения», как правило,

с 4-мя работниками, хотя встречались и крупные, с 15-ю работниками.

В 1860-е годы в наиболее развитых в торгово-промышленном отношении городах губернии Козлове и Моршанске стали появляться извозчики. Больше всего их насчитывалось в губернском Тамбове. Сохранилось описание кучерской одежды в хозяйстве, купчиха держала выезд, среди прочих вещей у нее хранились кафтан кучерский, суконный спорок темно-зеленый, шуба овчинная поношенная и шапка кучерская малинового цвета. Как правило, в работники по уходу за лошадьё нанимались удельные крестьяне пригородных слобод.

В Тамбовской губернии несколько конных заводов принадлежали купцам. Например, в Борисоглебском уезде из 20 конных заводов принадлежали купцам 5. В основном разводили упряжных (рысистых) лошадей. На таких заводах, как правило, было от 1 до 4 жеребцов и от 32 до 46 кобыл. Наиболее распространенными у купцов были конные заводы с 1 жеребцом и 7–10 кобылами.

Продажа лошадей производилась как на месте при заводе или в имении, так и на ярмарках в городе Лебедяни и в селе Добром Лебедянского уезда, в городе Ельце, отправлялись лошади и в Москву.

А. С. Алмазов

**Лошади в повседневной жизни
гетмана Ивана Самойловича и его семьи**

Иван Самойлович был гетманом Войска Запорожского под властью русского царя в 1672–1687 гг. Ряд источников позволяют судить о роли лошадей в жизни его самого и его родственников. Прежде всего, это опись имущества Самойловича и его семьи, составленная после его отстранения от власти в 1687 г. В общей сложности в документе указано наличие 55 лошадей, из которых 31 принадлежала гетманскому сыну Григорию, бывшему черниговскому полковнику, еще 13, вероятно, принадлежали ему же, остальные 11, судя по всему, были собственностью гетманского младшего сына Якова, бывшего стародубского полковника. О лошадях из последней группы в документе не приведено никаких сведений, кроме их численности.

Можно сделать вывод, что в документе указаны не все лошади, имевшиеся у гетмана и его родственников. По какой-то причине в описи имущества не были переписаны лошади самого Ивана Самойловича, содержащиеся в двух его дворах в гетманской столице Батурине, а также в Гадяче, в котором располагалась еще одна гетманская резиденция — Гадячский замок. Между тем, в доносе на гетмана, поданном старшиной перед его отстранением от гетманства в июле 1687 г., утверждалось, что гетман приказывал бесхозных лошадей клеймить своим клеймом и отсылать в Гадяч. Авторы доноса утверждали, что лошадей, присвоенных таким образом Самойловичем, было несколько десятков. Кроме того, на, как минимум, недоучет гетманских лошадей в описи его имущества указывает и сравнение с конюшнями московских бояр. В частности, у боярина В. В. Голицына по состоянию на 1679 г. было 139 лошадей. Скорее всего, у гетмана Самойловича, занимавшего в чиновной иерархии Рус-

ского государства того времени позицию, близкую к боярину, имелось сопоставимое количество лошадей.

Наиболее полные сведения имеются о тех лошадях, по поводу которых в описи имущества прямо указано, что они принадлежали Григорию Самойловичу. Из них 7 лошадей названы обозными и служебными, а 24 — подъемными. Кроме того, в документе указан возраст этих лошадей: про 19 (61,3 %) из них сказано, что у них «лети зросли», т. е. им было 10–12 лет или больше, а остальные имели возраст от 6 до 8 лет. Из тех лошадей, которые также, видимо, принадлежали Григорию Самойловичу, один конь назван жеребенком и был переписан вместе с матерью-кобылой, т. е., скорее всего, ему было 6 месяцев или меньше, а другой назван жеребцом — вероятно, имел возраст порядка 2–3-х лет.

О лошадях, принадлежавших бывшему черниговскому полковнику, в некоторых случаях приведены сведения о том, из каких стран они были привезены: 4 лошади, включая одного возника и одного жеребца, названы «немецкими» (скорее всего, они привезены из Священной Римской империи), 2 мерина — «поддунайских коней» (предположительно, из Венгрии), а еще один «меренок» — «жмоцких лошадей» (т. е. он был привезен из Жмудского княжества-староства в составе Великого княжества Литовского).

В том же списке есть ишак, а также 4 возника, т. е. лошади, которых запрягали в кареты. В описи имущества гетмана Ивана Самойловича и его родных указано несколько карет. Среди них, пожалуй, самой дорогой была карета, сделанная в Гданьске, «резная, с парсунами, писана золотом», в которой имелось 6 слюдяных окон.

Кареты, представленные в описи имущества, принадлежали не только гетману, но и его сыновьям: в той же описи имущества упоминается карета Григория Самойловича. Стоит отметить, что когда в сентябре 1674 г. гетманские сыновья Семен и Григорий отправились в Батурын после пребывания в течение полутора лет в Москве, что являлось залогом верности их отца царю, получили для своей поездки карету, купленную за казенный счет.

Лошади также выступали в качестве дара, который Иван Самойлович и его родные либо получали, либо дарили, прежде всего, царям и их приближенным. Так, по случаю заключения Вечного мира с Речью Посполитой (1686 г.) гетман был пожалован иноходцем из царской конюшни. В сентябре 1685 г. племянник гетмана гадячский полковник Михаил Васильевич собирался подарить дорогого турецкого коня боярину В. В. Голицыну, но его слуги «копита переднѣе велми погналъ», поэтому полковник решил отправить его окольнічему Л. Р. Неплюеву, чтобы тот оценил, готов ли получить этого коня в дар.

Лошади в качестве подарков использовались и при обмене дарами и внутри гетманской семьи. В 1683 г. Иван Самойлович решил отдать сыну Григорию борзую собаку в обмен на понравившегося ему его гнедого коня, которого тот получил от черниговского полковника, но гетманский сын не согласился на такой обмен. В итоге позднее Григорий Самойлович отдал гетману своего коня в обмен на сивого коня. Разногласия, возникшие при обмене подарками между отцом и сыном, позднее привели к открытому конфликту между ними.

Таким образом, лошади в повседневной жизни гетмана Ивана Самойловича и его родных выполняли не только транспортную функцию, но выступали в качестве дара, предмета роскоши и др.

Т. К. Арзыбаев

Роль лошади в истории киргизского народа

Издrevле лошадь являлась самым верным другом кочевника-киргиза и разнообразные исторические источники свидетельствуют о высокой роли лошадей в жизни предков современных киргизов. Разведение лошадей оказало огромное положительное воздействие на хозяйство, культуру и быт киргизского народа. Содержание данного ценного домашнего животного играло важное значение прежде всего в совершенствовании техники пастбищного скотоводства, с помощью которого осваивались и дальние степи, и труднодоступные высокогорные районы с преодолением сложных перевалов.

Этнографические, фольклорные, лингвистические материалы сообщают о неразрывном единстве киргизов с конем. Он был близким и верным другом, незаменимым помощником. При перекочевке или необходимости перевозки грузов лошади выполняли транспортную функцию и в таком качестве они выступали довольно продолжительный период, вплоть до новейшего времени. Посредством лошади киргизы поддерживали связи с близкими и дальними родственниками, соседними племенами и народами, с их помощью доставлялась срочная информация людям, живущим на самых отдаленных пастбищах.

Социальный статус человека в обществе в большой степени зависел от наличия значительного поголовья лошадей в его стаде. Киргизы для мечения лошадей наносили тамги с использованием раскаленного железного клейма. Тамги являлись тем знаком, который указывал на принадлежность скота определенному племени. Киргизский историк Б. Солтоноев отмечает, что киргизы использовали тамги начиная с енисейского периода. Нанесение таких знаков закрепляло скот в собственности и имело юридическую силу.

Во многом благодаря лошади киргизы обогащали свои знания о земле и людях, где они обитали. Это позволило им заим-

ствовать положительные черты и традиции других народов. Верховое коневодство открыло киргизам и широкие возможности для развития разнообразных мирных, культурных, торговых и военных контактов с государствами и народами огромного центрально-азиатского региона, послужило стимулом и условием для повышения уровня культуры. Благодаря им кочевники-киргизы поддерживали связи с Кашгаром, Кульджей, Андижаном, откуда привозили нужные ткани, украшения, предметы домашнего обихода, красители и другие товары. С помощью лошадей киргизы перегоняли овец на андижанские рынки для продажи.

Конь был быстроногим животным, способным за короткое время преодолевать значительные расстояния. В этом плане они были незаменимыми в условиях военного противостояния, междоусобиц, вынужденных миграций. Скотоводы совершали конные разведки сезонных пастбищ, изучая и исследуя состояние растительного покрова, кочевых путей, возможность преодоления перевалов, погодно-климатические условия.

Лошади киргизов, как и лошади всех средневековых тюрков, отличались ловкостью, выносливостью, а также прочностью копыт. Они являлись одним из тех товаров, которые пользовались большим спросом у китайцев. Китайская династийная хроника «Тань-Шу» сообщает, что древние киргизы разводили лошадей, которые отличались плотностью и высоким ростом. Они уделяли приоритетное внимание коневодству, выращиванию и содержанию ценных пород лошадей. Разведение лошадей обеспечивало скотоводов-киргизов ценным напитком — кумысом, который являлся одним из основных в их пищевом рационе. Конские волосы также широко применялись при изготовлении кожаной посуды, в частности, большого бурдюка, в котором приготавливали кумыс. Конина имела очень важное значение как в праздничных, так и в траурных общественных трапезах.

Особое значение в истории номадизма киргизов принадлежало боевому коню. В условиях частых военных столкновений с иноземными захватчиками, с соседями, без них трудно было бы обеспечить защиту своего народа и его территорию. В киргизском фольклоре и эпосе киргизов «Манасе» есть немало сюже-

тов, в которых ярко показана роль боевого коня, благодаря которым воины становились грозной непобедимой силой.

Об исключительном значении коня в жизни кочевников-киргизов свидетельствуют многочисленные костные материалы, различные части конской сбруи, найденные в результате археологических раскопок, рунические надписи, наскальные изображения, китайские, арабские и другие письменные источники. Особую ритуальную роль играли лошади в традиционной погребально-поминальной обрядности киргизского народа. Во всех его элементах явно прослеживается присутствие лошади, ее особая семантическая роль, отражающая древние культовые представления о лошади. В древности у скотоводов-киргизов существовал обычай погребения покойника со всеми личными вещами, принадлежностями конской утвари и даже с его лучшим конем. Киргизский героический эпос «Манас» также содержит эпизоды о погребальных обрядах с жертвенным конем со всем снаряжением.

Таким образом, лошади являясь подлинным достоянием киргизского народа, играли определяющую роль в истории, хозяйстве и быте киргизов, были основным ядром, на которое были ориентированы все другие отрасли кочевого скотоводства киргизов.

Г. Ш. Асылгараева

Погребения с конями Новославского II могильника

В акватории Куйбышевского водохранилища Спасского района Республики Татарстан расположен Спасский остров, на западной оконечности которого находится Новославский II могильник.

В течение пяти лет раскопок с 2015 по 2021 г. на могильнике раскопано и исследовано 17 погребений. Из них два погребения детские (пп. № 3 и 15), шесть — женские (пп. № 1, 5, 9, 11, 16, 13), семь — мужские (пп. № 2, 6, 7, 8, 10, 13, 14); в погребении № 12 половую принадлежность погребенного установить не удалось.

Сопровождались погребенные жертвенной пищей — об этом свидетельствуют кости животных, оставшиеся от мясных частей туш и лепные горшки, поставленные у ног покойных. Кости животных принадлежат крупному и мелкому рогатому скоту, свиньям.

Яркой особенностью могильника является наличие в ногах погребенных костей лошадей. Из 17 исследованных погребений они встречены в 11 (1, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 16, 17). В одиннадцати погребениях диагностировано 17 особей лошадей. В большинстве случаев это были кости черепа, нижних челюстей и метаподии. В одном случае диагностирован практически целый костяк лошади.

В погребениях метаподии лошадей ставились вертикально (возможно, их связывали) или клались горизонтально вдоль южной (реже восточной) стенки ямы. Рядом или сверху на метаподиях вдоль южной стенки укладывался череп. Череп могли уложить как в анатомическом положении, так и перевернутым наоборот, черепной крышкой вниз, когда зубы верхней челюсти располагались сверху. В некоторых погребениях были диагностированы кости от нескольких особей лошадей, так в пп. 8 и 9 — по две особи, а в п. 13 — три. Иногда в зубах черепов лоша-

дей встречаются железные двухзвенные удила. Одно погребение является кенотафом (погребение № 4), в нем не обнаружено костей скелета человека, но диагностированы череп и кости ног лошади.

В погребении № 14 была захоронена целая туша коня. Костяк лошади ориентирован головой на восток, при этом голова положена отдельно к югу от костяка, так как длина туши превышала ширину могильной ямы (197 см). Передняя часть туши была положена на бок, задняя — на живот с подогнутыми ногами. Такие погребения с целым костяком лошади известны на синхронном Безводнинском могильнике, их появление относят ко второй стадии развития данного памятника, т. е. к VI в. н. э.

При сравнении половой принадлежности погребенных людей и захороненных с ними лошадей выяснилось, что в пяти захоронениях женщин с костями лошадей во всех представлены кобылы, а в четырех погребениях мужчин — жеребцы. Это справедливо и для погребений, содержащих кости нескольких лошадей. В погребении № 13 с костями мужчины и женщины, которое содержит черепа и кости ног трех лошадей, два принадлежат жеребцам, третий не определяется. В погребении № 12 с неясной половой принадлежностью погребенного располагались кости ног жеребца (череп, скорее всего, смыт водохранилищем). Это, а также отсутствие деталей костюма и украшений, позволяет допустить, что в погребении 12 был захоронен мужчина.

Археозоологические исследования позволили установить возрастные данные лошадей, их половую принадлежность, а промеры, сделанные на сохранившихся костях, дали возможность вычислить рост животных (высоту в холке).

А. Н. Бабенко, А. Ю. Сергеев, Д. А. Куприянов, Д. С. Коробов

Археоботанический анализ конского навоза из культурного слоя Киевского городища II–IV вв. н. э. (PCO — Алания) *

Остатки навоза, сохраняющиеся в культурном слое археологических памятников, могут нести уникальную информацию о природных условиях, содержании и питании домашних животных, особенностях систем скотоводства, земледелия и землепользования. В докладе представлены результаты комплексного археоботанического анализа образцов из навозной прослойки культурного слоя раннеаланского Киевского городища II–IV вв. н. э., полученные на основе изучения растительных макро- (зерна, семена, мякина и древесный уголь) и микро-остатков (споры, пыльца и непыльцевые палиноморфы).

В 2019 г. при работах на Киевском городище (Моздокский район PCO-Алания у с. Киевское, на правом коренном берегу р. Терек) была зафиксирована органогенная карбонизированная прослойка на глубине 3,1 м от поверхности, относящаяся ко II–IV вв. н. э. Для поиска растительных макроостатков была проведена флотация образца грунта (5 л) на сите с ячейкой 0,5 мм. Для палинологического анализа из этой же прослойки было отобрано два образца, пыльца и споры выделялись согласно стандартной сепарационной методике В. П. Гричука.

После флотации объем образца уменьшился до 200 мл. Практически все выявленные компоненты происходят из навоза, что подтверждают оставшиеся включенными в его нерастворившиеся фрагменты зерновки и колосовые чешуи, а также загрязненная частицами органики поверхность большинства зерновок, веточек, специфически деформированные фрагменты мякины. Почти 2/3 образца представлены культурными злаками

* Работа подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

при значительном участии мякины в структуре образца (21,7 %). Большую долю макроостатков составляют культурные растения (63 %). Зерновые находки представлены преимущественно просом обыкновенным *Panicum miliaceum* (78,5 %), тогда как ячмень *Hordeum vulgare* составляет лишь пятую часть. Еще два вида культурных растений встречены в незначительных количествах: пшеница однозернянка *Triticum monococcum* и лен *Linum usitatissimum*. Среди мякины же преобладают колосовые остатки ячменя (87,6 %). Доля сорных и дикорастущих видов составляет 34,5 %; всего определено 42 таксона различного уровня. Среди них три четверти относятся к семейству мятликовые Poaceae, из которых самыми массовыми являются щетинник зеленый *Setaria viridis* и костер *Bromus* spp., известные полевые засорители злаков. Луговые травянистые виды, которые являются маркерами использования сена или выпаса животных, представлены очень слабо.

Из того же флотационного образца выделено несколько сотен фрагментов древесного угля. Среди них присутствуют многочисленные молодые побеги (менее 4 мм в диаметре), на поперечных срезах которых видны полностью сформировавшиеся годовые кольца и граница с камбием, что свидетельствует об их срезке во второй половине года. Удалось определить видовую принадлежность 101 фрагмента. Анализ углей показал присутствие не менее семи таксонов древесных пород, основными из которых являются дуб *Quercus* и лох/облепиха *Elaeagnus/Hipporphae*.

В спорово-пыльцевом спектре прослойки выявлено лишь 10 таксонов, он относится к монодоминантным с преобладанием пыльцы астровых, среди которых доля трибы цинкориевых *Cichorioideae* составляет 72–82 %. Остальные таксоны (в том числе и пыльца культурных злаков *Cerealia* t.) представлены единично, за исключением мятликовых. Выявлена высокая концентрация аскоспор (до 4314 шт/г), среди которых присутствуют копрофильные споры: *Podospora*, *Sordaria* t., *Cercophora* и *Coniochaeta*.

Таким образом, результаты исследования (незначительное присутствие семян пастбищных видов, обилие зерна и мякины, преобладание пыльцы астровых на фоне низкого таксономиче-

ского разнообразия, присутствие веточного корма) указывают на то, что наиболее вероятным периодом формирования изученной навозной прослойки является осенне-зимний период. Чаще всего фураж применяется по причине отсутствия доступного свежего травянистого корма. Зерно же применяют и для откорма на мясо или усиленного питания животных. В случае лошадей это может быть связано с тяжелой работой или подготовкой к усиленным нагрузкам. Преобладание среди семян рудеральных и широко распространенных дикорастущих растений может указывать на содержание животных на подножном корме (наряду с подкормкой фуражом). Относительно высокое разнообразие углей и небольшое количество фрагментов молодых древесных побегов может также указывать скорее на самостоятельное поедание их животными, а не выступать свидетельством целенаправленной заготовки веточного корма.

Т. А. Базарова

Лошади в Санкт-Петербурге в начале Северной войны

Государевых лошадей в петровской армии как правило делили на две основные категории: драгунские (строевые) и подъемные (фурманские) лошади. Первые принадлежали строевым чинам драгунских полков, вторые предназначались для перевозки артиллерии, припасов и прочих грузов.

В 1703 г. комендантом Санкт-Петербурга стал генерал-майор К. Э. Рёнке. После отъезда его весной 1704 г. в Нарву за оборону нового города и других крепостей Ингерманландии отвечал обер-комендант генерал-майор Р. В. Брюс. Коменданты крепостей Ингерманландии и обер-комендант подчинялись губернатору А. Д. Меншикову. Их донесения отложились в Походной канцелярии А. Д. Меншикова (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1).

В начале XVIII в. коменданты крепостей и командиры полков часто докладывали губернатору о плохом состоянии драгунских лошадей («либивые», «присталые», «худы вельми», «чуть живы»), а также о нехватке фуража (особенно овса). В январе 1705 г. Брюс доносил Меншикову, что «овса дают толко по два четверика на лошадь», и просил удвоить его количество. Нехватка в полках лошадей создавала угрозу дальнейшему наступлению в Ингерманландии. По распоряжению Меншикова в 1704 г. в Астрахани и Казани был закуплен табун лошадей, который через Москву и Новгород в следующем году пригнали в Ингерманландию. Уже на месте лошадей распределяли по полкам. Московский комендант Т. Н. Стрешнев, осмотрев доставленных Гр. Волконским лошадей, сообщил: «добры собою и сыти <...> драгуном, роздать им невозможно, потому что они, люди, к лошадям таким добрым незаобычные».

В раннем Санкт-Петербурге жилья не хватало даже для людей, конюшни для лошадей не строили. Летом 1705 г. Р. В. Брюс

доложил о случившемся там «великом падеже», когда за две недели «померло» свыше 830 лошадей.

В первые годы строительства Санкт-Петербурга для полков были выделены места по берегам Невы и в окрестных деревнях для сенокосов. Траву для лошадей косили и сушили не только солдаты, сено обязали заготавливать и доставлять в Санкт-Петербург на своих подводах местных крестьян. Так, в 1704 г. в Новгородском и Псковском уездах заготавливали сено на пять драгунских полков — 5100 лошадей. Нередко подводчиков задерживали и использовали для различных работ — возить с мест заготовок лес, известь, камень и пр. Крестьяне жаловались, что после этого их лошади «к земледелию и в прочие службы» становились непригодны.

По окончании кампании участвовавшие в военных действиях драгунские полки и нерегулярные отряды распределяли по зимним квартирам в Новгородском уезде. В 1703 г. полковник Низового полка М. М. Рукавичников с башкирскими 79 казаками разместился в Пашской волости Тихвинского Успенского монастыря. Волостной староста жаловался: «у них же у всякаго человека по две лошади, хлеб и харч едят и пьют, и вышеписанным лошадем сено и овес генваря с перваго числа кормим все наше крестьянское». Иверский стряпчий М. Якимов сообщил монастырским властям, что «в Старорусском уезде поставлены <...> драгуны, на три и на два двора драгун с лошадью»

Драгунских лошадей также передавали «на корм» под расписку помещикам и в монастыри. Как правило, большинство лошадей были в очень плохом состоянии. В феврале 1704 г. в Валдайском Иверском монастыре поставили на корм 53 лошади драгунского полка Г. Флюка, из которых 25 «в разных месяцах и числах померло». За каждую умершую лошадь монастыри обязаны были заплатить в казну по 20 рублей.

Со временем по распоряжению А. Д. Меншикова были установлены нормы распределения драгунских полков по зимним квартирам в зависимости от числа крестьянских дворов, а также оговаривались условия содержания лошадей. В 1709 г. в Тихвинском Успенском монастыре на зиму оставили 200 человек с лошадьми, так как у обители в Новгородском уезде имелось 295 дворов («опроче тех, которые взяты в ямщики»). Властям

монастыря было приказано «на вышепомянутых лошадей изготовить конюшенные двory с сараи и конского корму сена и овса, а имянно овса четверть, сена по шестнатцати пуд на месяц каждой лошади, а стоять им, драгуном, при вашем монастыре ноября с 1-го числа февраля по 1-е число 709 году и збирать с оных крестьян сена на три, овса на два месяца, а на третьей месяц овес имать ис правианту». Неисполнение распоряжения могло повлечь жестокое наказание. Монастырские власти были обязаны обеспечить не только уход и снабжение фуражом, но своевременное лечение («сыскивать коновалов, и лечить, и чистить з болшим прилежанием»).

Таким образом, к потерям в боях добавлялись потери от болезни, плохого корма, тяжелой работы и условий содержания лошадей. Власти пытались уменьшить потери, возложив обязанности содержания и лечения лошадей на новгородских землевладельцев — помещиков и монастыри.

Г. Д. Базиева

Конь в карачаево-балкарском фольклоре

В фольклоре большое значение придается животным (помощникам героев). Известный исследователь фольклора В. Я. Пропп подчеркивает, что «герой и его помощник есть функционально одно лицо. Герой-животное преобразовался в героя плюс животное».

Конь является важным мифологическим образом во многих культурах Азии и Европы. В карачаево-балкарской культуре конь (ат) — особое животное в жизни горцев, что объясняется его существенной ролью в быту, хозяйстве, а также в состязаниях. Слово «ат» является одним из многозначных омонимов в балкарском языке, оно имеет в том числе следующие значения: «имя», «кидать, метать», «стрелять», «сбросить», «ронять» и др. «Ат ата» — дать имя, в дословном переводе «имя-отец».

У некоторых богатырей-нартвов в эпосе народов Северного Кавказа «Нарты» есть свой конь с личным именем, в карачаево-балкарском варианте эпоса — Колан у Ёрюзмека, Гемуда у Карашауая и др. В эпосе конь нарта Карашауая, Гемуда, наделен магическими силами, он рожден на вершине Минги-Тау (Эльбруса), его матерью является божество (Тейри) Лета, а отец божеством (Тейри) Зимы. Отец Карашауая Алауган хранил коня в подземелье, когда единственный сын подрос и ему исполнилось двенадцать лет, отец решил своего бессмертного коня подарить ему, произнеся следующие слова: «Вот мой конь, на котором я езжу. Если ты будешь настоящим мужчиной, он всегда будет для тебя достойным конем». Погладив коня и дав клятву никогда его не обижать, Карашауай дал клятву: «Я буду любить тебя, как себя», в ответ конь ответил также клятвой: «Если ты будешь настоящим мужчиной, я буду для тебя достойным конем».

В карачаево-балкарском эпосе сохранилось несколько сказаний о коне нартского богатыря Карашауая: «Гемуда», «Кара-

шауай и Гемуда», «Карашауай испытывает Гемуду», «Гемуда Карашауая», «Карашауай на скачках» и др. Во всех сказаниях подчеркивается особая роль коня в победах нарта-богатыря, то есть отношения между хозяином и конем носят характер дружбы и взаимной поддержки, ни одного поступка нарт не совершает не посоветовавшись с конем. «Испытали друг друга, опускаясь в воду и взбираясь на горы. И, по равнинам, разъезжая, они испытывали друг друга». Гемуда первым взобрался на Казман-Тау (Казбек), от его копыт Минги-Тау (Эльбрус) стал двухглавым, образовались Чегемское и Черекское, Баксанское ущелья.

«Голубые озера — следы копыт [Гемуды], от его дыхания рушились вековые скалы».

Пройдя все испытания достойно, конь сказал нарту Карашауаю: «Я могу превращаться и в красивого коня и принимать облик шелудивой клячи без гривы. Ты тоже принимай тот облик, который под стать моему».

В состязаниях Карашауай ездит, накинув на себя ветхую бурку, а Гемуда прихрамывает, опустив уши. Но несмотря на невзрачный вид, конь Гемуда побеждает во всех состязаниях нартов, так как наделен не только выносливостью, но и умом. Во время скачек с самым быстрым конем Коланом у него разорвались подпруги, но даже вернувшись назад, чтобы сделать стальные подпруги у кузнеца, «Гемуда догнал Колана, потом опередил его и первым пришел к Минги-Тау». Затем Гемуда участвовал в скачках с лучшими конями первого нарта Сосука, победитель скачек имел право жениться на его дочери. На эти скачки выставили знаменитых скакунов и другие нарты. Чтобы посмотреть на эти скачки собралось множество народа, при виде Гемуды все начали громко хохотать. «Мальчишки забросали его грязью, подстегивали хворостинами и кололи под хвост кольями». Но и в этих скачках победителем стал конь нарта Карашауая, который и женился на дочери первого нарта Сосука.

В предисловии к сборнику карачаевских и балкарских сказок К. Ш. Кулиев писал: «У меня всегда вызывало восхищение то, что в сказках разговаривают горы, реки, камни, деревья, снег, дождь, животные, трава, а люди понимают их язык. В этом заключается большая поэзия». В сказках «Ненадежный друг», «Суд зверей», «Младший брат» в центре повествования наряду

с другими героями — конь. С помощью коней добирается до дома из белого камня, где живет красавица, перед кроватью которой стоит золотое корыто с рыбками, имеющими целебные свойства, младший сын умирающего отца («Младший брат»); проверяется дружба соседей, у одного соседа есть кобыла, а у другого телега, но поделить новорожденного жеребенка они не могут без разрешения вопроса: «Кто является матерью: кобыла или телега?» («Суд зверей»). В сказке «Ненадежный друг» конь уходит от нерадивого хозяина, но и новые друзья (волк и лиса) его предали. «С тех пор и говорят: «Волк коню не товарищ».

Карачаево-балкарский фольклор — это не только историческая память, но и выражение сложившихся в древности идейно-эстетических и философских воззрений. Большое значение в фольклоре придается качественным характеристикам не только главных героев, но и их помощников, героев-животных. Наиболее яркими индивидуальными чертами в фольклоре карачаевцев и балкарцев наделяется главный помощник и друг человека — конь.

О. А. Баландина

**Использование лошадей в условиях партизанской войны
на оккупированной территории Ленинградской области
в 1941–1944 гг.**

О применении лошадей на передовой и в советском тылу в годы Великой Отечественной войны широко известно. Менее освещена роль лошадей в партизанском движении, развернувшимся в оккупированных районах СССР. В этой связи детально изучения заслуживает вопрос использования лошадей в условиях войны на занятой противником территории Ленинградской области в 1941–1944 гг. Для раскрытия заявленной темы были привлечены документы Ленинградского штаба партизанского движения и воспоминания партизан, находящиеся на хранении в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (Ф. Р-116 Л; Ф. Р-4000).

Конный состав партизанских соединений комплектовался из числа лошадей, захваченных у противника и полученных у жителей оккупированных районов. Передача партизанам лошадей, которые находись в личном владении граждан или прежде являлись собственностью колхозов, осуществлялась в добровольном и принудительном порядке. Имела распространение практика добычи лошадей путем обмана, воровства. В документах зафиксированы случаи, когда командиры партизанских формирований, получив жалобы от местного населения, принимали меры против бесконтрольных реквизиций лошадей и фуража. При этом характерно, что трофейных лошадей партизаны раздавали мирным жителям, если сами не нуждались в животных.

Общее количество имевшихся в распоряжении ленинградских партизан лошадей на разных этапах борьбы в тылу врага выявить не представляется возможным. Известно, что после завершения партизанской войны, по данным на 28 марта 1944 г.

при расформировании в 13 Ленинградских партизанских бригадах насчитывалось 3430 лошадей. Из них 232 лошади впоследствии были переданы в Красную армию, остальные — в районы области.

Лошадей в партизанских формированиях использовали для перевозки оружия (пулеметов, минометов, пушек), тола, боеприпасов, раненых и продовольствия. В марте 1942 г. из Ленинградского партизанского края — свободной от оккупации территории в немецком тылу, находившейся под защитой партизан — на лошадях, запряженных в 223 подводы, были отправлены в блокадный Ленинград 56 тонн продуктов.

Лошади увеличивали маневренность партизанских соединений. Верховые партизаны могли совершать ежедневные марши по 60–70 км, преследовать противника и уходить от погони.

Конные партизанские отряды обладали высокой боеспособностью. Излюбленной тактикой партизан были неожиданные налеты в расположение противника на подводах, с установленными на них пулеметами.

При распределении лошадей приоритетное право на владение принадлежало партизанам-разведчикам, поскольку от скорости получения сведений многое зависело. Как правило, на лошадях передвигался командный состав, хозяйственно-обозная и санитарная службы. В неравномерной степени лошадьми были обеспечены рядовые бойцы.

В партизанской среде лошадь — предмет зависти и спора. В одном из отрядов командир В. И. Бучнев забрал у своего заместителя В. П. Плохого молодую лошадь. В ответ на присвоение Плохой угрожал убить Бучнева в первом бою. Инцидент закончился переводом В. Плохого (в 1944 г. получившего звание Героя Советского Союза) в другое партизанское соединение.

На оккупированной территории лошади помогали партизанам пережить продовольственные трудности. Конину употребляли в пищу, если оказывались исчерпанными все остальные источники питания. Конское мясо партизаны жарили на кострах, солили в бочках, коптили в золе, ели сырым. В апреле 1943 г. партизан Михаил Кабанов не давал сослуживцам резать любимого коня, когда их отряд, загнанный противником в болота,

голодал. Тем не менее вынужденный все-таки уступить Кабанов «устроил траур по своему коню».

В партизанских подразделениях обеспечивался контроль за физическим состоянием конного состава. При обнаружении потертостей, чесоточных заболеваний на теле, признаков истощения или фактов, приведших к гибели животного, виновник-партизан получал дисциплинарное наказание (в виде выговора и наряда вне очереди), иногда лишался права на пользование лошадью. Приказами командиров устанавливались «Правила эксплуатации коня», согласно которым осуществлялись уход, кормление, водопой, запрещалась езда галопом без необходимости. По мере увеличения конного состава вводились должности конюхов, действовали передвижные мастерские по ремонту упряжи и седел. В 5-й партизанской бригаде работала ветеринарная служба с фельдшером. Рукописные партизанские боевые листки призывали бойцов беречь лошадей и порицали безответственное отношение к ним.

Лошади в условиях партизанской войны имели исключительное значение. Благодаря лошадям был нивелирован ряд проблем боевой и повседневной жизни партизан.

О. Б. Балашова

**Лошадь в мифологических представлениях и верованиях
коренных жителей старинных сел Суздальского района
Владимирской области**

Изучение архивных материалов экспедиций в Суздальский район в последнее десятилетие XX в. показало наличие в недавнем прошлом устойчивого комплекса мистико-мифологических представлений, связанных с лошадью/конем, у жителей старинных сел и деревень и впервые представляет информативную базу локальной фольклорной традиции — редкие местные аутентичные предания и легенды, былички, заговоры и обереги, рассказы о снах, поверья и приметы, обряды.

Активному бытованию мифологических представлений, а также поддержанию их устной передачи сопутствовали богатая на события история края, хлебопашество как основное занятие населения, близкое расположение дворцового конезавода в Гавриловском посаде, входившем некогда в Суздальский уезд, сохранившиеся рудименты древнейших мифологических верований и влияние христианской религии.

Безусловный интерес представляют легенды о местночтимых святых «с конем», предания о местных силачах, поднимающих лошадь/коня на спор, а также исторические предания, отсылающие нас к временам XII–XVII вв.: о «воинах на рыжих лошадях» в период монголо-татарского нашествия, о «конниках с крыльями» во время польской интервенции и о их наказании, о «царских конюшнях», о коне князя Пожарского (князь был похоронен в родовой усыпальнице на территории Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале). В рамках традиционной культуры народная молва неслучайно сравнивает коня Пожарского как богатырского коня былинного богатыря и наделяет особыми свойствами возрождения после смерти владельца-седока: «будёт [время], восстанет конь...».

Одними из наиболее интригующих являются образы коня/лошади (возраст, масть, местонахождение, время суток и др.) и сюжеты вещих/пророческих снов от самых простых до сложных по своей композиции. Если лошадь снилась/привиделась во сне — это означало «к добру»/«к хорошему»/«к удаче» относительно личной жизни видевшего сон. Любопытным представляются свидетельства респондентов, по-разному воспринимающих мифологическую природу сна: первое исполнительницы из с. Менчаково, верящей в то, что «сон с лошадью дает» не кто иной, как домовый, потому что «ёму ведомо» и он «любит лошадок»; и второе информанта из г. Суздаля, утверждавшего что «лошадь, то ли коня во сне увидеть можно, если Лавёра и Фрола [покровителей лошадей] считаешь хорошо».

Однако в некоторых сюжетах происходит разделение плохих/хороших толкований лошади/коня как образов сна или пророческих видений-явлений. Известно, что в волшебных сказках конь выступает в качестве чудесного помощника главного героя, ведающего его судьбу наперед. Вероятно, именно эта способность сыграла свою роль при «воссоздании» сюжетов, в которых конь/лошадь предстает как образ предвестника счастья или беды масштабного характера. По воспоминаниям М. С. Ухабиной из с. Кидекша, ее отцу перед Первой мировой войной, участником которой впоследствии он был, «тятя привиделось: табуном бегут лошади и падают, падают в пропасть. Много-много лошадей... И ровно так и было. Это он все рассказывал, уж как вернулся». Образ погибающего большого количества неизвестно откуда взявшихся лошадей олицетворяет будущую гибель воинов на поле сражения, что, собственно, осмысляет и запоминает рассказчик.

В том же с. Кидекша, знаменитом своим уникальным древнерусским храмом XII в. в честь св. равноапостольных князей Бориса и Глеба, и в близлежащих окрестных селах были зафиксированы легенды о явлении в лихую годину св. Бориса и Глеба на конях и «с флагами». Представители самого старшего поколения 1900–1910-х годов рождения, посещавшие некогда Борисоглебский храм, знали о сохранившемся фрагменте фрескового изображения двух всадников (в белой и красной одеждах) на

конях и воспринимали их как св. Бориса и Глеба. Отсюда популярное местное представление о «конных» предвестниках.

Сохранившиеся в памяти информантов на момент записи «лошадиные» приметы и поверья обнаруживают многочисленные отголоски архаических мифологических представлений и свидетельствуют о существовании в древности местного культа почитания коня/лошади.

С. С. Баленкова

Конь как предмет искусства

Конь — один из первых объектов изобразительного творчества людей, запечатленный в наскальных рисунках. Лошади — священные животные с древних времен. Они ассоциируются с плодородием и связаны с приметами, колдунами и языческими божествами. Многие люди черпали вдохновение во внешней красоте этих животных, но ощущали и нечто большее — стихию свободы, тающуюся под гривой.

Кони олицетворяют силу, проворство, быстроту мысли, бег времени. Кони — один из древнейших и любимых образов народного искусства. В разных его видах, будь то глиняная, деревянная или соломенная игрушка, резьба по дереву, вышивка или роспись, можно найти образ коня или лошадки. Первая лошадь просматривается в наскальных рисунках. Для первобытных изображений характерны массивные фигуры лошадей с короткими ногами. Несмотря на то, что рисунки нельзя назвать анатомически точными, они очень живые и убедительные. Плоские контурные изображения постепенно заполняются деталями: делаются первые попытки изображение шерсти параллельными штрихами, используются красные и желтые оттенки. Мы не знаем наверняка, какой именно смысл вкладывали первобытные художники в свои творения, но глядя на них, можно быть уверенными: в лошадях они видели не только объект охоты и источник пищи.

Лошади изображены преимущественно в зоне Осевого прохода. Один из фризмов получил название «Фриз маленьких лошадей», в результате сознательного уменьшения их размеров, определенное время воспринимался как изображение жеребят, а не взрослых особей, пока не обратили внимание на следующее: все лошадки будут изображаться жеребыми, с отвисшим подбрюшьем, ожидающими животное. Получается, образ лошади стал привлекать художников достаточно давно.

Боевые кони. На протяжении многих веков лошадь была верным соратником человека на поле брани. В произведениях, сюжетом которых являются рыцарские поединки, битвы, нападение диких животных, мы видим очень воинственный образ лошади. Кажется, будто и она рвется в бой, разделяя решительность и отвагу со своим всадником. Этим богата российская культура. Лошади на картинах великого русского художника Васнецова — это совершенно особенное явление. Тонкий знаток и любитель лошадей, Виктор Васнецов через их образы передает внутреннюю сущность героев его картин. Богатырские кони в картинах Васнецова действительно сказочно красивы своей естественной красотой. Глядя на их волшебную статью, легко поверить, что они кормятся огнем, несутся, как птицы и говорят, как люди.

В полной мере переданы энергия, грация, сила и красота лошади в тех произведениях, где ей отведена главная роль. Здесь ее образ уже не является дополнением человека, он самостоятелен, он восхищает и приковывает взгляд. Художники стараются передать все мельчайшие детали: от блеска копыт до иллюзии дыхания животного.

В зависимости от того, какая роль чаще отводилась лошади в то или иное время, менялся и ее образ в искусстве: от незатейливой, наивной копии внешнего облика и представления о ней, как части дикой, суровой природы, до дружеского, наделенного эмоциями и чувствами очеловеченного изображения, когда ее значение для человека выросло до уровня спутника и друга, способного разделить с ним и радость, и невзгоды.

Полотна с лошадьми от известных художников — это жанр, который, как кажется, не угасает даже в эпоху быстрых автомобилей и высоких технологий — в лошадях есть что-то такое, что привлекает внимание и сердца тех, перед кем они проходят мимо. Живописцам, которые рисовали лошадей на своих холстах, удалось передать все те качества животного, которые в них так любят люди. Мастера, создававшие изображения лошадей, делали это с любовью, нежностью, глубоким чувством уважения и восторга к этим красивым и сильным животным.

В. Н. Беляева

Конская торговля на территории Нижегородского Поволжья в XVII в.

Лошадь для средневекового общества играла важнейшую роль. Однако скудость и фрагментарность имеющейся в распоряжении исследователя источниковой базы не позволяет в полной мере раскрыть вопрос поставок, продаж лошадей на территорию Нижегородского Поволжья. Однозначно, что в рамках крестьянского и помещичьего хозяйства имело место самовоспроизведение поголовья. На основании имеющихся источников сложно судить о количестве и качестве поголовья, имеющегося в распоряжении жителей Поволжья — материалы писцового делопроизводства наличия скота в хозяйстве не фиксировали. Вместе с этим внеочередные описания имели более широкий перечень вопросов, фиксируемых в источнике. Например, данные переписной книги села Лысково 1672 г. дают возможность проанализировать обеспеченность скотом дворов: в 176 крестьянских дворах (имеются в виду только обитаемые дворы) 92 двора не имели лошадей, в 60 дворах было по одной лошади, в 19 — по две, в 3 — по 3; в одном дворе было четыре лошади и еще в одном — девять. Таким образом, 53 % крестьянских дворов не были обеспечены лошадьми.

Остается открытым вопрос: где могли быть приобретены лошади. В доступных данных о сельских торгах Нижегородского Поволжья на сегодняшний день не выявлено следов торговли лошадьми. Вместе с тем, применительно к Нижнему Новгороду встречается упоминание конской площади, где совершались сделки с лошадьми. Например, в 1667 г. нижегородский посадский человек Леонтий Иванов сын Шилов купил мерина у синбиренина посадского человека Семена Федорова сына. Однако мерин оказался украденным. Есть упоминания о ведении конских книг, однако ни одна из нижегородских конских книг пока не выявлена.

Единичные сделки жителей Поволжья зафиксированы в конских таможенных книгах Москвы за август 1629 г. и май 1630 г.

Сведения о массовой торговле лошадьми встречаются применительно к ярмарке, собиравшейся у стен Макарьев-Желтоводского монастыря. Право получать доход с продажи на ярмарке скота и лошадей зафиксировано уставной грамотой 1627 г., далее подтверждено в 1641 г. Позднее, когда доходы ярмарки постепенно переводились в государственную казну, фиксируются следующие суммы. В 1685 г. конских пошлин было собрано 1000 руб. Общая же сумма оценки пригнанного в тот год табуна исчислялась в 11 000 руб. Из монастырских актов следует, что стоимость рабочей лошади не превышала 2–2,5 руб., а выездженного под седло трехлетка-аргамака можно было купить за 5–7 руб. С учетом этого в 1685 г. на Макарьевской ярмарке оказалось продано не менее 3000–3500 лошадей.

Табуны лошадей гнали по правому высокому берегу Волги, поэтому возникала потребность переправить лошадей на левый берег, где и располагался торг. От Лыскова к Макарьеву ежегодно наводился лодейный перевоз, а также снаряжался плот для крупных грузов. Перевоз значительного количества голов лошадей на ярмарку, а потом обратно, был накладным. Гуртовщики предпочитали переправлять на ярмарочный берег лишь дорогостоящих скакунов-аргамаков, оставляя основной состав табунов под Лысково. Временную охрану и пастьбу лошадей на заливных посадских лугах и откупали лысковчане. Кроме индивидуальной оплаты пастухам хозяева табунов вносили в лысковскую таможену за потраву лугов по 30 руб. в год. Эта плата сохранялась до конца XVII в. На ярмарке закупали лошадей представители Конюшенного приказа, что нередко вызывало конфликты с иными покупателями. Конская торговля в XVII в. оставалась важной составляющей ассортимента товаров на Нижегородской ярмарке.

А. А. Богомазова, К. С. Худин

**«Мерин бур, зовью Хлюпа»:
лошадиные клички в документах монастырей
Русского Севера**

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде Антониево-Сийского монастыря (ф. 1196), расположенного под Холмогорами, сохранился комплекс описных (отводных) и приходо-расходных книг XVII в. солеваренных промыслов обители, находившихся на Летнем берегу Двинской губы Белого моря (Ненокоцкого, Унского и Сюземского усолій). Эти документы богаты подробностями хозяйственной жизни в промыслах. В частности, описи имущества (отводные книги) усолій содержат росписи монастырских лошадей с указанием их пород и кличек. Встречаются подобные сведения и в приходо-расходных книгах солеваренных промыслов Антониево-Сийского монастыря.

От XVIII в. сохранились, например, документы, в которых упоминаются клички, породы, а зачастую и родословия собак, числившихся в Дворцовом ведомстве и принимавших участие в псовой охоте. Еще в начале XIX в. они были опубликованы Н. И. Кутеповым в его многотомном труде о великокняжеской и царской охоте на Руси. Но для 60-х годов XVII в. указания на имена животных, тем более в массовом количестве, — это во многом уникальные сведения. Особый интерес представляют документы, в которых речь идет о павших животных, упомянутых, однако, «поименно»: в некоторых местах текста источника клички павших лошадей так и названы «именами» («и тем лошадям имяна, кои выпали»). Очевидно, кличка в дополнении к полу и масти могла выступать в качестве определяющего признака, а значит — служить к учету хозяйственно-ценных животных.

Для обозначения кличек лошадей писцами монастырских хозяйств использовался термин «зовь» (например, «мерин бур [т. е. темно-рыжей, коричневой масти. — А. Б., К. Х.], зов(б)ю

Хлюпа»). В этой грамматической конструкции, очевидно, использован творительный падеж (отвечающий на вопрос «Кем? Чем?»), хотя сама кличка стоит в именительном падеже (отвечающий на вопрос «Кто? Что?»). Важно оговориться, что поскольку слово «зов(ь/ъ)ю» написано с выносной буквой «в», то разделительную букву после нее установить точно не удастся, однако, мы склонны видеть здесь «ь» и мягкий тип склонения (на -и) как в слове «пыль» (творительный падеж — «пылью»). В русском языке XVI–XVII вв. «зовъ» обозначало как названия предметов («А зовъ темъ краскамъ желтымъ обоимъ по немецку блейгель, а по руски жолтъ цареграцкая», 1686 г.), так и прозвища людей («Бе некии д(у)ховен с(вя)щенства саном почтен именем Григореи, зовом долгая брада», 1554 г.). Как видно из последней цитаты, для прозвищ это слово использовалось в творительном падеже, но в форме мужского рода («зов»), тогда как в наших источниках мы видим, судя по всему, падежную форму женского рода: зовь — зовью. Судя по всему, такая форма слова свидетельствует о северорусском диалектизме. В такой форме это слово встречается, например, в актах великоустюжского Михаило-Архангельскаго монастыря, правда, применительно не к зоониму, а к топониму: «а въ челобитье своемъ написаль ту ихъ землю зовью Тятрино» (1692 г.).

Самое очевидное в происхождении прозвищ (как у людей, так и у животных) — это связь с внешним видом. У лошадей это чаще всего связано с мастью, т. е. основным окрасом шерсти. Так, в списке лошадей мы обнаруживаем мерина с кличкой Мухор — в данном случае даже не указана масть, поскольку само слово «мухортина» обозначает «желтоватую или белесоватую подпалину у морды, ног или в паху лошади», а «мухортый» означает имеющего такие подпалины. Другой каурый (т. е. светлокаштановый, рыжеватый) мерин носил прозвище Подпал, что, видимо, также указывало на наличие подпалин — рыжеватых или белесых пятен на шерсти.

Многие из кличек лошадей сходны с прозвищами людей. К примеру, вынесенная в заглавие настоящей статьи кличка бурого мерина «Хлюпа» вполне соответствует прозвищу подьячего XVI в. Мурата Безноса Хлюпина, упомянутого С. Б. Веселовским в его знаменитом словаре имен и прозвищ

«Ономастикон». В этой же словарной статье он также разъясняет два значения глагола «хлюпать»: «1) шлепать по воде и грязи, 2) плакать, всхлипывать». Представляется, что для клички лошади скорее подходит первое значение.

Также клички могли быть связаны с функцией животного. В списке павших указана «лошадь вороная, зов(ь)ю Шалгачь». Слово «шалгач (шалгун, шелгун)» согласно словарю В. И. Даля (причем в архангельских говорах) обозначает то же, что «котомка, мешок для хлеба и припасов в пути». Вполне вероятно, лошадь с таким прозвищем использовалась для транспортировки грузов и поддерживала связь полуостровного монастыря с большой землей.

Еще один мерин светло-рыжей масти носил кличку Родитель. Это слово не всегда означает буквально отца, мать или предка, но вообще — родственника. Такая кличка подчеркивает степень почти родственной близости и важности для братии монастыря этих животных.

Эти росписи еще нуждаются в более детальном изучении и, безусловно, заслуживают отдельной публикации. В ходе доклада мы сможем познакомить аудиторию с более развернутыми выводами.

Е. В. Болнова

Образ лошади в поэзии Виктора Сосноры

Виктор Александрович Соснора — важнейшая фигура русской литературы второй половины XX — начала XXI в. Однако поэтическое и прозаическое творчество данного автора еще только начинает систематически осмысляться литературоведами во всей его полноте и целостности. Этому немало способствовало издание в 2018 г. собрания сочинений Сосноры, куда вошло и поэтическое, и прозаическое наследие автора. Важно, что данное издание было составлено и отредактировано самим Соснорой незадолго до смерти и фактически воплощает последнюю волю автора.

В творческом мире Сосноры образ лошади встречается неоднократно как в поэтических, так и в прозаических произведениях. В поэтических текстах образ лошади обнаруживается с первых сборников до последних, поэтому представляется интересным проследить трансформацию данного образа.

Один из первых сборников, «Всадники», связан с осмыслением древнерусского исторического, культурного материала, в частности, «Слова и полку Игореве», а также фольклорного наследия. Образ лошади в данном цикле важен и для создания колорита эпохи, и как образ символический, неразрывно связанный с такими понятиями как «воля», «поле», «воин». Отдельно стоит отметить появление в сборнике «Всадники» эсхатологического образа красного коня в стихотворении «Белый вечер, белый вечер...», который позднее будет неоднократно встречаться в разных вариантах в стихотворениях Сосноры (например, «Венок сонетов»). Образы коней в тексте «Слово о полку Игореве (по мотивам)...» перекликаются с аналогичными образами цикла А. Блока «На поле Куликовом», а также стихотворения «Скифы».

Если во «Всадниках» многочисленные упоминания лошадей обусловлены, как было сказано, в том числе и тематикой

сборника, то в более поздних сборниках образы лошадей встречаются реже, но они становятся все более семантически и символически значимыми, хотя встречаются и образы-знаки, маркирующие те или иные темы. Так, образы лошадей неизменно появляются в стихотворениях, в которых речь идет о цыганах (стихотворение «Цыганка», цикл «Уходят цыгане»). Таким образом, лошади в данном случае выступают как опознаваемая и обязательная примета цыганского быта. Символическое значение в обозначенных произведениях не выходит за рамки общелитературного и общекультурного контекста, не отмечено авторским переосмыслением. Однако в цикле «Уходят цыгане» впервые появляется и дважды встречается образ «Белой Лошади», важный в позднем творчестве Сосноры. Вариантом данного образа станет «лунный всадник» из стихотворения «Эпилог», входящего в предпоследний сборник Сосноры «Двери закрываются». Данный сборник, как и последний из написанных Соснорой «Мотивы Феогида. Энеада», полон эсхатологических мотивов. Показательно, что в последнем опубликованном стихотворении Сосноры одним из важнейших образов является образ умершего коня «с оком», который может быть осмыслен только в контексте обращения Сосноры к образам лошадей на протяжении всего творческого пути.

В целом ряде произведений образ лошади становится одним из центральных. При этом нельзя сказать, что символическое и смысловое наполнение их было сколько-нибудь однотипным. Так, в стихотворении «Тигр и лошадь» уместнее говорить об аллегории, в то время как в «Латвийской балладе» значение образа «красной лошади» можно определить лишь довольно приблизительно.

Образы из античной мифологии также довольно полно представлены в поэтическом мире Сосноры: упоминаются Пегас, говорящие кони Ахилла, кентавры. Отдельно стоит отметить и авторские образы, созданные по подобию перечисленных: лошадь-львица из стихотворения «Слепые», коне-волк из стихотворения «Я вас любил. Любовь еще — быть может...». Библейская мифология оказывается важной в трактовке образов лошадей в стихотворениях «Четыре», «Дождь идет по улицам, как лошадь...», «У озера у пруда (плач в пяти пейзажах)».

Таким образом, можно утверждать, что образ лошади крайне важен в поэтическом мире Сосноры. Претерпевая изменения, он становится все более сложным с точки зрения семантической и смысловой нагруженности. Конгениальное авторскому прочтению данного образа возможно только с учетом специфики его использования на протяжении всего творческого пути Виктора Сосноры.

А. В. Борисова

Лошади в русской армии накануне Отечественной войны 1812 г.

Изучение истории Отечественной войны 1812 г. насчитывает уже два столетия. В то же время лошади как предмет изучения не стали важной темой в науке. В рамках данной работы мы обозначим основные направления для исследования места и роли лошади в русской армии в период подготовки к Отечественной войне 1812 г.

Лошади составляли основу кавалерии Русской императорской армии, которая состояла из гвардейских и армейских частей. По назначению кавалерия делилась на тяжелую (кирасир и драгун) и легкую (гусар и улан). Согласно «Обозрению состава и устройства регулярной русской кавалерии» к началу 1812 г. в армии насчитывалось 6 кирасирских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских полков. Накануне вторжения Наполеона в Россию боевая сила кавалерии составляла 57 604 коней.

Важно понимать, что кроме обозначенных подразделений в русской армии лошади составляли учебный эскадрон и иррегулярные формирования. Они выполняли специфические действия: разведка и наблюдение, дозоры, набеги и рейды по тылам и преследование бегущего противника. Лошади были также в составе артиллерии, которая подразделялась на пешую и конную.

В рамках данного исследования мы выделим два направления для исследования места и роли лошади в русской армии в период подготовки к Отечественной войне 1812 г.: формирование состава и правила содержания строевых лошадей.

Одним из делопроизводственных источников для изучения проблемы является «Инструкция полковничья, конного полку, подтвержденная от ее императорского величества 1766 г.». Несмотря на дату составления документа он оставался действующим в указанный период. Инструкция содержала общие для кавалерии правила формирования и службы полков.

Важнейший вопрос для функционирования кавалерии в любой армии состоял в системе приобретения лошадей. Еще в 1798 г. было издано постановление приобретать ежегодно для каждого драгунского и кирасирского полка по 120 лошадей, а в гусарский — 194. Для ежегодного пополнения полков требовалось 7 тыс. лошадей. В дальнейшем рост кавалерии был затруднен нехваткой лошадей. Поэтому правительство разрешало поставлять в армию не рекрутов, а лошадей, также были увеличены закупные цены.

В начале 1812 г. кирасирская лошадь стоила 171 руб. 7 коп., драгунская — 109 руб. 67 коп., гусарская — 99 руб. 67 коп. Для сравнения, крепостной крестьянин в зависимости от возраста и наличия умений мог стоить от 5 до 30 руб. серебром. К началу 1813 г. стоимость лошадей возросла до 240–300 руб.

Для покупки лошадей командиры полков посылали офицеров на ярмарки и конные заводы, также приобретали коней у населения. С заводов лошади поступали здоровые и приученные к седлу, но их было немного и почти все они направлялись в гвардию и в кирасирские полки. Брали лошадей в кавалерию с 4-х летнего возраста. Деньги на покупку поступали из казны.

Физические параметры животного должны были соответствовать следующему: статные, в груди и крестцах широкие, не косолапые, мерой от 2 аршин до 2 аршин и двух вершков. Срок службы коня мог составлять 8–9 лет.

Документы, содержавшие правила формирования и службы полков, включали статьи о нормах фуража и правилах содержания животных. Лошадей полковых в летнее время нужно было пасти там, где помещики и крестьяне пасли свои стада. В зимнее время лошадей содержали в конюшнях или сараях под кровлей. Согласно постановлению Комитета министров в пограничных губерниях, где концентрировалась основная масса русских войск, вместо покупки фуража за наличные деньги войска должны были получать все необходимые им припасы за счет реквизиций.

Здоровье и способность к службе лошади зависела и от условий содержания. Инструкция полкам определяла размер места в конюшнях: 1 аршин в ширину и 5 аршин в длину. Указывалось на необходимость смотреть, чтобы лошади и места, где они сто-

ят, были вычищены. Строго регламентировались и выгулы лошадей: проезжать зимой как можно чаще, по крайней мере три дня в неделю. Ковать лошадей нужно только под передние ноги. Через месяц, в крайнем случае через 6 недель, они должны быть перекованы.

В 1808 г. в соответствии с докладами министра внутренних дел и военного министра были назначены особые смотрители конюшен. С целью обеспечения кадрами от Военного департамента в разные губернии были командированы инвалиды — 802 чел.

При каждом полку для обучения людей и лошадей строевой службе состояли берейторы. Их набирали из вольноопределяющихся или из унтер-офицеров не дворянского звания, с аттестатами.

Система формирования и службы лошадей в русской кавалерии накануне Отечественной войны 1812 г. представляла собой слаженную структуру, слабым звеном которой являлся вопрос о приобретении животных в условиях малого числа конных заводов.

Н. Д. Борщик

**О состоянии коннозаводства Таврической губернии
в середине XIX в.**

Новая веха в истории отечественного коннозаводства началась в 1843 г. с принятием «Учреждения управления государственного коннозаводства» с целью «улучшить породы лошадей в государстве, <...> усиления способов снабжения войск и содействия к развитию внутренней промышленности вообще». Этот норматив провозглашал всемерную поддержку старых и создание новых государственных учреждений — конских заводов и земских конюшен, которые в массовом порядке стали появляться в наиболее пригодных для разведения лошадей регионах, в том числе в Таврической губернии. Источниковой базой для настоящей работы стали документы Государственного архива Республики Крым из фондов канцелярии таврического губернатора (ф. 26) и Таврической губернской земской конюшни (ф. 77).

18 июля 1843 г. при Управлении государственного коннозаводства была утверждена специальная комиссия «для занятия предметами, требующими технических сведений по сей части и познаний ветеринарной науки». От Таврической губернии в нее вошло три представителя, владельцы частных конных заводов.

При таврическом губернаторе А. И. Казначееве после получения соответствующих циркуляров из Управления государственного коннозаводства были собраны «местные сведения» о состоянии частных конных заводов «с означением числа лошадей и пород их, дохода от продажи лошадей, и успехе в умножении их против первоначального учреждения». Эти данные, собранные поезде, стали основой для понимания проблем и перспектив развития коннозаводства не только в Таврической губернии, но и в целом по России.

В Управлении государственного коннозаводства на основании присланных из губерний сведений в 1844 г. начали состав-

лять «Статистическое обозрение коннозаводства в России», опубликованное в 1847 г. Необходимо отметить, что в этом сборнике отмечалось отличное состояние сельского хозяйства в северных уездах губернии, «особенно по Днепровскому и Мелитопольскому», но «в Крыму состояние неудовлетворительное» из-за сложного рельефа, недостатка влаги, засоленности почв и практически полного отсутствия сенокосов. Поэтому неудивительно, что крупнейшие конные заводы были сосредоточены на севере губернии. Но за десятилетие ситуация изменилась. Уже из собранных сведений за 1853 г. видно, что крупные частные конные заводы с численностью до 300 лошадей появляются и в Крыму: в Евпаторийском, Феодосийском, Перекопском и Симферопольском уездах. Наиболее распространены были следующие породы лошадей: английская, арабская, донская, русская и «местная крымская, айнарджи называемая».

В 1848 г. в Таврической губернии была открыта губернская земская конюшня со случайными пунктами в Симферополе, Феодосии, Керчи, Ялте, Алешках и Бердянске. К 1853 г. деятельность конюшни была хорошо отлажена, штат каждого пункта состоял из 10–15 человек: конюхи, ветеринары, кузнецы, их ученики и т. д. Жеребцов в каждом пункте было от 8 до 15, за которыми осуществлялся тщательный уход и лечение в случае необходимости. На больных жеребцов составлялись помесячные ведомости с указанием диагноза, подробного лечения и исхода: пал или выздоровел. Среди распространенных диагнозов значились: «спинная сухотка, глазная боль, опухоль под брюхом, слабость задних ног, неопределяемая сыпь» и др. Анализ помесячных ведомостей больных животных показал, что смертность была крайне редким явлением, в основном — от старости.

Поступательное развитие коннозаводства в Таврической губернии было прервано в 1854 г. началом Крымской (Восточной) войны и развертыванием в Крыму театра военных действий.

Е. С. Бутрин

Организация таможенных сборов на конской площадке в Шуе в XVII — начале XVIII в.

В Шуе в первой половине XVII в. конский сбор осуществлялся верными сборщиками, либо откупщиками. Общий контроль за принципами его ведения осуществляли «задворные конюхи», направлявшиеся из Конюшенного приказа. В уставной грамоте шуянам царя Василия Ивановича от 7 июля 1606 г. отмечено, что любую конскую сделку необходимо объявить, после чего записать имена ее участников и масть лошади в книги «для спору». В таможенной грамоте от 7 марта 1614 г. указаны размеры конских пошлин. Главной задачей организации конских сборов для Конюшенного приказа являлось постоянное повышение оклада при отсутствии значимых «недоборов». Таким образом, в случае с конскими сборами обычный механизм сдержек и противовесов в виде противостояния «верного» и «откупного» сборов получал дополнительную нагрузку — в виде агентов Конюшенного приказа.

Однако откупщик мог не подчиниться им — это демонстрирует пример Ивана Смолянина, на которого в марте 1640 г. жаловались конюхи Иван Ляпунов и Филипп Осминин. Откупщик отпугнул от Шуи дополнительной пошлиной касимовских конских барышников, а также позволял обменивать лошадей на товар без уплаты пошлины. Когда они с приставами задержали нескольких участников подобных сделок, Смолянин у приставов «выбил пенные деньги с тех мужиков приезжих». Кроме того, сдача конских сборов на откуп грозила значительным недобором — так случилось после трехлетнего откупного срока Матвея Лисина (с сентября 1654 г.). Поэтому обычно сбор осуществлял направленный из Москвы «задворный конюх» с избранными посадскими людьми верными целовальниками.

Примерно с середины XVII в. эта система упрощается: отныне «задворный конюх» действует без поддержки посадских

целовальников, примеряя на себя фактически роль откупщика. С сентября 1665 г. три года конской площадкой «заведовал» Обросим Булатов — в январе 1668 г. посадские люди сообщали, что он «целовальников у нас к денежному збору не спрашивал и те деньги собирает один». Судя по всему, Булатову не удалось покрыть откупную сумму и на следующий срок сбор был передан «верным целовальникам». Но и для них следующие три года (с сентября 1668 г.) закончились значительным недобором. «Недобрную казну» за целовальников, которые даже после правежа не могли собрать нужную сумму, был вынужден уплатить посадский мир. После этого в июне 1673 г. имущество виновных было оценено и передано посаду для реализации.

Причины недобора шуяне объясняли тем, что прежде они собирали конские пошлины с отъезжих ярмарок, а ныне конский сбор на них отдан суздальскими конюхами откупщикам. Следствием такой ситуации вновь стала передача сбора в руки конюха-сборщика — Клима Курбатова. Первые полгода он должен был отработать с посадскими целовальниками, после чего вплоть до сентября 1678 г. воевода выделял ему приказных людей: «для розсылки розсылщиков, а на послушников пушкарей и затинщиков, и для письма дьячка, и для кличи бирича». В 1680 г. первую половину года сборщиком отработал задворный конюх Д. С. Бруев, после чего он должен был уступить место посадским целовальникам — Якову Михайлову и Галактиону Романову. Для них эта должность обернулась очередным недобором. Романов уехал из Москвы для сбора остатков денег в Шую в январе 1681 г., не смог исполнить свои обязательства и повесился.

Поскольку конюхи не были связаны ни с посадом, ни с местной служилой корпорацией, прямое подчинение им выборных целовальников вызывало недовольство посадского «мира». И посаду удалось добиться передачи функций помощников конюха воеводской администрации (как свидетельствует казус с Климом Курбатовым). Но при этом действия конюха на посаде все равно вызывали раздражение, зачастую проявлявшееся открыто. Об этом свидетельствуют челобитные шуйских земских старост о смене конюхов. В 1664 г. земский староста Г. К. Шилов жаловался на конюха И. И. Тавлеева, который на конской площадке чинит шуянам «обиду нам и налогу большую и кон-

ские пошлины емлет не против указу и многих напрасно продает и убытчит». Аналогичная жалоба была подана старостой Я. В. Голятиным на конюха И. Л. Есипова, который собрал пошлины в Шуе с сентября 1685 г. Он также обвинялся в том, что «пошлины берет не против указу и наказу и многих на правеже босых бьет и в подполье сажает безвинно и в стоялом дворе убытки великие и налогу и утеснение чинит». Староста просил вновь отдать конскую площадку «на веру» посадским людям.

Таким образом, частая смена принципа организации конского сбора в Шуе в течение XVII в. (целовальники; конюх и целовальники; конюх; откупщик) была обусловлена тем, что каждая из перечисленных систем имела серьезные недостатки. «Верные» сборы оканчивались недобором, откупщик занимался произволом, а появление «задворного конюха» автоматически вызывало конфликт с посадской общиной. С одной стороны, она не желала предоставлять стороннему человеку руководство «верными целовальниками», а с другой — его самостоятельные действия в любом случае вызывали неодобрение посада.

А. Ю. Быков

**Стратегический товар середины XVIII — начала XIX в.:
к истории русско-казахской
и транзитной торговли лошадьми**

С началом присоединения казахов к России торгово-экономические отношения с ними, а еще активнее — транзитная торговля через населенные казахами степи со среднеазиатскими странами и Китаем, стали стремительно развиваться, составляя основной источник доходов местной администрации и казахской знати, выступавшей проводниками и охранниками караванов. Занимаясь этим, а также сдавая лошадей и верблюдов внаем казахи получали от 1 до 25 % (в среднем 5 %) от стоимости имущества караванов, а их средняя стоимость оценивалась в XVIII в. от 800 тыс. до 2 млн руб. серебром.

Для казахов лошади были одним из основных производимых товаров, уступая только овцам. В стадах казахов в XVIII–XIX вв. лошади в среднем составляли около 13 % от поголовья скота. Табуны казахских баев нередко достигали размеров в 10 тыс. лошадей. О поголовье можно судить хотя бы по данным Букеевской орды, где в начале XIX в. у казахов по неполным данным российской статистики того времени было 207 900 лошадей, из которых около 12 тыс. они ежегодно пригоняли на ярмарку в Ханскую Ставку для продажи и обмена. В начале XIX в. в среднем казахская семья в Среднем жузе владела 3–15 лошадьми.

Существовало минимум две собственных породы: так называемая казахская лошадь, низкорослая, кряжистая, близкая по параметрам к монгольской породе лошадей, которая использовалась как гужевое средство и как один из основных источников питания. Также были гораздо более редкие и ценные аргамаки — порода, близкая по своим параметрам к ахалтекинской, — быстрая, статная, высокая лошадь, которая обычно использовалась батырами и представителями традиционной элиты в воен-

ных действиях, служила предметом особой гордости, поэтому часто выступала в качестве ценного подарка на празднествах и на дипломатических встречах. Лошади были одним из основных средств товарообмена и мерилom ценности. Так, калым (выкуп невесты) часто уплачивался лошадьми и у богатых мог достигать 200 особей. Кун (плата за кровь) также обычно уплачивался лошадьми и мог составлять от 100 до 700 голов.

Российское правительство первоначально стремилось развивать оптовую торговлю. Так, уже председатель Известной экспедиции И. К. Кириллов ежегодно закупал на нужды правительства 5–10 тыс. голов лошадей. Его преемник В. Н. Татищев в 1739 г. закупил их на сумму 64 тыс. руб. по 4 руб. за голову. Серьезный спрос на лошадей и высокая рентабельность торговли казахскими породами на российском и европейском рынках привели к резкому росту спроса на них. Так, только за период 1770–1784 гг. в Ямышевской крепости объем закупок лошадей возрос более чем в 3 раза, а в Железинской — в 93 раза. Это же стало одной из причин снижения их поголовья на некоторое время. Однако уже в начале XIX в. состав стад стабилизировался, а совокупный объем поставленного казахами на российские рынки скота оценивался в 1 млн голов овец и 50 тыс. лошадей.

К торговле с казахами первоначально допускались все желающие, безотносительно сословной принадлежности. Однако по настоянию купцов в 1755 г. крестьянам запретили вести торговлю в радиусе пяти верст от Оренбурга, причем разрешалось торговать только продуктами собственного производства, чем обеспечивалось увеличение прибыли русского и татарского купечества.

Помимо значения в качестве основного транспортного средства казахские лошади очень быстро стали важным — стратегическим товаром — для российской и (через российских купцов) западноевропейских армий. Уже один из первых русских руководителей Оренбургского края В. Н. Татищев подчеркивал важное значение оптовых закупок казахских лошадей для русской армии. Об этом же свидетельствует тот факт, что во Внутренней (бывшей Букеевской) орде с середины XIX в. был установлен специальный налог — 1 лошадь с 15 семей ежегодно, который составлял около 1,5 тыс. голов в год. Почти все они

поступали в распоряжение Военного министерства. После введения Устава 1822 г. именно в лошадях казахи были обязаны платить ясак (в год 1 % от стоимости имущества). При этом лошадей могли считаться два жеребенка. От уплаты всех налогов освобождались казахские семьи, размер стада которых в переводе на лошадь не превышал 20 голов, а также казахи, получившие специальные льготы за службу. Лошади и верблюды специально мобилизовывались на строительство укреплений, административных центров, для снаряжения караванов и военных действий против соседних среднеазиатских ханств. Скот мог изыматься принудительно, но с обязательной оплатой по средней на тот момент стоимости на оренбургском, астраханском, семипалатинском или петропавловском рынках.

О важном военно-стратегическом значении лошадей ярко свидетельствует то, что 1805 г. во время обострения русско-французских отношений заграничная торговля лошадьми «как стратегическим военным товаром» была запрещена.

Постепенно в разведение лошадей вовлекалось местное крестьянское и особенно казачье население. Максимальный размер конского табуна казачьего офицера во второй половине XIX в. был зафиксирован в Прииртышье, составив 1,6 тыс. голов.

Таким образом, русско-казахская торговля скотом, в первую очередь лошадьми, в XVIII — начале XIX в. имела серьезное внешнеторговое и внешнеполитическое значение, выступая не только источником получения прибыли, но и рычагом политико-экономического воздействия на соседние дружественные и недружественные страны.

А. А. Валуге, С. А. Денисов, К. Н. Скворцов

Снаряжение коня и всадника из погребений некрополя Альт-Велау второй половины XIII — XV вв.

В хозяйственной и сакральной жизни пруссов, автохтонной этнотерриториальной общности Юго-Восточной Прибалтики, коневодство занимало значительное место, о чем свидетельствуют как сведения письменных источников, так и результаты археологических исследований. Лошади использовались для обработки земли, военных походов, а также погребались вместе с умершими. Данное значение позволило ряду исследователей связать этноним «пруссы» с коневодством.

Использование лошадей активизировалось в XIII–XIV вв. с началом покорения Пруссии Тевтонским орденом. В 1231–1283 гг. пруссы, а также соседние с ними судовы, использовали лошадей для набегов на орденские города и замки. После подчинения власти Ордена в XIII–XIV вв. пруссы были инкорпорированы в новую социальную систему на положении условных землевладельцев. Согласно грамотам, которые были пожалованы им Орденом и церковью, они были обязаны в большинстве случаев нести военную службу, для которой использовались лошади. Пруссы несли на лошадях охрану границ и участвовали в походах на Великое Литовское княжество и Польское королевство.

Использование лошадей для верховой езды обусловило появление у пруссов еще до покорения Тевтонским орденом системы снаряжения, в которую входили седла, стремена, шпоры, удила, оголовья и др. Усиление значения лошадей в новых социальных и политических условиях ставит вопрос о степени изменения и преемственности в составе и морфологии данного снаряжения.

Для ответа на этот вопрос обратимся к результатам исследования некрополя Альт-Велау, расположенного вблизи поселка Знаменск (Гвардейский район Калининградской области). Здесь

в ходе работ 1993, 1996–2002 гг. были выявлены 372 погребения, совершенные по обряду ингумации и датируемые второй половиной XIII — XVII вв.

Функционирование некрополя связано с крепостью Вилов, которая была построена на месте впадения р. Алле в р. Прегель прусскими воинами в 1255 г. для защиты Надровии от вторжения Тевтонского ордена. После того, как командующий местным войском Тирско и его сын Маудел перешли на сторону Ордена, замок стал опорным пунктом братьев для продвижения на восток. После возведения на правом берегу р. Прегель нового замка, старое укрепление потеряло свое значение, однако сложившееся вокруг него поселение продолжило существовать до XVIII в., когда было превращено в усадьбу.

Всего при исследовании некрополя обнаружены 14 железных предметов, относящихся к снаряжению коня и всадника. Из них 12 расположены в 8 мужских погребениях второй половины XIII–XV вв. и представлены 10 шпорами, 1 шпорной пряжкой (снаряжения всадника) и удилами (снаряжение коня). Одна пара шпор найдена в переотложенном виде и происходит из разрушенного погребения.

Шпоры изготовлены в виде дуги с 2 выступами на центральной части, между которыми при помощи железного стержня крепилось звездчатое колесико (отдел изогнутые, тип V по В. И. Кулакову). Общая длина шпор составила 11,8–12,5 см. Расстояние между сторонами дуги — 6,5–9,5 см, сечение дуги — 0,4–2,5×0,2–0,5 см. Колесико имело размер 1,3×1,5 см. На концах дуги располагались пряжки для ременного крепления к ноге. В одном случае была представлена только пряжка без шпоры. Пряжки имели длину 3–3,5 см, ширину 0,5–1,5 см и толщину 0,2–0,3 см. Шпоры из разрушенного погребения были украшены при помощи серебряной плакировки, что говорит о высоком социальном статусе их владельца. В погребениях шпоры и пряжка располагались в районе ног индивидов: в 6 комплексах они найдены в районе ступней, повторяя способ ношения, а в одном шпора найдена возле колена и, возможно, была перемещена.

Удила относятся к типу кольчатых без перегиба, у которых грызло состоит из одного стержня (тип VI по А. Н. Кирпични-

кову). Их общая длина составила 20,6 см. Они состоят из двух колец с внутренним диаметром 3,4 и 4 см, которые имели круглое сечение, диаметром соответственно 0,4 и 0,5 см и были соединены тrenzелем длиной 14 см, имевшим квадратное сечение со стороной 0,8 см. Удила располагались в изголовье индивида.

В 3 погребениях из 8 рассматриваемые предметы располагались вместе с вооружением (дротиком, копьем и боевым ножом), что говорит об их принадлежности к снаряжению воинов.

Таким образом, состав и контекст обнаружения рассмотренных предметов говорят о сохранении их значения для социальной жизни пруссов во второй половине XIII–XV вв., отраженном в погребальном обряде.

Е. Н. Варникова

Сельская иппонимия — исчезающий зоонимический вид

Русские клички породистых лошадей неоднократно становились предметом специального рассмотрения ученых (Т. П. Романова, Л. М. Щетинин, А. А. Гарькуша и др.). Именования же животных, использовавшихся в сельском хозяйстве, до сих пор не удостоивались особого внимания исследователей и рассматривались обычно в общем множестве зоонимов той или иной местности (П. Т. Поротников, Т. П. Романова, О. В. Салмина, В. И. Супрун и др.).

В настоящее время такие иппонимы представляют собою исчезающий (если не исчезнувший) зоонимический вид: начиная с 60-х годов XX в. по мере оснащения сельских хозяйств техникой лошади были постепенно ликвидированы. В полевых условиях удастся записать лишь малую часть кличек — от 10 до 30 % былых зоонимиконов, полные списки кличек лошадей удастся обнаружить далеко не всегда.

В нашем сообщении дано специальное описание сельских иппонимов: выявлен их лексический состав, определена семантика апеллятивов и онимов, от которых они образованы, проанализирована структура кличек лошадей, описаны способы зоонимообразования.

Сообщение подготовлено на основе материалов, собранных в полевых условиях во время экспедиций по Вологодской области и Карелии, архивных документов объединения колхозов «Севмаслотрест», существовавшего в Вологодской области в 1930-х годах, кличек лошадей, зафиксированных в Словаре русских народных говоров, а также сельских иппонимов, приведенных в публикациях других авторов. Хронологически данный иппонимикон относится в основном к XX веку.

Большую часть зоонимов составляют клички, отражающие те или иные свойства лошадей (в тезисах приводятся лишь основные группы иппонимов):

— цвет волосяного покрова или вкраплений на нем: *Белоногий*, *Буланко*, *Бурко*, *Вороной*, *Звёздка*, *Искра*, *Лыско*, *Маяк* («пятнышко на лбу»), *Пеганко*, *Рыжуха*, *Савраска*, *Сивко* и мн. др.; указания на масть могут выражаться метафорически: *Апельсин* («светло-гнедой»), *Брюнетка* («гнедая кобыла»), *Лимон* («светло-рыжий»), *Тигра* («на шерсти неяркие полосы»), *Цыган* («темной масти»); «цветовые» иппонимы, образованные от названий лошадей по масти, многочисленны и повсеместны, наиболее полно они представлены в Словаре русских народных говоров (более 50 имен и их вариантов);

— другие внешние характеристики (размер, стать, общая оценка экстерьера, особые внешние приметы и пр.), как правило, выраженные метафорически: *Барон*, *Богатырь*, *Гигант*, *Гранит*, *Корноушка*, *Краля*, *Красотка*, *Кремень*, *Крошка*, *Марка*, *Милашка*, *Нарядной*, *Фартовая*, *Экстра*;

— нрав, резвость, особенности бега: *Бодрая*, *Боевой*, *Буйный*, *Быстрый*, *Верный*, *Гордый*, *Демон*, *Злодей*, *Пугливая*, *Прыгун*, *Резвый*, *Смелый*, *Удалец*, *Хватяга*, *Хитрый*, *Ходовая*; возможно, к этой группе относятся и клички *Балерина*, *Буря*, *Вальс*, *Ветер*, *Воля*, *Гроза*;

— происхождение, особенности появления в хозяйстве: *Замена*, *Москвич* («привезли его откуда-то из другой местности»), *Найдёныш*, *Находка* («в первый же день потерялась и нашлась»).

Среди кличек, непосредственно не связанных с какими-либо свойствами животных, преобладают иппонимы, образованные от имен собственных:

— антропозоонимы: *Аза*, *Аня*, *Васька*, *Граня*, *Гриша*, *Дина*, *Егорка*, *Зина*, *Ида*, *Катя*, *Лушка*, *Мавра*, *Макарко*, *Маруська*, *Марфа*, *Маряша*, *Паня*, *Розка*, *Степка*, *Танька*, *Федька*, *Фимка* и мн. др.; их многочисленность в сельской иппонимии традиционна;

— топозоонимы: *Алтай*, *Амур*, *Байкал*, *Волга*, *Донец*, *Иртыш*, *Казбек*, *Кивач*, *Рига*, *Тобол*, *Урал* и др.;

— астрозоонимы: *Венера*, *Луна*.

Зоонимы, образованные от имен нарицательных:

— от названий лиц: *Гетман*, *Гусар*, *Драгун*, *Лоцман*, *Мальчик I*, *Мальчик II*, *Матрос*, *Моряк*, *Пилот*, *Попадья*, *Рыцарь*, *Татарин* и др.;

— от названий животных и птиц: *Баклан, Векша, Воробей, Журавль, Ласточка, Лебедь, Орлик, Пташка, Соколик, Соколик I, Соколик II* и др.;

— от названий растений: *Вишня, Груша, Пальма, Яблоня*;

— от названий предметов: *Букет, Волынка, Зонтик, Конус*.

Преобладание иппонимов, отражающих какие-либо свойства животных, над кличками, непосредственно не связанными с этими свойствами, по-видимому, объясняется тем, что собранный материал относится к XX в., когда формальный характер зоонимической номинации не проявился еще в той мере, как в настоящее время. Клички, повторяющиеся на разных территориях, дают представление о репертуаре сельских иппонимов прошлого века: *Мальчик, Маяк, Орлик, Рыжко, Соколик* и др.

По структуре почти все иппонимы однословны, за исключением омонимичных именований, противопоставленных друг другу с помощью разных дифференциаторов: *Зорька Молодая, Зорька Старая, Соколик I, Соколик II*. Подавляющее большинство однословных кличек субстантивны по форме, адъективные иппонимы немногочисленны. Род производящих слов, как правило, соответствует полу животных, феминные образования отмечаются редко: клички кобыл *Ромба, Тигра*.

Основными способами образования иппонимов являются трансонимизация (*Аза, Егор*), онимизация апеллятивов (*Бурко, Векша*), суффиксация (*Звёздка, Орлик*) и субстантивация прилагательных (*Верный, Пугливая*).

Сопоставление наших материалов с данными работ, в которых рассматривается сельская иппонимия, обнаруживает большое сходство в лексическом составе, производящей базе и способах образования кличек лошадей, что, безусловно, свидетельствует об устойчивости традиций зоонимической номинации.

М. В. Виноходова

Развитие представлений о природе сапа у лошадей

С древнейших времен одной из важных задач ветеринарии является борьба с инфекционными болезнями животных. Это связано со значительным ущербом, которые они могут причинить и, соответственно, влиянием не только на само животноводство, но и на другие сферы жизни общества: социальную, политическую, экономическую и другие. Изучение истории развития представлений о природе и механизмах развития инфекционных болезней до открытия собственно их возбудителей и патогенеза позволяет не только дополнить знания в области истории ветеринарии, но и выявить исторические закономерности их влияния на разные сферы жизни общества.

Изучение истории борьбы с отдельными инфекциями представляет особый интерес в связи с тем, что они послужили «моделями» для испытания способов распознавания и лечения остальных заразных болезней. Одной из таких инфекций является сап. Это инфекционная, протекающая хронически болезнь, в основном, однокопытных животных, характеризующаяся появлением специфических узелков во внутренних органах, на слизистой оболочке и коже, при распаде которых образуются язвы. Хроническое течение этой болезни, относительно низкая вероятность заражения для человека и наличие характерных клинических признаков позволяли наблюдать больных животных длительное время и подбирать различные подходы к лечению.

Впервые описание сапа как самостоятельного злокачественного заразного заболевания встречается у Аристотеля в IV в. до н. э. В работах врачей Древнего Рима Апсирта (IV в. н. э.) и Вегеция Рената (V в.) также встречается упоминание сапа и представление о нем как об инфекционном заболевании. У этих же авторов сап приобретает собственное название — *Malleus* или *Malleus humidus*. Позже к названию стали добавлять слово

farciminosus. Производные этих названий часто использовались в романских языках для обозначения двух основных клинических форм сапа — носовой и кожной.

Подход к сапу меняется в XVII в., когда одни ученые (Van Helmont, 1682 г.) на волне изучения сифилиса упоминают сходство кожной формы сапа с ним, другие (Соллейзель, 1682 г.) устанавливают, что он скорее похож или является особой формой другой заразной болезни лошадей — мыта. Первичные убеждения относительно заразной природы сапа позволили исследовать способы его переноса и, отсюда, ввести дезинфекцию оборудования (Caspard de Saunier, 1734 г.), а также предложить уничтожать больных лошадей (Carsault, 1741 г.). Во Франции это приводит к изданию постановлений Королевского совета, подразумевающих заразность сапа (1753, 1784 гг.).

С появлением первых ветеринарных школ в Европе (1760-е годы) и с развитием гуморального направления патологии параллельно разрабатываются теории инфекционной и неинфекционной природы сапа, формируется противостояние между школами. Альфорская ветеринарная школа (Франция), чьи профессора были сторонниками теории незаразительности сапа, готовит ветеринарных врачей для армии, в результате чего наполеоновские войны оказались тем вектором, за счет которого сап еще шире распространился по Европе и на территории Российской империи.

В 1836 г. Военным министерством Франции учреждена комиссия по изучению контагиозности хронического сапа. Комиссия убедилась в его заразности, но ничего не смогла предпринять по причине сильных убеждений в обществе по поводу сапа и его незаразной природы.

Первая половина XIX в. ознаменовалась многочисленными экспериментальными работами по исследованию видоспецифичности, заразности и патогенеза сапа как с позиции заразной теории, так и теории дискразии. Болезнь начинают сравнивать с золотушным процессом у человека, сифилисом, туберкулезом (на основании сходства узелков), сепсисом. Идеи о его сходстве с туберкулезом позволяют впоследствии «по аналогии» разработать средство для его диагностики. Сравнение с сифилисом при-

водит к попыткам применения мышьяковистых и ртутных препаратов для его лечения.

С 50-х годов XIX в. отношение к сапу меняется. В Европе начинают вводить более строгие мероприятия, но систематическое и целенаправленное их проведение начинается только с 80-х годов XIX в. в связи с открытием возбудителя и способа постановки аллергической пробы, применяемой для его диагностики. В Российской империи в XIX в. благодаря, в частности, профессору Санкт-Петербургской Императорской медико-хирургической академии Г. М. Прозорову, сап считали заразной болезнью, но решение вопроса об отчуждении и уничтожении больных животных оставляли на усмотрение местной губернской власти, отчего владельцы лошадей получали разную компенсацию в разных губерниях, а чаще не получали ее вовсе. Это обстоятельство обусловило явление перегона и торговли сапными лошадьми вплоть до введения жестких мер в начале XX в.

К. А. Вихрова

**Лошади и «американская мечта» в романе
Кормака Маккарти «Кони, кони»**

Кормак Маккарти (Cormac McCarthy, 1933–2023) стал одним из наиболее выдающихся романистов США, продолживших южную литературную традицию. К числу его самых известных произведений относится ревизионистский вестерн «Кровавый меридиан» («Blood Meridian», 1985), «Пограничная трилогия», включающая отмеченный критиками и экранизированный роман «Кони, кони» («All the Pretty Horses», 1992), «За чертой» («The Crossing», 1994) и «Содом и Гоморру, или города окрестности сей» («Cities of the Plain», 1998), а также переработанный в одноименный роман сценарий для кинофильма «Старикам тут не место» («No Country for Old Men», 2007). Большую часть жизни Кормак Маккарти прожил на юге США — в штатах Теннесси, Техас и Нью-Мексико, и его наблюдательность и особое внимание к природе этих мест и особенностям жизни на границе нашли отражение в специфичной кинематографичности текстов и детальном описании быта.

С последующими частями трилогии роман «Кони, кони» объединяют центральные персонажи (молодые американцы Джон-Грейди Коул и Билли Парэм), общее место (юго-западная граница США) и время действия (середина XX в.). Важнейшую роль в сюжетной констелляции и поэтике всех трех романов играют образы лошадей, что во многом обусловлено жанровой принадлежностью произведений и особым философским мировидением нарратора. В докладе представлен анализ функционирования этих образов в первой части трилогии.

Название романа «Кони, кони» отсылает к популярной американской колыбельной «Все красивые лошадки» («All The Pretty Little Horses»); произведение сосредоточено вокруг лошадей: верховой езды, разведения, восхищения этими животными и разговоров о них. Главного персонажа романа — шестнадца-

тилетнего техасца Джона-Грейди — томят семейные неурядицы и желание матери продать его любимое дедовское ранчо. Чувствуя жизненную неустроенность, он седлает породистого коня и, подобно герою фронта, вместе с другом Ролинсом сбегает в Мексику в поисках лучшей жизни. Там он надеется устроиться объездчиком лошадей на асьенду: это его страсть и предел мечтаний. Поначалу Джону-Грейди удается следовать плану: они с Ролинсом действительно получают работу и могут заниматься любимым делом. Однако «американской мечте» не суждено сбыться из-за неудачного стечения обстоятельств и несчастной любви.

Образы лошадей в романе раскрываются на нескольких уровнях. Джон-Грейди и Ролинс с рождения окружены этими животными и всем, что с ними связано, и инстинктивно начинают испытывать к ним теплые чувства. Лошади связывают Джона-Грейди с семьей (его отец был ковбоем, а дед разводил породистых коней), с возлюбленной (Александра — дочь владельца асьенды, на которой он работает), с мексиканскими вакаро и даже с погибшим спутником, чью гнедую герою хочет вернуть законному владельцу. Лошади соединяют человека с природой и прошлое с настоящим, когда Джон-Грейди представляет команчей, когда-то ездивших по тем же прериям.

С одной стороны, образы лошадей в романе индивидуализированы: у каждой свой характер, привычки и особенности поведения, раскрывающиеся во взаимодействии с героями. С другой — лошади сливаются в особое неделимое множество, «душу мира», которая гораздо лучше и мудрее всего человеческого.

Лошадиные образы в романе окрашены легендами и мифами о фронтире — одной из важнейших составляющих американского национального нарратива. На границе эти животные не только транспорт и помощь в сельском хозяйстве; они становятся синонимом приключений и шанса проявить себя: неслучайно в первой главе Маккарти прибегает к метафоре поиска святого Грааля. Оказываясь в самом сердце «американской мечты» о свободе самореализации и успехе, достигнутом упорной и честной работой, лошади подкрепляют «великое национальное обещание».

Таким образом, проведенный анализ показывает, что образы лошадей в романе Кормака Маккарти «Кони, кони» многогранны и символически «заряжены». Эти животные играют роль объединяющей силы, благодаря которой люди получают возможность установить связь друг с другом, природой и собственным прошлым. Особую значимость образ лошади приобретает в контексте национальной утопической идеи США.

Л. В. Выскочков, П. К. Романов

Лошади и экипажи императора Николая I

В повседневной жизни императорской семьи особое место занимают сюжеты, связанные с дорожным бытом.

В России XVIII — первой половины XIX в. существовали четыре способа передвижения по дорогам, каждый из них имел собственное название: 1) на долгих (собственный экипаж); 2) на перекладных (с пересадками на станциях, когда вещи перекалывают в другой экипаж); 3) на вольных (нанимались ямщики); 4) на почтовых, когда брали почтовых лошадей, меняя их от станции к станции, находясь в собственном экипаже. На дальние расстояния Николай I ездил только на почтовых, но в случае поломки экипажа мог пересесть на первую попавшуюся телегу или сани. Со времен Павла I Романовы-мужчины как офицеры должны были ездить в открытых экипажах, а в каретах, только если сопровождали дам в театр, как это бывало и с Николаем Павловичем. Николай I был отличным наездником и многие вопросы с ним можно было решить во время верховой прогулки. Он мог день провести в седле, а вечером прийти на бал. Верховые лошади «Собственного седла его императорского величества» пользовались особой заботой императора, заслуженных лошадей отправляли в возрасте 18–20 лет в «Пенсионерную конюшню», где при хорошем уходе они жили до 35 лет. На северной границе Александровского парка в Царском Селе с 1834 г. появилось кладбище для заслуженных лошадей-ветеранов.

Самым обычным экипажем, которым пользовался император, как и у Александра I, была именно коляска в городском или дорожном исполнении. Ее верх мог быть откинут или надвинут в случае непогоды. Когда в 1851 г. императорский двор впервые отправился в Москву по железной дороге, то в одном из двух литературных поездов нашлось место для лошадей «собственного седла государя императора». Это были «Лорд» и «Чара». Их сопровождало 17 человек «верхового отделения». Тогда же на

платформы были погружены восемь городских экипажей императорской четы: коляска парная ее величества, кареты четырехместная и двухместная, коляска фамильная, русская парная, дрожки одиночные, коляска английская с верхом и тильбюри. Тильбюри (тильбери, от англ. Tilbury) назывался легкий открытый двухколесный экипаж, разработанный в начале XIX в. лондонской фирмой «Тильбюри», производившей их на Маунт-стрит. Городскими разновидностями коляски были фаэтон и ландо. Фаэтон — это открытый четырехколесный городской экипаж, двух- или четырехместный, с откидывающимся верхом, в котором сиденья располагались друг против друга. Для выездов фаэтоном чаще пользовались женщины. Ландо (франц. Landau) — четырехместная коляска с поднимающимся верхом, названная по немецкому городу Ландау в Баварии, в котором с XVII в. изготовлялся этот тип экипажей. Ландо в сущности было большой четырехместной каретой с откидным на две стороны верхом. Летом камер-фурьерские журналы и другие источники довольно часто фиксировали появление императора в дрожках — легком, обычно двухместном четырехколесном экипаже на рессорах, с которым справляется одна лошадь. Не были редкостью в обиходе императорского двора и кабриолеты (франц. Cabriolet, от ит. Carriole — скачок, коза). Это были легкие одноосные (одноколка) двухколесные экипажи со складывающейся крышей без козел для тех, кто хотел править по-английски, то есть самостоятельно.

А. А. Ганулич

Сколько лет русской тройке?

Этот, казалось бы, простой вопрос не имеет простого решения и однозначного ответа. XXI в. привнес в него радикальное новшество: появление русской тройки было сдвинуто в более ранние годы на 150 лет по сравнению с представлениями, существовавшими в конце прошлого века. Современные исследователи обнаружили первое изображение упряжки, которую можно расценить как тройку, в книге путешественника и дипломата XVI в. барона Сигизмунда Герберштейна. Книга «Путешествие в Московию» была впервые напечатана в Вене в 1547 г., а затем неоднократно переиздавалась в разных странах. На верхней части карты Руси венского издания 1557 г. обнаружена виньетка с изображением упряжки их трех лошадей в ряд, скачущих галопом.

Русская тройка изображена и на картине Аполлинария Васнецова «У Мясницких ворот Белого города в XVII веке». Однако, о реальном применении троек можно говорить только со второго десятилетия XVIII в. Только тогда она стала использоваться как скоростное средство почтовой связи. В 1712 г. при Петре I была учреждена нарочная почта, обеспечивающая связь Правительствующего Сената с губернскими властями, позволяющая отпускать нарочным посланникам от одной до трех почтовых лошадей, а более категорически запрещалось. 58 лет спустя появилось правило, определяющее количество почтовых лошадей в упряжке. В 1770 г. главный смотритель над Нарвскими почтами полковник А. М. Волков составил «Расписание в какое время по сколько потовых лошадей в упряжки брать проезжающим по нарвской дороге по ново учрежденным почтовым станциям». Согласно этому расписанию зимой с 1 декабря по 15 марта и летом с 15 мая по 15 сентября при перевозке одного или двоих в почтовые кибитки полагалось впрягать по две лошади, при перевозке троих — по три. В остальное время года одному путешественнику давались две лошади, двум — три,

трех — четыре. Так была узаконена почтовая тройка. Более поздние расписания от 1808 до 1842 г. в основном повторяли положения 1770 г., но относились уже ко всем почтовым дорогам России.

Чтобы получить представление о максимальной скорости движения почтовых троек по дорогам Российской империи, сошлемся на приказ по Фельдъегерскому корпусу от 21 марта 1811 г., согласно которому фельдъегерь Федоров был подвергнут аресту за медленный приезд из Санкт-Петербурга в Москву. Он провел в пути около двух суток, тогда как допускалось потратить на эту дорогу 36 часов. При 36 часах езды средняя скорость на тракте между двумя столицами (734 версты или 783 километра) должна была составлять 22 километра в час. С учетом задержек, вызванных заменой лошадей на 24 ямских станциях, фактически она была выше. По тракту русская тройка двигалась со скоростью около 25 километров в час и являлась единственным скоростным почтовым средством того времени. Однако здесь речь идет о максимальной скорости перевозки фельдъегеря на тройке. Существовавшие нормативы перевозки обычных путешественников предписывали гораздо меньшие скорости, причем зависящие от времени года. Так, в «Почтовом дорожнике» 1824 г. говорится следующее: «Почтари должны везти в час неотменно: обыкновенных проезжающих в летнее время 10, в зимнее 12, а в осеннее 8 верст. Курьеры же и фельдъегеря имеют быть возимы столь поспешно, сколь сие будет возможно».

Лошади в тройках поражали не только скоростью, но и выносливостью. Известно, что тройка башкирских лошадей содержателя почтовой станции проходила расстояние от Уфы до Стерлитамака (120 км) за 8–9 часов, то есть со средней скоростью 15 км в час.

Практически одновременно с началом применения тройки на почтовых трактах ей понадобился и звуковой сигнал. Тройка бежит очень широко, занимая до пяти метров проезжей части. Учитывая ширину тогдашних почтовых трактов, остальные экипажи должны были с них съезжать, чтобы пропустить тройку. Сигнал должен был иметь не периодический, а постоянный характер, прежде всего требуя уступить всем встречным и попут-

ным экипажам ей дорогу, и только во вторую очередь предупредить персонал ямской станции о приближении тройки. Почтовый рожок для этих целей в России не прижился не по велению «таинственной русской души», а потому, что давал лишь периодический сигнал. Это и вызвало к жизни ямской колокольчик. Его звук слышен на расстоянии в две версты, а при определенных погодных и природных условиях и гораздо дальше. Ему нашлось и идеальное место в русской упряжке — под дугой коренника. При этом колокольчик плотно привязывался сыромятным ремнем к дуге, а звук достигался ударами языка о тулово. Такое крепление не только снизило механические нагрузки на дугу, но и позволило по частоте ударов языка определять на слух скорость движения экипажа.

Чтобы оценить масштабы использования троек в почтовых целях, обратимся к данным отчета по Первому почтовому округу за 1845 г. В округ входила Прибалтика, Псковская и Новгородская губернии. Общая протяженность почтовых дорог округа, связывающих губернские и уездные города, составляла 4350 верст. На 194 почтовых станциях содержалось 4589 лошадей, ямщиков насчитывалось 2290 человек. Наибольшее распространение имела тройка, запряженная летом в безрессорную повозку, а зимой — в сани. Расстояние от одной станции до другой (в среднем 20 верст) тройки преодолевали за 1,5–2 часа. На станциях лошадей меняли. За сутки почта и курьеры перемещались на 250–360 верст, а в исключительных случаях и больше. Наряду с тройками по почтовым трактам двигались и тяжелые рессорные экипажи с упряжками в 4, 6 и 8 лошадей, которых также меняли на каждой станции, а движение осуществлялось круглосуточно в высоком темпе.

Возникновение и развитие железных дорог в Российской империи постепенно положило конец использованию лошадей для доставки почты. В 1851 г. открылось железнодорожное сообщение между двумя столицами, в 1916 г. завершилось строительство Транссибирской магистрали. В начале XX в. русские тройки практически перестали развозить почту между городами. Таким образом, время использования троек для почтовых перевозок уложилось в 200 лет.

И. А. Гвоздева

Троянские игры в Риме

В Риме в эпоху Империи часто устраивали состязания кавалерии. Согласно Светонию, еще Цезарь устраивал для римлян т. н. «Троянскую игру», некий конный турнир, в котором специальные упражнения в верховой езде выполняли знатные юноши. Вергилий в «Энеиде» учреждение Троянских игр приписывал Асканию Юлу, сыну легендарного Энея. На погребальных играх Анхиса Эней просит подготовить «детское войско», которое должно продемонстрировать конный строй. Отряды всадников разбиваются на три турмы по 12 человек, во главе каждого — юный вождь. Построившись в боевой порядок, молодые люди с копьями наперевес несколько раз сходятся в ложной атаке, имитируя боевые действия. При Цезаре в Троянских играх принимали участие два отряда мальчиков старшего и младшего возраста. Для Цезаря это состязание имело важное политическое значение. Учреждение Троянских игр приписывалось Юлу, сыну Энея, связь которого с родом Юлиев Цезарь демонстрировал и укреплял.

По примеру Цезаря Август возродил Троянские игры с участием старших и младших групп мальчиков, где его юные внуки получали почетные звания «предводителей молодежи» (*principes iuventutis*), а вместе с ними и право руководства конным турниром, который Август неоднократно устраивал. Когда оба любимых внука Октавиана умерли от неизвестной болезни в юном возрасте, его горе было неподдельным.

Неудивительно, что описание Троянских игр стало важным эпизодом эпоса Вергилия «Энеида». Возможно, даже сам Август подсказал Вергилию эту мысль. Лишний раз подчеркнуть связь своего рода с Юлом, а также подтвердить версию о древнем происхождении Троянской игры — Вергилий блестяще справляется с этими задачами, и кроме того, внес в эту тему новые мотивы. Во-первых, он подчеркнул лишний раз в поэме происхождение рода Юлиев, представители которого в ключевые мо-

менты римской истории были ведущими и определяющими фигурами. Во-вторых, использовал спортивный сюжет для такого важного для его поэмы мотива, как главенство рока и воли богов в судьбе Энея. И в-третьих, он умело продемонстрировал нам основные виды спортивных агонов, которым оказывал покровительство Август в эпоху своего правления и которые поддерживали императоры династии Юлиев-Клавдиев, в том числе и Троянские игры.

После Августа Троянские игры устраивали императоры Калигула и Клавдий. Устраивались они и много позднее. Так, Плиний Младший в письме к императору Траяну писал, что некий Юрий Ларг с Понта умирая, поручил ему устроить некие игры, которые должны быть названы трояновскими.

Интересно, что подобное состязание было известно и в Афинах в рамках главного государственного праздника — Великих Панафиней, которые с 566/65 г. до н. э. проводились раз в четыре года подобно Олимпийским играм. Программа Панафинейских игр была разнообразна и включала в себя различные конные состязания. Одним из таких состязаний была антиппасия, которую подробно описал Ксенофонт. Он называет ее имитацией сражения кавалерии, которое проводилось двумя отрядами всадников, выбранных от десяти фил. Во главе каждого отряда стоял гипсарх. Гипсархи сначала выстраивали отряды, которые затем имитировали сражение, сходясь друг против друга в ложной атаке. Ксенофонт отмечает, что они сходились, а затем расходились, а потом снова формировали строй, готовясь уже с другой стороны для новой сквозной атаки. Этот маневр повторялся три раза и каждый раз темп атаки все более убыстрялся. В Афинах сохранились посвящения в честь победы в антиппасии. Самым известным посвящением стал votivный монумент скульптора Бриаксиса (сер. IV в. до н. э.), найденный в северо-западном углу Агоры. На двух из четырех сторон памятника была рельефная панель, на которой изображен бородастый всадник в хламиде, стоящий перед треножником. На четвертой стороне были записаны имена победителей в антиппасии — отца и двух сыновей.

Т. Б. Гвоздева

Эрихтоний и состязание апобатов в Афинах

Эрихтоний, один из мифологических царей Афин, напрямую связан с историей конного спорта — его почитали как изобретателя колесницы и состязания апобатов. Рожденный богиней Земли Геей и воспитанный Афиной на Акрополе, Эрихтоний со временем стал царем Афин. Он учредил праздник Панафиней в честь Афины, а также жертвоприношение Гее Куротрофе, соорудил ксоанон Афины, возвел ей храм на Акрополе. От Афины Эрихтоний получил упряжь для лошади. Автор «Паросской хроники» отмечал, что Эрихтоний на первых Панафинейх впервые запряг колесницу и выиграл состязания в 1505/04 г. до н. э. Эратосфен и Гигин приписывают Эрихтонию учреждение состязания апобатов и ристаний колесниц.

Мифологическая традиция приписывала Эрихтонию изобретения колесницы, запряженной четверкой лошадей: у греческих авторов это гарма, а у римских — квадрига. В программе Панафинейских игр важное место было уделено конным состязаниям, в которых проводились состязания как на гарме, так и на дзевге и синориде. Все три экипажа присутствуют в программе конного агона Великих Панафиней. В IV в. до н. э. гарма являлась основным типом экипажа, запряженного четверкой лошадей, тогда как в призовых панафинейских списках II в. до н. э. чаще упоминается дзевга и синорида.

Вклад Эрихтония в агональную программу Панафиней не ограничивался только изобретением колесницы, с его именем также было связано еще одно состязание — бег апобатов, который считался одним из древнейших «военных» агонов панафинейской программы и *aition* которого был основан на мифологии Афины. Афина почиталась как покровительница лошадей и конных состязаний. Именно она подарила Эрихтонию уздечку, научив его править квадригой. Состязание апобатов состояло из попеременного бега и скачки на колеснице, запряженной чет-

веркой лошадей. В нем принимали участие два спортсмена — апобат и гениох, хотя название этот агон получил по первому участнику. Возможно, что на Панафинейских играх в нем могли принимать участие только афиняне. Апобат должен был спрыгнуть с колесницы, которая не останавливалась, а затем на полном ходу запрыгнуть на нее. Гениох с одной стороны состязался в скорости, с другой должен был дать возможность апобату заскочить на колесницу. Гениох вел колесницу, запряженную четверкой взрослых лошадей, делал полный круг, апобат спрыгивал, чтобы часть дистанции пробежать по дорожке у борта колесницы, затем снова запрыгивал на нее. Колеса такой колесницы были специально сконструированы таким образом, чтобы не мешать прыжку апобата. Квалификация гениоха была важным элементом победы.

Схолиаст Элия Аристида упоминает об изображении на Акрополе Эрихтония вместе с Афиной, управляющей колесницей. Афина, с копьём и в шлеме, в левой руке держит вожжи, которые примыкают к частям тел двух змей, играющих роль лошадей. Интересно, что место Эрихтония на колеснице с Афиной было различное. Так, на чернофигурных вазах встречаются изображения Эрихтония, где Афина стоит за Эрихтонием, а подчас впереди него. Сохранилось множество рельефов с изображением апобатов, подтверждающих письменные данные, на которых видно вооружение панафинейского апобата — шлем с султаном и щит.

Эрихтоний, афинский автохтон, полузмей, получеловек. Однако интересно проследить связь между Эрихтонием и лошадью, которая не менее важна, чем идентификация его со змеей. Alter ego Эрихтония, Эрехтей, часто отождествлялся с Посейдоном. Интересна и звездная трансформация Эрихтония, который превратился в созвездие Возничего.

К. А. Гилева

**«Чугунные лошадки»:
лошади в каслинском художественном литье
из чугуна XIX–XXI вв.**

Ассортимент Каслинского завода с начала выпуска художественной продукции из чугуна в середине XIX в. и до сегодняшнего дня насчитывает около девятисот наименований моделей. Одна часть моделей выпускалась лишь в ограниченный промежуток времени и ограниченным тиражом, другая, наоборот, с момента ввода модели в производство имела неизменный успех. Редко выходили из ассортимента и особенно любимы ценителями каслинского литья именно чугунные лошадки. Если произвести простой подсчет, то можно насчитать порядка пятидесяти статуэток или «лошадиных композиций», моделей русских и европейских авторов.

Одна из первых «лошадок» появляется в ассортименте завода в 1860-е годы, в начале освоения художественного литья из чугуна на Каслинском заводе. Так, на всемирной выставке в Париже в 1867 г., первой, в которой принимал участие завод, в составе Кыштымского горного округа среди представленной продукции числится «собака и лошадь по 3 р.». В 1870 г. к участию во всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге моделей лошадок уже три: «Лошадь-кляча», «Лошадь в загородке» и «Трубач». С наращением ассортимента продукции моделей появляется все больше.

Стратегически верным решением владельцев завода Дружининых стало введение в производство работ скульптора П. К. Клодта. Всего выпускалось пятнадцать моделей. На восемь статуэток в 1889 г. было получено дозволение на тиражирование от президента Академии художеств великого князя Владимира Александровича, остальные были приобретены Дружинными на антикварном рынке.

Клодт стал основоположником анималистического жанра в отечественной скульптуре. Образ животного был органически вписан в общую жанровую систему этого периода и дополнял картину развития скульптуры. Клодт принадлежал к классицистическому направлению первой половины XIX в. Ему свойственно тяготение к живой натуре, к чистым линиям. Свое развитие анималистический жанр получает в работах последователей Клодта — Евгения Лансере и Николая Либери́ха, а также последователя французской школы Артемия Обера. Их работы отличается большая свобода в пластике животного, в форме. Расширяется и тематический диапазон. В 1870–1900-е годы в прејскурантах завода появляются групповые жанровые композиции с лошадьми, такие как сцены охоты и этнографические сюжеты.

Большая часть статуэток и жанровых композиций с лошадьми не утратили своей актуальности и в советское время. Несмотря на то, что многие «буржуазные» модели исчезли, клодтовские лошадки и композиции Лансере никогда не уходили из ассортимента. В 1942 г. Касли получил статус города и для герба было выбрано изображение скульптуры Клодта «Копия со статуи на Аничковом мосту» или «Конь с попоной».

В советский период истории Каслинского завода в ассортимент вошли модели лошадей столичных авторов: А. И. Посяддо, Е. В. Вучетича, П. А. Баландина, а также уральских скульпторов А. В. Чиркина, В. М. Пряхина.

Сегодня Каслинский завод продолжает вводить в ассортимент новые модели современных авторов. Так, в 2013 г. была освоена миниатюрная, изящная модель московского скульптора Н. А. Муромской «Лошадка».

Таким образом, чугунные лошадки неотъемлемая часть узнаваемого ассортимента Каслинского завода на протяжении уже почти двухсот лет. Они составная часть бренда «Каслинское литье».

А. А. Глашев

**Коневодство у скифов, сарматов, гуннов и алан:
история и наследие**

История коневодства в древности и Средневековье, к сожалению, слабо разработана не только в исторической, но и в сельскохозяйственной науке. Между тем давно необходимо ввести прикладной курс «История коневодства в древности» в вузах, готовящих специалистов по коневодству. Это могло бы дать понимание процесса селекции и ее важнейших прикладных вопросов (улучшение генофонда и т. п.). Как выясняется, в письменных источниках сохранились уникальные сведения о коневодстве у таких народов как скифы, сарматы, аланы и гунны — народов, самым непосредственным образом связанных с территорией нашей Родины, с территориями, на которых происходило формирование предков ряда современных пород лошадей.

Древнейшими и искусными коневодами на территории нашей Родины были скифы. Помпоний Трог пишет о скифском царе, который имел такую первоклассную по всем статьям кобылицу, что не мог найти для нее иного жеребца, кроме как «рожденного ею... и отличавшегося от других прекрасными качествами». Он скрестил кобылу с ее жеребенком, осуществив этим первый пример зафиксированного в древности инбридинга, ставшего, наряду с кроссингом, одним из основных методов чистокровного коннозаводства. По словам В. Б. Ковалевской, факт этот немаловажен, так как указывает на то, что у скифов было конюшенное содержание коней, ибо чисто табунное коневодство (этнографически зафиксированное, в частности, у казахов) показывает, что особо ценных лошадей обычно не пускали в производители, зная, что их потомство хуже будет выдерживать бескормицу.

Исключительно реалистичные и точные изображения скифских лошадей сохранились на знаменитом золотом гребне из

кургана Солоха и вазе из Чертомлыцкого кургана V–IV вв. до н. э. В. Б. Ковалевская отмечает, что эти изображения говорят о наличии у скифов двух пород: степной — относительно коротконогой, грубокостной, с крупной, несколько горбоносой, головой и верховой — более породной, похожей на среднеазиатских аргамаков, нарядной, высоко стоящей на тонких ногах, с породистыми головами, выразительным огненным взглядом, крутой, хорошо поставленной шеей. Наилучшее представление, по ее мнению, о скифских лошадях дают находки в Пазырыкских курганах. Неутомимость и неприхотливость скифских коней не раз были отмечены античными авторами. Это позволяло скифам двигаться быстро и совершать большие переходы в короткое время.

На колонне Траяна сарматы сидят верхом на небольших низкорослых конях, резко отличных от римских коней. Марциал говорит об «аланах на сарматских конях». Пелагоний сообщает о сарматской ветеринарии — лечении болезней мочевыводящих путей у лошади бобровой струей.

Аланская порода высоко ценилась и была известна далеко за пределами Кавказа. Император Адриан в панегирике аланскому коню Цезаря говорит: «Борисфен, конь Цезаря, был аланской породы. Он обычно летал по равнинам, по болотным топям и холмам. И никогда во время охоты на кабана ни один преследуемый кабан с белесыми клыками не мог приблизиться к нему настолько, чтобы ранить его. <...> Но еще совсем молодым, с крепкими, не ослабленными возрастом ногами, он пал в день своего рождения и был похоронен здесь, в этой земле». Флавий Вописк Сиракузский в биографии Проба говорит: «Как-то раз среди добычи, взятой у аланов, находился конь — не очень красивый и не очень крупный, но способный, по словам пленных, пробежать в день сто миль и бежать таким образом в продолжение восьми или десяти дней». Вегеций, авторитетный в вопросах военной и ветеринарной служб, подробно описывает гуннских коней: «У гуннских [коней] большая и крюкообразная голова; выпуклые глаза; узкие ноздри; широкие челюсти; мощная и твердая шея; гривы, свисающие ниже колен; большие ребра; изогнутый хребет; густой хвост; очень крепкие берцовые кости; короткие ноги; плотные и широкие копыта; впалая

брюшная полость и целиком костлявое тело; нет никакого жира в ягодицах, никаких выпуклостей в мускулах; стан более склонен к длине, чем высоте; тощий живот; прочные кости; их худоба привлекательна, и в самой уродливости обнаруживается красота; [у них] сдержанная, разумная и переносящая раны натура». Вегеций также особо подчеркивает долголетие гуннских коней, доживавших до 50 лет и больше, их выносливость и неприхотливость.

Эти древние породы могли дожить до наших дней. Коневодство карачаевцев и балкарцев (в их этногенезе участвовали как аланы, так и гунны) сохранило уникальные элементы, доказывающие это. Сообщения античных авторов разительно напоминают сообщения о карачаевской и балкарской породах лошадей, которые, в отличие от более красивой и быстрой кабардинской породы, не очень красивы внешне, но неприхотливы, выносливы и имели отличные скаковые и боевые качества, отличаются высочайшей координацией движений, крепкой конституцией, устойчивостью к различным заболеваниям, исключительно преданы своему хозяину, у них очень развит интеллект. На вид горбоносы, с несколько короткими ногами, но способны делать длительные переходы в любое время суток, по камням и бездорожью, в лютой мороз и зной. Крепкие копыта не снашиваются там, где у других лошадей отваливаются стальные подковы.

Сопоставление античных и средневековых сообщений об аланских скакунах и описаний карачаевских и балкарских лошадей говорит о возможной прямой преемственности этих пород. В. Б. Ковалевская отмечает: «К VIII–IX вв. у алан в качестве верховых употреблялись два типа лошадей — быстроаллюрные кони типа среднеазиатских ахалтекинцев и лошади горного типа, похожие на карачаевских». Жан-Шарль де Бесс пишет: «Карачаевцы разводят лошадей прекрасной породы; среди них есть такие, которые в Европе стоили бы до двух тысяч франков. <...> в этих краях лошади низкорослые; в действительности же лошади здесь обычно того роста, который пригоден для использования в легкой кавалерии. Кстати, они легки на ходу, и я не знаю другой породы лошадей, которая была бы более подходящей для езды по крутым скалистым скло-

нам и более неутомимой». П. Паллас писал: «Карачаевцы выращивают свою небольшую, но выносливую и горячую породу лошадей, которые известны своими выдающимися качествами». В. В. Шевцов в 1855 г. указывал: «Лошади их (карачаевцев) считаются из лучших кавказских пород, они более ценны смелостью своею в езде по скалистым и крутым тропам; шаг их верен и спокоен — вы, давши свободу своему коню, можете двигаться безбоязненно по такому неприступному пути, где только может уместиться копыто лошади вашей и где ни одна из других пород не может сделать ни одного шага». Карачаевцам и балкарцам известен уникальный, сохранившийся только у них, метод реанимации и возвращения в строй загнанных лошадей.

А. А. Глушецкий

**Образ лошади и конной упряжи
в изделиях народных художественных промыслов**

Доклад подготовлен на основе коллекции автора, в нем обобщен материал 19 региональных художественных промыслов из 13 областей России, в которых изготавливались изделия в виде лошадей и конской упряжи (табл. 1), это глиняная и деревянная игрушка.

Конские запряжки и лошади — один из любимых сюжетов глиняной и деревянной игрушки. В коллекции автора более 600 экспонатов, из которых около 100 — лошади и конские запряжки (17 %). Присутствуют все традиционные виды оглобленно-дуговых запряжек: тройки, двуконные, одноконные.

Основные сюжеты представлены в табл. 2. К ним относятся праздничное катание, гуляние, масленица: тройки; свадебные повозки: тройки, запряжки одноконные; парадные выезды (тройки, запряжки двуконные и одноконные с кучером и без кучера): семьи, парочки, барин, барыня, генералы; крестьянский труд с лошадью: запряжки одноконные; Дед Мороз. Всадники, казаки. Лошадки свистульки. Двуглавые кони-обереги.

Материал: глина, лепка, раскраска или глазурь; дерево, раскраска.

Характер изображения: условная образность, скульптурная натуралистичность.

Таблица 1. Региональные художественные промыслы,
в которых изготавливаются изделия в виде лошадей
и конской упряжки

Регион	Материал	Сюжеты	Количество в коллекции
Архангельская обл.			
Каргопольская игрушка	Глина, лепка, раскраска	Праздничное ката- ние, тройка зимой	4

Регион	Материал	Сюжеты	Количество в коллекции
		Свадебные сани, запряжка одноконная	1
		Парадный выезд, запряжка двуконная зимняя	2
		Парадный выезд, запряжка одноконная летняя	1
		Крестьянский труд с лошастью, запряжка одноконная	6
		Дед Мороз, тройка	1
Белгородская обл.			
Старооскольская игрушка		Всадники (казаки) свистульки	4
		Кони свистульки	2
Владимирская обл.			
Аргуновская игрушка	Дерево, раскраска	Повозка, тройка	1
Вологодская обл.			
Николо-Березовская игрушка	Дерево, резьба	Кони	1
		Одноконная упряжка	1
Калужская обл.			
Хлудневская игрушка	Глина, лепка, раскраска	Крестьянский труд с лошастью, запряжка одноконная	4
		Праздничное катание, тройка зимой	2
		Парадный выезд, запряжка одноконная летняя	3
Кировская обл.			
Дымковская игрушка	Глина, лепка, раскраска	Праздничное катание, тройка зимой	4

Регион	Материал	Сюжеты	Количество в коллекции
		Тройка свадебная	1
		Парадный выезд, тройка летняя	4
		Парадный выезд, запряжка одноконная летняя	2
		Крестьянский труд с лошадью, запряжка одноконная	2
		Всадники	2
		Кони	2
Дворянская игрушка	Глина, лепка, раскраска	Праздничное катание, тройка зимой	1
Костромская обл.			
Петровская игрушка	Глина, лепка, глазурь	Кони	5
Курская обл.			
Кожлянская игрушка	Глина, лепка, раскраска	Тройка	1
		Парадный выезд, зимние сани, запряжка одноконная	1
Липецкая обл.			
Романовская игрушка	Глина, лепка, глазурь	Парадный выезд, зимние сани, тройка	3
		Парадный выезд, летняя повозка, тройка	2
		Парадный выезд, летняя повозка, запряжка одноконная	3
		Крестьянский труд с лошадью, запряжка одноконная	1
		Конь	1
Московская обл.			
Богородская игрушка	Дерево, резьба	Тройка летняя	1
		Парадный выезд, зимние сани, за-	1

Регион	Материал	Сюжеты	Количество в коллекции
		пряжка одноконная	
		Крестьянский труд с лошадью, запряжка одноконная	1
Нижегородская обл.			
Городецкая игрушка	Дерево	Парадный выезд, кареты	2
		Дед Мороз	1
Городецкая живопись	Дерево, панно		5
Жбаниковская игрушка	Глина, лепка, раскраска	Лошадки, свистульки	4
Полховский Майдан	Дерево, раскраска	Повозка, тройка	1
Хохлома. Семино	Дерево, раскраска	Конь	1
Рязанская обл.			
Сапожковская игрушка	Глина, лепка, раскраска	Лошади, свистульки	3
Скопинская игрушка	Глина, лепка	Лошади, свистульки	
Тульская обл.			
Тульская городская игрушка	Глина, лепка, раскраска	Парадный выезд, тройка летняя	3
		Парадный выезд, тройка зимняя	1
		Дед Мороз	1
Филимоновская игрушка	Глина, лепка, раскраска	Парадный выезд, тройка летняя	2
		Парадный выезд, тройка зимняя	2
		Парадный выезд, летняя повозка, запряжка одноконная	2
		Всадник	1

Таблица 2. Сюжеты региональных центров
в виде лошадей и конской запряжки

Сюжеты	Региональный центр	Варианты сюжетов
Праздничное катание, зимние тройки	Каргопольская игрушка	Парочка в санях (четыре вида)
	Дымковская игрушка	Тройка на масленицу Парочка в санях с гармошкой Офицер в санях с барышней
	Хлудневская игрушка	Парочка в санях с кучером
	Дворянская игрушка	Парочка в санях с гармошкой
	Филимоновская игрушка	Парочка в санях с гармошкой Парочка в санях с гармошкой и ребенком Семья в коляске с кучером
Парадный выезд, тройки	Дымковская игрушка	Семья в коляске, три варианта Парочка в коляске Выезд генерала в коляске Выезд генерала в коляске с кучером
	Романовская игрушка	Офицер с дамой в коляске Барин в санях с кучером Генерал в санях с кучером-адъютантом Парочка в коляске, кучер-заяц
	Филимоновская игрушка	Парочка в коляске с кучером Парочка в санях
	Тульская городская игрушка	Доктор в коляске едет на Первую мировую

Сюжеты	Региональный центр	Варианты сюжетов
		войну Семейный выезд в коляске Парочка в санях
	Хлудневская игрушка	Парочка в коляске
	Аргуновская игрушка (дерево)	Парочка в коляске
	Кожлянская игрушка	Барыня на условной тройке, свистулька
	Городецкая игрушка (дерево, раскраска)	Парочка в карете
	Богородская игрушка (дерево, резьба)	Медведь на тройке
	Полховский Майдан (дерево, раскраска)	Молодец в санях
Парадный выезд, запряжки двуконные	Дымковская игрушка	Выезд генерала
	Каргопольская игрушка	Выезд генерала с кучером Парочка в санях
Парадный выезд, запряжки одноконные	Дымковская игрушка	Барыни в коляске Парочка в коляске Барыня в санях
	Каргопольская игрушка	Парочка в коляске
	Кожлянская игрушка	Барыня в санях с кучером
	Романовская игрушка	Генерал в санях Генерал на черном коне (свистулька) Генерал с адъютантом Генерал с двумя адъютантами Парочка на извозчике
	Филимоновская игрушка	Парочка в коляске с кучером Барыня в коляске с кучером
	Хлудневская игрушка	Семья в коляске Семья в коляске

Сюжеты	Региональный центр	Варианты сюжетов
		Парочка в коляске
	Богородская игрушка (дерево, резьба)	Барин в санях
	Городецкая игрушка (дерево, раскраска)	Парочка в карете
Крестьянский труд с лошадей, запряжки одноконные	Каргопольская игрушка	Дрова из леса Дрова из леса Мужик в санях
	Хлудневская игрушка	Мужик на телеге везет корм для поросят Мужик в санях везет поросят на продажу Мужик в повозке с птицей Мужик в повозке
	Дымковская игрушка	С сенокоса Дрова из леса
	Романовская игрушка	Водовоз
	Богородская игрушка (дерево, резьба)	Дрова из леса
Свадебные повозки	Дымковская игрушка	Тройка свадебная
	Каргопольская игрушка	Свадебные сани, запряжка одноконная
Дед Мороз, тройки	Городецкая игрушка (дерево, раскраска)	Дед Мороз на тройке
	Каргопольская игрушка	Дед Мороз и снегурочка
Всадники	Дымковская игрушка	Крестьянин на лошади
	Сапожковская игрушка	Всадник свистулька
	Старооскольская игрушка	Всадник свистулька Казак на лошади, свистулька
	Филимоновская игрушка	Офицер на лошади

Сюжеты	Региональный центр	Варианты сюжетов
Лошади	Дымковская игрушка	Конь раскрашенный
	Жбаниковская игрушка	Лошадки свистульки
	Николо-Березовская игрушка (дерево, резьба)	Конь Сани
	Петровская игрушка	Конь свистулька Лошадка свистулька Берегиня на двуглавом коне
	Романовская игрушка	Конь
	Сапожковская игрушка	Конь свистулька
	Хохлома	Конь

Е. Б. Грузнова

Изображения коней на русских печатях до конца XV в.

Уже более 100 лет специалисты изучают древние отечественные печати. Особый интерес всегда привлекали сюжеты с всадниками, в которых ищут истоки центрального элемента государственного герба России. Однако, уделяя основное внимание ездецу, исследователи редко останавливаются на лошадях. Изучение этого элемента может дать новые возможности для атрибуции владельцев печатей и истолкования их статуса, а также сюжета в целом.

Наиболее древнее изображение лошадей в русской сфрагистике связано с новгородскими находками, которые относятся ко времени княжения в волховской столице вовсе не Мстислава Удатного (1210–1218), как принято считать, а Святополка (Михаила) Изяславича (1078–1088). На аверсе новгородской свинцовой печати 1078–1086 гг. из собрания Эрмитажа скачущий конь несет святого всадника с копьем, которого специалисты музея атрибутировали как св. Георгия, а В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков — как св. Федора. При этом на обороте помещены образы св. Флора и Лавра, которых на Руси считали покровителями лошадей и почитали вместе с архангелом Михаилом, что нашло отражение в оригинальном сюжете русской иконописи XIV–XVII вв. «Чудо о Флоре и Лавре». Учитывая, что на печатях обычно изображались святые патроны владельца и его отца, в данном случае всадником может оказаться св. Дмитрий, покровитель Изяслава Ярославича, умершего в 1078 г. на киевском столе.

Образ мчащегося галопом или даже карьером коня преобладает на отечественных печатях. Однако встречается фиксация и других аллюров — церемониального шага, рыси, иноходи. Как показал на византийском материале В. П. Степаненко, вид аллюра может определяться этапом развития сюжета, связанного со святым. Но, судя по всему, при трактовке изображения сле-

дует учитывать и события жизни владельца печати. Например, весьма показательны прежде характерные лишь для княжеской атрибутики карьер и церемониальный аллюр на печатях новгородских посадников третьей четверти XIV в., когда эти должностные лица достигли пика своего могущества. Шагающий конь под седлом Василия Дмитриевича до нашествия Едигея в печати при его духовных грамотах превратился в летящего. А на печати его брата Константина, в 1411–1414 гг. управлявшего одновременно Новгородом и Псковом, помещены два шагающих навстречу друг другу коня со светскими всадниками. Церемониальный шаг коня на печатях 1440-х годов можайского князя Ивана Андреевича и тверского Бориса Александровича отражает их претензии на сохранение равного статуса с великим князем московским.

В ряде случаев изображения лошадей отличаются особой оригинальностью. Так, на печатях князя-рыцаря Мстислава Удатного конь необычно массивен, как если бы он подбирался для богатыря. На одной из печатей Василия Темного (1425–1462) из Старой Русы под седлом иноходец. Только на печатях Александра Невского встречается сюжет с конем, ведомым в поводу св. Федором в сцене поражения змея. А ведь именно отец Александра Ярослав (Федор) Всеволодович смог приостановить нашествие монголов и сохранить династию, хотя для этого ему пришлось спешиться перед ханами. Зато конь под самим Александром несется во весь опор.

Кони есть на всех печатях Александра Невского, на некоторых печатях трех из его сыновей (Дмитрия, Александра и Даниила) и внука Юрия Даниловича, но нет у Ивана Калиты и его наследников, однако вновь появляются у его внука Дмитрия Донского, при котором страна вновь вступила в вооруженную борьбу за независимость.

Особый интерес представляют изображения на печатях Василия Темного. На грамоте 1428 г. он восседает на шагающем коне, в 1430-е — середине 1440-х годов этот атрибут сменяется бюстом в лучистой короне, в 1447–1448 гг. — обнаженной фигурой у столба, видимо, связанной с полученным еще в 1433 г. статусом князя Коломенского, а с 1450 г. — квадригой, которой управляет наездник в лучистой короне. Последний сюжет отно-

сится к периоду после ослепления и отсылает к популярному в Античности и Средневековье культу непобедимого Солнца (Sol Invictus), связанному с символикой вознесения умерших императоров и воспринимавшемуся как прообраз воскресения Христова: «Я есмь свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8:12).

Пришедший на смену отцу Иван III обратится к конской символике лишь в последние годы жизни — появившийся на его печати наездник поражает змея на скаку, что характерно для сюжета «чудо о змее», популярного во всех христианских странах Средневековья и Нового времени, но особенно на рубеже XV–XVI столетий, когда борьба за чистоту веры стала особенно непримиримой.

А. А. Гущина

**Изображение лошади на некоторых
археологических предметах среднесарматского времени
с территории Нижнего Поволжья и Подонья**

Сарматы являлись кочевым народом и лошадь играла важнейшую роль в их жизни. Многие античные авторы указывали на то, что сарматы с юного возраста жили бок о бок с лошадьми — использовали их в постоянном передвижении по степям, а также в военных походах.

Изображения лошадей в однофигурных и многофигурных (жанровых) композициях встречаются, как правило, на престижных предметах, к которым относятся украшения, бронзовые и серебряные сосуды.

К однофигурным композициям можно отнести изображения лошадей на браслетах. Одним из примеров является золотой браслет, обнаруженный в 1902 г. в кургане № 4 у с. Армавира (Ростовская область) при раскопках под руководством Н. И. Веселовского. Концы браслета были оформлены в виде лошадиных голов. Данное изделие В. И. Мордвинцева и М. Ю. Трейстер отнесли к категории наручных браслетов I–II вв. н. э., изготовленных из круглого в сечении дрота с концами, оформленными в виде лошадиных головок. Авторы определили технику изготовления этого экземпляра: «ковка, тиснение, пайка, филигрань». И. П. Засецкая в своей монографии дает более детальное описание данного украшения, указывая, что вокруг сохранившейся головы лошади присутствует филигранный ободок из рубчатой проволоки, а также описывает технику его изготовления: «басма, пайка, филигрань». Наконечник в виде головы спаян из двух половин (внутри полый), выполнен в технике басмы по скульптурной модели из твердого материала. Шов спрятан с помощью напаянной рубчатой проволоки.

Также к однофигурным композициям можно отнести ручки бронзовых котлов в виде фигурок лошадей. К такой категории

можно отнести случайную находку бронзового котла у хутора Киляковка (Волгоградская область). Котел имел три ручки на тулове: две из них — в виде заглядывающих внутрь сосуда козлов, а третья — в виде лошади с седлом. Седло изображено с высокими луками (передняя немного выше, чем задняя). Наличие жесткого седла у сармат является дискуссионным вопросом, однако А. В. Симоненко уверен, что на котле из Киляковки изображен сарматский конь, так как фигура выполнена в «варварской манере» и присутствует подпруга, которая охватывает широкую часть груди коня ближе к передним ногам. Котел датируется второй половиной I — первой половиной II вв. н. э. Также бронзовый литой котел с ручками в виде фигурок лошадей и носиком-сливом найден в кургане 9 могильника Валовый I (Ростовская область). Ручки в виде стоящих фигурок лошадей с повернутыми назад головами располагались диаметрально противоположно в верхней части тулова. Перпендикулярно от ручек в виде фигурок лошадей располагались ручки в виде фигурок вепрей. Сосуд датируется II в. н. э.

К многофигурным (жанровым) композициям можно отнести изображения на серебряных сосудах. В пример можно привести изображения на серебряном сосуде из погребения у с. Косики (Астраханская область). На верхнем фризе мастер изобразил две одинаковые сцены конной охоты на кабана, в нижней части — две сцены вооруженного сражения: воин-катафрактарий выбивает из седла лучника; конный лучник, натягивающий тетиву короткого лука (центр этой сцены был утрачен), правее располагается раненная в холку лошадь. По предположению авторов раскопок, в утраченной части был сам сбитый всадник. На седлах лошадей без всадников видны выступающие луки, как и на котле из хутора Киляковка. Похожая сцена присутствует на серебряном сосуде из курганного могильника «Вербовский II» (Волгоградская область). На корпусе изделия присутствуют несколько охотников, которые сидят на взнузданных лошадях. Один сидит в свободной позе, немного откинувшись назад, второй изображен в момент нападения на кабана. Жеребец взнуздан. Узда состоит из тонких ремней, стержневых псалиев, а повод свисает свободно. Изображения не

полные, отсутствуют верхние части людей, голова одной лошади, но на второй — различима узда.

Таким образом, изображения лошадей на предметах престижа (украшения, бронзовые и серебряные сосуды) также могут свидетельствовать о важной роли коня в жизни сарматских племен.

С. Б. Егоров

Лошадь в традиционной культуре вепсов

Вепсы — один из коренных народов Северо-Запада России, территория обитания которого расположена в сопредельных районах Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. В лингвистическом отношении этот этнос относится к прибалтийской финской подгруппе финно-угорской группы уральской (урало-юкагирской) языковой семьи.

Вероятно, древние предки вепсов начали использовать лошадь в хозяйственных целях под влиянием индоевропейского населения. Об этом, в частности, свидетельствует «лошадиная» терминология прибалтийско-финских народов, восходящая к индоевропейским языковым основам.

Согласно реконструкциям археологов, в период раннего Средневековья у предков вепсов совершалось жертвоприношение лошади и захоронение ее вместе с умершим человеком. Популярностью в тот период пользовались бытовые предметы и амулеты с конскими изображениями.

Благодаря периферийному положению длительное время лошадь до современности играла важную роль как в хозяйственной жизни, так и в духовной культуре вепсов.

Из-за мелкоконтурности сельскохозяйственных угодий в вепском крае машинная техника могла применяться в ограниченных масштабах. Это способствовало активному использованию лошади в сельскохозяйственном производстве вплоть до конца XX в.

Трудно переоценить транспортное значение лошади. В большинстве вепских районов дороги, проезжие для автомобильного транспорта, стали появляться только в последней четверти XX в. Сообщение между некоторыми деревнями было возможно только по тропам. Поэтому основным видом сухопутного транспорта был гужевой, а среди транспортных средств преобладали полозовые и волокуши.

В зимний период на дровнях, запряженных лошадей, вывозили из отдаленных сельскохозяйственных угодий, находящихся в нескольких километрах от поселений, заготовленное сено, а также зерновые культуры и репу. На лошадях отправляли в административные центры, к водным пристаням и железнодорожным станциям сельскохозяйственную продукцию и доставляли оттуда необходимые товары, переправляли почтовую корреспонденцию в отдаленные деревни.

Такая ситуация определила сохранение вплоть до конца XX в. традиции самостоятельного изготовления традиционных транспортных средства мужчинами-вепсами. В большинстве деревень имелись кузницы, где подковывали лошадей и производили ремонт транспортных средств.

Во второй половине XIX в., когда в вепском крае началось интенсивное развитие лесозаготовок, лошадь первоначально была единственным средством для транспортировки бревен от участков вырубki до сплавных рек. Крестьянин с лошадью зарабатывал заметно больше, чем простой лесоруб. В 1920-е годы в разных вепских поселениях в лесозаготовительном промысле участвовало от 23 до 90 % взрослого населения, а доля дохода от него в бюджете хозяйства составляла 30–40 %.

Летом лошадей выпасали в ночное время, так как днем их использовали в хозяйственных целях. В холодный период животных держали в хлеву, отгораживая для них отдельную от другого скота часть. Конюшни стали строить в связи с обобществлением в период коллективизации.

Но лошадь имела не только важное хозяйственное значение в повседневной жизни вепсов, но и занимала значимое место в духовной культуре. Согласно представлениям вепсов мифологический персонаж, считавшийся хозяином хлева, больше внимания из всего скота уделял именно лошади. Если животное нравилось «хлевному хозяину», то он заплетал гриву в косички, в противном случае — мучил.

Лошадь непременно использовалась в таких обрядовых действиях как свадьба и похороны. Предметы, связанные с лошадью, использовались в качестве амулетов и предметов для гаданий. Считалось, что с ее помощью можно овладеть спрятан-

ным на дне водоема кладом. Место остановки лошади с заготовленными бревнами выбиралось для строительства храма.

Изображение коня характерно для украшения декоративных частей жилища, а также для вышитых полотенец вепсов. Важное место отводилось образу лошади в заговорах, использовавшихся для лечения некоторых болезней. По представлениям вепсов радуга выступала в качестве небесного коня, что отразилось в ее названиях, в частности *jumalanheboine* («божья лошадка»). Лошадь была и очень популярным персонажем вепского фольклора (сказок, легенд, загадок, пословиц, поговорок).

Особое место занимала лошадь в календарной обрядности. Так, одним из персонажей святочного ряжения выступал «конь». Существовали и особые «лошадиные праздники», приуроченные к дню семи братьев Маккавеев (*Makavanpäi*, 1/14.08) и святых Флора и Лавра (*Hloranpäi*, 18/31.08). Обязательным в эти даты было купание в водоемах лошадей и освобождение их от работы.

Таким образом, представленные материалы свидетельствуют о том, что лошадь являлась животным, которое вносило огромный вклад в хозяйственную деятельность вепсов и участвовало в формировании их этнокультурной самобытности.

И. О. Ермаченко

**Кавалерийская служба и конно-гужевой транспорт
в полосе отчуждения КВЖД (конец XIX — начало XX в.)**

После постройки КВЖД ее полоса отчуждения, включая Харбин, быстро выросший в крупный торгово-промышленный центр, превратилась в особую зону разноплановых контактов российского и китайского населения. Взаимодействие различных хозяйственных укладов, административных устоев и культурных традиций создавало — демонстративно или латентно — специфические условия развития практически для всех сфер деятельности, не исключая и коневодство. В частности, состояние дел в китайской ветеринарии провоцировало перманентную возможность эпизоотий, угрожая как хозяйственным интересам российских подданных в Маньчжурии, так и задачам обороны русских поселений и самой магистрали, ставшим особенно насущными в связи с подавлением восстания ихэтуаней и с непрекращающейся «отвратительной хунхузиадой» (выражение из «Харбинского вестника»). Противодействие подобным угрозам, а также росту враждебности со стороны Японии после ультимативной аренды Россией Квантунского полуострова в значительной степени возлагалось на кавалерийские части — как Приамурского военного округа, так и охранной стражи дороги, нижние чины которой набирались из рядов казачества. Была разработана система сигнализации между постами, а также взаимодействия пеших и конных стражников, несших службу вдоль железнодорожного полотна. В 1901 г. эта служба КВЖД была трансформирована в Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи, что сказалось на организации ее кавалерийских частей.

Начало Русско-японской войны, неудачный ход которой вызывал самое пристальное внимание русского общества, привело в итоге к обсуждению в прессе вопросов постановки кавалерийского дела в России и в Японии, к сравнениям качеств

русской и японской конницы, не совпадавшим с распространенной лубочной трактовкой. Война с Японией, помимо прочего, дала импульс к созданию в 1906 г. журнала «Вестник русской конницы». Примечательные материалы на эту тему обнаруживаются и в харбинских изданиях. В дальнейшем, после скорой нормализации отношений с Японией, внимание российских властей и разведки стала все больше привлекать организация кавалерийских частей в Китае.

Весьма актуальными для русских поселенцев полосы отчуждения являлись и проблемы развития конно-гужевого транспорта. Сибирско-дальневосточная система железных дорог на рубеже веков не могла обойтись без вспомогательной конной тяги, что особенно ярко проявилось в организации интенсивной гужевой переправы по льду Байкала, в том числе рельсовой (зимой 1904–1905 гг.), как необходимого дополнения к строящейся Кругобайкальской железной дороге. Однако и на самой КВЖД существовали подобные, хотя и не столь очевидно выраженные проблемы. Интересны сохранившиеся в русской прессе и мемуарной литературе зарисовки, содержащие описания местных лошадей, повозок, возниц, дорог, нередко в прямом сравнении с транспортными реалиями «настоящей» России. Притчей во языцех оставались китайская арба и коляска-«фудутунка» — символические образы русского ориентализма, имевшие заметное изобразительное воплощение также в графике и фотографии. В целом рассматриваемые аспекты бытовой среды и символической сферы полосы отчуждения КВЖД представляют интерес с точки зрения многостороннего анализа результатов столкновения традиционалистского и модернизационного векторов развития, «монгольской лошадки» с «железным конем».

В. А. Есис

Полые подвески-«коньки» как отражение мифологических представлений восточных славян и финно-угров

Женские зооморфные украшения были распространены в разных формах у многих этнических групп, включая финно-угорские и восточнославянские племена. Несмотря на принадлежность представителей данных народностей к различным этноязыковым семьям, между ними происходил постоянный культурный обмен. Единичные упоминания о контактах восточных славян с финно-угорским населением содержатся в летописях. Они датируются IX в. и связаны в первую очередь с военными походами: «Поиде Олгъ, поемъ вои свои многы: варягы, чюдь, словѣны, мѣрю, весь, кривичи...» Большая территория расселения финно-угорских племен содействовала формированию широких экономических и торговых связей, что обеспечивало взаимное обогащение не только материальных культур, но и мифологической традиции рассматриваемых этнических групп.

Так, при изучении религиозных представлений восточных славян и финно-угров, заметны некоторые общие культы, символы и элементы мировоззрения. Одним из таковых является культ коня, отразившийся в декоративно-прикладном искусстве. Ярким примером выступают полые подвески в виде «коньков», датируемые XIII–XIV вв. и распространенные как на севере Древней Руси, так и на протяжении торгового пути «из варяг в греки». Зооморфные подвески, дополненные звенящими привесками, в научной литературе получившие название «шумящие», являются характерным элементом финно-угорской материальной культуры. Они имели декоративное и символическое значение: считалось, что звон металла может отгонять злых духов и помогать исцелять болезни. При этом они также отражают как межрегиональные, так и межэтнические связи, сложившиеся на рубеже Высокого и Позднего Средневековья.

На древнерусских землях данные украшения распространялись в период утверждения и активного распространения христианства среди славянского населения, однако сам факт их использования говорит о сохранении языческих верований. Они выполняли роль амулетов и оберегов, и, соответственно, являются одним из важных источников по истории религиозной ситуации на территории не только финно-угорских племен, но и Древней Руси. Особое значение археологическим данным изучаемого периода придает небольшое количество и малая информативность письменных источников.

В вопросе трактовки значения полых «шумящих» подвесок-«коньков» основным источником информации являются этнографические материалы, что обуславливает применение метода ретроспекции, а также историко-генетического метода. Символически амулет может быть разделен на две части: звенящие привески и основа в виде лошади. Шум, производимый средневековыми финно-угорскими украшениями, был наделен магической силой. Звуковые эффекты в традиционных верованиях финно-угров являлись одним из ключевых элементов: шумом и особыми звуками обозначали свое присутствие «нечистые силы» и духи, и с помощью шума их же можно было отогнать. Звуковой компонент был важным атрибутом шаманской практики. Все эти факторы обусловили широкое распространение «шумящих» украшений как среди представителей финно-угорских этнических групп, так и их ближайших соседей, восточных славян. Судя по этнографическим данным, у восточнославянских народностей существовали представления о защитных функциях металла, а на территориях, смежных с финно-угорскими, также о способности его звона отпугивать нечисть.

Лошадь, являясь хтоническим существом, в народном мировоззрении как славян, так и финно-угров, наделялась способностью путешествовать между мирами, включая «мир живых» и «мир теней», что определяло ее участие во множестве обрядов и ритуалов, особенно в обрядах перехода: свадебных, похоронных, календарных и др. У финно-угорских народностей, согласно этнографическим данным, существовал, с одной стороны, ряд календарных праздников, символизовавших круговорот «Жизни», где лошади приносились в жертву во имя ее продол-

жения; с другой стороны, в ритуалах, призванных отвести болезни или же, когда речь шла о «Смерти», именно лошадь часто использовалась как жертва. Также прослеживается связь животного с солярным культом и высшими божествами, например, с солнечной птицей Калташ.

У восточнославянских народов конь имел двойственную природу. Мотивы сказок, легенд и быличек указывают на его способность предсказывать будущее, распознавать потусторонние силы и т. д. Амбивалентными свойствами наделялся конский череп в ритуале: на Полесье его сжигали на купальском костре как воплощение «ведьмы»; в то же время, у славян было распространено его использование как оберега. Как правило, конь выполнял символическую роль в свадебных и похоронных обрядах: на свадьбе нужно было ехать на хороших, быстрых конях, чтобы несчастья не догнали; для свадеб и крестин нельзя было использовать лошадь, везшую покойного; конь, который был под покойным, потом выполнял самые тяжелые виды работ.

Т. В. Жиброва

**«Грива налево, во лбу звезда»:
записная книга г. Воронежа о продаже лошадей
(начало XVIII в.)**

В материалах Воронежской приказной избы конца XVII — начала XVIII в. сохранилось довольно много документов, так или иначе связанных с лошадьми. Чаще всего в них речь идет о кражах, а также о поимке и наказании конокрадов. Долгое время лошади занимали важное место в жизни людей, отсюда довольно значительный пласт документов, связанный с этими животными. В таможенных избах такие записи составляли отдельное делопроизводство. В Государственном архиве Воронежской области сохранилось два документа такого рода. Это, прежде всего, книга таможенных сборов за купленных и обменных лошадей с конной площадки Воронежского уезда за 1707–1709 гг. и записная книга г. Воронежа о продаже лошадей (с пометкой: «нет начала»). В деле 174 листа с оборотами, исписанными разными почерками. Предположим, что книга находилась постоянно в работе. Напротив имен поручителей, продавцов и покупателей видим отметки «за руками». Можно предположить, что записная книга тоже была составлена не ранее 1707 г., так как на ее страницах находим выписи о покупке/продаже лошадей, датируемые июнем 1707 г. Книга начинается ноябрем, потом идут записи за декабрь, которые сменяют июньские отметки. Предположим, что листы книги перепутаны или были утеряны.

Структура записей однообразна и содержательна. Каждый абзац книги начинается с указания числа сделки, социального статуса и имени продавца. Далее следует очень подробное описание проданной лошади. Отметим здесь, что термин конь в подобных документах употреблялся в значении «боевого», военного коня. В основном на страницах книги находим записи о продаже и покупке лошади, то есть мерина или жеребца, кобылы.

Обращает на себя внимание то, что масть лошади и ее характерные отметины указывались очень подробно: «грива налево», «уши пороты», «во лбу звезда» и т. д. Обязательно указывался возраст лошади «пяти лет», «семи лет» или «сросла». Последним термином обозначалась лошадь старая, предположительно возрастом более десяти лет.

Покупатель лошади в записной книге указывался как «купец». У продавца обязательно должны были быть поручители в «чистке» лошади. Предположим, что речь идет о том, что лошадь не украдена, не больна, действительно принадлежит продавцу и возрастом соответствует описанию. Поручители в обязательном порядке ставили здесь же на страницах книги свои подписи, их имена фиксировались. Среди продавцов лошадей — воронежцы и приезжие люди. Средняя стоимость лошадей на воронежском рынке составляла 3–5 рублей. Цена варьировалась в зависимости от возраста лошади и ее качеств.

Интересно, что кроме покупки-продажи записная книга содержит упоминания об обмене лошадьми. В случае обмена могло существовать два варианта развития событий: с наддачей (то есть с доплатой) или «ухо на ухо» (то есть без доплаты).

Социальный состав покупателей по записной книге также неоднороден. Лошадей активно покупали посадские люди, крестьяне, священнослужители, мелкие служилые люди, «морского плоту матрос», плотники, причем это необязательно должны были быть местные жители. На страницах записной книги упоминаются калужские кузнецы, архиерейские певчие.

Торговля лошадьми в Воронежском уезде в XVII — начале XVIII в. — важная составляющая часть жизни людей того времени, о чем сам за себя говорит факт составления отдельной документации, отличной от ежегодных таможенных и кабацких книг. Записные книги сохранили имена и социальный статус продавцов и покупателей, рыночную стоимость лошадей, сведения о суммах уплачиваемых пошлин. Это ценный и, что немало важно, достоверный источник по экономической истории региона.

В. М. Жигалов

Лошади в мероприятиях по строительству укреплений, в полковой и городской службе Белгородского разряда

Обозначенная нами тема имеет конкретную географическую привязку, соотносящуюся с городами Белгородского разряда — военно-административного округа, включавшего в разные годы от 15 до почти 100 городов. В настоящее время его географические рамки определяются городами Центрального федерального округа Российской Федерации, части территории Луганской и Донецкой народных республик и части территории Украины.

Хронологические рамки существования округа охватывают период с начала его формирования в 1630–1640-е годы вплоть до упразднения в 1708–1711 гг. Это время характеризуется активным строительством новых городов и оборонительных сооружений в Днепро-Донском междуречье. Комплекс вновь построенных укреплений Белгородской и Новой черты вкупе с отдельно стоящими моногородами позволил перекрыть основные пути вражеских вторжений: Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи.

К этому времени в России был выработан весьма эффективный способ быстрого возведения деревоземляных укреплений, успешно примененный на рассматриваемой территории. Человек здесь, безусловно, играл главную роль: его физическая сила, строительные навыки и организаторские способности. В то же время практически при полном отсутствии механизмов основная тяжесть по перемещению грунтов и доставке лесоматериалов пришлось на «конскую тягу», на лошадей.

Параллельно со строительством городов-крепостей на территории разряда формируется региональное воинское соединение — Белгородский полк, направление деятельности которого определялось Азовом, Крымом, Киевом и рядом других городов. В этом случае лошади играли большую роль как для опера-

тивного перемещения войск, так и для перевозки полкового имущества.

Анализ архивных источников, материалов Разрядного приказа, в чьем ведении находилась рассматриваемая территория, позволяет выделить две основные области военного использования лошадей — в оборонительном строительстве и при организации ратной службы. В историографии тема лошадей (коней) рассматривается в основном в контексте их использования в походной полковой службе, в обозах, либо при строительстве и организации городской службы конкретного города, а также в форматах статистики или при совершении их купли-продажи. В этой связи акцентированное обращение к теме роли лошадей в строительстве укреплений в конкретном регионе и в связке с организацией полковой и городской служб рассматривается впервые, что говорит об актуальности разработки данной темы в настоящее время.

Источниковая база, имеющаяся в нашем распоряжении, позволяет определить основную терминологию, характеризующую лошадей при использовании по назначению, проследить основные виды работ, к которым привлекались лошади при строительстве укреплений, проследить организацию и условия их содержания, а также определить основной функционал лошадей в организации городской службы.

При определении принадлежности лошадей в источниках использован оборот «государевы лошади», то есть государственные — казенные. При этом по назначению эти лошади подразделялись на «подъемных» — для перевозки различных грузов и строительных материалов, и полковых или драгунских, ориентированных в первую очередь на военные действия.

В качестве одного их наиболее массовых примеров применения казенных лошадей в мероприятиях по организации обороны страны в XVII в. следует рассмотреть проект по сооружению укреплений через Муравский шлях в 1646 г. Для производства дерево-земляных работ в зоне ответственности Большого и Передового полков, а также для полков, обеспечивавших безопасность строительной группировки, было задействовано почти 10 000 лошадей.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что раздача «государевых» лошадей «на корм», то есть на содержание, по городам являлась весьма эффективной формой сохранения государева казенного поголовья, которое в определенный момент привлекалось для решения новых задач. По этой причине процесс распределения лошадей на содержание сначала по уездам и городам, а внутри — по отдельным служилым людям, по их группам или по селам и монастырям, превращался в дело государственной важности и особой материальной ответственности. Временно розданные лошади подлежали специальной приемке и в случае их нехватки, например, при необоснованном их падеже или пропаже, необходимо было поставить замену своими лошадьми либо компенсировать недостачу деньгами.

Использование лошадей в городской службе носило несколько иной характер: здесь преобладали лошади, которые, по сути, были личным имуществом служилых людей, но в то же время из-за их утраты «на бою» или в случае падежа при фортификационных работах государство старалось компенсировать такие потери.

В целом полученные результаты позволяют существенно расширить представление о роли лошадей в деятельности служилых людей, чья жизнь неразрывно была связана с этими животными, а также представить значение лошадей в деле организации обороны.

Н. В. Жилина

Формирование декоративного изображения лошади (по материалам археологии и народного искусства)

Красивое связывается в восприятии человека с целостной завершенной формой. Отыскание порядка в видимом имеет биологическую основу. Человек, отталкиваясь от вида природных объектов, синтезирует новые целостные ритмичные образы, обобщает сходные формы и отказывается от неправильности.

Образы лошадей участвуют в совокупностях животных, отраженных наскальной живописью эпохи верхнего палеолита. Возникает стремление к созданию регулярных композиций: противостояние уравновешенных групп животных (пещера Ляско); горизонтальные фризы (пещера Фон де Гом); центрированные с мамонтом в центре и лошадью в ближнем круге (пещера Руфиньяк, Франция). Здесь отражена эстетическая составляющая при сохранении смыслового и религиозно-магического значения изображений.

Выделение правильных пропорций живого существа плоскостным и объемным образом — основа создания изображений любого вида, задачи и стиля, где природные пропорции сохраняются в разной степени.

В наскальной живописи и гравировке созданы и реалистичные красочные изображения лошадей с иллюзией объемности и динамики, и линейное графическое — с передачей натуральных пропорций. Реалистичное скульптурное изображение создает даже иллюзию звука ржания лошади (Пещера Мас д'Азиль, Франция).

Формирование упрощенного и красивого декоративного изображения происходит разными путями. Овладевая линией и ее сочетаниями, работая с элементарными объемами, человек находит ритмику и структуру как для отдельного декоративного изображения, так и для декоративной композиции (розетка, сет-

ка, бордюра). Другой путь — упрощение реалистических изображений по схеме А. Брейля (на примере головы лошади).

Упрощенное изображение необходимо для образования понятного письменного знака. Правильно построенное упрощенное или усложненное изображение доставляет эстетическое удовольствие, что важно для искусства в целом и для декоративного искусства особенно. Человеку достаточно рациональных форм предметов, но они украшаются.

Нужно вписать фигуры в образуемые предметом поверхностные зоны. Отдельные изображения становятся равновеликими раппортами полосы бордюра. Изображение может сохранять реалистичность и хорошую узнаваемость. Но возникает новый, декоративный ритм фигуры лошади, искажающий натуральный. Голова опускается для соответствия параллельным границам полосы (изображения на удлинённых костях, часто на лошадиных ребрах (пещера Пекарна, Моравия)).

Линии, разрабатывающие фигуру внутри, сохраняют изобразительность, показывая детали морды или тела лошади, вторят общим очертаниям. Отрезки линий имеют тенденцию стать одинаковыми или кратными относительно некоей величины. Возникает декоративная штриховка (схематичная гравировка головы лошади, Аруда; наскальный рельеф лошади из пещеры Лурд; Франция).

Меняется внутренний ритм фигуры лошади: декоративно используется грива, развевающаяся при движении и увеличивающая объем головной части, очерчиваемый дугой (скульптура, пещера Фогельгерд, Германия). Фигура дуги повторяется, дуги стремятся к равновеликости и кратности друг другу. Внутреннее соотношение составляющих изображения доходит до математически правильных соотношений. Форма нашивной бляшки в виде лошадки (стоянка Сунгирь, Владимир) образована почти равновеликими дугами, образующими голову с гривой, спинную выемку и брюшко. Равновеликие фигурки при нашивании на одежду формируют орнаментальные композиции. Они далеко ушли от реалистичности, но декоративный контур сохранил узнаваемый контур лошади.

Дугообразная трактовка развевающейся гривы дала декоративный канон, известный и значительно более позднему искус-

ству. Основанная на сходных дугах декоративная форма изображения лошади вырабатывается на средневековых детских игрушках-кониках (Великий Новгород). Сходные образы дают изделия народных промыслов (Городецкие игрушки-лошадки; растительная ветвь росписи повторяет дугу гривы и форму тела).

Закономерности формирования декоративно-конструктивного ритма работают при объемном слиянии изображения с конструктивной формой предмета. Скульптурный образ зверя на охотничьей копьёметалке нужно изменить настолько, чтобы он не противоречил конструкции орудия и даже стал ее частью. Фигура лошади получила форму без лишних выступов, позу с вытянутой головой и подогнутыми ногами, а один из выступов — задняя часть тела поставлена в позицию выступа копьёметалки для направления полета копий (Абри Монастрыюк, Франция). К орнаментализации ведет и проработка деталей, выделяющих наиболее важные, сильные и красивые части образа зверя, уши, волосяной покров.

Рассмотренные процессы создают предпосылку для образования мотивов и элементов орнамента. Мотив может быть разделен, умножен, а части использованы в ритмическом орнаментальном порядке.

На примере образа лошади рассмотрено формирование ее декоративного изображения, сходный путь к эстетике проходят и изображения других животных.

А. А. Задерейчук

Коневодство и коннозаводство в роду Фальц-Фейнов

Фальц-Фейны — известный род обрусевших немцев, представители которого проявили себя в разных сферах жизни Российской империи: сельскохозяйственном производстве, благотворительности, самоуправлении. Один из представителей этого рода Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн стал основателем всемирно известного заповедника Аскания-Нова и участвовал в сохранении лошади Пржевальского.

Начало коннозаводства в семье было заложено одним из первых представителей этого рода в России Фридрихом Фейном. Первый завод, вероятнее всего, был основан после приобретения имения Преображенка, так как согласно источникам в 1845 г. здесь «уже имелся табун лошадей, облагороженных английской кровью», который далее вплоть до 1856 г. путем ремонта и селекции доводился до совершенства. С расширением земельной собственности и покупкой имений представителями рода Фальц-Фейнов заводы основывались и в других экономиях: в Ивановке, Черноморье, Аскании-Нова, Дорнбурге, Михайловке, Александровке, Успенке и Гавриловке.

Занимались заводы разведением верховых и упряжных животных чистокровных и полукровных английских, рысистых и арабских пород, а также англо-арабских, полурысистых и смешанных. Число жеребцов-производителей варьировалось от 5 до 17 на разных заводах, маток — от 30 до 94. Производителями на заводах Фальц-Фейнов были собственные жеребцы, что являлось редким исключением. На всей территории Новороссии было известно лишь шесть подобных заводов. Кроме того, считалось, что на заводах Фальц-Фейнов одни из самых лучших и более кровных маток. Ежегодный средний приплод составлял от 20 до 30 животных, сведения о которых публиковались в специальных «Добавлениях» к заводским книгам, где указывались все необходимые характеристики лошадей.

На заводах Фальц-Фейнов практиковалось табунное коневодство. Зимой животные получали солому и сенные объедки из-под овец; зерновой фураж давался только в период случки и выжеребки. С апреля по ноябрь лошади паслись на подножном корму и нередко на целинных степях. Чистокровные и улучшенные экземпляры полукровок и приплод каждого года до трехлетнего возраста пользовались улучшенным и усиленным зерновым кормом до 12 фунтов в день. Каждый табун находился под присмотром старшего табунщика, помощника и одного мальчика, исполнявшего обязанности кухаря.

Одним из наибольших успехов коннозаводства стало внедрение искусственного оплодотворения. Впервые оно было успешно применено в Аскании-Нова известным исследователем профессором И. И. Ивановым, а в дальнейшем распространилось и в других имениях Фальц-Фейнов.

Лошади из конюшен Фальц-Фейнов многократно демонстрировались на различных выставках и получали там высокие награды. Всего в период с 1885 по 1903 г. на выставках и за поставку ремонта было получено 55 наград: 18 золотых медалей, 22 серебряных, 7 бронзовых, а также 8 похвальных отзывов. Являясь признанными коннозаводчиками, Фальц-Фейны неоднократно входили в состав выставочных комитетов или же выступали организаторами выставок лошадей, например, в Каховке. Кроме того, лошади Фальц-Фейнов принимали участие в конских скачках по всей империи: в Москве, Одессе, Риге, Симферополе, Каховке, принося своим хозяевам немалые прибыли. Так, в период с 1885 по 1903 г. лошади Фальц-Фейнов принесли своим хозяевам около 100 тыс. руб. и 34 серебряные вещи на общую сумму 5875 руб.

Постепенно благодаря участию в выставках и скачках заводы приобрели широкую известность среди любителей лошадей в империи и стали пользоваться широким спросом. Некоторые дореволюционные исследователи коннозаводства полагают, что разведением чистокровных животных Фальц-Фейны занимались в том числе и с целью «иметь собственных лошадей для состязания на ипподромах», дабы привлекать потенциальных покупателей. Кони фальц-фейновских заводов продавались: любителям-коневодам в частные конюшни в среднем от 100 до 1000 руб.

за животное, в ремонт от 150 до 450 руб. Например, в имении Аскания-Нова в период с 1904 по 1913 г. было продано 260 животных на общую сумму 90 594 руб. Также из молодого поколения отбирали животных и отправляли в качестве ремонтных в армию.

Известность Фальц-Фейнов как опытных коннозаводчиков способствовала тому, что представителей этого рода приглашали в качестве экспертов на съезды коннозаводчиков. Например, когда в 1910 г. в Москве состоялся первый Всероссийский съезд коннозаводчиков, его активным участником стал В. Э. Фальц-Фейн. В процессе работы съезда он неоднократно высказывал свое мнение по обсуждаемым вопросам.

Заслуги Фальц-Фейнов в коневодстве и коннозаводстве были отмечены при составлении герба одной из ветвей этого рода. Когда в 1913 г. А. Э. Фальц-Фейну было пожаловано потомственное дворянство в сопроводительной записке к составлению герба значилось: «Изображенные в гербе дворян Фальц-Фейн эмблемы указывают: золотая корона в червленой главе щита на возведение представителя сего рода Александра Фальц-Фейна в потомственное дворянское достоинство, а конская голова на занятие коневодством».

Н. Н. Задорова

История становления племенного коневодства в Чувашии

Становление и развитие племенного коневодства в Чувашской Республике, образованной в 1920 г. из части уездов Казанской и Симбирской губерний (в 1920–1925 гг. — Чувашская автономная область), неразрывно связано с историей частного землевладения. Базой для зарождения племенного коневодства стали частновладельческие лошади.

Первое упоминание о крупном по количеству лошадей хозяйстве на территории современной Чувашии относится к конному заводу в селе Семеновское Порецкой вотчины графа С. А. Салтыкова (Симбирская губерния). Как свидетельствуют архивные источники, восстание Емельяна Пугачева, прошедшее через эту вотчину, привело к погромам и уходу пугачевцами из господского конного завода 168 лошадей, после чего 200 оставшихся поделили между собой местные крестьяне и жители соседней Мордовии. В конце XVIII в. эта вотчина перешла к Мятлевым и на 1846 г. его владелица В. И. Мятлева имела 8 жеребцов и 40 конематок. Чуть позже здесь же появились конные заводы Батурина и графа Толстого с поголовьем до 10 племенных кобыл преимущественно верхового сорта.

В 1867 г. в Казанской губернии насчитывалось 6 конных заводов, однако уже в 1878 г. таковых стало уже 23.

В территорию современной Чувашии вошли Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уезды Казанской губернии. В Чебоксарском уезде были крупные землевладения, например, барона Жомини (при Козловской пристани), личной дворянки Л. Ф. Вотчал, владельца винокуренного завода и 72 лошадей купца И. Щепочкина, чебоксарских купцов А. Е. Кадомцева, Ф. И. Погуткина и др., но ни одно из них не обладало статусом конного завода. Однако в уезде располагалась Чебоксарская земская случная конюшня, закрывавшая потребности в племенном конском поголовье.

Проведенная Главным управлением государственного коннозаводства в конце XIX в. конская перепись выявила в Цивильском уезде два конных завода. Это организованный в 1885 г. в сельце Мамино завод потомственного дворянина Александра Михайловича Арцыбышева и появившийся в 1892 г. в селе Иваново конный завод купца-хлеботорговца 2-й гильдии Николая Петровича Курбатова. Оба завода специализировались на разведении лошадей орловской рысистой породы, в каждом насчитывалось в среднем по 2 жеребца и 10 кобыл, кроме того в хозяйстве Курбатова разводили племенных бельгийских тяжеловозов, а Арцыбышев состоял старшим членом Казанского общества охотников конского бега и имел в своем заводе жеребца Говора 2-го, родного брата одного из известнейших производителей в орловской рысистой породе и рекордиста — серого Корешка.

В Ядринском уезде значительные помещичьи имения появились в последнее десятилетие XIX в. после приобретения 150 десятин местных земель чебоксарским купцом Ефремовым и предпринимателями братьями Таланцевыми, однако в чувашской части Козьмодемьянского уезда находилось крупное имение Засурское, принадлежавшее отставному военному, графу Петру Петровичу Зубову. В его имении находилось 14 лошадей, в том числе три высококровные верховые лошади.

В 1918 г. во всех уездах будущей Чувашской Республики были национализированы и взяты на учет 17 помещичьих имений. К 1920 г. в семи из них были устроены совхозы, два из них специализировались на племенном коневодстве. Это организованный в январе 1918 г. в имении купца Н. П. Курбатова в Цивильском уезде Ивановский совхоз с 11 жеребцами-производителями на балансе и Засурский совхоз им. Ленина в бывшем имении графа П. П. Зубова в Ядринском уезде с 26 кобылами, получившего в 1926 г. статус Засурского племенного рысистого конного завода республиканского значения. Комплектование последнего произвели за счет покупки на средства Наркомата земледелия Чувашской автономии племенного поголовья (14 рысаков орловской рысистой породы и орлово-американских метисов) из племрассадников Москвы и Ленинграда. Эти хозяйства стали племенной базой для зарождающейся племенной коневодческой отрасли молодой советской республики.

О. П. Игнатьева

**Вокруг коня:
опыт этнографического изучения кочевой культуры**

Существует множество разнообразных подходов к этнографическому изучению традиционной культуры. В числе наиболее практичных способов следует отметить метод, направленный на выделение и всестороннее исследование ключевого для культуры объекта. Для многих кочевых и посткочевых (перешедших к оседлости, но сохраняющих кочевое мировоззрение) сообществ таким объектом является лошадь как основное транспортное животное.

Задача данного исследования на примере южной группы алтайцев показать, какие сферы культуры становятся доступны для изучения при обращении к коневодческой традиции. Исследования через объект применялись как в полевой работе при непосредственном взаимодействии с информантами, так и при работе с источниками вещевыми, текстовыми, визуальными.

Наиболее очевидным направлением исследования является изучение традиционных методов селекции, содержания и использования лошадей, а также изменений, происходивших в коневодческой культуре от заданной точки отсчета до настоящего момента. Мной был выбран для работы поздний этнографический период примерно с середины XIX до первой четверти XXI в. На этом этапе мы имеем дело со сложившейся коневодческой традицией, сформировавшей аборигенную породу лошадей верхового направления использования. Традиционные методы коневодства южных алтайцев основываются на эффективной адаптации к экосистеме региона. Содержание лошадей неизменно остается табунным, по-прежнему существует несколько популяций алтайской породы несмотря на то, что во многих районах Республики Алтай основную массу табунных животных составляют гибриды местных лошадей с лошадьми различных культурных пород.

Анализ ритуальных практик еще одно важное направление работы. В изучаемый период лошади были вовлечены в целый ряд обрядовых действий от масштабных родовых жертвоприношений, до символических игр эротического характера, призванных увеличить фертильность. Традиция признает различные способы использования животных в обрядовых целях: манипуляции с живым объектом; манипуляции с живым объектом с последующим умерщвлением и использованием частей объекта; манипуляции с частями живого объекта без умерщвления. Конь расценивается в алтайской культуре как эталонный ритуальный объект, символически эквивалентный человеку. Следовательно, он является ключом к полному комплексу обрядов жизненного цикла, а также к семейно-родовым обрядам, направленным на установление отношений паритетного обмена с духами-хозяевами местности. Изучение динамики изменений в ритуальных манипуляциях, связанных с лошадьми, позволяет сделать вывод, что алтайская культурная традиция с одной стороны далека от догматизма и гибко реагирует на перемены, происходящие в социальной и экономической сфере, а с другой, устойчиво сохраняет базовые ценностные ориентиры.

Следующие группы культурных особенностей, доступные для изучения посредством объекта, менее масштабные, но отнюдь не менее важные для понимания этнической традиции в целом. Перечислю лишь некоторые из них.

Вплоть до настоящего времени конь является важным атрибутом социальной сопричастности и ключевым элементом родового и шире — внутриэтнического престижного обмена. В прошлом верховое животное в полном снаряжении «считывалось» представителями культуры, давая информацию о гендере, социальном статусе, родовой и семейной принадлежности владельца, вплоть до полной идентификации личности.

Репутация умелого наездника и статус хозяина табунов — важный элемент алтайской маскулинности. Этот стереотип довольно устойчиво прослеживается в среде алтайцев, продолжающих заниматься сельским хозяйством. В ретроспективе для традиции южных алтайцев была характерна мужская инициация, осуществлявшаяся путем укрощения необъезженной лошади. Общегюркский сюжет покорения богатырского коня с одно-

временным наречением эпического героя типичен и для алтайской фольклорной традиции.

Категории времени, расстояния, равно как и границы человеческого и нечеловеческого пространств в алтайской культуре также могут быть рассмотрены и интерпретированы в связи с конем. К примеру, коновязный столб, помимо прямого назначения, является символическим разграничивающим знаком, отделяющим жилище от внешнего мира, а расстояние до сих пор может быть измерено в «конных переходах» — поддающихся исчислению, но довольно условных единицах «пространства-времени».

На примере вышеперечисленных направлений потенциального исследования мы видим, что конь является оптимальным ключевым объектом при изучении кочевых и посткочевых сообществ, имеющих развитую коневодческую традицию. Также с его помощью возможно сравнительно-историческое исследование на базе нескольких кочевых культур.

Наиболее эффективным способом использования удачного ключевого объекта, на мой взгляд, является постепенная методичная разработка максимально возможного числа направлений исследования. Такой подход позволяет исследователю комфортно накапливать информационный потенциал, важный и для понимания изучаемой культуры, и для практической полевой работы с респондентами, так как осведомленность о культуре — своеобразный «доверительный капитал», позволяющий получать допуск к дополнительной информации.

Н. В. Иселев

**Использование лошадей в колхозах Вологодской области
в 1980-е годы на примере колхоза им. Коминтерна
Нюксенского района**

В 80-е годы теперь уже прошлого века на северо-западе РСФСР бурно развивалось сельское хозяйство, что было связано с проведением масштабной программы мелиорации земель в данном регионе. Это требовало привлечения на поля такой мощной техники как трактор К-700 («Кировец»), которую начал выпускать Кировский завод в Ленинграде. Попутно проводились работы по укрупнению полей. До прихода столь мощной техники на них трудились трактора «Беларусь» производства Минского тракторного завода и трактора «ДТ» Волгоградского и Харьковского тракторных заводов. При этом незаменимыми помощниками в выполнении важнейших государственных задач в области развития сельского хозяйства оставались лошади. В те годы обрабатывались не только поля, но и пожни, земельные массивы, прилегающие к речкам, поля на дальних лесных хуторах, где мощной колесной да и гусеничной технике попросту было не проехать. Травы же на таких участках были, как правило, самые сочные и питательные, что предопределяло высокое качество местных молочных продуктов, в том числе знаменитого вологодского масла. Разнотравье присухонских лугов и других прибрежных земель у рек Вологодчины гарантировало неизменно высокий результат при производстве продуктов. И достигать это помогали лошади. Именно они давали тягу в одну лошадиную силу для приведения в движение конной сенокосилки, а затем и конных граблей. Когда же сено было в валках, то и тут была востребована лошадиная сила. Из вырубленных в лесу подрастающих березок изготавливалось нехитрое средство для перевозки сена к центральному зоруду (копне). Запряженная в такую упряжь лошадь свозила сено в таких местах, где трактор попросту не мог пройти. Таким образом, вос-

требуемость лошадей была огромная. Но и это не все. Лошади активно использовались в личных хозяйствах колхозников при пахоте участков под картошку, их бороньбе и даже при посадке картофеля.

Держать лошадей в личном хозяйстве с тех времен, когда при коллективизации их всех увели в колхозные конюшни, было не принято. А вот колхозы содержали конюшни... Так, колхоз имени Коминтерна Ньюсенского района Вологодской области в деревне Мальчевская содержал конюшню, в которой обитало около десятка лошадей. Она обслуживала деревни Мальчевская и Семенова Гора на текущих сельскохозяйственных работах. Подобные конюшни были обустроены и в других деревнях названного колхоза.

Увы, сегодня лошадь на северо-западе России не востребована в должной мере, равно как не используются и заливные луга, пожни, лесные делянки, где раньше росла, а ныне пропадает самая сочная и вкусная трава...

З. А. Исмаилова

**«Моры в конихъ»
и их политическое значение в Древней Руси**

Доклад посвящен теме, которая не так давно привлекла к себе широкий исследовательский интерес — эпидемии или историческая эпидемиология. С начала XX в. в отечественной медицинской и исторической науке стали появляться работы, ей посвященные. В настоящее время к разработке темы подключились антропологи. Исследователи ставили и решали разные важные вопросы: об условиях и причинах эпидемий, устанавливали их географию и хронологию, медицинскую природу, пути распространения, последствия, изучали способы борьбы с ними.

Наш доклад освещает вопрос об эпизоотиях, случавшихся в Древней Руси в XII в. Эпизоотии, то есть эпидемические инфекционные болезни среди животных, нечасто поражали русские земли в древний период, но имели большое политическое значение. Чаще всего эпизоотические вспышки случались среди домашнего скота и вызывали его падеж.

Когда они поражали коней во время боевого похода, то вызывали их массовую гибель. Княжеское войско, лишившись конницы, не могло продолжать военные действия, так как именно конница являлась в период раннего и развитого Средневековья наиболее боеспособной частью армии. Князья, обладая внушительной по численности ратью, тем не менее после гибели коней прекращали боевые действия, отступали, снимали осады городов и возвращались восвояси.

Так было в 1154 г. с суздальской армией Юрия Долгорукого, двигавшейся на Киев и остановившейся в земле вятичей; в 1157 г. с воинством киевского князя Изяслава Давыдовича, неудачно осаждавшего Туров; в 1170 г. с внушительной ратью Андрея Боголюбского, подступившей к Новгороду Великому.

Во всех этих трех случаях причинами неудачи князей и их войск был «мор в конихъ», случившийся во время движения

войска или же во время осады города. Таким образом, обстоятельство неполитического характера — эпизоотия — оказывало значительное влияние на военно-политические планы русских князей во второй половине XII в.

Эпизоотии (падеж коней) во время боевого похода случались не только на Руси. Например, в 791 г. три каролингские армии двинулись в поход против аваров. Две из них подошли к границам Аварского каганата с запада по обоим берегам Дуная. Третья армия, возглавляемая Пипином, сыном Карла Великого, шла из Италии, но до границ каганата не дошла, так как была остановлена эпизоотией, унесшей значительную часть франкских лошадей.

События военного похода Юрия Долгорукого в 1154 г. напоминают события похода франкского короля Карла в 791 г. против аваров. Разница только в том, что у Карла было три армии, и он достиг своей цели, несмотря на выход из строя одной из них. А у русского князя XII в. была только одна армия, и он, потеряв боевых коней, вынужден был прекратить поход.

В поздних летописях известия о «морах въ конихъ» переосмысливались, из них удалялись действительные исторические факты (эпизоотия в войске), которые подменялись религиозно-христианскими мотивами.

Интересно отметить, как известие о «море в конихъ» 1154 г. передано в поздней Никоновской летописи. В ней опущена существенная деталь о том, что к Юрию пришло мало половцев: «... придоша къ нему ис поля Половци въ помощь». На военном совете князь принял решение вернуться восвояси исходя не из реальных военных обстоятельств (отсутствие конницы), а «устраився гнева Божиа». Возвращался он к Суздалью «со многимъ сокрушениемъ и со смирениемъ». Здесь явно видна рука церковника, а, так как мы знаем, что Никоновская летопись составлялась при дворе митрополита Даниила (1521–1539), то можем заключить, что он сам или его помощники и вставили в летопись эти дополнительные штрихи. Летописное известие испытало сильное церковное влияние, подверглось деформации, ведь в нем историческая реальность боевого похода, вполне прозаические причины его неудачи были подменены возвышенными религиозно-благочестивыми побуждениями князя.

В первой половине XV в. появилась легенда, по-другому объяснявшая поражение суздальцев под Новгородом в 1170 г. Эта легенда содержится в Рогожском летописце и, согласно ей, новгородцев спасла икона Богородицы, которую они вынесли «на острогъ на Десятине и въ то время пустиша Суждалци стрелы и обратися икона на градъ, и паде на нихъ тма на поли, и вышедше Новгородци победиша Суждалцев Ноемвриа 27 молитвами Святыя Богородица. И продаваху Суждалца по две ногате и оттоле отьяся честь Суждалскаа». В действительности, как видим, суздальцев поразила не тьма, а «мор велик в конех», который лишил их самой боеспособной части их армии — конницы — и вынудил снять осаду и отступить.

В Московском летописном своде конца XV в. легенды о чудесном спасении новгородцев нет. Эта легенда прославляла Новгородское государство и утверждала его независимость, поэтому не могла быть занесена на страницы московской летописи. Но и версию Ипатьевской летописи поздний московский летописец тоже не повторил. Он выработал свой — третий вариант, в котором элемент чудесного знамения был соединен не с восхвалением, как в новгородской летописи, а с порицанием новгородцев: «Слышахомъ же преже трех летъ бывшее знамение в Новегороде всем людем видящим. Въ трехъ церквех Новгородскихъ въсплака на трех иконахъ святая Богородица, провидевши бо мати Божия хотящую пагубу быти над Новым городом и над властью его и моляшет сына своего съ слезами, дабы их отнудъ не искоренил, якоже же преже Содома и Гомора <...> Сия же люди Новгородскыа наказа Богъ и смири я до зела, за преступление крестное и за гордость ихъ наведе на них, но милостию своею избави град ихъ».

А. Ю. Кабанов

**«Конность» служилых «городов» Восточного Замосковья
по разборным десятям 1648/49 г.
(на примере Юрьева-Польского, Луха и Гороховца)**

К середине XVII в. поместная конница продолжала оставаться важной частью вооруженных сил Московского государства. В 1651 г. при общей численности войска в 133 210 чел. дворяне и дети боярские насчитывали 27 392 чел., или 20,56 %. Именно дворянские сотни составляли доминирующую силу московской кавалерии.

Дворяне и дети боярские были объединены в уездные дворянские корпорации или, как их называли тогда, служилые «города». Их численность была различна — от полутора-двух десятков до одной-двух тысяч человек. В свою очередь они состояли из выборных дворян, дворовых и городовых детей боярских, служилых и неслужилых новиков. Как правило, представители одного служилого «города» несли службу совместно, будучи объединены в сотни. В мирное время уездные дворяне и дети боярские несли «береговую» службу по охране границ Московского государства.

Периодически уездные дворяне и дети боярские проходили разборы и смотры, которые устраивались для проверки их численности, боеспособности, вооружения, снаряжения, количества боевых холопов. В рамках этих смотров происходило верстание новиков поместными и денежными окладами, а также выдача денежного жалования. Результаты смотров по каждому служилому «городу» отражались в специальных документах — десятиях, которые служат уникальным источником по обеспеченности уездных дворянских корпораций конским составом. Дворяне и дети боярские были обязаны прибыть на службу «конны, людны и оружны», согласно сведениям, закрепленным в десятиях. Еще в XVI в. для русской конницы был выработан стандарт

«одвуконь», который предполагал службу на коне при наличии слуги с запасным конем.

Русско-польская война 1654–1667 гг. стала самым крупным и кровавым конфликтом периода царствования Алексея Михайловича. Изучение «конности» служилых «городов» перед началом этого противостояния важно для понимания степени их боеспособности. Для исследования мы выбрали дворянские корпорации трех уездов: Юрьева-Польского, Луха и Гороховца. Уникальные сведения о «конности» этих служилых городов сохранились в десятнях разбора и денежной раздачи боярина князя Юрия Петровича Буйносова-Ростовского и дьяка Ивана Ларионова, составленных по результатам смотра во Владимире в 1648/49 г.

В списках, составленных для разбора в Разрядном приказе, содержались имена 158 юрьевцев, 57 лушан и 17 гороховлян — всего 232 дворянина и сына боярского. Из этого числа 48 человек, или 20,7 %, оказались непригодными к полковой службе. В это число входят умершие, не явившиеся на смотр, потерявшие связи со служилым «городом», отставленные от службы по старости либо увечью, не поспевшие на службу. В составе юрьевской корпорации было 4 человека, которые достигли возраста службы, но от нее уклонялись; 6 человек (4 юрьевца и 2 лушанина) на момент разбора были губными старостами, головами и сотниками у стрельцов, ямскими и сельскими приказчиками. Еще двое (1 юрьевец и 1 лушанин) были переведены в жильцы.

Большинство дворян и детей боярских — 150 человек, или почти 65 %, собиралось на службу, имея одного коня или мерина. Эту группу следует признать весьма условно годной к полковой службе. Отсутствие запасного коня делало всадника крайне уязвимым. Во время похода конь мог захромать, заболеть, пасть. А при боевых действиях погибнуть, либо получить ранение. Это приводило кавалериста к полной утрате боеспособности. При этом лишь 20 «одноконных» воинов имели людей и лошадей в обозе. Отсутствие обозных (кошевых) лошадей практически исключало участие этой группы служилых людей в дальних походах в связи с невозможностью иметь необходимые припасы-продовольствие, оружие, боеприпасы, сбрую и другие необходимые вещи. Таким образом, более 85 % списочного со-

става дворян и детей боярских Юрьева-Польского, Луха и Гороховца была небоеспособна, либо ограниченно боеспособна.

Лишь 17 человек, или 7,3 %, собирались на службу на коне, имея с собой человека с простым конем. Причем среди гороховлян таковых не оказалось вовсе. В целом «конность» этой категории соответствовала минимальным военным стандартам того времени.

Еще 13 человек, или 5,6 %, кроме человека на простом коне имела еще одного запасного коня, либо человека на коне. Такой конский состав был у 7 юрьевцев, 4 лушан и 2 гороховлян. Имея трех строевых лошадей, эта группа была хорошо подготовлена для полковой службы.

Наконец, у трех юрьевцев и одного лушанина было по четыре строевых коня. Они вполне соответствовали понятию элитной конницы своего времени, при этом составляя менее 2 % списочной численности дворян и детей боярских.

Анализ имеющихся сведений позволяет сделать вывод о том, что обеспеченность конским составом дворян и детей боярских восточного Замосковья была неудовлетворительной. В большинстве своем она не соответствовала военным стандартам своего времени.

А. В. Калюта

**Роль лошадей в завоевании Испанской Америки:
мифы и реальность**

В настоящем докладе критически рассматриваются два самых распространенных мифа о роли лошади в завоевании Америки испанскими конкистадорами в конце XV в. — первой половине XVI в. Первый миф — это психологический эффект, производимый лошадьми на индейцев, которые при виде ранее неизвестного им животного немедленно обращались в паническое бегство. Наиболее распространена при этом история, придуманная испанским хронистом итальянского происхождения Пьетро Мартире де Ангьера, никогда не бывавшим в Америке и писавшим с чужих слов. Он заявляет, что индейцы юго-восточного побережья Мексиканского залива в стычке с воинами Эрнана Кортеса приняли лошадь и всадника за одно единое существо подобное кентавру и в панике бежали от этих чудовищ. Несмотря на недостоверность этого рассказа, он стал настолько распространенным, что кочует из одной научно-популярной книги о Конкисте в другую без какой-либо верификации конкретными историческими данными. Более того, он нашел отражение даже в изобразительном искусстве. Так, одна из работ выдающегося мексиканского художника Давида Альфаро Сикейроса называется «Кентавр Конкисты» и представляет собой гиперболизированное изображение всадника-конкистадора с крестом и обнаженным мечом в руках.

Второй не менее распространенный миф — это якобы безусловное преимущество конницы конкистадоров, одетых в стальные доспехи, перед полуобнаженными пешими воинами, вооруженными оружием из дерева, камня или в лучшем случае меди и бронзы. Этот миф также нашел широкое отражение и в художественном творчестве, и в научно-популярной литературе.

Между тем в свете данных письменных источников едва ли можно говорить о коннице конкистадоров как о серьезной боевой силе, по крайней мере на первом этапе Конкисты в конце

XV — первой половине XVI в. из-за крайнего дефицита лошадей в Новом Свете в этот период. Причины этого явления заключались, во-первых, в нехватке лошадей в самой Испании после взятия последнего мусульманского владения Гранады и введения короной специального законодательства, ограничивавшего вывоз лошадей за пределы страны. Второй причиной была крайняя дороговизна животных, особенно выращенных в Кастилии. Например, лошадь, стоившая в Севилье 10 дукатов, после перевозки через Атлантический океан стоила уже 30 дукатов, поэтому лишь самые состоятельные участники экспедиций в неведомые края могли позволить себе купить лошадь. Нередко, по словам участника экспедиции Эрнана Кортеса в Мексику Берналя Диаса дель Кастильо, лошадь была общей собственностью сразу двух человек. Третьей причиной была высокая смертность животных при перевозке через Атлантический океан. По подсчетам американского историка Кунингхема Грина, только 50 % лошадей выживало к концу пути. Разведение лошадей на островах Гаити и Кубе также не решало поначалу проблему их дефицита. Эти конные заводы находились под контролем королевских чиновников, а весь их приплод был собственностью короны.

В результате «конница» конкистадоров была на удивление малочисленной. Так, в 1509 г. Алонсо де Охеда отправился исследовать северо-восточную часть Южной Америки, имея отряд 300 человек и всего 12 лошадей. В отряде Эрнана Кортеса в начале его экспедиции в Мексику в 1519 г. при общей численности вооруженного состава около 450 человек было только 16 лошадей. У Франсиско Писарро во время его первой разведывательной экспедиции в Перу в 1524 г. было всего 4 лошади. Злополучная экспедиция Хуана Понсе де Леона во Флориду в 1521 г. имела в составе 50 лошадей, причем все они погибли в засаде, устроенной местными индейцами калуса.

К тому же даже эта скромная «кавалерия» была далеко не всегда эффективной в условиях военных действий в тропических лесах и болотах, узких гористых ущельях и перевалах, а также плотно застроенных городах, особенно, если они, как Теночтитлан, располагались на острове, а местные жители быстро находили хорошо продуманные меры защиты.

Т. Н. Кандаурова

**Культура коневодства первой половины XIX в.:
конские заводы кавалерийских военно-поселенных округов**

Учреждение военных поселений (далее — ВП) кавалерии в 1810-х годах способствовало развитию коневодства в поселенных округах на Слободской Украине, в Новороссии. С момента организации поселенных кавалерийских округов в них формировались конские заводы, целью которых было пополнение поголовья строевых лошадей уланских и кирасирских полков, расквартированных в округах Херсонского (Новороссийского) и Слободско-Украинского ВП. В каждом полковом поселенном округе было расквартировано 6 действующих эскадронов. В составе каждого завода состояло 4 лучшей породы и 23 обыкновенных жеребцов и 345 кобылиц. При устройстве конского завода поселенного округа покупались лошади, подходившие для кавалерии, из состава украинских конских заводов. И чтобы как можно раньше ремонтировать действующие эскадроны лошадьми, следовало покупать кобылиц с молочными жеребятами. Через 4 года после основания конский завод ремонтировал действующие эскадроны из собственного приплода. Заводские лошади размещались в хозяйствах военных поселян-хозяев и получали полную дачу фуражного продовольствия. При конском заводе учреждалась конская аптека и лазарет. При лазарете размещались полковой коновал (ветеринар) и его ученики. Полковой конский завод поступал на попечение и ответственность командира поселенных эскадронов и полкового управления.

Лошади конского завода содержались по сезону или в конюшнях (8 месяцев) или в поле. Только жеребцы лучшей породы всегда содержались в конюшнях. Все жеребцы коренного основания завода получали суточную дачу фуража: по 3 гарнца овса и сена по 15 фунтов. Годовой, 2-летний и 3-летний приплод находился в конюшнях 7 месяцев в году, лошади довольствовались сухим фуражом — только сеном от 10 до 25 фунтов в су-

тки. Заводские кобылицы и четвертаки (4-летний приплод) получали в суточную дачу овса по 2 и 4/30 гарнца, сена по 20 фунтов. С началом весны по приказу управления полка конский завод выпускался в поле, выбирались сухие пастбищные места. Заводские жеребцы в каждом эскадроне содержались в специально устроенных конюшнях. Кобылицы и весь приплод раздавались военным поселянам-хозяевам и содержались «в конюшнях, каждому из них устроенных». Каждый поселянин-хозяин получал из числа кобылиц и 4-летнего приплода на содержание не более одной лошади. Все остальные лошади также определялись в поселянские хозяйства. Данная повинность уравнивалась между поселянами-хозяевами полковым управлением. Сено для конского завода заготовливалось и доставлялось с полей военными поселянами-хозяевами по распоряжению управления полка.

По мере поселения уланских и кирасирских полков численность конских заводов должна была достигнуть 20. Состав заводов постепенно умножался за счет ежегодного приплода. По расчетам состав поголовья лошадей в конском заводе через 4 года за счет приплода должен был достигать 862 лошадей. Из этого числа 172 лошади 4-летки поступали на ремонтные действующих эскадронов. Общая численность заводского поголовья с коренным составом достигала 1234 единиц. Конский завод разделялся для содержания на три части (отделения) по числу поселенных эскадронов. В каждом отделении полагалось 9 жеребцов и 115 кобылиц и приплод за 4 года, из которого исключался каждый год состав ранжира для действующих эскадронов. Командир поселенных эскадронов должен был иметь и проверять подробные описи на каждое отделение конского завода.

В 1843 г. конские заводы существовали только в 10 округах Новороссийского ВП. В заводах состояло тогда 5860 лошадей, приплод того года насчитывал 1142 жеребенка, а все поголовье составляло 7002 лошади (в 1826 г. состояло 10747, в 1838 г. — 4821). В 1826 г. 182 лошади состояло в заводах ВП пехоты. При ранжировании поголовья заводов «под седло государя императора» поступила 1 лошадь (как и в 1842 г.; в 1837 г. — 10 лошадей), в ремонт действующих эскадронов — 229 лошадей (232 лошади в 1837 г.). Часть поголовья выбывала с заводов по

другим причинам: для улучшения породы военно-поселянских лошадей, «под езду непоселенных нижних чинов», «под езду табунщиков при конских заводах», на укомплектование заводов, в конно-рабочие команды, в пожарные команды, в лесную стражу, продано по неспособности, из-за падежа от неизлечимых болезней и эпидемий. Лошади для конских заводов поселенных округов покупались в Англии, в российских конских заводах, например, в 1838 г. на заводы было «доставлено арзерумским сераскиром и наследником персидского престола, назначенных по высочайшему повелению, на заводы военного поселения, разных восточных пород жеребцов 22 и кобыл 2».

Конские заводы в ВП кавалерии существовали до 1844 г., будучи фактором культуры коневодства, когда по распоряжению императора они были упразднены, был оставлен только приплод в количестве 5044 лошадей. И в последующие годы из его состава лошади ранжировались для действующих эскадронов. Полковые конские заводы ВП кавалерии способствовали ремонту кавалерийских полков строевыми лошадьми, обеспечивали улучшение пород строевых, подъемных и военно-поселянских лошадей и общественных табунов, обеспечивали лошадьми лесную стражу, пожарную и почтовую службы, конно-рабочие команды. Развитие коневодства в поселенных округах позволяло значительно экономить средства казны.

Л. Ю. Карпенко, Е. К. Великодная

**Анализ породного состава лошадей —
победителей и призеров Олимпийских игр 2024 г.**

Олимпийские игры — соревнования, которые проводятся раз в 4 года. Эта традиция, существовавшая в Древней Греции, была возрождена в конце XIX в. французским общественным деятелем Пьером де Кубертенем. Первое упоминание об участии конных колесниц в Олимпийских играх относится к 680 г. до н. э., первое сообщение о включении скачек на лошадях в программу Олимпиады — к 648 г. до н. э.

Соревнования по конному спорту на Олимпийских играх включают в себя три дисциплины, в которых мужчины и женщины соревнуются вместе.

В конкуре всадник и лошадь преодолевают препятствия за отведенное время. Причем на каждое препятствие отводится определенное время, а за его превышение начисляется штраф. Здесь важны ловкость, техника движений и гармония действий между лошастью и всадником.

Выездка — наиболее сложный вид конного спорта, в котором лошадь и всадник выполняют своеобразный танец под музыку. Судьи оценивают легкость и плавность перемещения участников по дистанции.

Третья дисциплина напоминает троеборье. Она объединяет в себе два других вида — конкур и выездку, и третий — кросс, который представляет собой передвижение по пересеченной местности с недвижимыми препятствиями и требует выносливости и опыта.

Помимо перечисленных дисциплин в программу Олимпийских игр в разные годы были включены прыжки в длину и высоту, вольтижировка.

Наша тема актуальна, так как дает представление о ситуации, сложившейся в конном спорте на международной арене, а именно в сфере породного состава лошадей.

Цель исследования — провести анализ породного состава лошадей — победителей и призеров Олимпийских игр, состоявшихся во Франции в 2024 г.

Материалы и методы. Сбор данных осуществлялся с помощью глобальной компьютерной сети Internet и путем анализа достигалась поставленная цель.

Результаты. Собранные данные представлены в таблице 1 и в таблице 2.

Таблица 1. Победители Олимпийских игр 2024 г. в конкуре, выездке и троеборье в личном зачете

Дисциплина	Золото	Серебро	Бронза
Выездка	Германия; TSF Dalera BB – тракененская, кобыла, 17 лет, 170 см в/х	Германия; Wendy de Fontaine – датская теплокровная, кобыла, 10 лет, 173 см в/х	Великобритания; Glamourdale – голландская теплокровная, жеребец, 13 лет, 170 см в/х
Троеборье	Германия; Chipmunk FRH – ганновер, мерин, 16 лет, 165 см в/х	Австралия; Shadow Man – бельгийская теплокровная, мерин, 14 лет, 173 см в/х	Великобритания; London 52- голштинская, мерин, 15 лет, 170 см в/х
Конкур	Германия; Checker 47 – вестфальская, мерин, 14 лет, 165 см в/х	Швейцария; Dynamix de Belheme – французский сель, кобыла, 11 лет, 170 см в/х	Нидерланды; Beauville Z – бельгийская теплокровная типа звайгеншнайде, мерин, 14 лет, 168 см в/х

Таблица 2
Частота встречаемости породы среди победителей

Порода	Количество лошадей (гол.)	Доля породы (%)
Бельгийская тепло- кровная	2	22,22
Тракененская	1	11,11
Ганноверская	1	11,11
Вестфальская	1	11,11
Датская теплокров- ная	1	11,11
Французский сель	1	11,11
Голландская тепло- кровная	1	11,11
Голштинская	1	11,11
Всего	9	100

Выводы. Согласно полученным данным наиболее часто среди победителей и призеров встречались бельгийская теплокровная порода. Тем не менее, породный состав разнообразен, однако все породы принадлежат к европейским. Среди победителей и призеров 5 лошадей — мерин, 3 — кобылы, 1 — жеребец. Вероятно, это обусловлено их более спокойным темпераментом, отсутствием половых циклов и отсутствием половых поведенческих реакций. Примерный портрет лошади-чемпиона: мерин, 13,8 лет, 169,3 см в холке. Таким образом, мы имеем представление об актуальном породном составе среди победителей и призеров Олимпийских игр.

Д. С. Кидирниязов

Ногайская порода лошади в истории России

Особое место в хозяйстве ногайцев занимало коневодство. На это указывали иностранные путешественники XV–XVIII вв. И. Барбаро (XV в.), С. Герберштейн (XVI в.), А. Олеарий (XVII в.), К. Пейсонель (XVIII в.) и др. Эта отрасль хозяйства была неотрывно связана со всем укладом жизни ногайцев.

Из материалов посольской переписки XVI в. нам известно, что правом приезда и торговли в Москве пользовались те из восточных купцов, которые сюда были направлены своими государями с казенными товарами: несомненно, что вместе с казенными товарами купцы привозили на продажу и свою «рухлядь». Кроме того, торговые люди попадали в Москву и в свитах посланников, и с гонцами, которые приезжали в Россию из Ногайской Орды, Турции, Персии, Средней Азии.

В 1553 г. в Москву прибыли 13 ногайских послов и 1000 торговых людей от разных ногайских князей и мурз. Так как товары, принадлежавшие членам посольства, не подлежали оплате пошлиной, то правительство царя Федора Ивановича, желая ограничить пределы беспошлинного торга, дало в 1587 г. строгий наказ астраханским воеводам сократить состав пропускаемых в Москву посольских свит до 10–15 человек.

Основной статьей внешней торговли Ногайской Орды являлась продажа лошадей. В 1537 г. ногайцы пригнали в Москву для продажи 50 000 лошадей. В 1551 г. ногайскими торговыми людьми было продано 31 056 лошадей. Кроме того, в том же году мурза Исмаил прислал один раз «торг со многими лошадыми». В 1552 г. в Москве ногайцами было продано 25 200 лошадей, в 1555 г. — 46 000 лошадей. Торговля лошадыми не была исключением. В Москву и в Казань ногайцы гнали гуртами овец. В 1555 г. в Москву для продажи поступило 4000, а в Казань — 20 300 овец.

Ногайцы торговали и в других русских городах. Иван IV в 1560 г. «ослобонил им во все свои города ездити торговать». Так, автор XVI в. Генрих Штаден отмечал, что в городе Холопьем (недалеко от Углича) «круглый год бывал торг», куда приезжали и ногайские торговые люди.

В эпоху Средневековья ногайцами была выведена порода лошадей, получившая в XVII в. название «ногайская лошадь» и принявшая определенное участие в формировании кабардинской лошади. Ногайскую лошадь выращивали также казаки по нижнему течению Терека.

Ногайская лошадь славилась своей молочной продуктивностью. Из кобыльего молока изготовляли кумыс, который являлся источником питания местного населения и лечебно-профилактическим средством.

Особым спросом на внешнем рынке пользовались ногайские лошади — аргамаки и иноходцы.

Разведение лошадей у местного населения носило обычно табунный характер. В течение круглого года лошади находились на подножном корму. Поэтому у них выработались резвость, выносливость, неприхотливость к корму.

Физические качества ногайской лошади были высоко оценены конезаводчиками и специалистами, которым приходилось непосредственно соприкасаться с табунами в степных просторах края.

Учреждение конских скачек на Кавказе, как и многие другие полезные для края начинания, всецело принадлежит инициативе наместника Кавказского князя Михаила Семеновича Воронцова. Открыв в 1846 г. конские скачки в Тифлисе, светлейший князь обратил свою просвещенную заботливость на улучшение коневодства и на Северном Кавказе. Первые конские скачки в Ставрополе происходили 14 июня 1850 г. На вторых скачках, состоявшихся 28 мая 1851 г., первый императорский приз выиграла кобылица караногайца Абусалима Муталимова, 7 лет, собственного его завода, проскакавшая первую шестиверстную дистанцию за 11 минут, а вторую — за 9,5 минут, оставившая всех остальных лошадей за флагом. На третьих скачках 1852 г. участвовала 71 лошадь. Первый приз взяла та же лошадь караногайца Абусалима Муталимова, собственного его завода.

Она сделала первую дистанцию за 9'10, а вторую — за 9'20. Второй же приз (300 руб.) взяла лошадь кизлярского армянина Адама Аванова — мерин 8 лет, караногайской породы.

Скачки 1854 и 1855 гг. замечательны тем, что на обоих первые призы взяла кобылица Абусалима Муталимова, та самая, которая уже выигрывала первые призы на бывших в Ставрополе скачках в 1851 и 1852 гг. Скорость бега этой кобылицы в 1854 г. на шестиверстную дистанцию была 9 минут 45 секунд, Она как и в скачках 1851 г. оставила на перескачках всех лошадей за флагом и только в 1855 г. дала выиграть второй приз (составивший на основании § 50 правил 300 руб.) калаусо-саблинскому ногайцу Бай-газы Дженалиеву на мерине 7 лет. Взявшая второй приз лошадь Дженалиева также была ногайской породы.

Важно отметить, что в прошлом уклад жизни ногайцев требовал не только личного максимально уважительного отношения к лошади в период переезда, но и к важнейшему средству наездника — кнуту. Для ногайцев кнут стал не просто силой, а действительно благородным доспехом. Укороченная тонкая плеть «нагайка» в прошлом использовалась донскими, запорожскими и терскими казаками как добавление к оружию воина. Сама плеть представляла собой довольно короткую камчу с рукоятью, не больше 40 см в длину, к которой привязывался кожаный кнут. Плеть у ногайцев разрешалось нести лишь мужчинам, получавшую ее при исполнении 12 лет. С того момента терять камчу подразумевалось практически как преступление перед близкими родственниками. Всякое значительное мероприятие, любой успех в жизни обладателя, обязательно запечатляли на рукояти камчи. Нередко плеть передавалась от отца к сыну. В частности, это имело отношение к знатым фамилиям, когда кнут являлся уже знаком власти. На рукоятку камчи непременно начерчивалась тамга (фамильный знак). И, само собой, к ручке кнута крепилась петля, чтобы камча не отскочила под руку в ходе сражения.

А. Л. Киштымов

**Белорусское коневодство
на конских выставках XIX — начала XX в.**

Важным инструментом развития коневодства в Российской империи стала организация специализированных конских выставок. Управление государственного коннозаводства сумело в 1860–1880-е годы наладить регулярное проведение таких выставок, причем от всероссийского до уездного масштаба. Первую всероссийскую выставку лошадей провели в 1866 г. Затем последовали выставки 1869, 1872, 1875, 1882, 1891, 1898, 1899 и 1910 гг. Выставки 1891 и 1898 гг. прошли в Петербурге, остальные — в Москве. Экспонаты из белорусских губерний были отмечены лишь на выставках 1875 г. — жеребцы конного завода при Горецкой учебной ферме, и в 1910 г. — оцененный в 1000 руб. жеребец владелицы имения Ясная Поляна Игуменского уезда Минской губернии Марии Михайловны Да-Ватц.

В 1883 г. были утверждены «Правила для выставок верховых и крестьянских сельско-рабочего сорта лошадей». Согласно этим правилам, «Выставки лошадей, сближая между собою владельцев и покупателей, имеют целью содействовать сбыту лошадей, служить пособием к определению степени, на которой находится коннозаводство и коневодство в данной местности, и указывать правительству на необходимые мероприятия для дальнейших успехов коннозаводского дела. Выдаваемые Главным управлением государственного коннозаводства премии на выставки для лошадей верхового и сельско-рабочего крестьянского сорта обращаются для поощрения лицам занимающимся коннозаводством и коневодством в пределах империи; в районе же Виленской земской конюшни, содержимой на счет местных земских сборов, допускаются на выставки лошади только своих губерний. <...> Время и удобнейшие места для выставок назначаются Главным управлением государственного коннозаводства преимущественно во время производства различных конских

испытаний, а где таких испытаний не учреждено, — во время значительных ярмарок, особенно конских. <...> К представлению на выставки сельско-рабочих крестьянских лошадей допускаются крестьяне, колонисты и те мещане и разночинцы, которые занимаются хлебопашеством, не исключая и лиц сельского духовенства».

Начиная с 80-х годов XIX в. такие выставки стали обычным явлением, в том числе и в белорусских губерниях, характер областных для которых имели выставки, проводимые в Вильне. Такие выставки в 1885, 1887, 1888, 1889, 1891, 1893, 1895 и 1897 гг. устраивало Виленское скаковое общество, открытое в 1857 г. Обзор шести виленских выставок, сделанный А. Еловицким (издан в Вильне в 1894 г.), содержит ценные наблюдения очевидца и, на наш взгляд, может рассматриваться как обобщенная оценка выставок всего литовско-белорусского региона. Говоря о необходимости выставочного дела, автор указывает: «Общественно-экономические преобразования шестидесятых годов вызвали значительные изменения в сельском хозяйстве и под влиянием этих преобразований не только производительные силы и средства земледелия изменились, но и самый способ ведения хозяйства должен подвергнуться соответствующему изменению, вследствие чего возникли новые нужды и новые потребности <...> В новых условиях покупатель ищет породистых лошадей, племенной рогатый скот, овец, свиней и т. п., доброкачественные посевные семена. Прежние, традиционные ярмарки, приходящие в упадок, помочь покупателю не могут». Отсюда вывод: «Удовлетворение этим разнovidным потребностям современного сельского хозяйства составляет одну из главных, первостепенных задач таких провинциальных периодических выставок как Виленская. Соревнование между собою производителей, как одно из средств, способствующих прогрессу в сельском хозяйстве, составляет второстепенную цель этих выставок».

Об успехе выставок свидетельствовала динамика выставочного дела. Если сравнивать 1-ю и 6-ю виленские выставки, то число экспонентов выросло с 51 до 396, в том числе экспонентов-крестьян с 7 до 152, а число экспонатов выросло почти в четыре раза — с 202 до 789. Доход от проведения выставок

увеличился почти в три раза, а расходы на их проведение возросли в 2,5 раза.

Регулярно на территории белорусских губерний свои «выставки крестьянских и разных сословий сельско-рабочего сорта лошадей и годовых жеребят» проводило Главное управление государственного коннозаводства. Ежегодно заранее определялось время и место их проведения, от Главного управления назначались призы и премии. Например, на выставке 23 мая 1881 г. в местечке Турец Минской губернии экспонировались 44 лошади, премировано 23 крестьянина и священник (от 3 до 25 руб.), в конкурсе по перевозке тяжестей премировано 5 крестьян (от 15 до 85 руб.); 9 мая 1886 г. в местечке Мир Минской губернии выставлялось 40 лошадей, премии получил 21 крестьянин (от 5 до 30 руб.); 23 мая 1900 г. в уездном городе Новогрудке экспонировалось 89 лошадей, роздано на премии 300 руб., 1 серебряная, 2 бронзовых медали и 3 похвальных листа. Примерно также проходили и другие такие местные выставки.

Кроме этого, конское поголовье из белорусских губерний неоднократно экспонировалось на местных и всероссийских выставках животноводства и сельского хозяйства и завоевывало высокие награды. В целом материалы таких выставок дают ценный, хотя и не востребованный в полной мере исследователями, материал о развитии коннозаводства в XIX — начале XX в.

Н. А. Кореева

Частные конские заводы на территории Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX в.

В дореволюционной специальной литературе процесс разведения лошадей обозначался двумя терминами: коннозаводство и коневодство. Под коннозаводством понимали выведение породистых лошадей. Коневодство подразделяли на сельскохозяйственное, производящее рабочую, недорогую упряжную и в малом количестве возовую лошадь, и табунное, производящее исключительно мелкую верховую и недорогую кавалерийскую лошадь. Конским заводом называлось заведение, содержавшее не менее 5 маток для вывода и воспитания лошадей улучшенных пород и «сортов».

В 1876 г. был опубликован указ Александра II об обязательной для населения поставке в войска лошадей в случае войны, в нужном количестве, за денежное вознаграждение от казны. К поставке подлежали все годные к военной службе лошади, за исключением жеребцов и кобыл, содержавшихся исключительно для приплода. Руководство поставкой было вменено в обязанность губернаторам и губернским, городским, уездным по воинской повинности присутствиям, под контролем Министерства внутренних дел.

Чтобы воспользоваться правом на освобождение от поставки лошадей, каждый коннозаводчик был обязан представить от местного губернатора в Главное управление государственного коннозаводства удостоверение о принадлежности ему конского завода с указанием количества, «сорта» заводских жеребцов и маток. В связи с этими нововведениями у губернатора возникла необходимость в достоверных сведениях о всех частных конских заводах губернии, и уездным исправникам было поручено записывать данные о них в специальную ведомость. Собранные материалы позволили установить, что в 1876 г. в Казанской губернии насчитывалось 29, а к 1903 г. — 60 частных конских за-

водов (из них 22 располагалось в Спасском, 18 — в Лаишевском уездах).

Современники отмечали, что после крестьянской реформы в России «многие обширные барские заводы раздробились и малыми партиями перешли в руки крестьян». Однако в Казанской губернии, начиная со второй половины 1860-х годов, часть конских заводов перешла к купцам первых двух гильдий (в 1903 г. им принадлежало около 12 % всех частных конских заводов губернии). Среди коннозаводчиков в разные годы рассматриваемого периода были купцы С. И. Пчелин, П. В. Щетинкин, А. Я. Черкасов, П. А. Месетников, В. А. Шашабрин, А. Я. Парамонов, О. Я. Молотков, А. А. Ишмуратов, И. А. Блинов, Н. П. Курбатов, К. А. Макашин, купчихи Е. И. Новикова и М. С. Алмазова, наследники купца Л. Яковлева — Василий и Иван Яковлевы, мещанин Д. И. Ситников.

На заводах, находившихся на территории Казанской губернии, выводили рысистые, полурысистые, скаковые, верховые, упряжные, возовые (тяжеловозные), рабочие «сорта» лошадей. В дворянских усадьбах можно было встретить першеронов, арденов, лошадей донской породы (предназначались в основном для кавалерии), клейдесдальских, башкирских и полукровных арабских, легкокавалерийских лошадей, призовые «сорта». Часть из них поступала в имения из Хреновского государственного завода, который был основан графом А. Г. Орловым-Чесменским, а в 1845 г. перешел в казну; некоторые жеребцы были американского происхождения, большая часть приобреталась на частных заводах российских коннозаводчиков В. И. Шишкина, Н. М. Теренина, И. Н. Дубовицкого и др.

Разведение породистых лошадей стало для дворян и купцов одним из направлений предпринимательской деятельности и средством установления деловых коммуникаций между собой. Доход они получали от скачек, от продажи лошадей, сдачи их в аренду и т. д. У каждой из них были кличка (Дружок 2-й, Капрал, Кряж 2-й, Литой, Бирюза, Килька и др.), родословная с обозначением года рождения, кличек матери, отца, деда, бабки, прабабки, сыновей, их достижений («выигрывал», «выигрывала»), а также заводов, на которых они были выведены и содержались.

На рысистом конном заводе дворянина К. В. Молостова в Спасском уезде Казанской губернии, основанном в 1897 г., содержались заводские жеребцы и матки, которые участвовали в забегах и выигрывали. Так, например, жеребец Аккредитив выиграл в 1907 г. в Москве 27 050 руб. 75 коп., Кряж 2-й — 24 643 руб. 90 коп. Лошади участвовали в соревнованиях в Санкт-Петербурге, скачках на императорские призы, призы наследника цесаревича в Москве, на призы «принца Валлийского» (Уэльского). Призеров охотно покупали другие заводчики.

Конь Литой в 1903 г. был продан В. В. Молостову, заводская лошадь с кличкой Банда продана с приплодом в 1905 г. А. Я. Башкирову, жеребец Капрал весной 1904 г. был в аренде, Дружок 2-й был подарен Д. Д. Волкову в 1903 г. Лошадей с кличками Бурливая, Угроза купец И. А. Блинов продал на завод К. В. Молостова в 1902 г.

Изучение истории конских заводов, функционировавших в Казанской губернии, — перспективная и интересная тема, которая еще не стала объектом изучения и имеет множество лакун. Благодаря солидной источниковой базе возможно установить количество частных конских заводов, год основания каждого из них, фамилии часто менявшихся владельцев, особенности ведения хозяйства на предприятиях такого типа.

Е. Ф. Королькова

Любимый конь Петра I: загадки истории

История сохраняет память о выдающихся событиях и за особые заслуги увековечивает имена великих людей. Гораздо реже она хранит имена их коней. Исторических конских имен известны единицы, зато и основания для такой особой памяти, без сомнения, достойны внимания.

Петр I — фигура в русской истории столь значительная, а его заслуги настолько неоспоримы, что все, что окружало царя при жизни, мельчайшие подробности, позволяющие реконструировать характер его взаимоотношений с окружающим миром — людьми, животными и предметам, его интересы и пристрастия, вкусы и увлечения, достойны изучения и интерпретации. Казалось бы, все детали его судьбы и деятельности досконально исследованы, и белых пятен в истории Петровской эпохи уже не осталось. Но история всегда соткана из загадок и таит множество удивительных вопросов.

Личности Петра Великого в России всегда придавалось такое большое значение, что он единственный из российских государей был удостоен созданием особой мемориальной коллекции личных предметов, включавшей не только его обиходные вещи, одежду, но и чучела любимых домашних животных, которым когда-то была отдана часть его души. Среди этих любимцев и лошадь государева седла, чучело которой ныне хранится в Санкт-Петербурге в Зоологическом музее Российской академии наук. Нам известно имя этой лошади — Лизетт, или Лизетта, и то, что Петр имя любимой дочери Елизаветы охотно давал своим домашним животным — собакам и коню, между прочим, жеребцу. И это обстоятельство не может не казаться странным. Истории петровского коня и его чучела, ставшего экспонатом первого российского музея — Кунсткамеры, посвящена отдель-

ная статья Н. В. Слепковой, опубликованная в 2005 г. в журнале «Лев».

Доподлинно известно, что Лизетт был не только любимой лошастью Петра, но служил ему верой и правдой исключительно долго. О. П. Беляев сообщает известные ему сведения о Лизетте: «Лошадь сия есть жеребец персидской породы, на которой Государь был во многих сражениях, а именно: на славной Полтавской брани, на сражении, бывшем у Прута, и во всем Персидском походе». То есть во время военной кампании 1722–1723 гг. с целью освоения западного и южного побережья Каспийского моря, задачей которой было присоединение земель и создание торгового пути из Центральной Азии и Индии в Европу через российские территории, Лизетт еще был жив и благополучно служил своему хозяину. Из этого следует вывод, что прибывший в 1716 г. в Россию художник Луи Каравак (1684–1754), получивший в 1717 г. от царя заказ на батальное полотно, посвященное Полтавскому сражению, и выполнивший его в 1718 г., вполне мог видеть Лизетта живым и достоверно отразить облик коня в картине.

Самые первые сведения о чучеле Лизетты/Лизетта, поступившем в Кунсткамеру в 1741 г., содержатся в книге Иоганна Бакмейстера «Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской Академии наук», изданной в 1779 г. Бакмейстер, упоминая поступление чучела, отмечает, что это «та самая лошадь на которой Император разъезжал на Полтавском сражении, и которой имя Лизетта в истории нашего Героя упоминается по равному праву, как и Букефал в повествованиях завоевателя Азии Александра Великого». И здесь важно отметить лежащую на поверхности параллель между двумя великими персонажами разных исторических эпох, двумя властителями и героями. И кони обоих венеценосных наездников, делившие их боевую судьбу, разделили с ними и славу, навечно войдя в историю.

Блестящее живописное воплощение Полтавской баталии, приписываемое кисти Каравака, — выдающийся памятник искусства первой половины XVIII в. Большое полотно маслом в собрании Государственного Эрмитажа запечатлело момент Полтавской битвы, буквально совпадающий с поэтическим тек-

стом пушкинской поэмы. Эта картина не имеет авторской подписи и впервые была атрибутирована в 1959 г. А. В. Помаранцким как произведение Луи Каравака. Об этом полотне известно немало: история многочисленных перемещений картины прослеживается начиная с упоминания ее автором как находящейся Петергофе в 1718 г., где ее видел Ф. В. Берхгольц летом 1721 г.; к 1750-м годам из Большого Петергофского дворца картина была вновь перевезена в мастерскую художника, откуда в 1754 г. (после смерти Каравака) передана в кладовые Зимнего дворца, а затем Эрмитажа. В 1826 г. решением Николая I она была помещена в арабесковую комнату, а оттуда в 1853 г. передана в Оружейную палату в Москве, где значилась картиной неизвестного автора, а позднее приписывалась Ж.-М. Натье. Затем полотно оказалось в Третьяковской галерее, откуда в 1946 г. поступило в Эрмитаж как работа неизвестного мастера. Картина представляет особый интерес, поскольку создана современником «совершенной виктории» по личному указанию Петра I, повелевшего написать Полтавскую и Левенгоуптскую (битва при Лесной) баталии в мае 1717 г. Художник мог опираться на рассказы очевидцев и участников событий. Во всяком случае, это самая ранняя из всех дошедших до нас картин, изображающих Полтавское сражение. Однако с ней связано еще множество загадок.

П. А. Косинцев

Первые «колесничные» лошади Евразии

Появление колесниц в культуре части населения степной Евразии на рубеже III–II тыс. до н. э. является историко-культурным и технологическим феноменом. Впервые они отмечены в синташтинской культуре Южного Зауралья. Внезапно появился целостный «колесничный» комплекс, включавший колесницу, упряжь для лошади и собственно лошадь. Для последних, вероятно, существовала специальная система тренинга. Прототипы этих компонентов, исключая домашнюю лошадь, в предыдущее время отсутствуют.

«Колесничный» комплекс имеет ограниченное распространение во времени и в пространстве. Полный его состав найден только в некоторых погребениях могильников синташтинской культуры в Южном Зауралье и петровской культуры в Северном Казахстане. В подавляющем большинстве погребальных комплексов представлены разные сочетания отдельных элементов «колесничного» комплекса: кости лошади и псалии; только кости лошади; только псалии. Практически все комплексы связаны с погребениями людей. «Колесничный комплекс» в полном виде датируется XX–XVIII вв. до н. э., а его элементы встречаются до XV–XIV вв. до н. э.

Рассмотрены погребальные комплексы, в которых найдены остатки лошадей. Они имеют разный состав по количеству особей и частям скелета. В одном погребальном комплексе может быть от 1 до 7 полных скелетов; части 1, 2 или 3 скелетов; череп и дистальные части ног (метаподии с фалангами) 1, 2, 3 или 4 особей; отдельные черепа. Иногда встречаются сочетания: скелет и череп с дистальными частями ног или скелет и череп; части скелета и череп. «Колесничные» лошади описаны по следующим характеристикам: пол, возраст, высота в холке, тонконогость (индекс ширины пястной кости). Всего изучено 126 особей лошадей.

Установлено, что среди «колесничных» лошадей всех археологических культур самцы преобладают над самками в 2–3 раза. В составе «колесничных» лошадей доминируют взрослые особи (5–15 лет). Преобладают лошади среднего роста (высота в холке 136–144 см). Относительно многочисленны особи ниже среднего роста (высота в холке 128–136 см), немного особей выше среднего роста (высота в холке 144–152 см) и единичны мелкие особи (высота в холке 120–128 см). Тонконогость лошадей существенно различается в разных культурах. Тонконогие лошади наиболее многочисленны в могильниках петровской культуры, полутонконогие — в могильниках срубной культуры, средненогие — в могильниках алакульской культуры, а в могильниках синташтинской культуры близкое соотношение тонконогих и полутонконогих особей.

Рассматривая все характеристики «колесничных» лошадей, можно определенно говорить о преобладании среди них взрослых самцов среднего роста, тонконогих или полутонконогих. Как самцы, так и самки с другими характеристиками представлены в заметно меньших количествах. Такое «смещение» характеристик «колесничных» лошадей указывает на их специальный подбор.

Использование лошадей в запряжке в колесницах требовало их специального тренинга. Такой тренинг — это сложная система обучения и дрессировки лошади, который занимает длительное время. Его могут проводить только люди, владеющие этой системой. В составе населения синташтинской и петровской культур были группы таких специалистов. В этих культурах отсутствовала письменность, поэтому система тренинга лошадей передавалась устно от учителя к ученику. Позднее часть населения, владевшего системой тренинга, мигрировала на юг, в том числе в Малую Азию. Здесь, на территории Хеттской державы, эта система тренинга была записана в середине XIV в. до н. э. на глиняных табличках и дошла до наших дней как трактат «Киккули из страны Митанни».

А. А. Космовская

**Сборы с конской торговли
(на материалах Прикамья XVIII в.) ***

В доиндустриальную эпоху правительство Российского государства внимательно следило за конской торговлей, регламентируя эту экономическую сферу. Упоминания о продаже лошадей в Прикамье XVII — первой четверти XVIII в. встречаются в отписках воевод, сметных списках, приходных книгах Новгородского приказа. Торговля шла во всех городах — Чердыни, Соликамске, Кунгуре. В 1628/29 г. в сметном списке учтены пятенные сборы в Соликамском уезде («конских пятенных денег 12 руб. 23 алтына з денгою»). В 1694/95 г. по приходной книге собирались пошерстные пошлины с обитателей Кунгурского уезда. В Кунгуре в 1707–1708 и 1717 гг. конские площадки находились на откупе. В Соликамске в 1710 г. конские пошлины собирались в таможене («а конские доходы збираются по указу в таможене»). В Чердыни конская торговля в 1717 г. принесла в казну 1 руб. 18 алтын.

Автором исследованы поступления конских пошерстных пошлин (с конских площадок), которые упоминаются в материалах прикамских канцелярий и магистратов. В Прикамье XVIII в. действовали две канцелярии — Соликамская воеводская (до 1737 г. — провинциальная) и Пермская (Кунгурская) провинциальная. В приходных книгах, реестрах, экстрактах и другой делопроизводственной документации учреждений имеются сведения о конских площадках (в составе окладных сборов).

Сведения об окладе в 1730–1770-е годы извлечены из документации Пермской провинциальной канцелярии (ф. 439 РГАДА), Камер-Коллегии (ф. 273 РГАДА), Соликамской провинциальной канцелярии (ф. 444 РГАДА), Соликамской воевод-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01070, <https://rscf.ru/project/24-28-01070/>.

ской канцелярии (ф. 576 РГАДА). В Пермской (Кунгурской) провинциальной канцелярии оклад конских пошерстных пошлин составлял в 1736 г. 267,39 руб. и 22,25 руб. (пошлины собирались в разных местах, подотчетных канцеляриям). В 1739 г. оклад фиксируется на уровне 267,39 руб., в 1744, 1745, 1757, 1759, 1762 гг. — 270,775 руб. С 1764 г. собирали 340,38 руб., в 1767–1770 гг. — 367,64 руб. В 1771, 1773–1775, 1777 гг. сбор составлял 383,5 руб. В Соликамской воеводской канцелярии в 1738–1739 гг. собирали 72,9775 руб. В 1744, 1745, 1748, 1755–1757, 1762, 1764, 1766 гг. фиксируются сведения об окладе 69,5925 руб., в 1768–1770 гг. — 74,3 руб. и 3,67 руб. За 1772–1774, 1776, 1777 гг. есть данные об окладе 77,5 руб. и 4 руб. Оклад в 1730–1770-е годы почти не менялся, если собирался «на магистрате». В случае откупа наблюдался рост за счет наддачи (с 1767 г.). Сборы поступали вовремя (недоимочность обнаруживается только в документации за 1710-е годы).

Канцелярская документация редко содержит примеры взаимодействия местных жителей по поводу продажи, покупки, кражи лошадей. Для изучения внутреннего устройства конской торговли в магистратских городских делах Прикамья выявлены случаи расследования спорных ситуаций вокруг лошадиного торга (материалы Государственного архива Пермского края). Выделим интересные случаи с конской торговлей в Прикамье, отразившиеся в документах XVIII в.

1) Прогулки лошадей без контроля — вероятность лишения движимого имущества. Население Прикамья было этнически неоднородным. На территории Кунгурского уезда проживали русские, татары, башкиры, марийцы. Известны случаи конфискации «бесхозного» поголовья после побега жителей.

2) Покупка лошади без документов приводила к спорам. В кунгурском магистрате в 1764 г. расследовалась жалоба купца Месникова, который забыл документы на гнедого мерина при покупке в Царевококшанске («не взял ярлык своею простою»). Права на животное заявила жительница Кунгура Авдотья Мальцова, после чего коня передали ей. Купцу пришлось запрашивать документы в месте покупки.

3) В Прикамье лошади использовались на соляных промыслах, поголовье у владельцев варниц исчислялось сотнями. Для

прокорма лошадей приходилось держать сенные покосы, которые выступали источником споров между жителями населенных пунктов. Соликамский промышленник Максим Суровцов по старой памяти (у производителей соли были льготы) жаловался 23 сентября 1783 г. на увоз сена с сеного покоса жителями Чердынского уезда («По немалому количеству промысловых лошадей и к покупке ныне отыскать по упущению времени невозможно а за тем недостатком сена и вышеозначенных промысловых лошадей продовольствовать будет нечем от чего по тяжести промысловых работ могут притти во всеконечное безсилие»). Эта традиционная для 1720-х годов жалоба на остановку промыслов в последней четверти XVIII в. выглядит анахронизмом. Промыслы давно находились в упадке.

В Прикамье конская торговля обычно была откупной или «на магистрате». Конские пошлины фиксируются в архивных материалах до 1777 г. включительно. Торговля лошадьми продолжалась, но местные канцелярии к ней уже не имели отношения. История пошерстных пошлин в документации магистратов и воеводских учреждений закончилась до создания Пермского наместничества в 1781 г.

А. В. Котова

Скелет кентавра: палеонтологические вымыслы

Кентавры — это мифические существа, которые встречаются в легендах и мифах разных культур. Они изображаются как полулюди-полукони с головой, руками и торсом человека, а также телом и ногами лошади.

В древнегреческой мифологии кентавры были известны своей дикой натурой и пристрастием к алкоголю. Они жили в горах Фессалии и славились своим мастерством в стрельбе из лука. Роль кентавра в античных мифах гибка и разнообразна, отражая не только их силу, дикую страсть, непобедимость и свободу, но и благородные черты как лошади, так и человека. Самым известным кентавром был Хирон — мудрый и справедливый наставник многих героев греческих мифов.

Несмотря на свою мифологическую природу, образ кентавра продолжает вдохновлять людей и находит свое отражение в различных формах искусства и культуры.

В 1980-х годах скелет древнего кентавра, предположительно найденный при раскопках в северной Греции, был доставлен в музей Висконсина, Огайо и Массачусетса. В 1994 г. удивительные останки были помещены в витрину из искусственного мрамора в библиотеке университета Теннесси в Ноксвилле. Посетители с благоговейным трепетом разглядывают полный скелет кентавра, заключенный в плиту из песчаника. Бронзовый наконечник стрелы застрял в грудной клетке человека. На этикетке указано, что это одно из трех захоронений кентавров, датируемых примерно 1300 г. до н. э., обнаруженный в 1980 г. греческими археологами в нескольких милях к северо-востоку от Волоса (Фессалия). Куратор объясняет, как кентавры когда-то бродили по лесам Фессалии до появления людей, после чего они бежали в более отдаленные районы и постепенно вымерли. Хотя некоторые ученые считают кентавров мифологическими

существами, находка в Волосе заставляет нас пересмотреть это предположение.

Натуралистическое слияние человеческих и лошадиных скелетов вызывает сложное ощущение, между верой и сомнением. И не случайно, так как раскопки останков кентавра — это тщательно продуманная мистификация, созданная Уильямом Уиллерсом, профессором зоологии и художником. Соединив верхнюю половину разрушающегося человеческого скелета из кабинета анатомии со скелетом пони с фермы в Висконсине, Уиллерс окрасил кости в темно-коричневый цвет чаем, чтобы придать им древний вид. Он усилил эффект подлинности с помощью керамических черепков и зооархеологических надписей, диаграмм и карт. Намерение Уиллерса состояло в том, чтобы представить мифическое существо на таком уровне реализма, который позволил бы зрителю хотя бы на мгновение поверить в кентавров. Физическое доказательство в виде скелета «поднимает мифическое существо на беспрецедентный уровень реальности в сознании зрителя». Наше воображение накладывает друг на друга мышцы, кожу и лицо и на мгновение представляет существо в движении.

Как художник Уиллерс надеялся, что последующее творческое усилие позволит нам получить некоторое представление о психологии древних. Как ученый он хотел побудить людей усомниться в том, что говорят им их чувства, и скептически отнестись к авторитетным текстам, добавив новый поворот к старому противоречию между популярными верованиями и официальными знаниями. Многогранное воздействие его коллекции кентавров стимулирует диалог между учеными, художниками и историками популярной культуры. Действительно, выставка кентавров воплощает собой точку соприкосновения векового мифологического воображения и научного любопытства. Сочетание научного и художественного чутья Уиллерса не только бросает вызов его аудитории, но и усложняет саму идею мистификации — он не намерен обманывать, но стремится поразить.

Е. С. Кравцова

**«Лошадиные» названия населенных пунктов
в топонимике Курского края**

Такая еще простая фамилия...
словно как бы лошадиная... Кобылин?
Нет, не Кобылин. Постойте...
Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов.
Помню, фамилия лошадиная...

А. П. Чехов

Топонимика играет важную роль в изучении истории России по нескольким причинам. Она помогает восстановить древнюю географию местности. Топонимы часто отражают природные особенности территории, такие как реки, горы, леса и другие ландшафтные формы. Эти данные позволяют историкам воссоздавать карты древних времен и лучше понимать, как выглядела территория России много лет назад. Топонимика дает информацию о языках и народах, которые населяли территорию России в разные эпохи. Например, названия городов и рек могут содержать корни слов из различных языков, таких как финно-угорские, тюркские, славянские и другие. Это позволяет ученым исследовать миграционные процессы и культурные взаимодействия между различными этносами. Также топонимические исследования могут давать информацию о религиозной принадлежности населения. Например, названия населенных пунктов, содержащие корни слов, связанных с христианством или другими религиями, могут указывать на распространение этих верований среди местного населения. Топонимика предоставляет важные сведения о хозяйственной деятельности и экономическом развитии регионов. Например, названия населенных пунктов, связанные с сельскохозяйственными культурами или промыслами, свидетельствуют о том, какие виды деятельности были распространены в определенный период времени, в том числе и связанные с коневодством.

В России существует множество населенных пунктов, названия которых связаны с лошадьми. Можно указать несколько причин популярности «лошадиных названий» в топонимике. Например, некоторые поселения могли получить свои названия от местных легенд или историй, связанных с лошадьми; или населенные пункты могут получать свои названия в результате маркетинговых стратегий и др.

В России большое количество поселений, названия которых связаны «с копытами и гривами» от привычных Конная, Коневская, Лошадкино, Жеребцово до Конезаводского (населенный пункт в Алтайском крае, известный своими конными заводами), Конные Проходы (село в Волгоградской области, известное своими богатыми традициями верховой езды), Успенский Лошадиный Завод (населенный пункт в Калужской области, который был основан как конный завод), Коневец (село в Ленинградской области, названное в честь острова Коневец, на котором находится монастырь) и др.

Не является исключением в наличии подобных населенных пунктов и Курская область. Так, ряд поселений названы непосредственно с различными определениями лошадей: Кобылки (Глушковский район), деревни Коневы (три в Золотухинском районе и одно в Курском районе), Жеребцово (Курский район), поселок Скакун (Касторенский район).

Отметим такое название деревни как Лошаковка (Беловский район), оно не относится напрямую к слову «лошадь». Происхождение довольно спорное: либо корни тянутся к слову «лошак» (плод любви жеребца и ослицы), которые не водились на Курщине, либо название рукава реки (в данном случае Псла), который проходил рядом с основной рекой. Такая же ситуация и с названием населенных пунктов Крупец (в Беловском и Дмитриевском районах). «Круп» в данном случае не имеет отношение к крупу лошади, а относится к тюркскому слову «исток».

Ряд названий населенных пунктов связаны с занятиями людей по работе с лошадьми: Кучеров (Беловский район) — селились отслужившие военные офицеры; Новосотницкий (Больше-солдатский район), Казачья Каменка (Рыльский район) — места поселения казаков, а какой казак без лошади?; Телегино (Золотухинский район) — место изготовления телег; Ямская степь

(Большесолдатский район) — место расположения ямской станции, чья деятельность также была связана с лошадьми.

В названии некоторых населенных пунктов присутствуют имена собственные: поселки Буденовский, им. Чапаева (Дмитриевский район), казалось бы — а где лошадь? Но стоит вспомнить стихотворение Николая Асеева: «С неба полуденного жара не подступи, / конная Буденного раскинулась в степи. / Не сынки у маменек в помещицьем дому, / выросли мы в пламени, в пороховом дыму. / И не древней славою наш выводок богат — сами литься лавою учились на врага. / Пусть паны не хвастают посадкой на скаку, / — смелем рысью частою их эскадрон в муку»; или Михаила Турабова: «Но помощь все же подоспела, / Чапаев прибыл на коне. / И битва снова закипела..., / Висит папаха на стене», и все становится ясно. В исторической памяти людей эти имена неразрывно связаны с конями.

И, конечно, в топонимике Курского края присутствуют населенные пункты с настоящим «лошадиным» названием: Овсянниково (Курский, Железногорский, Тимский районы).

В. М. Кривчиков

**Использование лошадей в ходе оборонного строительства
на территории Белостокской области БССР
накануне Великой Отечественной войны**

Накануне Великой Отечественной войны на территории БССР было организовано массовое оборонное строительство. Оно осуществлялось двумя наркоматами: обороны и внутренних дел. Наркомат обороны организовывал строительство укрепрайонов, а внутренних дел — аэродромов, различных дорог. Строительство осуществляли комсомольские и строительные батальоны, заключенные тюрем, колоний и лагерей, непосредственно сами воинские части. Также активно на строительство привлекали местное население в виде отбытия трудовой и гужевой повинности.

Механизация работ на стройках была на низком уровне, поэтому значительная роль отводилась гужевому транспорту, на который ложилась задача решения проблем транспортировки различных строительных материалов и воды.

Для организации работ в полной мере использовались административные рычаги давления. Так, постановлением Белостокского обкома КП(б)Б и облисполкома от 28 февраля 1941 г. «Об обеспечении оборонительного строительства ЗапОВО» был проведен организованный набор рабочей силы и гужевого транспорта и направлен в распоряжение начальников управлений строительства. Набор считался добровольным: среди сельского населения была развернута разъяснительная работа по вербовке и о необходимости иметь с собой исправную повозку и здоровую лошадь с запасом корма на один день. Первоначально планировалось набрать из Белостокской области сроком не менее чем на три месяца 900 повозок с лошадьми.

С введением этого постановления сразу стало понятно, что выделение на работы ежедневно около 900 лошадей не позволит выдержать необходимые темпы строительства. Поэтому в соот-

ветствии с постановлением Совнаркома БССР и ЦК КП(б)Б от 8 марта 1941 г. с 10 марта по 30 апреля и с 25 мая по 20 июня 1941 г. вводилась платная трудовая и гужевая повинность для работы по оборонительному строительству. По всей БССР планировали ежедневный выход на работу рабочих — 9600 чел., подвод с возчиками — 9480. Лошади должны были отрабатывать не свыше восьми дней. Привлеченным к повинности выплачивалась заработная плата на одинаковых основаниях с работами, выполнявшихся по вольному найму. За уклонение виновных планировали привлекать к уголовной ответственности.

Согласно расчетам, от Белостокской области планировали привлечь на работы около 96 600 лошадей с подводами. Необходимо отметить, что это были поистине «грандиозные планы», так как указанное количество лошадей составляло 73,5 % от общего стада рабочих лошадей по области.

Естественно, выполнить указанные планы не получилось. Проверки на местах показывали недопоставки лошадей по гужевой повинности на объекты оборонного и специального строительства. Так, Военный отдел Белостокского обкома КП(б)Б в марте 1941 г. докладывал в Минск о невыполнении плановых заданий в Гродненском, Сопоткинском, Кнышинском, Домбровском и Августовском районах области.

В апреле 1941 г. решением суженого состава исполкома Белостокского облисполкома «О введении обязательной платной трудовой и гужевой повинности для работ по оборонному строительству в отдельных районах области на 1941 год» цифры о выделении лошадей на работы были скорректированы (в сторону уменьшения). Теперь предписывалось выделять районами области ежедневно по 69 400 лошадей.

Но и эти цифры оказались неподъемными. В докладных записках о состоянии работ по объектам строительства накануне войны отмечалось слабое выделение лошадей. Так, на строительном объекте № 101 в Кнышинском районе Белостокской области при задании выделять на строительство ежедневно 3734 лошади, выезжало ежедневно 700–800, иногда 1300 лошадей. По объектам спецстроительства НКВД требовалось 3400–4000 подвод в день по каждому объекту. Всего на стройки — 42 000 в день. Реально ежедневно приходило 8000–14 000, а к концу

мая 1941 г. выделение упало до 2700 лошадей в день. Неприбытие подвод можно объяснить началом полевых работ на селе, а также наличием проблем в содержании лошадей, их лечении.

Таким образом, накануне войны лошади активно использовались в ходе оборонного строительства на территории Белостокской области БССР.

П. Ф. Кузнецов

**О времени и месте приручения лошадей
по данным археологии и палеогенетики**

На рубеже III и II тысячелетий до н. э. в северной части степной зоны Евразии появляются культуры, в обряде которых есть легкие пароконные колесницы, детали конской узды, изображение лошадей. Все эти комплексы сопровождают погребения воинов-колесничих, имеющих сложносоставные луки, колчаны со стрелами, наконечники копий, боевые топоры и кинжалы. Часто погребения сопровождают жертвенники лошадей. Эти культуры именуется как «колесничие» и объединяются как единый блок. Они охватывают сравнительно компактную территорию: синташтинская (аркаимская) культура распространена на Южном Урале, потаповская — в лесостепном Заволжье и в Приуралье, покровская охватила ареал лесостепного Доно-Волжского региона. Особенность синташтинской культуры заключается в том, что ее носители создали укрепленные поселения с регулярной застройкой. На всех поселениях колесничих культур есть костные остатки лошадей. С этого периода времени, который именуется как поздний бронзовый век, кости лошади составляют стабильный процент среди всех домашних особей. Напротив, количество костей диких животных в культурных слоях минимально, либо они отсутствуют.

Начиная с 2015 г. Центр антропобиологии и геномики университета г. Тулуза (CAGT) под руководством Людовика Орландо объединил генетиков, археологов и остеологов разных стран для изучения палеодНК лошадей. В настоящее время опубликованы результаты прочтения 561 генома лошадей различных эпох на территории Евразии. В результате было установлено, что к домашней форме лошадей относится единственный генетический кластер «второй доместикации» DOM-2. Время появления кластера домашних лошадей относится по радиоуглеродным датам к XXII в. до н. э.

Остальные, более ранние по времени образцы ДНК диких лошадей, разделились на более чем сорок кластеров, что дает очень высокий процент генетического и географического разнообразия диких табунов. Их различия увеличиваются по мере увеличения географических и хронологических расстояний между кластерами. Это свидетельствует о том, что дальние дистанционные миграции людей до конца 3-го тысячелетия до н. э., которые зафиксированы археологическими исследованиями, происходили без участия лошадей. Распространение домашних лошадей единственного генетического профиля DOM-2 в культурной среде бронзового века становится всеобщим на всей территории Евразии. Прочие, дикие кластеры лошадей, исчезают полностью.

Сравнительный анализ показывает, что происхождение лошадей кластера DOM-2 локализуется в пределах юга Восточно-Европейской равнины, на территории к северу и северо-западу от Кавказских гор, и к западу от гор Уральских. Их предшественники были обнаружены на поселениях неолита, энеолита и раннего бронзового века в бассейнах рек Волга, Дон, Молочная.

Рост их популяции и процесс одомашнивания преломляется через два генетических отличия. Первое связано с появлением устойчивой вариации гена, кодирующего белок-протеин Gasdermin C. Исследовательской группе Л. Орландо эти данные позволяют выдвинуть гипотезу о том, что указанная мутация, обеспечив лошадям DOM-2 большую выносливость при перевозке грузов, сделала их объектом селективного отбора. Однако мы выдвинули предположение о предшествовании указанной мутации селективному отбору. Появление этой мутации способствовало естественному перемещению в галопирующем аллуре, для которого (в отличие от бега рысью) характерны несимметричные колебания позвоночника. И вот эта новая возможность быстрого бега уже способствовала селективному отбору лошадей с более длинными конечностями. Второе генетическое отличие затрагивает изменение одного из генов, кодирующих так называемые «белки цинковых пальцев» — ZFPM1. Такие гены кодируют соединения, связанные с молекулой цинка, которые отвечают в том числе за дифференциацию серотонинергических нейронов, расположенных по средней линии продолговатого мозга — дорсальному шву. Генетические изменения в данном

случае привели как к снижению тревожности напрямую, так и к улучшению памяти. Это новое свойство дало лошадям — носителям данной мутации возможность лучшего узнавания и доверия со стороны. Данное новое свойство существенно облегчило взаимодействие их с человеком. Вероятно, свойство запоминания способствовало возможности бесконтрольного выпаса лошадей — носителей DOM-2 и сохранению всего домашнего стада. Единственной задачей человека была необходимость в их изоляции от контактов с дикими особями. Впрочем, в начале голоценовой эпохи ареал дикой лошади был фрагментированным, а в ряде регионов она уже вымерла.

Таким образом, появление в дикой природе лошадей — носителей двух указанных мутаций объективно способствовало тому, что человек обратил на них внимание. Тем более, что их поведение заметно отличало данных особей от остальных. Они были более быстрыми в своем беге и более доверчивыми. Все это способствовало их приручению.

Первые домашние лошади были сравнительно невысокими. Поэтому регулярная верховая езда появилась намного позже, чем запряжка в колесницы. В первые колесницы лошади запрягались парами, что связано с их относительно небольшой массивностью. При этом точные копии древнейших колесниц, воссозданные экспериментальной группой И. А. Семьяна, выдерживали скорость свыше 40 км в час. Использование колесниц, запряженных лошадьми, в военном деле было главным результатом успешной доместикации. Это способствовало буквально взрывному распространению лошадей по всему Старому свету.

Безусловно, попытки приручения принимались и ранее, так как человек обитал в общих экологических нишах вместе с лошадьми еще со времен палеолита. Концепция приручения как минимум с 5-го тысячелетия до н. э. всесторонне обосновывалась на всем протяжении второй половины XX в. Наиболее близко к этому продвинулись племена — носители ботайской культуры. Но эти попытки не были реализованы в связи с тем обстоятельством, что в те времена лошадь, в силу отсутствия генетической предрасположенности ко взаимодействию с человеком, полному одомашниванию не поддавалась.

В. А. Курская

**Образ лошади
в британском изобразительном искусстве
Первой мировой войны**

Изобразительное искусство Великобритании периода Первой мировой войны — малоизученная в отечественной науке тема. Примечательно, что в учебнике Т. В. Ковалевской и др., изданном РГГУ как пособие по истории и культуре Великобритании для специальностей направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация», изобразительное искусство соответствующего периода описывается весьма кратко в параграфе, посвященном искусству XX в. в целом, а из художников, работавших в том числе и над военными темами, упомянуты лишь живописцы Г. Тонкс, Дж. С. Сарджент, сэр С. Спенсер и скульптор Г. Мур.

Выбранная тема представляется нам важной по двум причинам: во-первых, Великобританию можно без сомнения назвать очень «конной» страной, в культуре которой лошадь продолжает играть большую роль и после механизации сельского хозяйства и транспорта. Именно британцы создали скаковые испытания в их современной форме, седло английского типа, систему централизованного племенного учета, вывели одну из чистокровных пород — чистокровную верховую (в старой литературе — английская скаковая). Чистокровными породами в иппологии принято считать те, которые не могут быть улучшены путем прилития посторонней крови, но при этом способны быть массовым улучшателем ряда других пород.

Вторая причина: в Первую мировую войну традиционные рода войск теряют свое прежнее значение на полях сражений. С распространением пулеметов становятся актуальными окопы, и кавалерия утрачивает свою прежнюю роль. С распространением автомобилей начинается также и закат гужевого транспорта. Механизация средств ведения войны приводит к снижению ро-

ли доблести отдельно взятого комбатанта в достижении военного успеха. Впрочем, британская кавалерия совершала успешные атаки и во время Первой мировой войны, например, 14 июля 1916 г. на Сомме.

Предметом нашего исследования становится отражение образа лошади в британском искусстве в период, когда традиционное использование лошади утрачивает прежнее значение, к тому же происходят резкие перемены в культуре в целом. Для целей исследования были рассмотрены произведения живописи, графики и скульптуры, созданные художниками Британской империи в период 1914–1925 гг. и посвященные Первой мировой войне. Первостепенное внимание уделялось официальным военным художникам (*official war artists*): при содействии Бюро военной пропаганды была создана система отбора, отправки на фронт и материальной поддержки наиболее перспективных художников. В 1917 г. также был создан Имперский военный музей, в собрание которого поступила большая часть интересующих нас произведений искусства.

Исследование показало, что изображения лошадей в батальной живописи изучаемого периода встречаются весьма редко; редкими они стали и в графических набросках, которые часто являются подготовительными материалами для более крупных живописных произведений. Не в последнюю очередь это связано, по нашему мнению, с тем фактом, что среди официальных британских военных художников практически никто не был приписан к кавалерийским частям, даже Чарльз Джон Пейн, до войны и после рисовавший скаковых и охотничьих лошадей. Лошади в британской военной живописи предстают прежде всего в сценах переброски кавалерийских частей или артиллерии.

Из просмотренной 401 карикатуры из журнала «Панч» за период войны лошади присутствуют на девяти, причем это либо аллегорические изображения, как на гравюре «*Delivering the goods*» (21.04.1915): Ллойд Джордж, сидящий верхом на лошади из парной упряжки, доставляет снаряды на фронт. Лошади, согласно надписям на хомутах, символизируют Труд и Капитал. На четырех карикатурах верхом на лошади изображен кайзер Германии, причем в одном случае лошадь бутафорская. Лошадь кайзера всегда густо заштрихована (вороная?).

Британские агитационные плакаты с изображением лошадей призывают подданных короля жертвовать средства в пользу фонда «Голубой крест» на лечение раненных на фронте лошадей. На них лошадь часто изображена страдающей — раненной или по крайней мере испуганной. Исключения составляют лишь плакаты для агитации добровольцев «Britain needs you at once», на которых изображен святой Георгий, покровитель Британии, верхом на белом коне и побеждающий дракона. Здесь конь — элемент христианского предания. На плакате «Forward to Victory! Enlist now!» изображен современный эпохе кавалерист, скачущий с саблей наголо в атаку на зрителя — победный образ, практически исчезнувший из батальной живописи.

Из скульптуры, имеющей отношение к Первой мировой войне, стоит рассмотреть скульптуру британских военных мемориалов. Лошади присутствуют и там, например, на батальной сцене барельефа Мемориала королевской артиллерии (1925), рвущиеся вперед, с трудом вытягивающие застрявшую в грунте пушку. Памятник маршалу графу Хейгу, командующему на Западном фронте в 1915–1918 гг., имеет форму традиционного конного памятника во весь рост, лошадь спокойно стоит, подняв согнутую переднюю ногу.

Отметим также, что в искусстве изучаемого периода полностью отсутствуют изображения лошадей в противозазах — впрочем, как и людей, хотя известны изображения солдат, пораженных на поле боя газами (см. одноименную картину Сарджента). Причина пока представляется неясной.

По результатам исследования отметим, что в Первую мировую войну лошадь постепенно уходит из поля внимания военных художников и перестает быть ярким участником боя не только в реальности, но и в искусстве, хотя еще сохраняет свое значение как метафоры или части традиционного образа «монарх на коне», в том числе и на журнальных карикатурах. В живописи и графике лошадь предстает прежде всего как партнер человека, разделяющий тяготы солдатской жизни. Не в последнюю очередь это связано и с общими закономерностями развития батального изобразительного искусства того времени. Трактовка же образа лошади в скульптуре военных мемориалов продолжает оставаться более традиционной несмотря на редкое его использование.

О. И. Кускарова

Образ коня в культуре адыгов

В мифологии и фольклоре адыгов конь играет исключительно важную роль и занимает почетное место. В нартских сказаниях и героических песнях постоянно присутствует образ коня. Нет, пожалуй, ни одного произведения, относящегося к этим жанрам, где коню не уделялось бы особого внимания. Конь — сакрально значимое животное, с которым связаны положительные характеристики, он необходим герою в роли помощника для борьбы и побед над злом в разностадиальных жанрах. Возьмем картину «Одинокий всадник», нарисованную по мотивам романа Тембота Керашева «Одинокий всадник».

Являясь знатоком фольклора, Керашев показывает связь героического содержания народных сказаний и песен с образом жизни адыгов, для которых походная жизнь стала их второй натурой. По мнению писателя, именно с походной жизнью были связаны самые глубокие переживания, яркие моменты наивысшего душевного подъема. Жесткие условия борьбы за существование сокращали минуты радости и веселья, суровая, жестокая жизнь формировала суровый, жесткий характер адыга-воина. Так по властному требованию самой жизни складывался тип «адыгского всадника». «Жизнь, заполненная отчаянной и постоянной борьбой за существование, за кров свой, за родную землю, породила и соответствующее понятие мужской красоты: привлекательным и достойным уважения почитался лишь суровый облик мужа-воина...», — так пишет автор об этом. Конь и вооружение являются обязательными атрибутами древнего адыга, без чего портрет его был бы не полон. Конь и человек дополняют друг друга как в устно-поэтическом творчестве народа, так и в творчестве Керашева. «Конь был единственной отрадой адыга», — пишет он. «Окруженный сказочной природой, красотой гор, лесов и лугов первозданной степи, мчась быстрее ветра на своем коне, адыг мог ощущать радость окрыленности». Вдохно-

вание и радость испытывает адыг при общении с конем. Взволнованное авторское чувство всегда присутствует при описании лошадей. Конь играет важную роль в раскрытии национального характера героя.

Лошадей адыги выводили не слишком крупных, но и не мелких. Породистый адыгский конь статью своей напоминал лань. Адыги так и говорили, когда хотели отметить достоинства коня: «Ланья стать, ланья неутомимость в беге». «Это сходство было не случайно, — заключает философски писатель, — выправка лани и адыгского коня складывалась, надо полагать, в сходных условиях, когда выносливость и неутомимость в беге стремительном были залогом спасения и победы, В отчаянном напряжении всех сил корпус и шея коня вытягивались в струнку».

Адыги всегда предпочитали красиво выгнутой крутой шее раскормленной лошади прямую, сухую, ланью шею коня-работяги, а капризной игривости коня-баловня спокойную умную ланью зоркость. После таких слов писателя особенно поражает картина Биданькьо Хьяяти, изображающим лошадей. Много картин на эту тему: «Белая лошадь», «Табун», «Ночное», «Лошади» и т. д., которые свидетельствуют о том, что духовная близость коня и адыга не утрачена, что национальный характер, истоки его сохранились. Восхищение, любовь писателя Керашева к лошадям перекликается с удивительными рисунками художника Биданькьо Хьяяти. Духовная связь не прервалась, несмотря на разрозненность и разобщенность представителей одного народа. Как не поразиться глазам лошадей на картинах художника, которые выражают и грусть, и тоску, и любовь и вместе с тем, как у Керашева, замечаешь умную ланью зоркость.

Таким образом, поэтизация коня наравне с всадником у Тембота Керашева отражается в творчестве художника из Турции Биданькьо Хьяяти Фидана. Эта особенность творчества и Керашева и Биданькьо восходит к традициям адыгского фольклора. У художника есть такая картина — «Лошади в океане», которая напрямую отражает фольклорные мотивы адыгов. Духовная связь творчества Керашева и черкесской диаспоры основывается на единстве взглядов на мир, на общество, на историю, на природу.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, Н. Н. Спаская

**Лошади и всадники
из меотского могильника в Прикубанье ***

Грунтовый могильник городища Спорное, оставленный одним из меотских племен, находится в Усть-Лабинском районе Краснодарского края, у пос. Двубратский, на правом высоком берегу р. Кубань. Хронологические рамки памятника определяются в пределах IV в. до н.э. — III в. н. э. В 2003 г. Краснодарской археологической экспедицией Кубанского госуниверситета на памятнике было исследовано 232 погребения, в 16 из которых встречены лошади.

В 13 захоронениях лошади сопровождали человека. Погребальные сооружения представлены ямами, катакомбами и подбоем. Если это была прямоугольная яма, лошадь укладывали рядом с хозяином, а в катакомбе или подбое — во входной яме, тогда как человека хоронили в погребальной камере. Лошадей, как правило, укладывали на живот, на правый или левый бок, реже — на спину (выявлено три случая). В заполнении погребальной камеры подбоя находились две лошади: одна — на левом боку, вторая — на животе, мордами друг к другу. Выявлен также необычный для меотов обряд, когда человек (предположительно, женщина, 12–14 лет) был положен сверху на лошадь. При этом лошадь была захоронена на правом боку, а голова погребенной, лежавшей на спине, находилась на голове лошади. Впервые аналогичный обряд был недавно зафиксирован в погребении 8 могильника Дукмасов-2 в Адыгее.

Пол и возраст всадников-мужчин был определен в пяти погребениях: 25–30 лет (2 случая), 25–35 лет (1), 45–55 лет (1), взрослый (1). Одно из этих захоронений было парным: мужчина

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н. э. — III в. н. э.» (проект № 24-18-20014).

25–35 лет и женщина 42–50 лет. Погребения сопровождалось разнообразным инвентарем: псевдородосской амфорой, лепными и сероглиняными сосудами местного производства, предметами вооружения (железные мечи, наконечники копий, дротиков и стрел), орудиями труда (железные серпы, ножи, глиняные пряслица), украшениями (стеклянные и фаянсовые бусы, бронзовые браслеты), предметами туалета (бронзовые зеркала).

Лошади в половине случаев были взнузданы: под их черепами лежали железные удила, но, в основном, без псалиев. В двух катакомбах удила находились в погребальной камере: рядом с кучкой костей овцы и свиньи (напутственная пища) и у левой руки человека. В ограбленных в древности погребениях удила и псалии отсутствовали (не исключено, что их забирали грабители). В одной из катакомб лошадь была похоронена без узды, но у основания ее черепа была найдена крупная бусина. Обнаруженные удила самой простой конструкции — двусоставные кольчатые; меоты их использовали начиная с VII в. до н. э. Хронологический диапазон погребений с удилами без псалиев охватывает очень широкий период с II в. до н. э. до II в. н. э. В катакомбе второй половины II в. до н. э. были найдены удила с крестовидными псалиями, характерные для этого времени. Двух лошадей из подбойного захоронения сопровождали удила с псалиями разных типов: с подвижными добавочными кольцами и с жестко закрепленными колесовидными псалиями. Это погребение, датирующееся серединой III в. н. э., относится к самому концу финального этапа меотской культуры.

Три конских захоронения, в которых не было костей человека, мы определяем как ритуальные комплексы. Два из них можно считать тризнами, так как вместе с лошадьми (в одном случае — это неполный скелет без черепа, в другом — разрозненные кости) были обнаружены части скелета телят и разрубленные кости коровы. Третий комплекс представлен двумя целыми скелетами лошадей, одна из которых была положена на спину, вторая — на левый бок, и связан, вероятно, с обрядом посвящения коня. Узды при лошадях не было. Другой инвентарь также отсутствовал, поэтому хронология комплексов определяется рамками существования могильника.

Всего в погребениях и ритуальных комплексах выявлены остатки 19 лошадей. Захороненные животные (в 10 случаях, когда это можно было определить) представлены поровну малорослыми (128–136 см) и среднерослыми (136–144 см) особями. Возраст большинства, определяемый по степени срастания эпифизов трубчатых костей, составляет более 3-х лет. В шести случаях по стиранию и прорастанию резцов и щечных зубов более точно определяется индивидуальный возраст в диапазоне от 2 до 9 лет. Для четырех особей был определен мужской пол.

М. В. Маковецкая

Образ лошади в философии

Начиная со времени одомашнивания лошади эти прекрасные существа стали не только важными составляющими хозяйственного устройства жизни человека, но и проникли вглубь человеческой культуры, закрепившись там в качестве архетипа мудрого, смелого, сильного, быстрого, красивого и верного животного.

Эти качества и то, что лошади жили бок о бок с человеком, в буквальном смысле сопровождая его на каждом шагу, вплели образ лошади не только в сюжеты древних сказаний и живописных изображений, но и включили его в процесс философского осмысления мира. Разные роли в разных качествах приходится играть лошади, приходящей на помощь философу.

1. Лошадь как пример сущего. Лошади и люди.

В кругу почитателей философии известно, что ее создатели очень не любят придумывать новые примеры. Кто или что выступает в качестве самого частного персонажа философских размышлений? Это пресловутые столы и стулья, но прежде всего лошади и люди. Не зря с «лошадностью», то есть с идеей лошади связан один из самых известных философских анекдотов, повествующих о диалоге Антисфена и Платона: «Лошадь я видел, а лошадности не наблюдаю...», — говорил Антисфен. Проблема единичной вещи и общего понятия, обозначающего класс вещей, перешла от Платона к Аристотелю, прошла через все Средневековье под именем спора об универсалиях, и лошадь вместе с человеком продолжали служить ее примером.

2. Скорость физического движения. Мысли. Лошади и колесницы.

В поэме Парменида «О природе» любознательный юноша получает приглашение от богини Истины, и на пути к ней его сопровождают девы на колеснице, запряженной конями. Поэма, в фрагментах дошедшая до нас, начинается с «коней». «Кони,

которые меня несут, — доставляли [меня] так далеко, как только может достичь дух».

Здесь появление коней говорит нам и в буквальном смысле о скорости физического движения, и в переносном смысле о скорости движения ума. Кони-мысли уносят того, кто готов беседовать с истиной.

3. Сила, скорость, необузданность и покорность, неистовство и умеренность. Метафора устройства души.

А Платон без лошадей не смог бы описать устройство души. Душа — как управляемая возничим упряжка коней. Возничий — разум, а что за кони в ней и кто они?

«Из коней, говорим мы, один хорош, а другой нет... один из них прекрасных статей, стройный на вид, шея у него высокая... он друг истинного мнения, его не надо погонять бичом, можно направлять его одним лишь приказанием и словом. А другой — горбатый, тучный, дурно сложен, ... друг наглости и похвальбы, от косм вокруг ушей он глухой и еле повинуется бичу и стрекалам».

Кони — влечения души, ее силы, одна управляемая разумом, другая управляемая внешними вещами, она сама и есть стремление к ним. Эта лошадиная метафора души оказалась столь хороша, что и поныне используется для понимания строения души, теперь получившей современное научное название психики. З. Фрейд, предложив одну из своих версий устройства психики, также использовал метафору теперь уже не упряжки, но всадника для обозначения сознательной и бессознательной структур психики.

4. Мудрость, рассудительность, справедливость. Лошади-мудрецы.

Философия — это любовь к мудрости? А кто такие мудрецы? Все знают, что Гулливер побывал в стране лилипутов, почти все знают также, что он побывал в стране великанов, но некоторые не могут вспомнить о том, что он побывал в стране гуингмов — разумных лошадей. Почему лошади показались Свифту лучшим примером для иллюстрации человечности животных и животности человека? И хотя трудно и даже абсурдно представить себе лошадь, выполняющую своими передними конечностями аналоги привычных нам операций (например, при-

готовление пищи, устройство жилища), мы готовы поверить в существование общества разумных лошадей, которое в духе сложившейся традиции английского утопизма устроено рациональнее и справедливее чем общество людей.

5. Преданность, смелость, доброта, сила, выносливость, надежность. Лошадь как Другой (или лошадь лучший человек чем сам человек) Любовь и сострадание.

Понятие Другого (с заглавной буквы) в философии относится к философскому обоснованию встречи с другим человеком, носителем другого сознания, с еще одной вселенной, скрытой за внешней границей тела. Если встреча человека и животного происходит как встреча двух душ, то животные вызывают в человеке его самые лучшие чувства: любовь, сострадание, жалость. В художественной литературе и в фольклоре существует бесчисленное множество сюжетов, повествующих о жалости к лошадям. Приведу только два примера. Сон Раскольникова о том, как убивают лошадь, — реальность, отраженная в литературе. И встреча Ницше с избиваемой лошадью, литература, обратно отразившаяся в реальности, событие, по легенде послужившее спусковым крючком для окончательного безумия Ницше.

Лошади, как и собаки, относятся к тем животным, в которых человек видит те качества, которые желал бы видеть в себе и в каждом человеке. При этом в животных они если проявляются, то в чистом виде. Животных почти никогда не подозревают в пороках, зато признают носителями добродетелей. Глаза лошади это зеркало неискаженной души человека.

А. В. Малов

**Конюшенные чины в расходных книгах
Казенного двора 1613–1626 гг.**

Доклад продолжает исследование возможностей расходных книг Казенного двора (приказа) по изучению персонального состава различных сословно-служилых страт служилого Московского государства. Архив Конюшенного приказа как целостный комплекс не сохранился, не сохранились и его учетные книги, лишь часть столбцовых материалов дошла до нас в составе Архива Оружейной палаты (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1). Исследование конюшенного ведомства — важнейшего и, возможно, старейшего из московских приказов велось сотрудниками Государственной Оружейной палаты М. М. Денисовой и Л. П. Кирилловой, О. В. Мельниковой, Е. В. Когут и С. П. Орленко. Ими был введен в научный оборот значительный фактический и документальный массив и поставлена сама проблема изучения Конюшенного ведомства. Были выявлены все основные чины служилых и мастеровых людей Конюшенного приказа: стремянные, стряпчие, задворные и стадные конюхи, конские мастера (ветеринары), сторожа, золотари, серебряники, медные литейщики, узденики, удильники, кутазные и «моршешные» мастера, строчники, плетники, подковщики, каретные и колымажные мастера, резчики, фонарные мастера, мастера «стеклянного оконнишного дела», обойщики, околвщики, тележники, шлейные и «миндерные» мастера, «обротники» etc.

Однако в большей степени работы коллег были нацелены на изучение сложения музейных коллекций конского убранства и установление мастеров, его изготавливавших. Изучение же Конюшенного приказа историками приказной системы России не выходило за рамки общего исследования данной темы, хотя это ведомство по штату подведомственных ему служилых и мастеровых людей было одним из крупнейших. Монографического же исследования конюшенного ведомства, его структуры,

персонального состава и места в приказной системе, а также роли конюшенных чинов в системе Государева двора и служилого московского общества в целом до сих пор нет. Просопографическое исследование конюшенных чинов в этих условиях стало бы большим шагом вперед.

Исследования, посвященные конюшенному ведомству, его чинам и мастерам базировались преимущественно на материалах второй половины XVII в., что объясняется фрагментарностью документального наследия более раннего периода. Мы уже не раз писали о значении комплекса прихода-расходных книг Казенного приказа, в частности, для просопографических исследований, особенно раннего периода — до большого московского пожара в мае 1626 г. Ранее материалы расходных книг Казенного двора (приказа) уже использовались нами для создания просопографических исследований по мастерам Оружейного приказа, служилым людям пушкарского чина, вольному казачеству, сибирским и царицынским служилым людям, переводчикам и толмачам. Заявленный доклад продолжает исследование служилых людей на выходе России из Смуты и представляет результаты выявления сведений о служилых людях конюшенного чина, приказных людях и мастерах Конюшенного приказа за период с 1613 по 1626 г.

П. Н. Марциновский

Организация первых губернских конских скачек в Симферополе в конце 20-х — 40-е годы XIX в.

В конце декабря 1827 г. таврический гражданский губернатор получил от управляющего Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью тайного советника Ф. П. Палена письмо с четырьмя экземплярами переведенного и напечатанного по высочайшему повелению сочинения «О конском ристании или скачке, как существенном вспомогательном средстве к усовершенствованию конских пород» с подробным описанием лучших публичных ристалищ в Европе. Императорское Вольное экономическое общество предлагало воспользоваться этим сочинением владельцам конных заводов, особенно заинтересованных в лучших породах лошадей. Организация таких соревнований выглядела актуальной и своевременной. Высочайшее решение не заставило себя ждать и уже в 1829 г., накануне первых скачек в губернских центрах Новороссии, были опубликованы «Правила для конских скачек в Новороссийских губерниях».

Первая конская скачка в Таврической губернии состоялась 1 октября 1829 г. в Симферополе. На ее организацию было истрачено 1500 руб. серебром (не считая призовых выплат). Необходимо было соорудить галереи, трибуны, флагштоки, собственно беговые дорожки и т. д. Помимо материалов потребовалось задействовать 130 рабочих, чтобы разровнять беговой круг, получивших за это 71 руб. 50 коп. Расходы на оплату труда плотников, столяров, портных и красильщиков составили 387 руб. 50 коп. Скачки предполагались ежегодными, поэтому уже в следующем 1830 г., 12 октября, по высочайшему повелению в Симферополе в присутствии многочисленных граждан и гостей города во втором часу пополудни состоялась вторая скачка, в которой приняли участие 26 скаковых лошадей. Первый приз — серебряный кубок, стоимостью в 1500 руб., выиграла лошадь, принадлежавшая помещику Девлет Мурзе Вей-

ратскому. Второй приз — 500 руб. ассигнациями, завоевала лошадь, принадлежавшая поручику Кази бей Балатукову.

Уже в апреле 1831 г. исполняющий обязанности новороссийского и бессарабского генерал-губернатора граф Ф. П. Пален заказал в Санкт-Петербурге в английском магазине Никольса три серебряные вазы для призов победителям скачек в трех губернских городах Новороссии: Херсоне, Екатеринославе и Симферополе.

В письме на имя таврического гражданского губернатора от 5 сентября 1831 г. Ф. П. Пален писал: «Неизменным считаю присовокупить, что лошадиная скачка в Симферополе должна быть не иначе произведена, как с соблюдением в точности правил Лебедянского скакового общества». Видимо, именно в Симферополе, по некоторым причинам, общие правила нарушались особенно существенно.

День третьей губернской скачки приближался, однако ни серебряной вазы за первое место, ни призовых денег за второе, ни средств на обустройство места для состязаний не предвиделось. Губернский предводитель дворянства, действительный статский советник С. Е. Нотара, получив 2000 руб. от таврического гражданского губернатора, выкупил у победителя скачки 1830 г. серебряный кубок, на котором, весьма кстати, не оказалось выгравированной надписи, полагая оставшиеся 500 руб. вручить занявшему второе место. Победитель скачки 1830 г. объявил, что готов получить за кубок только 1000 руб. при условии, что остальные 500 руб. будут использованы на обустройство места для скачки. Благодаря этому торжественность дня и существенная мотивация для соревнующихся были сохранены и праздник испорчен не был. Третья губернская скачка состоялась 15 октября 1831 г.

Проявившиеся трудности в организации первых скачек в той или иной форме повторялись ежегодно. Деревянные галереи, трибуны, флаштоки старались ежегодно демонтировать, поскольку такие некапитальные сооружения, естественно, пришли бы в негодность под открытым небом. Демонтаж сам по себе приводил к существенному ущербу сооружениям, затем материалы складировались, иногда даже в здании Дворянского собрания. По мере приближения осени и очередной скачки на-

чинались выяснения насколько возможно использовать прошлогодние материалы, какая сумма необходима для подготовки. При этом средства на проведение скачек и призы добывались с трудом. Это всегда требовало определенных усилий и длительной переписки. Вознаграждение подрядчикам выплачивалось нерегулярно и не всегда в полном объеме. Существенной проблемой оказалось соблюдение утвержденных правил, в связи с чем в апреле 1833 г. от имени новороссийского и бессарабского генерал-губернатора было разослано новое постановление, дополняющее и разъясняющее правила.

Ежегодные губернские скачки в 30–40-х годах XIX в. не только способствовали развитию коневодства, но и стали делом чести для многих дворян Таврической губернии, настоящим праздником для горожан и гостей Симферополя.

И. Е. Мелентьева

Лошади в жизни и творчестве Александра Солженицына

В жизни и творчестве А. И. Солженицына лошади сыграли огромную роль. Так, фронтовой путь Солженицына, мечтавшего оказаться на передовой и стать артиллеристом, начался с должности ездового в 74-м Отдельном гужтранспортном батальоне. В обоз недавний выпускник математического факультета Ростовского университета угодил в октябре 1941 г. из-за ограниченной годности по здоровью. Это потом Солженицыну удастся окончить 3-е Ленинградское артиллерийское училище, попасть на фронт, стать командиром батареи звуковой разведки, получить ордена Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды. Обозный же период писатель эмоционально отразил в незавершенной автобиографической повести «Люби революцию». Вот один из фрагментов, в котором представлен момент перелома отношения героя-интеллигента Глеба Нержина к лошадям: «Лошадям есть было нечего. Они стояли мокрые, черные, грустные, одни неподвижно, другие переступая ногами — и все разом обернулись на Глеба, чего-то от него ожидая. И вдруг Нержину, вышедшему из избы в злобной раздраженности, когда с опозданием приходят в голову самые язвительные ответы, которых он не догадался привести Дашкину там, в избе, — вдруг Нержину в первый раз за все обозное время эти крупные животные показали не слюнявомордыми символами крушения всех его блестящих артиллерийских надежд, а добрыми существами с жизнью, бесконечно более тяжелой, чем у людей» (Собр. соч. в 30 т. М., 2016. Т. 18. С. 328).

Нет ни одного художественного произведения (или циклов произведений) Солженицына, в которых бы не было лошадей. Рассказы «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор», цикл прозаических миниатюр «Крохотки», опыт художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ», повесть «Раковый корпус», роман «В круге первом», повествование в отмеренных

сроках «Красное Колесо», цикл двучастных рассказов, стихи тюремно-лагерно-ссылных лет, «Русский словарь языкового расширения» — в этих работах значимо представлены образы лошадей; утверждается, что «все мы немножко лошади». В ряде статей я уже писала об этом.

Печаль об исчезновении лошадей из современного быта как-им-то странным образом соединялась у Солженицына с печалью о вытеснении железных дорог и утверждении автомобильного транспорта (об этом много в его вермонтских воспоминаниях 1980-х годов). Всё это, по Солженицыну, свидетельствовало об оскудении души человека, сухости отношений с природой. В крохотке «Способ двигаться» образ лошади является критерием истины и центром смысловой композиции; выпукло и точно дан в этой прозаической миниатюре контраст живого и мертвого, подлинного и наносного, модного и вечного:

«Что́ был конь — играющий выгнутою спиной, рубящий копытами, с разметанной гривой, с разумным горячим глазом! Что́ был верблюд — двугорбый лебедь, медлительный мудрец с усмешкой познания на круглых губах! Что́ был даже черноморденький ишачок — с его терпеливой твердостью, живыми ласковыми ушами!

А мы избрали?.. — вот это безобразнейшее из творений Земли, на резиновых быстрых лапах, с мертвыми стеклянными глазами, тупым ребристым рылом, горбатое железным ящиком. Оно не проржет о радости степи, о запахах трав, о любви к кобылице или к хозяину. Оно постоянно скрежещет железом и плюет, плюет фиолетовым вонючим дымом.

Что́ ж, каковы мы — таков и наш способ двигаться» (Собр. соч. в 30 т. М., 2006. Т. 1. С. 544).

Солженицын с помощью образа лошади поэтизирует пространство и время. Пейзаж становится более одушевленным и законченным, а человек рядом с конем — более тонким и глубоким.

В мировой культуре лошадь часто персонифицируется. Солженицын идет по этому же пути, показывает через судьбу животного судьбу человека. В текстах Солженицына лошади имеют и символическое значение.

Отдельно следует отметить «Русский словарь языкового расширения», за который Солженицын был избран действительным членом РАН и удостоен Большой золотой медали М. В. Ломоносова. В Словаре есть особый раздел «О лошадях», в котором содержится почти ушедшая из современного употребления лексика.

В. П. Микитюк

Конный спорт на Среднем и Южном Урале (вторая половина XIX — начало XX в.)

Более или менее внятные сообщения о наличии на Среднем и Южном Урале поклонников конного спорта относятся к середине XIX в. В этот период в регионе действовали комитеты о губернском коннозаводстве, в ведении которых находились земские конюшни. На первых порах комитеты были сосредоточены на испытаниях крестьянских лошадей, проводившихся в губернских центрах и некоторых уездных городах. Так, подобные испытания имели место в Екатеринбурге в 1857 г.: «В 15 августа сего года по примеру предыдущих лет в г. Екатеринбурге произведено было в присутствии членов временного комитета и многочисленной публики, испытание крестьянских лошадей в легкой езде и возке тяжестей, причем оказалось: из 28 лошадей, представленных к испытанию в легкой езде, могли быть допущены 3 жеребца и 18 мерин, а в возке тяжестей 5 жеребцов, 1 мерин и 1 кобыла».

Со временем земские конюшни стали организовывать беговые состязания, в которых участвовали как простые, так и рысистые лошади. Сперва они прошли в губернском городе Перми, а затем стали проводиться в уездных городах, в том числе в Екатеринбурге и Шадринске. Для более успешного проведения бегов в некоторых городах устраивались ипподромы и места для зрителей. В конце весны 1866 г. управляющий Пермской земской конюшней уведомил Екатеринбургскую городскую думу о новых состязаниях и напомнил думе: «В Екатеринбурге к этому времени необходимо рысистой ипподром, беседки для членов и для публики привести к окончанию, без чего рысистое испытание не может состояться». Некоторое время спустя земские конюшни были упразднены, что негативно сказалось на становлении и развитии конного спорта на Среднем и Южном Урале.

Новый этап в его развитии стартовал в середине 1880-х годов. В этот период екатеринбургские любители затеяли создание новой спортивной организации. Арендовав у Верх-Исетского горного округа значительную территорию, они 24 ноября 1885 г. провели первые бега. Устав Екатеринбургского общества охотников конского бега официально был утвержден позже — 7 мая 1886 г. Главным распорядительным органом по уставу являлись общие собрания, а исполнительные функции были возложены на президента, вице-президента и правление. К середине 1890-х годов общество улучшило состояние ипподрома и устроило павильон для зрителей. Для привлечения спортсменов и зрителей был разрешен тотализатор. Постепенно общество охотников конского бега, переименованное со временем в общество поощрения коннозаводства, окрепло и стало флагманом конного спорта на Урале.

Екатеринбургское общество поощрения коннозаводства долгое время оставалось единственной организацией, культивировавшей конный спорт. В начале XX в. ситуация стала меняться. Почти одновременно стали предприниматься усилия по созданию таких обществ в Пермской губернии (Ирбит и Пермь) и в Троицке (Оренбургская губерния).

Южноуральские поклонники конного спорта уже к лету 1901 г. создали Троицкое общество любителей конского бега. Местные предприниматели собрали капитал в 5 тыс. руб. и начали хлопотать о выделении участка под ипподром. В апреле 1902 г. был дан старт стройке: «Местное общество любителей конского бега приступило к постройке ипподрома. Ипподром по размеру громадный». 7 июля того же года ипподром был открыт и на нем состоялись первые соревнования.

Аналогичные работы в Ирбите затянулись: местные поклонники конного спорта хотели сначала объединиться с коллегами из Екатеринбурга, но получили отказ. Тогда ирбитчане предложили ту же операцию тюменским спортсменам, которые согласились включить Ирбитское общество поощрения коннозаводства в состав своей организации на правах отделения (филиала). Бега на Ирбитском ипподроме начались в 1903 г.: «Ирбитский ипподром является для ярмарки новинкой. В воскресенье, 26 января, состоялось открытие бегового сезона

в Ирбите. Как и следовало ожидать, первый бег привлек довольно многочисленную публику, за отсутствием на ярмарке других развлечений».

Несколько месяцев спустя заработал ипподром в Перми: «В воскресенье, 29 июня, состоялось открытие ипподрома общества поощрения рысистого коннозаводства при громадном стечении публики. К пяти часам и трибуны, и членская беседка, и боковые места были полны, а у кассы еще толпилась публика». В 1908 г. в Пермской губернии возникло еще одно объединение поклонников конного спорта — Нижнетагильское общество поощрения коннозаводства.

В целом, во второй половине XIX — начале XX в. на Среднем и Южном Урале возникло не менее пяти организаций, объединявших любителей конного спорта. Данные общества стимулировали рост интереса к этому виду спортивных состязаний, дали импульс к возникновению новых конных заводов и разведению рысистых лошадей, а также превратили конские бега в одно из наиболее любимых и массовых зрелищ уральцев.

Образ коня в жизнеописаниях правителей античного мира

Конь — один из важнейших символов в античной культуре. Впечатляет его многогранность: он мог символизировать социальный статус (кони — атрибут аристократов), воинскую и охотничью доблесть хозяина, а также целую палитру добродетелей. У натуралиста Плиния Старшего приведен ряд примеров того, как кони проявляли верность своим хозяевам и эмпатию (Plin. Mai. Hist. Nat. VIII.42).

Самый известный сюжет о взаимодействии человека и коня в античной литературе мы находим в нарративе об Александре Македонском и его любимом коне Букефале (Бычьеголовый). Само укрощение этого строптивого коня входит в число предзнаменований будущих свершений юного Александра — его отец, Филипп, будто бы воскликнул: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!» (Plut. Alex. 6.5). Вместе с тем, уже в древности образ Александра воспринимался неоднозначно: авторы отмечали его жестокость и сумасбродство, ярко проявившиеся к концу жизни. Важно, что образ Букефала используется авторами с учетом двойственности его хозяина. Так, в Гиркании Букефал будто бы был похищен каким-то племенем, и сюжет этот показывает переменчивость Александра: вначале он намеревался полностью истребить племя, но затем смиростивился и даже заплатил выкуп (Plut. Alex. 44.2–3). После смерти Букефала в его честь был основан город; усиливая экстравагантность такой коммеморации авторы дополняли эти сведения сообщением об основании города и в честь любимой собаки Александра (Plut. Alex. 61).

Двойственность образа коня, по образцу нарратива об Александре, будет обыгрываться и в биографиях правителей Римского государства, многие из которых были поклонниками Александра и подражали ему не только в политической плоскости, но и в смысле копирования его внешности и модели пове-

дения. Так, в биографии Юлия Цезаря фигурирует его любимая лошадь, которая была увековечена им в скульптуре. Несомненно, что сам Цезарь использовал образ животного в рамках конструирования своего образа, ориентируясь на нарратив об Александре. Рождение лошади будто бы было истолковано гадателями как символ его будущей власти; лошадь Цезаря, как и Букефал, была объезжена им и никого к себе не подпускала (Suet. Caes. 61; Cass. Dio, Hist. Rom. XXXVII.54.2) etc. Однако, в соответствии с укоренившейся благодаря Александру двойственности при использовании образа коня, кони могли иллюстрировать и сумасбродство своих хозяев. Хорошо известен сюжет о коне императора Калигулы по кличке Инцитат (Стремительный), которому он будто бы прочил карьеру на государственном поприще (Suet. Gaius 55.3; Cass. Dio, LIX.14.7). Реальность этой истории является предметом научной дискуссии, однако этот эпизод, бесспорно, является самой известной иллюстрацией безумия и деспотичности Калигулы. Более того, сюжет пережил самого Калигулу: в V в. историк-аноним воспроизводит его элементы в биографии сумасбродного императора Луция Вера (SHA Verus 6.3–6), которому приписывает трепетное отношение к коню Волукеру (Крылатому). Этот же автор отмечает, что, когда конь умер, Луций Вер соорудил ему гробницу. Подобное отношение, продиктованное не только примером Александра, но и, вероятно, теплым отношением к любимцу, воспринималось в античности как явное проявление сумасбродства. Тем примечательнее, что этот сюжет присутствует в биографиях некоторых императоров. Его мы встречаем в жизнеописании Адриана (SHA Hadr. 20.12), одного из самых противоречивых правителей Рима, чья эксцентричность признавалась в древности проявлением подавляемых им деспотических наклонностей. Натуралист Плиний Старший упоминает, что гробницу своему коню соорудил и первый римский император Август, причем сюжет этот был описан в поэме его внучатого племянника Германика (Plin. Mai. Hist. Nat. VIII.42.155). Во все известные нам жизнеописания Августа этот сюжет не вошел, равно как не сохранилась поэма Германика. Это заставляет полагать, что подобное исключение сюжета неслучайно. Август был обожествлен после смерти, а образ его, став примером для

подражания, сознательно идеализировался. Соответственно, из него по возможности должны были быть исключены все неоднозначные эпизоды.

Таким образом, появление любимого коня в нарративе об античных правителях выступает не столько курьезным элементом, призванным развлечь читателя, сколько важным акцентом, позволяющим глубже понять образ героя повествования, его положительные и отрицательные стороны. Изучение этих сюжетов, в свою очередь, интересно не только для исторической зоологии, но и для понимания принципов развития биографического жанра и конструирования образа правителя в античном историописании.

М. Н. Митина

Художественный образ лошади в русской народной глиняной игрушке

Русская глиняная игрушка обладает широким спектром смыслов и функций, выходящих далеко за пределы игрового контекста. Глиняные фигурки, созданные в разных центрах народных художественных промыслов, имеют ряд универсальных характеристик.

Основная особенность глиняной игрушки — максимально обобщенная форма, с несколькими деталями, помогающими создать выразительный художественный образ. Детали, атрибуты, знаки, призванные идентифицировать персонажа, чаще всего преувеличены, объемны. Здесь остро встает проблема степени отражения реального мира и уровня стилизации. В народной игрушке «быль и вымысел слиты воедино». Мелкая пластика, даже при условии использования сочетания различных техник и декора, обладает меньшим количеством выразительных средств, чем, например живопись. Основными средствами художественной выразительности выступают форма и линия. Именно лаконичность позволяет минимальными средствами передать художественный образ, выразив суть, воплотив ее в конкретную форму.

Образ лошади — один из самых традиционных и распространенных художественных образов народного искусства. Он встречается во всех без исключения центрах художественных промыслов глиняной игрушки. В каждом из них сформировался свой иконографический тип, связанный с палитрой средств художественной выразительности. Чаще всего образ коня и всадника рассматривается исследователями с точки зрения происхождения персонажа, связей с мифологическими представлениями человека. Однако семантическое поле художественного образа лошади обладает широкой вариативностью. Исследование этого вопроса поможет в понимании ряда памятников, обогатит со-

временную теорию искусства, может быть использовано мастерами как теоретическая опора для разработки новых возможных художественных вариантов персонажа. Целью исследования является выявление семантического разнообразия и особенностей художественного образа лошади в русской народной глиняной игрушке. Автор рассматривает реальные и фантастические черты в образе персонажа на примерах изделий мастеров центров народных художественных промыслов глиняной игрушки России. Хронологические границы исследования затрагивают период с середины XIX в. (когда промыслы проходят этап становления и расцвета) до настоящего времени (когда отмечается период новой волны интереса к народному искусству и возрождения промыслов глиняной игрушки).

С течением времени видоизменялась форма и семантика фигурок, однако, вероятно, некоторые образы, воплощенные мастерами художественных промыслов, имеют связь с образами древнейшей пластики. Так, Л. А. Динцес предполагал, что истоки семантики русской глиняной игрушки можно нащупать в славянской культуре, в представлениях дохристианского периода. Миниатюрные фигурки использовались как обереги; ритуальные предметы, связанные с обрядами календарных сельскохозяйственных праздников; вотивные статуэтки. В истории развития русской глиняной игрушки можно проследить периоды изменения духовных и религиозных представлений русского народа. На смену сдержанности и условности в трактовке ранних фигур и орнамента к XIX в. в русской глиняной игрушке приходит узорность и фантазийность, происходит переход от религиозных представлений, воплощенных в фигурках, к декоративному, эстетическому началу.

К концу XIX в. в России существовало множество центров глиняной игрушки, некоторые были широко известны за пределами своего региона (например, Филимоновская), другие оставались локальными очагами творчества и были знакомы лишь местному населению (как, например, Оятская игрушка). В каждом регионе сформировались свои особенности, игрушка каждого центра народных художественных промыслов уникальна и узнаваема: удлиненная, с вытянутыми формами Филимоновская; архаичная строгая в росписи Каргопольская; контрастная,

покрытая яркими эмалями Абашевская; нарядная Дымковская; и так далее. Но в игрушках каждого такого центра, несмотря на самобытность, можно выделить универсальные черты. В русской народной глиняной игрушке любого региона всегда в той или иной степени проявляется традиционность, духовность и семейственность (коллективность). Традиционность проявилась в типологическом наборе персонажей. Во всех центрах создавались свистульки-птицы, фигуры медведя и лошади.

В русской народной глиняной игрушке можно выделить два основных типа художественного образа лошади — «реальный» (передает черты реального животного, всадника, запряженной тройки лошадей) и «фантастический» (варианты образа Кинтовраса и Полкана). Оба типа нашли отражение в творчестве мастеров.

М. В. Мусеев

**Ногайский конь в истории коммуникаций, торговли
и культуры Московского государства
и Ногайской орды в XVI в.**

В русско-ногайских отношениях с самого их начала большую роль играли вопросы торговли. Главным товаром выступали лошади, сама торговля выстраивалась довольно сложно. Сами ногаи были готовы продавать коней по всему протяжении своего пути, но русские власти преследовали в первую очередь интересы снабжения служилых землевладельцев качественными и недорогими конями, поэтому они старались организовать закрытые торговые площадки. В 1530-е годы эта политика стала активизироваться и с середины XVI в. фиксируются базарские воеводы, которые обеспечивали безопасность закрытого торга и самих ногайских купцов. Покупать ногайских коней разрешалось только служилым людям. За соблюдением правил торговли следили воевода на базаре, отряд служилых людей и специально назначенные переводчики. Переводчики письменно фиксировали факт продажи коней, если же коня купили или выменяли без записи, то продажу считали недействительной и с нарушителей брали по 2 руб. «на человеке», а лошадей изымали на государя. Кроме контроля за продажей лошадей персонал воеводы на базаре следил за тем, чтобы не велась торговля запретным товаром (железом, предметами вооружения). Среди разрешенных товаров для продажи ногаям часто фигурировали окованные железом ларцы.

Весь торг курировали и осуществляли правовое сопровождение в Посольском приказе, а вот взимание пошлин регулировалось в Ямской избе. Пошлины взимались на царя и Троице-Сергиев монастырь. Надо заметить, что вопрос о пошлинах не был простым. Ногайские дипломаты стремились избавиться от взимания пошлин. Структура пошлин представляла собой следующее: в Москве взимали тамгу на царя, в Рязани и Коломне —

на коломенского наместника. Если ногаи ехали через Владимир, то тамгу взимали на владимирского наместника, а если через Касимов — на царя и царевича, а также «на болшого князя на Ширинского». Кроме этого, правом сбора пошлин за клеймение ногайских лошадей обладал Троице-Сергиев монастырь.

Торговлю с Русским государством преимущественно вели ордобазарцы — представители привилегированной социальной группы. Они были приближены к бию и мирзам и обслуживали их товарами. Их положение в известном смысле казалось похожим на положение привилегированного русского купечества, поэтому в русских источниках «ордобазарец» почти всегда передавалось как «гость». Ордобазарцы также занимались поиском и выкупом плененных ногаев.

Поставки лошадей из Ногайской Орды были весьма значительны. За весь XVI в. ногаи пригнали в Московское государство до полумиллиона коней. Самые крупные поставки за это время пришлось на 1534 г., когда степняки пригнали 30 000 коней и на 1555 г., когда ногаи на рынки Москвы и Казани поставили 40 000 коней. Затем количество коней, пригоняемых на продажу, снизилось. Наиболее значительные поставки после 1555 г. составили 7000 лошадей в ноябре 1556 г., 2000 — в июле 1557 г. и 5000 — в июне 1561 г. Остальные поставки не достигали даже 1000 голов. Необходимо отметить, что именно на это время приходится голод и междоусобица в Ногайской Орде. В 1557 г. Исмаил-бий писал, что из-за беспрестанных войн в орде «животов ... не осталось». В декабре 1557 г. он конкретизировал картину обнищания ногаев. По его словам, они лишились всего своего имущества, включая лошадей и одежды. На сокращение поголовья коней в Ногайской Орде влияли также нападения на ногайские кочевья и угон лошадей.

Кроме коней ногаи поставляли на рынки овец. Однако информация об этом скудна и ограничивается сообщением о пригоне на продажу 24 300 овец в 1555 г., причем большая часть (20 300) была продана в Казани. Продавали они и продукты скотоводства и ремесла, в том числе войлок, «кожи телятинные», топленное сливочное масло, шкуры. Особой известностью пользовались ногайские тулупы.

Еще одним любопытным следствием активной конской торговли между Россией и Ногайской ордой являются неоднократные приглашения Иваном Грозным к себе на службу конских мастеров. Русские послы искали их у ведущих ногайских аристократов, предлагая мастерам безбедное существование на новой родине и большие награды. Если же мастера не хотели перебираться в русские земли навсегда, то им предлагалось приехать на время и обучить учеников, а затем вернуться с большим жалованьем. Самый известный из «коневных мастеров», лечивших царских коней, был Тучкей-хафиз. Правитель Ногайской орды Исмаил писал, что Тучкей лечит хромых царских лошадей и просил отправить его обратно к ногаям. Впрочем, Иван Грозный не спешил его вернуть в степи, наоборот, Тучкей-хафиз получил за службу поместье в Новгороде, хотя по роду своей службы скорее всего он постоянно находился в Москве. Однако этот факт указывает на то, что ногайские конские мастера могли сделать восходящую карьеру и реально улучшить свое имущественное положение. Это обстоятельство приводило к тому, что Тучкей был в своем выборе совсем не одинок, но, увы, по имени нам известен еще только один подобный мастер — Кокчей. Впрочем, учитывая специфику сохранившихся источников стоит удивляться не тому, что мало имен сохранилось, а тому, что они вообще дошли до нас.

О. С. Морозова

Метафорический образ лошади в политической философии

Образ лошади в философских текстах интерпретируется через призму различных символических значений, часто связанных с человеческой природой, разумом, страстями и моральными качествами. В зависимости от философа и контекста лошадь может олицетворять как позитивные, так и негативные аспекты человеческого существования.

В диалоге «Федр» Платон использует метафору колесницы для описания души. В этой аллегории душа представлена как колесница, запряженная двумя лошадьми: одна лошадь символизирует разумные, благородные устремления, а другая — иррациональные, страстные импульсы. Возничий (разум) должен управлять лошадьми, стремясь удерживать баланс между этими силами. Таким образом, лошади в этом контексте олицетворяют различные аспекты человеческой души и потребности в гармонии между разумом и страстями.

Ницше в своих работах, например, в «Так говорил Заратустра», использует лошадь как символ природной силы, воли и динамики жизни. Лошадь здесь может интерпретироваться как воплощение витальной энергии и стремления к самореализации, что является центральной темой философии Ницше. Она олицетворяет инстинкты, которые, по мнению философа, должны быть гармонично интегрированы в личность для достижения полной силы и жизненной энергии.

В трактате «Левиафан» Гоббс упоминает лошадь в контексте обсуждения природы человека и государства. Он описывает человека как существо, которое необходимо направлять и контролировать, подобно тому, как возничий управляет лошадью. В этом контексте лошадь символизирует естественные импульсы и инстинкты, которые нуждаются в управлении ради поддержания порядка и стабильности в обществе.

В философии Шопенгауэра, особенно в его трактате «Мир как воля и представление», лошадь может быть интерпретирована как символ воли к жизни — силы, которая движет всеми живыми существами. Лошадь олицетворяет природные силы, стремления и инстинкты, которые определяют действия и поведение людей, часто в ущерб рациональности и моральным соображениям.

В психоаналитической философии Жака Лакана лошадь может интерпретироваться как символ неосознанного — сил, которые управляют человеком, но которые не всегда поддаются рациональному контролю. Лакан анализирует взаимодействие между сознательным и бессознательным, где лошадь могла бы быть метафорой для скрытых желаний и импульсов, которые часто проявляются неожиданным образом.

В философии Канта лошадь может символизировать природу, которая подчиняется законам необходимости. В его «Критике чистого разума» и других трудах можно увидеть, как природа (включая животных) противопоставляется человеческой свободе и рациональности, что выражает дуализм между природными инстинктами и моральным долгом.

Эти примеры показывают, что метафорический образ лошади в философских текстах может принимать множество значений, отражая сложные взаимоотношения между разумом, страстями, природой и культурой. Лошадь может служить как позитивным символом силы и витальности, так и негативным — символом необузданных страстей и инстинктов, нуждающихся в контроле.

А. П. Неклюдова, М. А. Никитина

**Позиционирование образа лошади-каскадера
в современном массовом сознании на примере фильмов
«Кунг-фу жеребец» (2023) и «Мой любимый чемпион» (2024)**

Исследование образа лошади в кино и массовой культуре становится особенно важным в контексте современных культурных тенденций, направленных на переосмысление антропоцентрической модели восприятия. Лошади, игравшие на протяжении существования человечества значительные хозяйственные, культурные и мифологические роли, становятся не только объектами изучения в искусствоведении и антропологии, но и полноправными субъектами визуальной культуры. Настоящее исследование важно для понимания того, как современные фильмы изменяют восприятие животных, раскрывая новые аспекты взаимодействия человека и природы через искусство.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей позиционирования животных-каскадеров в современной массовой культуре и общественном сознании. При помощи контент-анализа фильмов и междисциплинарного подхода раскрывается символическое, мифологическое и культурное значение лошади как каскадера и актера в кино, а также проанализированы этические аспекты и характер участия животных в современном кинопроцессе.

Основой исследования послужил контент-анализ фильмов «Кунг-фу жеребец» (2023) и «Мой любимый чемпион» (2024), в которых ключевую роль играют лошади. Для исследования использованы материалы об этических аспектах участия животных в кинопроизводстве (Humane Association), а также научные работы по репрезентации животных в искусстве и кинематографе.

Трансформация образа лошади в кино. Образ Огонька в фильме «Кунг-фу жеребец» выходит за рамки традиционного восприятия животного как рабочей силы. Конь становится акте-

ром, исполняющим сложные каскадерские трюки. Этот подход отражает идеи Стеллы Хокенхалл о животных как «звездах» кино.

Отказ от антропоцентризма. Конь в «Кунг-фу жеребце» действует как субъект, наравне с человеком взаимодействующий с миром фильма. Это поддерживает идеи Лунарди и Д'Эсте о расширении представления животных как самостоятельных участников сюжета.

Культурное и символическое значение. Согласно работе Стива Бейкера, животные несут важную культурную и идентификационную нагрузку. Лошадь в фильме становится символом силы и гармонии человека с природой, что подчеркивает ее мифологическое и культурное значение.

Эмоциональная связь и символизм в фильмах. В «Моем любимом чемпионе» лошадь Джонатан является не только трюковым партнером, но и эмоциональным спасителем главной героини. Он символизирует ее внутреннюю борьбу и стремление к свободе, что отражает более глубокий философский подтекст взаимоотношений между человеком и животным.

Этика и безопасность животных в кино. Современный тренд на использование натуральных сцен с участием животных, как в «Моем любимом чемпионе», поднимает вопросы безопасности и гуманного обращения с животными. Сцены с рискованными трюками, как «подсечка», критикуются за этические нарушения, и все чаще заменяются цифровыми или безопасными методами. Финальная сцена в «Кунг-фу жеребце», где герой отказывается от опасного трюка, чтобы не подвергать Огонька опасности, подчеркивает ответственность человека за безопасность животных.

Границы ответственности. В фильме «Кунг-фу жеребце» активно используется взаимодействие человека и животного, что поднимает вопросы границ ответственности. Лошадь, хотя и участвует в трюках, не имеет свободы выбора, что делает ее объектом для этического анализа.

Сравнение с каскадерами-людьми. В отличие от людей-каскадеров, которые осознанно идут на риск, животные-каскадеры, как в «Кунг-фу жеребце», действуют по указанию человека. Это подчеркивает ограничения прав и свободы животных в кино.

Подход к работе с животными. Использование животных в кино, как в «Кунг-фу жеребце» и «Моем любимом чемпионе», требует внимательного подхода как с со стороны тематики контента, так и со стороны этичности кинопроизводства. Важно учитывать как историческую практику использования животных в кино, так и современные стандарты гуманного обращения, принятые организациями вроде «The Humane Association».

Заключение. Роль лошади-каскадера в современном кинематографе выходит за рамки простого выполнения трюков. Лошади становятся полноценными участниками сюжета, что открывает новые перспективы для осмысления их места в массовой культуре. Тем не менее, остаются нерешенные вопросы, касающиеся границ допустимой эксплуатации животных, что требует дальнейшего анализа и разработки более строгих этических стандартов в кинопроизводстве.

Е. И. Нестерова

**Российская военно-научная экспедиция
в южную Корею (1895 г.): иппологический аспект**

В конце XIX в. возрастает количество экспедиций в сопредельные дальневосточные страны, организуемых российским военным ведомством. В большинстве своем подобные экспедиции, возглавляемые офицерами Генерального штаба, имели небольшое количество участников и, как правило, полностью укомплектовывались лошадьми, снаряжением и провиантом в пункте выхода. Разумеется, по мере продвижения по маршруту приходилось докупать необходимое, пополняя запасы. Это касалось и лошадей, которых теряли в результате болезней или несчастных случаев. Однако иногда ситуация складывалась так, что из-за условий заброски экспедиции, взять с собой лошадей знакомых пород и с понятным поведением не представлялось возможным, и тогда животных приходилось покупать на месте. Стоит отметить, что в последней четверти XIX в. в программу подготовки будущих офицеров в учебных заведениях входили иппологические курсы, объем которых зависел от военной специализации. Наиболее подробно эти аспекты рассматривались в рамках кавалерийского и артиллерийского направлений.

В 1876 г. вышел курс иппологии магистра ветеринарных наук, военного ветеринара Ф. Ф. Фишера, специально рассчитанный на кавалерийские училища и основанный на двухтомном «Полном курсе иппологии» проф. И. И. Равича, положившего начало научной иппологической литературе.

В фокусе данного доклада находится опыт экспедиции под руководством капитана Генерального штаба М. А. Соковнина, в 1895 г. совершившей поход по южной Корее. Отряд из шести человек преодолел 1200 верст (1280 км): от Пусана до Сеула, далее до Вонсана, затем вернулся обратно в Сеул, из Сеула в Чемульпо, откуда морем отправился на родину — во Владивосток. Соковнин отмечал, что о «путях, за исключением Сеул —

Чемульпо и отчасти Генсан [совр. Вонсан. — *Е. Н.*] — Сеул, можно вообще сказать, что это не дороги, а тропы. Лучшим подтверждением сказанного служит почти полное отсутствие у населения колесных экипажей. Грузы перевозятся на вьюках или переносятся на спинах кули, а передвижения жителей совершаются верхом или пешком». В силу того, что до начального пункта маршрута экспедиция добиралась морем, лошадой приобрели в Корее. Прибыв в Пусан, Соковнин попросил помощи в этом вопросе у местного губернатора. По распоряжению последнего крестьяне из окрестных деревень привели на продажу лошадей, девять из которых и были куплены Соковниным по цене 22 руб. 50 коп. за каждую. В то время средняя цена лошади в Корее составляла 20–25 руб.

Лошади, которых удалось купить для российской экспедиции, принадлежали к местной породе. Соковнин писал, что «корейская лошадь походит на испанскую пони, средний рост около 1½ аршина [чуть больше 1 м. — *Е. Н.*] Эту информацию подтверждали и британские авторы в книге «Достоинства лошади» (1897), сообщавшие что «корейские пони — чрезвычайно маленькие животные, высота которых зачастую не достигает 9 локтей [103 см. — *Е. Н.*]. Несмотря на неказистый вид, корейская лошадь отличалась выносливостью и грузоподъемностью. Соковнин отмечал, что эта лошадь, передвигаясь по горным тропам с крутыми и длинными подъемами, легко несла четырехпудовый вьюк, а на отдельных лошадях грузили до пяти пудов. Будучи выпускником Михайловского артиллерийского училища, офицером, подтверждавшим свой ценз как артиллерист, Соковнин в своих рабочих дневниках значительное место уделяет описанию корейских лошадей, особенностям их содержания и ухода, заостряя внимание на различных аспектах взаимодействия человека и лошади. Не опубликованные ранее дневниковые записи, а также отчеты и доклады Соковнина составляют источниковую базу настоящего доклада.

А. К. Нефёдкин

**Трактат «О всадническом искусстве»
Симона Гипполога (V в. до н. э.)**

Устная дидактическая теория эллинов стала письменной во второй половине V в. до н. э. Первыми взялись за стиль военные-практики. Афинянин Симон написал первое известное нам сочинение по гиппологии и всадническому искусству. О самом авторе трактата о верховой езде мало что известно. Для отличия от других людей, носивших имя Симона, автора именуют Гиппологом. Время жизни его определяется, с одной стороны, упоминанием критики Симоном картины афинского художника Микона второй четверти V в. до н. э. (после 450 г. до н. э.), а, с другой, цитированием его Ксенофонтом в 360-х годах до н. э.

Имя Симона упоминается в комедии Аристофана «Всадники», поставленной в 424 г. до н. э., который в схолии считается гиппархом. Вслед за схолией гиппарха Симона, исполнявшего свою должность в июле 425 — июне 424 гг. до н. э., часто рассматривали как автора трактата. Согласно другой альтернативной атрибуции, Симон был просто специалистом-гиппологом. В любом случае Симон являлся крупным экспертом по вопросам гиппологии, каковым его считал даже Ксенофонт. Однако, как гражданин полиса, Симон должен был служить, и скорее всего, в коннице, и поэтому принадлежал к одному из двух самых богатых классов общества.

Названием труда Симона считается то, которое дают в своих ссылках на эту работу Ксенофонт и следующий за ним Арриана: «Περὶ ἰπλικῆς (sc. τέχνης)» — «О всадническом искусстве (ремесле)». В начале IV в. до н. э. Симон был уже достаточно известной персоной, вероятно, уже написавшим свой трактат, ему поставили в Афинах бронзовую статую.

О содержании трактата Симона можно судить по несколькими сохранившимся фрагментам. Самый обширный фрагмент, разделенный на 11 параграфов, сохранился в «Кембриджской

гиппиатрике» под наименованием «О виде и отборе коней Симона Афинянина».

Сочинение Симона представляло собой теоретический дидактический трактат, составленный для обучения всадника для верного отбора им коня и последующего обучения верховой езде. Никаких военных сюжетов, судя по сохранившимся фрагментам, в трактате не было. Относительно источников ясно, что Симон писал по собственному опыту, предшественники его нам не известны. Автор стремился представить в более элегантной форме технический текст с массой специальных терминов, который, впрочем, оказался написанным запутанным и нерегулярным аттическим диалектом.

Трактат Симона имел определенное влияние на последующую литературу по гиппологической теме. Так, Ксенофонт назвал свой трактат аналогично сочинению своего предшественника «О всадническом искусстве», а в первой главе последнего с описанием экстерьера лошади, Ксенофонт опирался на сочинение Симона, о чем ясно говорит текстологический анализ.

О. А. Никифоров, О. В. Зарубкина

**Об отдельных аспектах освещения роли иппотерапии
в социально-медицинской реабилитации
(историографический анализ)**

Процессы глобализации, темпы научно-технического прогресса, революционные формы смены общественно-политической парадигмы развития стран увеличили нагрузку на человека и обострили проблему здоровья населения, в том числе детей. В начале XXI в. в мире возросла общая распространенность умственной отсталости — 3 % населения, в России — 1 %, рост ее легких форм, особенно у детей. Удельный вес детей-инвалидов с умственной отсталостью в нашей стране в начале 2000-х годов — 25 %, больные-инвалиды с умственной отсталостью — 33,9 %. Проблемы инвалидности затронули не менее 8 млн граждан Российской Федерации.

Реабилитационное направление в педагогике появляется в конце XVII в. На рубеже XIX–XX вв. наблюдалось массовое создание воспитательно-исправительных учреждений, имевших целью восстановление социальных связей ребенка и исправление его нравственных качеств. В 20-30-е годы XX в. получает развитие реабилитационное направление в рамках педологии в России. Возникает термин «лечебная педагогика».

Исходя из этого особую актуальность приобрели вопросы, связанные с формами и методами реабилитации граждан с нарушениями состояния здоровья. Из 13 основных параметров реабилитации, существующих в современном мире, экологический делит 6–7 место с музыкальным. Основной формой данной реабилитации является зоотерапия: иппотерапия (лошади), канистерапия (собаки), фелинотерапия (кошки), дельфинотерапия. В нашей работе основное внимание уделено проблемам иппотерапии, а в более широком смысле — роли лошади в общении с человеком. О том, что верховая езда оказывает благотворное влияние на психическое и физическое состояние человека

говорили еще Гиппократ и Цезарь Борджиа. Точка отсчета начала иппотерапии в современной реабилитологии — 1950 г. На XV Олимпийских играх Лиз Хартелл из Дании, ранее болевшая полиомиелитом, заняла 2-е место на конноспортивных соревнованиях. На рубеже XX–XXI вв. в мире насчитывалось 680 групп верховой езды, где занимались 23 тыс. инвалидов. В современной России история иппотерапии началась с открытия в 1991 г. детского экологического центра «Живая нить». В общей сложности сегодня в России более 100 организаций, применяющих иппотерапию при работе с детьми, имеющих ограниченные возможности.

Имеется широкий круг заболеваний при лечении и последующей реабилитации которых применяется иппотерапия: ДЦП, нарушения двигательной активности, остеохондроз, недуги опорно-двигательного аппарата, олигофрения, синдром Дауна, аутизм, эпилепсия, а также послеоперационная реабилитация. Также существуют противопоказания: гемофилия, почки, ломкость костей, смещение позвонков с острой болью, грыжа межпозвоночного диска. Лечебный эффект достигается за счет естественных циклических вибраций, возникающих в процессе верховой езды и положительного эмоционального фона в результате общения с лошадью, как представителем животного мира. Основными факторами реабилитации являются психогенные и биохимические.

Анализ источников и литературы позволил нам выделить их основные виды: архивные материалы, диссертационные исследования, статьи в научной литературе, монографии, учебники и учебные пособия. Среди диссертационных исследований выделяются работы по педагогике — 30 %, медицине — 27 %, сельскохозяйственным наукам — 13 %, социологии и психологии — по 9 %, философии — 4 %, прочие — 10 %. Среди диссертаций отсутствуют работы исторического характера, что позволяет говорить о наличии серьезной лакуны для исследований ученых-гуманитариев. В работах педагогической направленности рассмотрены идеи лечебной педагогики, организационно-управленческие условия социальной адаптации детей-инвалидов в школьном образовании, теоретические разработки методик физической реабилитации инвалидов со спастической формой

ДЦП, комплексные здоровьесберегающие технологии для обучающихся группы риска. В научных исследованиях медицинского профиля — обоснование и внедрение организационной модели комплексной реабилитации ЛОВЗ с использованием в качестве базового метода лечебной верховой езды, разработка программ медико-социальной и психолого-педагогической реабилитации детей-инвалидов на основе состояния их здоровья, уровня функциональной зависимости, динамики реабилитационных процессов, современных технологий управления процессом формирования инвалидности и совершенствования реабилитации инвалидов. Для социологов и психологов научный интерес представляют соотношение медицинской, трудовой и социальной реабилитации к различным категориям лиц, функции лошади как объекта привязанности в иппотерапии в представлении участников процесса, применение иппотерапии для третьей группы лиц с признаками психологического неблагополучия средней степени выраженности. Философы изучали альтернативные модели социализации детей-инвалидов в современном обществе. Для представителей отраслей сельского хозяйства и архитектуры значимыми были вопросы воспроизводства лошадей орловской рысистой породы в условиях интенсивной селекции на резвость, зоотехнические и технологические параметры конных клубов в регионах, перспективы развития досугового коневодства, формирование и строительство КФХ рекреационного, экотуристического типа. В тематике научных статей в журналах и монографиях рассмотрены проблемы развития коневодства, разработки программ адаптации, практической реализации программ адаптации лиц с ограниченными возможностями, групп риска, подготовки кадров для проведения адаптационных мероприятий, развития досугового коневодства, туристических кластеров. Учебная литература посвящена аналогичным проблемам.

Подводя итоги анализа литературы и источников по изучаемой проблеме следует отметить: широкий тематический спектр, отсутствие работ исторического характера, недостаточную разработку методической базы большинства исследований, дифференциацию подходов к исследованию проблемы реабилитации отдельных категорий населения в разных странах.

Л. И. Новикова, Л. В. Красникова

Издания по коневодству и коннозаводству в фонде редкой книги Фундаментальной библиотеки СПбГУВМ

16 января 1712 г. Петром I был издан указ, положивший начало коннозаводству в России. Это событие стало не просто отправной точкой для развития отечественного коневодства, но и послужило толчком к зарождению ветеринарной медицины. До этого момента лечение лошадей и другой домашней скотины являлось ремеслом коновалов — людей, обладавших обширными знаниями, передававшимися из поколения в поколение. Однако с ростом интереса к коннозаводству, потребность в более систематических и научных знаниях о лошадях стала очевидной. В середине XVIII в. сначала в Европе, а затем и в России стали появляться книги, посвященные лошадям. В них описывались не только внешние признаки, анатомические особенности и методы ухода, но и болезни, поражающие коней, а также способы их лечения. Лошадь надо было уметь выбрать, чтобы не ошибиться при покупке, иметь первоначальные сведения о ковке, уходе и питании. Если первые издания по коновальной науке в основном были на немецком или французском языках, то к началу XIX в. появились сначала переводные, а вскоре и оригинальные учебники, принадлежащие перу отечественных авторов.

Сегодня многие из этих изданий представлены в фонде Фундаментальной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета ветеринарной медицины. Официальной датой создания библиотеки считается 1 ноября 1922 г., однако некоторое книжное собрание уже существовало в Ветеринарно-зоотехническом институте, созданном в 1919 г. с целью возродить в молодой Советской республике лучшие традиции русского ветеринарного образования. Учебное заведение активно развивалось, в него вливались другие образовательные учреждения ветеринарного профиля. С ними в фонд поступали и их библиотеки. Одним из крупнейших вливаний стало присоединение

в 1958 г. Ленинградского института усовершенствования ветеринарных врачей, и его библиотека вошла в состав библиотеки Ленинградского ветеринарного института. Основой этого богатейшего книжного собрания в свое время послужила библиотека первого в стране ветеринарного общества — Российского общества ветеринарных врачей (1846–1933 гг.). Помимо раритетов XVIII в. в коллекцию входила почти вся русская ветеринарная периодическая и монографическая литература XIX и начала XX вв. (например, журнал «Вестник общественной ветеринарии», труды И. С. Андреевского, В. И. Всеволодова), представляющие историческую ценность и библиографическую редкость.

Сейчас коллекция изданий по коннозаводческому делу — одна из ценнейших составляющих фонда редких книг Фундаментальной библиотеки. В коллекции присутствуют труды таких авторов как французские врачи XVIII в. К. Буржела и Э. Ф. ла Фосс, первое сочинение по коновальской науке — книга Леонтия Мартиновича Эвеста «Полный русский конской лечебник» (1795 г.). Книга «Наружный осмотр (экстерьер) домашних животных, преимущественно лошади», вышедшая в свет в 1832 г., — первая большая работа В. И. Всеволодова — одного из выдающихся представителей русской ветеринарной и зоотехнической науки и ветеринарного образования первой половины XIX в. Вопросам экстерьера вслед за Всеволодовым уделяли внимание и другие авторы. Полковник А. И. Рутенберг написал книгу «Руководство к познанию лошади по наружному ее осмотру». Она выдержала три издания (1847, 1851 и 1863 гг.). В нашем фонде находится первое издание, в котором не указана фамилия автора.

В 1834 г. было организовано Московское Императорское общество любителей конского бега — первое в России объединение подобного масштаба. В Российской империи начиналась эпоха ипподромов и скачек. Два альбома, посвященные, соответственно, 50-летнему и 75-летнему юбилеям Общества, хранятся в фонде Фундаментальной библиотеки. Прекрасно оформленные, украшенные рисунками и фотографиями, имеющие полную статистическую отчетность за описываемый период, эти издания стали достойным украшением фонда.

Фонд библиотеки содержит издания, освящающие историю развития всех периодов коннозаводческого дела и конного спорта. Что бы сделать ценные издания более доступными, сотрудниками библиотеки ведется оцифровка коллекции.

В. А. Новоженев, М. В. Бедельбаева

Лошадь в наскальном искусстве Казахстана *

Изображения лошадей являются наиболее популярными и распространенными в репертуаре петроглифов Казахстана, которые датируются древним и средневековым периодами истории кочевых племен. Определение их видовой принадлежности затруднено из-за особенностей стиля, техники нанесения или просто как следствие плохой сохранности скал, на которых они изображены.

Ответы на вопросы о практической стороне использования лошадей древним населением в их повседневной жизни, их мифологическое значение остаются за пределами нашего внимания из-за недостаточного объема археологических данных об особенностях хозяйства наших далеких предков, небольшого количества проведенных анализов и неудовлетворительной степени изученности изобразительных памятников. Новые результаты, полученные исследователями в последние годы, позволяют прояснить некоторые спорные и проблемные вопросы в этой сфере знаний.

Это исследование посвящено анализу новых палеозоологических, изобразительных и археологических материалов, опубликованных в последние годы и проясняющих некоторые дискуссионные проблемы идентификации изображений лошадей в петроглифах. Такой анализ становится еще более актуальным в связи с невероятными успехами, которые демонстрирует в последние годы популяционная генетика не только в части расшифровки происхождения и распространения человеческого генома, но и древнейших популяций, а также многих видов животных.

* Работа подготовлена в рамках выполнения гранта Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Реконструкция историко-культурных ландшафтов древней Бетпакадаль» (проект № АР 19679947).

Большая часть территории Казахской степи покрыта полынно-солянковой и злаково-полынной растительностью, которая всегда активно использовалась для выпаса домашних животных в качестве осенне-весенних и отчасти зимних пастбищ для лошадей, коз, овец и верблюдов. В зимний период повсеместно распространена «тебеневка» — самостоятельный выпас лошадей, когда они, разгребая копытами незначительный снежный покров, находили для пропитания сохранившуюся в степи траву. Такой способ не предполагает заготовку большого количества кормов на зимний период, однако несет в себе значительные риски: часто высокий снежный покров и его оледенение приводили к «джуту» — массовому вымиранию домашних животных, которые не могли добыть корм в таких условиях (пробить своими копытами ледяную корку снега и добраться до сухой травы) и что нередко приводило к жуткому голоду.

Наскальные изображения лошадей позволяют сопоставить их с найденными аналогами в археологических памятниках региона как в мелкой пластике, так и в остеологическом материале. В первом случае это позволяет достоверно говорить о вопросах датировки, о художественных традициях, мифотворчестве и этнокультурной атрибуции. Во втором — о селекции и развитии пород лошадей, а также об экономических достижениях населения и о прогрессе всего общества в целом.

Изотопный анализ материалов памятников начала III тыс. до н. э. в Сарыарке (ямно-афанасьевские погребения могильника Карагаш и другие памятники Притоболья, включая пос. Ботай) показывает, что наряду с конским мясом и молоком-кумысом местное население начинает употреблять в пищу мясо неизвестных здесь ранее овец и коз ближневосточного происхождения.

Новейшие данные по domestикации лошади доказывают, что ботайские лошади оказались генетически сопоставимы с лошадью Пржевальского и отличаются от других пород вида *equus caballus*, которые в более поздние периоды истории активно использовались человеком в его хозяйственной деятельности и ведут свою родословную от тарпана.

Ботайская лошадь не была окончательно одомашнена в современном понимании этого процесса, не достигнув того уровня, когда она уже не боится находиться вне табуна, преодолева-

ет присущий ее стойкий стадный инстинкт, используется для запряжки или верховой езды. В результате этого процесса она вернулась в свое первоначальное состояние дикой лошади, внеся генетический вклад в формирование степной казахской породы лошадей.

Очевидно, что процесс приручения или domestikации лошади (особенно на его ранних этапах) — явление многогранное и недостаточно точно диагностируемое современными остеологическими методами, поскольку выделить четкие морфологические признаки домашней лошади, в том числе колесничной, упряжной, лошади все еще проблематично. В этой связи наиболее приемлемым остается анализ наиболее ранних свидетельств практического использования домашних лошадей в древних степных социумах: в питании, в упряжках или под верх. Такая роль их в обществе естественным образом находит отражение в дошедших до нас изобразительных источниках, анализ которых и позволяет в конечном итоге на него ответить.

Таким образом, в жизни кочевников Казахской степи domestikированные лошади служили важной инновацией и средством обмена степных животноводов между собой и соседними кочевыми и оседло-земледельческими обществами. Степняки в III–II тыс. до н. э. обладали монополией на селекцию, разведение и поставку обученных лошадей и владели развитыми навыками производства легких пароконных экипажей — колесниц. Этот факт имеет принципиальное значение и определяет суть формирующихся в этот период каналов коммуникации ранних кочевников.

Е. Ю. Нуйкина

**Роль лошади в научной экспедиции
(по дневникам географа-геоморфолога В. П. Кальянова)**

В 1917 г. состоялась научная экспедиция Геологического комитета под руководством горного инженера Д. В. Никитина в район верхней части бассейна реки Чары Витимо-Олекминской горной страны «с целью возможного выяснения золотоносности района». Участником экспедиции был студент 1-го курса геолого-географического отделения Московского университета, будущий полярный исследователь, писатель, геоморфолог Виктор Петрович Кальянов (1897–1972). В фонде ученого в Российском государственном архиве экономики отложились экспедиционные дневники Витимо-Олекминской экспедиции, на страницах которых молодой ученый фиксировал практически ежедневные события.

Частыми героями дневника являются лошади, которым наряду с людьми приходилось преодолевать сложные условия непроходимой тайги. По записям можно установить, что для разных задач, стоящих перед экспедицией, привлекались выючные, верховые и ямские породы лошадей. Согласно опубликованному отчету изначально на экспедицию в составе 5 человек было 18 лошадей. В дальнейшем их число менялось, часто встречаются записи о покупке или найме лошадей у местного населения. Основными проблемами, связанными с уходом за животными, были долгие переходы, непроходимость местности и сложность поиска корма. Судя по записям, иногда верхом приходилось ездить не менее 5–6 часов в день, одна лошадь могла преодолевать расстояние в 60 верст.

Не раз Кальянов отмечает сложности переходов: дорога пролегла «сплошь по болоту <...> лошади вязли по брюхо», «<...> по дороге упала одна только лошадь, тогда как обыкновенно из-за сильных дождей, трясин и вязких берегов ключиков, лошади падают чуть не на каждом шагу», «дорога была весьма

скверная: то выкорчеванный лес, заросший густой, высокой травой, в которой незаметно скрывались ямы, то почти непроходимое болото, по которому с трудом отыскивали путь для вьючных лошадей», «корм под снегом лошадям находить было трудно: он весь был прибит к земле. Лошади ели молодые побеги тальника», «на следующий день мы прошли еще верст 15–17 и остановились. Корм был отвратительный, но лучшего найти было нельзя».

С наймом лошадей связан неприятный случай в экспедиционной жизни Виктора Петровича, когда он на два дня потерялся в глухой тайге. Вот как он это описывает: «16 июня (1917 г. — *Е. Н.*). Купили 2 лошади: белого коня и гнедого жеребца. По 125 руб.» <...> 17 июня. Выехали мы с Муи на плоту в весьма криозных [нрзб.] условиях: небольшой плот сильно нагруженный, и на нем 2 коня, ведущих себя весьма беспокойно. Все шло благополучно. Но вот гнедой конь соскочил с плота, не успели его отвязать, как за ним бросился белый. В результате оба коня уплыли на берег. Мы за ними на лодке, поймали на берегу, связали поводья и решили, что я поведу коней берегом. Пошел я. Все шло с большими трудностями, но благополучно. Таким образом доехал я до Когры [нрзб.]; переплыл ее с конями и пошел дальше. Вышел на небольшую поляну и оттуда последний раз видел плот. С грехом пополам прошел я с конями в поводу верст 6–8 и дошел до холма соснового бора. Там я переночевал, было на мне надето всего ничего: нижнее белье, верхние штаны и сапоги. Все это было мокрое. Но как никак нарезал веток, надел сапоги на колья, разделся до гола, развесил белье и лег спать, укрывшись ветвями. Лошадей я спутал и пустил. Спал я только урывками минут по пять, по десять. 18 июня. После этого очнулся я утром часа в 3 утра. Лошади ушли. Было холодно, зуб на зуб не попадал <...>».

О тяжелых условиях экспедиции свидетельствует и официальный отчет Д. В. Никитина, в котором он отмечает: «путь был очень тяжелым — с 18 августа непрерывно шел снег при 0–6° мороза и без корма для лошадей (от истощения здесь пали 4 лошади); благодаря чему, попав в долину Большой Горы (в 50-ти верстах от устья), пришлось оставить на случайно попавшем подножном корму лошадей, чтобы переправить их затем обрат-

но в Мую, и продолжить путь на плотях». Периодически на страницах дневника встречаются грустные записи о потере верных спутников экспедиции: «По дороге оставили великолепного коня “Страшного”. Через шесть верст остановились, по дороге оставив еще “Воронка”».

Таким образом, в экспедиционных дневниках В. П. Кальянова отражены тяжелые условия исследования Забайкалья как для людей, так и для их постоянных помощников — лошадей, использование которых в условиях глухой тайги зачастую оказывалось невозможно. Участникам экспедиции приходилось принимать во внимание отсутствие корма или высокую изнеможденность лошадей в связи с длинными переходами и вносить коррективы в маршруты следований.

Р. Л. Нуралиев

Ногайская лошадь в Московском царстве: конный торг и военные реформы

Исторически основными источниками пополнения казны у государств были войны и торговля. Тема доклада посвящена торговым отношениям между Ногайской ордой и Русским государством, рассмотрена история их взаимоотношений, даны определения, на каких принципах строились политические и торговые отношения ногаев с Московским царством, вкратце рассмотрен правовой статус Ногайского государства. Привлечены различные источники: обширные сведения средневековых путешественников и дипломатов, посольские книги. Дана оценка трудам В. В. Трепавлова, подробно изучившего различные аспекты взаимоотношений двух держав.

Выявлена история происхождения ногайской лошади, напрямую связанная с ногайским этногенезом. Одними из древнейших предков ногаев являются скифы и сарматы, после которых были гунны и тюрки. Для примера представлены интересные сведения о торговле кочевников с Китаем. Гуннов и тюрков сменили хазары, печенеги и половцы. Главную роль в ногайском этногенезе сыграли половцы, они же куманы, они же кипчаки, в народной памяти они названы предками, и в быту слова «кипчак» и «ногай» тождественны. Половцы в свое время вели активную торговлю лошадьми с другими народами. Поэтому можно утверждать, что ногайцы это дело продолжили.

Дана оценка ногайской лошади как инструмента войны. Большую славу ногайскому народу принесла его победоносная конница. Собственно она и обусловила стоимость и ценность ногайской лошади в мировой истории. Основы этой славы были заложены еще в золотоордынское время, когда командующими войсками Золотой орды были легендарные личности — беклярбеки Ногай и Эдиге. Эмир Ногай прославился своими победами в войнах с Хулагидами, а также подчинением Византии. Эмир

Эдиге разбил на Ворскле литовских и немецких рыцарей короля Витовта. В открытом бою ногайская конница превосходила армию Московского царства и Польши. Осознавая силу ногаев, Московское царство стремилось сохранять дружественные отношения с мангытами, а также охотно приглашало на службу умелую ногайскую конницу. Известно, что ногайцы в качестве наемников участвовали на стороне России в Ливонской войне.

Определен порядок торговых отношений. Ногайские караваны шли в Россию после получения царских грамот с приглашением. Маршрут следования караванов на рынки России получил название «Ногайская дорога». Табуны гнали в Россию с середины весны, дождавшись «как конской болшой корм поспет».

Уделено внимание разновидностям ногайской породы лошадей. Ногайские лошади нередко обобщенно назывались просто степными конями. Говоря о ногайских лошадях отмечалось, что «степные кони по русским источникам подразделялись на аргамаков, иноходцев, коней отрядных и кобыл». Аргамаки были самыми лучшими лошадьми из ногайских. Эти лошади по своим качествам либо сравнивались, либо превосходили арабских скакунов. Благодаря ногайским аргамакам в Московском Кремле были образованы государевы аргамачьи конюшни, с ногайской лошадей связано появление такого знаменитого топонима в столице как Арбат.

Ногайская административная единица, имевшая высокую автономию на территории Москвы, получила название Ногайский двор. В период своего расцвета двор выполнял помимо своих основных дипломатических задач еще и торговую функцию. Он находился «между Конной площадью и Кожевниками на Зацепе», где ныне расположен Павелецкий вокзал. До XVII в. ногайцы составляли значительную прослойку в составе мусульман, проживающих в Москве. С Ногайским двором и Конным базаром была связана Татарская слобода. Отмечается, что «конной торговлей занимались исключительно ногаи».

Рассмотрен порядок аудиенций. «Торжественное вступление в Москву иностранных посольств, которое наблюдали тысячи москвичей, было ярким и увлекательным зрелищем». Все действия носили торжественный характер. В 1551–1556 гг. по

подсчетам профессора А. Капеллера на Ногайском дворе побывало 10 тыс. торговцев, пригнавших туда более 177 тыс. коней. Масштабы конского импорта из Ногайской орды были столь значительны, что казалось будто словом «конь» обозначались только лошади ногайской породы.

Во второй половине XVII в. ногаи сочли более выгодным сбывать табуны в Крым и Азов и бурная торговля с Москвой прекратилась. За два столетия ногайцы поставили в Россию огромное количество лошадей. Отмечается значительная роль ногайской породы лошадей в военных реформах Русского государства. Ногайские лошади внесли существенный вклад в развитии армии Московии, вследствие чего служилая конница была «наиболее дееспособной частью вооруженных сил страны». Создавались свои конные заводы, в результате чего из «восточных аргамаков, кипчакских и найманских коней» русские вывели свою облегченную верховую лошадь. Помимо этого военные реформы при участии ногайцев коснулись снаряжения, а также тактики ведения боевых действий.

Обзор ногайско-русской торговли показывает, что традиционные экономические связи России с кочевниками активно развивались в XVI–XVII вв.

Д. Н. Округин

**«Ограниченная мобильность»:
роль лошадей в функционировании антибольшевистских
правительств на Русском Севере и в Сибири**

В последнее время эпоха Гражданской войны в России демонстрирует повышенный интерес со стороны исследователей, которые анализируют различные аспекты организации и функционирования антибольшевистских правительств. Одним из таких аспектов является вопрос формирования системы обеспечения и распределения внутри многочисленных антибольшевистских политий на постимперской территории России. Если отдельные аспекты этого вопроса нашли отражение в историографии, как, к примеру, вопросы функционирования Архангельского и Владивостокского портов, то проблемы транспортировки имеющихся в руках антибольшевистских сил ресурсов зачастую обходят стороной.

В то же время анализ имеющихся транспортных средств и тягловой силы в распоряжении Временного правительства Северной Области (в том числе и существовавшего ранее Верховного управления Северной Областью) и Омского правительства способен дополнить картину внутреннего устройства и взаимоотношения с нероссийскими силами на данных территориях. Более того, компаративный анализ положений двух правительств позволяет выявить локальный характер отношений как внутри чиновнического аппарата обоих правительств, так и их связи с представителями союзнических правительств.

Ограниченность в имеющихся транспортных ресурсах приводила к запутанной иерархической системе распределения, в которой наличие машинного транспорта и его автономное использование воспринималось членами правительственных аппаратов как символ привилегированного и первостепенного значения исправного функционирования этого ведомства для правительства. В такой связи реквизиция гужевого транспорта

и поддержание его численности являлись одной из ключевых задач для формирования устойчивости и самостоятельности как фронтов, так и правительств.

Нередко для того, чтобы продемонстрировать свою преданность к какой-либо из сил иностранных государств, члены правительства выделяли транспорт и необходимую команду для организации перевалочного пункта, почтовой точки, транспортного узла. Например, на территории Русского Севера Временным правительством было организовано несколько почтовых узлов исключительно для пользования американскими силами в качестве поддержки сообщения между Архангельском и Сорокой (ныне Беломорск). На территории Сибири Омское правительство создавало аналогичные по функционалу устройства, но не для официальных военных и дипломатических представительств иностранных государств, а для их торговых агентов. Так, в начале 1919 г. Министерство торговли и промышленности Омского правительства указывало, что только при «содействии агентов Америки» может быть осуществлена идея использования Северного морского пути. Для осмотра речных путей и причалов создавались специализированные учреждения, а в качестве американского агента, способного осуществить такой анализ и на его основе наладить поставки по северным морям, правительство обратилось к Ивану Ивановичу Лиду.

Несмотря на кажущуюся общность создаваемых в Архангельске и в Омске институций их второстепенные задачи были отличными. Катастрофически низкое количество транспортных средств, находившихся на Русском Севере, приводило к повышению ценности обладания лошадью, чего не было замечено в делопроизводительной переписке членов Омского правительства, обладавших относительно развитой железнодорожной системой, речным транспортом и пополняющимся — благодаря заграничным заказам — автомобильному и грузовому транспорту.

Из-за такой разницы не выглядит удивительным огорченность членов Архангельского правительства при отказе иностранных сил использовать созданные специально для них логистические узлы. Усилия членов Омского правительства, описанные ранее, также не привели к значимым результатам,

однако подобных чувств в связи с этой неудачей в их переписке не прослеживается.

Таким образом, обращение к логистической стороне функционирования антибольшевистских правительств и роли в ней лошадей позволяет глубже проанализировать взаимодействия внутри указанных правительств и их интеракции с представителями иностранных государств.

И. В. Онучина

**Лошади для высочайших визитов:
две выставки в Каргополе**

Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей в течение 2023–2024 гг. организовал тематические выставки, которые в той или иной мере отражали путешествия представителей царствующей династии Романовых. Раскрывая информацию об императорских выездах каждая выставка включала подлинные предметы, визуальные и вербальные образы. Приводились сведения о сухопутных транзитных путях, факты подготовки дорог, гужевого транспорта, лошадей и экипажей к высочайшим визитам. Партнерами Каргопольского музея в одном случае выступил Государственный музей-заповедник «Царское Село», в другом — Государственный Эрмитаж.

Интригой к выставке «Дороги русского Просвещения. История одного несостоявшегося путешествия» — о просветительских замыслах Екатерины II — послужили мифические сказания о поездке императрицы в Каргополь, куда будто бы она отправилась, да только не доехала.

Однако жители северного города участвовали в вояжах Екатерины по России. В длительных поездках по стране императрицу сопровождали сотни придворных, столичные чиновники, губернаторы и другие представители территорий, военные, иностранные дипломаты, прислуга. За царской каретой везли гардероб, мебель, сервизы, аптеку. Для большого императорского поезда требовалось довольно много лошадей и подвод.

Поставлять их на свои средства были обязаны самые разные города. Указы о предстоящих поездках государыни рассылались на места, «дабы все, кому надлежит, заблаговременно подготовиться могли». Разнарядки на поставку гужевого транспорта для шествия ее величества приходили в Каргопольский городской магистрат. В них сообщалось, куда и сколько лошадей необходимо предоставить. В 1780 г. для посещения самодержицей бе-

лорусских земель каргопольцы выставили 34 лошади в город Великие Луки. При шествии императрицы в 1787 г. в Крым Олонецкая губерния, в том числе и Каргопольский уезд, обеспечила 300 лошадей. Лишь единожды в 1767 г. при поездке Екатерины Алексеевны в Казань жители Каргополя просили освободить их от этой повинности из-за крайнего разорения после опустошительного пожара 1765 г.

Представить такие поездки помогает собрание музея-заповедника «Царское Село»: расписные колеса кареты, дорожные предметы XVIII столетия.

Состоявшаяся годом ранее выставка «Дороги Романовых. Петербург — Каргополь» рассказывала о проездах Романовых в Архангельск и обратно в XIX в. Маршруты императоров Александра I и Александра II, а также великого князя Константина Николаевича пролегли по почтовому тракту Санкт-Петербург — Архангельск через Каргополь. Иным путем — со стороны Пудожа — прибыл с военной инспекцией непосредственно в Каргополь великий князь Владимир Александрович.

Первоначально почтовое сообщение между Архангельском и Санкт-Петербургом шло через Москву. Однако со стороны Ладожского озера издавна известна более короткая дорога к Архангельску, которой пользовалось купечество. Она следовала через Ладугу, Лодейное поле, Вытегру, Каргополь, Холмогоры. Указом от 26 июня 1727 г. дорога приобрела государственное значение. Уточнение статуса почтового тракта содержалось в указе Екатерины II от 10 октября 1765 г.

Архивные документы, путевые заметки, воспоминания позволяют представить, как готовились территориальные органы власти к поездке августейшей особы.

В связи с проездом Александра I из Петербурга в Архангельск летом 1819 г. земскому исправнику и городничему в Каргополе было вручено служебное предписание. Сообщалось, что императорский поезд поедет тремя группами общим числом 10 экипажей. За несколько дней до отправления с фельдъегерем было направлено открытое письмо почтмейстерам и станционным смотрителям. В нем обозначено расписание движения, состав поезда, необходимое количество лошадей на каждой стан-

ции для их замены. В каждую коляску, за исключением двух, впрягалась шестерка лошадей.

Одних почтовых было недостаточно. В Каргополе было учтено 96 лошадей горожан. То же самое сделано в селах. Животных подбирали в пары, тренировали ходу в запряжке с дышлом. Назначались самые надежные возчики.

Везде спешно приводились в порядок дороги, мосты и переправы, чтобы «ни малейшего трясения и беспокойства не было при проезде». Это были и меры безопасности, поскольку скорость движения была высокой. Император Александр Павлович в течение 4-х суток в коляске преодолел расстояние в 659 верст из столицы до Каргополя.

Похожие мероприятия проводились на местах при проезде других персон императорского дома. Впечатление от подобных встреч передают фотоснимки приезда в Каргополь главнокомандующего Санкт-Петербургским военным округом великого князя Владимира Александровича (1892 г.).

Дизайн выставки, линейка сувениров учитывали местный колорит. Конская амуниция демонстрировалась на разборной фанерной лошади, выполненной в габаритах северной породы «мезенка». Сувениры из дерева — детскую лошадку-конструктор, значок в виде коня, а также текстильную сумку с изображением «мезенки» или цитатами из путешествий — можно приобрести и сегодня.

Т. С. Орлова

Интегративные подходы к изучению доместикации лошадей: археологические и генетические аспекты

Проблематика доместикации лошадей остается ключевым аспектом исследований в области конской археологии, так как это явление значительно повлияло на скорость перемещения людей и народов, радикально трансформировало военные стратегии и способствовало формированию кочевых обществ Великой степи. Особенно значительный вклад в понимание этой проблемы внесли современные генетические исследования. В 2021 г. была опубликована значимая статья международной группы ученых, включая археолога П. Ф. Кузнецова, представляющая новые данные по этому вопросу. Дискуссии о времени и месте приручения лошадей активно велись во второй половине XX в. и в конечном итоге преобладающим мнением стало, что данный процесс начался в эпоху неолита — примерно 5000 лет до н. э. Эта точка зрения представлена во множестве источников, включая учебную литературу и различные энциклопедии.

Археологические раскопки, в которых участвовал, например, Д. Я. Телегин, позволили получить дополнительные данные о культуре тех времен, особенно в районе Подднепровья. В исследованиях Телегина особое внимание уделялось изучению культурных слоев и жертвенников, что способствовало глубокому пониманию процессов одомашнивания лошадей в этом регионе.

В Подднепровье Телегин обнаружил археологические памятники, датируемые периодом неолита. Одной из ключевых находок являлся лошадиный череп с зубными износами, которые могут свидетельствовать об использовании узды, предполагая управление животным. Это открытие стимулировало дальнейшие исследования в данной области, в том числе работы американских археологов Д. Энтони и Д. Браун, которые основали лабораторию для экспериментального изучения следов из-

носа, создаваемых различными типами удил. Второй важный признак domestikации лошадей проявился в наличии костей лошадей в культурных слоях, указывающих на их использование в пищу.

Третий признак был выявлен в северном Казахстане, где археологические раскопки показали наличие крупных неолитических поселений, богатых остатками лошадиных костей, что свидетельствует о значительном потреблении лошадиного мяса. Эти три аспекта вместе формируют основу для развитой концепции о полицентрическом приручении лошадей, предполагающей, что этот процесс мог происходить одновременно в различных географических регионах, включая Переднюю Азию и Индию. Такие исследования поддерживает и П. Ф. Кузнецов, специалист по Бронзовому веку, который с 1980-х годов руководит археологическими экспедициями на Урале и вносит значительный вклад в изучение истории населения долины реки Самары.

Научный прогресс в области палеогенетики привел к новым открытиям в изучении происхождения домашних лошадей. Исследования, проведенные международным коллективом ученых под руководством Л. Орландо из Университета Тулузы, позволили установить, что лошадь Пржевальского и ботайская лошадь могут иметь общих предков. Такие данные предлагают новый взгляд на историю домашних лошадей, предполагая, что некоторые из них могли быть одичавшими потомками домашних лошадей, распространившихся из Ботая.

Анализы показывают, что дикие лошади, обнаруженные в рамках ботайской культуры, генетически близки к домашним лошадям, но исследования предшественников домашних лошадей показали, что они жили примерно на 500–700 лет ранее установленного времени одомашнивания. На основе данных палеогенетических исследований было установлено, что первые домашние лошади появились в конце 3-го тысячелетия до н. э. в регионе Волга — Дон — Урал. Этот временной период совпадает с появлением первых колесниц и металлических серпов из бронзы, что указывает на начало заготовки сена для зимнего корма лошадей.

Исследования группы Орландо выявили, что дикие популяции лошадей в палеолите были высоко изолированными друг от друга, не формируя значительных или смешанных популяций. Это указывает на то, что диффузия ямной культуры не привела к распространению одомашненных лошадей в центральную Европу, вопреки теориям о скотоводческих племенах, перемещавшихся верхом на лошадях в конце 4-го и начале 3-го тысячелетия до н. э.

И. В. Осипова

Образ лошади в творчестве Ф. М. Достоевского

В произведениях Ф. М. Достоевского различные животные и птицы упоминаются столь часто, что исследователи говорят о бестиарии писателя. Этот бестиарий проявляется не только в частых упоминаниях, именах и фамилиях, значение которых для писателя неслучайно, но и в отдельных сюжетах, связанных с животными и птицами.

Бестиарий Достоевского наделяет живых существ качествами, связанными с дуализмом мироздания. И если мыши, пауки и прочие хтонические твари для него символы темных сил, разрушающих человеческую душу, то лошади несомненно главный положительный персонаж.

Этот положительный образ выражается через красоту, безгрешность, терпение и страдание. В христианской традиции животные — безгрешные божьи творения. В романе «Братья Карамазовы» старец Зосима так выражает эту мысль: «все совершенно, все, кроме человека, безгрешно, и с ними Христос еще раньше нашего». Любование красотой животного для писателя тем не менее неразрывно с его доверчивостью, незлобливостью и страданиями, которое оно принимает от человека.

Писатель подчеркивает красоту лошади, но порой в центр его описания попадает изнуренная кляча, «кляченка», «лядащая кобыленка», которая «сердце надрывает». Такова лошадь в знаменитом сне Раскольникова, зверски убитая своим хозяином. Мотив лошади, которую «секут по глазам» встречается и в других произведениях писателя. В «Братьях Карамазовых» есть даже указание на источник этого образа — стихи Н. А. Некрасова.

Для Достоевского отношение к животным неразрывно связано с отношением к людям. Ярче всего, пожалуй, мы видим эту связь в описании эпизода из юности писателя. По дороге в Петербург он видит сцену у почтовой станции. Фельдъегерь, севший в экипаж, ударяет ямщика кулаком в затылок и продолжает

эти удары на протяжении всего пути. «Разумеется, ямщик, едва державшийся от ударов, непрерывно и каждую секунду хлестал лошадей, как бы выбитый из ума, и наконец нахлестал их до того, что они неслись как угорелые». По мнению писателя, эстафета насилия вряд ли остановится на лошадях и ямщик, может, в тот же день «прибьет молодую жену».

В заметке, посвященной 10-летию существования «Российского общества покровительства животным», писатель обращает внимание именно на эту задачу учреждений: «образить и очеловечить» русского человека. «А потому, хоть я и очень люблю животных, но я слишком рад, что высокоуважаемому Обществу дороги не столько скоты, сколько люди, огрубевшие, негуманные, полуварвары, ждущие света!»

Само общение с лошадьми с точки зрения писателя может изменить человека. В черновиках «Братьев Карамазовых» писатель вкладывает в уста старца Зосимы такие слова: «Деточки с животными должны воспитываться — с лошадкой, с коровкой, с собачкой. Добрее будут, и осмысленнее станут их души».

В семье Достоевского очень любили лошадей. Особенно привязан к ним был его сын Федор. В письмах писателя мы не раз встречаем упоминания об этом увлечении. Одним из первых подарков отца маленькому сыну стали игрушечные лошадки. А к 10 годам ему купили настоящего жеребенка. Став взрослым, Федор Федорович завел в Крыму собственный конезавод, вступил в Таврическое скаковое общество.

Природа противопоставляется писателем быту больших городов. Так, действие сна Раскольниковца происходит в небольшом городке, где «кругом ни ветлы», лишь на краю неба чернеется лесок. Лошадь оказывается в этой обстановке единственной приметой божественной природы. Почти такой же является и обстановка в Петербурге. В романе «Преступление и наказание» писатель постоянно обращает внимание на скудость зелени. А вот лошади в городе того времени не редкость. И они были причиной дорожных происшествий. Но Достоевский обращает внимание при описании таких происшествий не на лошадей, а на правящего ими кучера или неразумность пешехода. Так, кучер экипажа, сбившего Мармеладова, объясняет поведение своих лошадей молодостью и пугливостью.

Рассматривая отношения человека с животными в христианской традиции писатель не теряет из виду и народные верования. Ему известно не только о жестоком отношении к лошадям, но и о традиции празднования 18 августа (31 августа по н. с.) конского праздника. Православная церковь поминает в этот день святых мучеников Флора и Лавра. А народная традиция считала этих святых покровителями лошадей. В этот день совершались различные охранительные ритуалы по отношению к лошадям и считалось грехом заставлять их работать. Если публицист Авсеенко видел в этом обычае незнание народом истинных причин канонизации святых, то Достоевский относился к нему с почтением, видя в нем не невежество, а истинную религиозность. Ведь в христианстве не только начало истории (Эдем) видится как гармония человека и животных, но и ее завершение (Царствие Божие) выражается образом примирения агнцев и хищников.

Я. В. Осипова

Кумысолечение в дореволюционной России: проблемы развития глазами современников

Применение в лечебных целях кумыса в Российской империи становится популярным во второй половине XIX в. В 1858 г. недалеко от Самары врачом Н. В. Постниковым была организована первая кумысолечебница, затем кумысолечебницы открывались в Уфимской, Оренбургской и других губерниях. О полезных свойствах «степного напитка» писали врачи, рассказывали сами пациенты. Им восхищались такие писатели как А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. П. Чехов и другие. Составитель справочника по Уралу Доброхотов отмечал: «Из всех европейских государств только Россия имеет кумыс — этот чудодейственный напиток степных кочевников. Он справедливо считается почти универсальным средством от людских недугов».

Кумысолечение в начале XX в. превращалось в отдельную отрасль оздоровительного туризма, накапливалась клиническая база, создавались труды по изготовлению кумыса, издавались и переиздавались справочники и путеводители по кумысолечебницам. Популярность данного способа оздоровления можно оценить по следующим показателям. Во времена Постникова за летний сезон через кумысолечебницы юго-востока России проходило 100–200 человек, а в 90-е годы XIX столетия число больных, пользовавшихся кумысолечением, превышало 11 тыс. человек. К тому времени было организовано около 50 специальных кумысолечебниц, не считая большого количества мелких кустарей-кумысоделов в деревнях и селах, куда приезжали больные туберкулезом. В «Путеводителе кумысника» за 1914 г. уже насчитывался 261 подобный пункт.

Состояние кумысолечебниц в дореволюционной России является отдельной темой для исследования. В данных тезисах внимание будет сконцентрировано на тех проблемах отрасли,

которые отмечали сами современники. Значительная часть имеющихся источников представлена работами врачей, организаторов кумысолечебных пунктов, а также описаниями «скитаний» ищущих оздоровления россиян.

Первая проблема состояла в самих лошадях, которых можно было использовать для доения. Доктора обращали внимание на то, что хороший кумыс можно получить только от здоровых, не работающих кобылиц, пасущихся на ковыльных пастбищах. Однако, как правило, кобылы выполняли все хозяйственные работы, а потом отдавались в кумысолечебницы. Имеется отчет ветеринарного врача Архипова за 1913 г., из которого следует, что дойные матки в целом признаны «неудовлетворительными», так как из общего количества осмотренных кобылиц в 1270 голов 8 % было признано упитанными, 70 % — посредственными, 20 % — тощими. Данное положение дел объяснялось недостаточным, бессистемным кормлением скота и жестокой эксплуатацией.

Несколько лучше обстояли дела с лошадьми казахов, которые, в отличие от башкирских, пользовались большей свободой, и, соответственно, давали более качественный кумыс. В одном из путеводителей было отмечено: «Башкирский кумыс жидок, имеет синеватый цвет и совсем потерял букет настоящего степного кумыса. Казахский кумыс — белый, душистый, пенящийся, со специальным букетом степной травы».

На свойства кумыса влияло качество пастбищ. Степные территории Поволжья и Урала постепенно отходили под распашку. Современники отмечали, что лошади вынуждены пастись в «неудобных местах, в связи с чем количество их сокращается, вырождается порода. Обозначилась определенная дискуссия, какие степи самые пригодные. Одни считали, что ковыльные, другие — разнотравные.

С точки зрения желающих оздоровиться главная проблема — отсутствие информации, инфраструктуры и завышенные цены. Как правило, доктора советовали отправиться в степи и на месте найти готовых продавать кумыс башкир или казахов. Однако если речь шла не о санатории или пансионате, приходилось размещаться в кибитках, грязных избах, кроме кумыса никакого «пансиона» не предлагали, приходилось продовольствие добы-

вать самостоятельно. Не удовлетворяясь условиями, люди вынуждены были переезжать с места на место в течении сезона, в конечном итоге не получая ожидаемого результата.

Проблема стоимости определялась постоянно растущим спросом, а также тем, что кумысолечебницы могли функционировать только в летний сезон — с мая по август. Стоимость «пансиона» росла в среднем на 10–15 % в год. Вместе с тем доктора утверждали, что качественное оздоровление можно было получить только при комплексном воздействии природно-климатических факторов: свежего воздуха, здорового питания, отдыха, правильно приготовленного кумыса, надзора врача. К сожалению, такие условия стоили недешево. Как отмечал Золотницкий: «Хороший кумыс — редкость и составляет роскошь людей состоятельных».

По мнению современников, одна из главных проблем кумысолечения как отрасли — отсутствие государственного надзора. В конце XIX в. правительством и общественными организациями выделялись средства для развития минеральных вод, грязелечения. Кумысолечение находилось целиком и полностью в частных руках и не контролировалось. Единственное исключение — Белебеевское земство Уфимской губернии. Оно приглашало врачебно-санитарный и ветеринарный надзор, организовало справочное бюро, проводило лекции для населения на татарском и русском языках о пользе дезинфекции помещений и посуды.

Имеющееся положение дел заставляло современников предлагать меры для развития кумысолечения как отрасли. Доктор Золотницкий достаточно конкретно высказывался о необходимых мероприятиях. Во-первых, кумысолечебные заведения необходимо было подчинить санитарному надзору губернских и уездных земств и привлечь к работе Лигу борьбы с туберкулезом. Во-вторых, лечение должно было осуществляться исключительно под надзором медицинского персонала, сопровождаться систематическими научными изысканиями. В-третьих, желательно было создать специальный печатный орган, который бы информировал об адресах, ценах, условиях лечения. Для большей доступности кумысолечебниц было бы полезно в сезон пускать дополнительные поезда по Самара-Златоустовской

и Самара-Оренбургской железнодорожным линиям. В-четвертых, ввести курортный сбор с приезжающих, который бы шел на улучшение быта кумысников. В-пятых, способствовать практике создания кумысолечебниц отдельными учреждениями для оздоровления собственных служащих.

В целом, в начале XX в. наблюдался рост интереса населения империи к кумысолечению. Имеющиеся источники позволяют утверждать, что высокие темпы развития данной сферы оздоровительного туризма должны были привести к организационному становлению, появлению санитарного контроля, научному изучению полезных свойств напитка. Современники активно обсуждали проблемы отрасли и предлагали пути ее развития. Однако революционные события 1917 г. и последующих лет привели к закрытию кумысолечебниц, потере накопленного опыта.

В. Я. Парамонов

**Влияние появления верховых лошадей
на китайскую письменность**

Доклад посвящен одному из примеров влияния резкого изменения внешних условий — появления на территории Китая всадников — на языковую картину мира китайской цивилизации. Китайское иероглифическое письмо — единственный вид иероглифической письменности, имеющей тысячелетнюю непрерывную преемственность с древнейшими местными письменными памятниками — надписями на гадательных костях и ритуальных бронзовых сосудах. В силу своей особенности китайские знаки при изменении их семантики в диахронии (изменение интерпретации знака носителями языка в разные периоды истории) зачастую сохраняют свое начертание, в котором может быть зашифровано древнейшее значение иероглифа.

Письменность, как одна из форм существования языка, отражает сложившуюся языковую картину мира народа. В силу своих особенностей она способствует закреплению и сохранению исторических явлений, повлиявших на этнос в весьма отдаленные эпохи. В результате развития языка у любого народа складывается своя особая языковая картина мира, которая отражает состояние восприятия действительности. Она обусловлена особенностями внешней среды и ее влиянием на существование этноса.

Первые доступные нам памятники китайской письменности — надписи на гадательных костях династии Шан (1600–1046 гг. до н. э.) — по времени создания совпадают с внезапным появлением колесниц и связанных с ними методов работы с лошадьми на территории расселения предков современных китайцев, а также с археологическими сведениями о появлении верховой езды у соседних народов. Из имеющихся на сегодня исследований известно, что колесницы и искусство управления лошадьми (а также литье бронзы) были привнесены в Среднее течение Ху-

анхэ (где проживали хуся — этнос, от которого произошли современные китайцы) от соседних народов — жителей Средней Азии или юга Сибири.

До периода династии Шан в среднем течении Хуанхэ не фиксируется хозяйственное использование лошадей в виде тягловых, верховых или вьючных животных. Несмотря на подтвержденное наличие местных пород лошадей и даже следы их одомашнивания в XVIII в. до н. э., эти животные использовались лишь как источник пищи.

Начиная с династии Шан культура использования колесниц в Китае получила огромное распространение и прошла период бурного локального развития. Это очень сильно повлияло на древнекитайский язык, в нем появился целый пласт лексики, которая отразилась в письменности целым рядом особых знаков для новых видов холодного оружия (которым было удобно орудовать с колесниц), а также для возниц, их помощников, самих колесниц и соответствующего снаряжения (иероглифы: 戈 [gē] «клевец», 士 [shì] «витязь», 御 [yù] «возница», 左 [zuǒ] и 右 [yòu] — обозначение в древности помощников возницы и т. д.). Даже само понятие «армия» 軍 [jūn] в китайском языке стали обозначать с использованием знака «колесница» 車 [chē]. Размер же армии и даже мощь самого государства выражали через количество имеющихся колесниц.

Однако несмотря на массовое использование колесниц, которое подразумевало умение управления лошадьми и их массовое содержание, в Китае примерно до эпохи династии Цинь (246–207 гг. до н. э.) (в периферийных китайских царствах — чуть раньше) крайне редко использовалась верховая езда и ее применение происходило лишь в чрезвычайных обстоятельствах. При этом уже в древнейших памятниках иероглифической письменности появился знак 奇 [qí], изображавший человека верхом на лошади, который и применялся для обозначения посадки верхом. Одновременно этот же знак стал обозначать нечто удивительное и невозможное и это значение сохранилось до настоящего времени.

В докладе мы, используя междисциплинарные методы, применяем для анализа исследуемого языкового явления данные

генетических исследований лошадей, недавно полученные в результате работы международной группы ученых-генетиков. Эти данные наглядно показывают по какой причине в китайском языке символ, обозначающий всадника, приобрел значение удивительного и невероятного явления.

Значение доклада состоит как в объяснении конкретного языкового явления, так и в фиксации древнего исходного значения иероглифа. Последнее поможет в дальнейшей работе при интерпретации других иероглифических знаков, содержащих в своем составе анализируемый в данной работе компонент.

Л. Р. Париева

**Возрождение Московского ипподрома в 1920-е годы
(по материалам Российского государственного
архива экономики)**

Московский ипподром, основанный в 1831 г., старейший ипподром России и первый рысистый ипподром мира, после Великой Российской революции 1917 г. переживал, как и вся страна, не самые лучшие времена. Сама отрасль коневодства пребывала в руинах: если до 1914 г. по результатам военно-конских переписей в России насчитывалось около 35 млн лошадей, то к 1920 г. за время Первой мировой войны, революций и еще не закончившейся к тому времени Гражданской войны погибло 2/3 конского поголовья, причем самого лучшего. Перед Наркоматом земледелия (Отделом животноводства), Главным управлением коннозаводства и коневодства (ГУКОН) стояла сложная задача: собрать рассеянный, полууничтоженный племенной материал, сгруппировать его в заводы, обеспечить кормами, техническими принадлежностями и персоналом, воспитать молодняк, распределить производителей среди крестьянских хозяйств и сознательно вести коневодство.

Не последнюю роль в возрождении этой отрасли должны были играть московские ипподромы (беговой и скаковой), так как тренинг и ипподромные испытания приобретали в то время исключительное значение в силу того, что «конский состав Республики» в течение трех лет «совершенно не тренировался и не испытывался». В соответствии с Уставом «Московские государственные ипподромы» были учреждены в 1920 г. «в целях развития и улучшения коннозаводства и коневодства Республики путем организации и ведения публичных конских испытаний за призы и премии». Они находились в ведении Наркомата земледелия РСФСР по Отделу коннозаводства и коневодства Управления сельского хозяйства и включали в себя беговой ипподром, скаковой ипподром, тренировочную конюшню и подсобные

предприятия. В 1930 г. беговой и скаковой ипподромы были объединены в один (к рысистой дорожке была добавлена скаковая) в связи с необходимостью расширения и реконструкции железнодорожного узла Белорусского вокзала.

Еще в 1918 г. Московский ипподром был законсервирован и отдан в распоряжение различных ведомств, на его территории проводились военно-учебные занятия, проходили митинги трудящихся, на одном из которых выступал В. И. Ленин. В 1921 г. беговые дорожки, конюшни, беседки, подсобные помещения ипподромов занимали: мостостроительная база Наркомата путей сообщения, склады Центрутиля ВСНХ, клуб запасной автобронбригады и особой огнеметной роты, были расквартированы красноармейские части. Ценой невероятных усилий и тонн бумаги, ушедшей на переписку с заинтересованными ведомствами, помещения бегового и скакового ипподромов удалось освободить для размещения учреждений Отдела коннозаводства (помимо подразделов планировалось размещение библиотеки заводских книг племенных лошадей и специального музея по коннозаводству с картинной галереей). В 1920 г. Наркоматом земледелия в рамках расходов по организации испытаний племенных лошадей на ремонт беговой дорожки, забора и беседок московского ипподрома была выделена немалая сумма (чуть больше 200 млн руб.), на производство испытаний племенных лошадей — около 260 млн руб. В декабре 1920 г. на Особом совещании ГУКОНа было решено к февралю 1921 г. свезти в Москву лошадей из близлежащих конезаводов, так как на осень 1921 г. уже планировались первые испытания, а на конюшне находилось всего 20 рысаков, 3/5 из которых ранее не испытывались. Большой проблемой оставалась закупка необходимых для испытаний «технических принадлежностей»: качалок, американок, специальной упряжи, саней, попон и др., которых на складах не оказалось. Отделом животноводства было испрошено у Совета народных комиссаров разрешение на закупку оборудования у частных лиц.

Уже в январе 1921 г. ГУКОНам впервые в Республике был организован испытательный пробег для рысаков, причем по обыкновенной шоссеиной дороге «при обычном движении пригородных крестьян», а в сентябре 1921 г. состоялись первые бега

и скачки, причем был объявлен сбор средств в пользу голодающих.

В письме в Совет народных комиссаров с обоснованием необходимости восстановления коннозаводства и открытия ипподрома для проведения испытаний отмечалось, что Отдел животноводства Наркомата земледелия полагает исключение всякого азарта при проведении испытаний лошадей. Однако буквально с первых дней проведения испытаний на Московском ипподроме был открыт тотализатор, средства от которого шли на восстановление коннозаводства и коневодства в стране, а также на благотворительность. В 1922 г. на Московском ипподроме появились еще две доходные статьи: от продажи программ по особому договору с издательством «Новая деревня» и от сдачи в аренду на бегах буфета «по особому договору с группой предпринимателей».

К 1930 г. в бегах участвовало более 1000 лошадей против 163 в 1921 г., лошади показывали чудеса резвости, были побиты дореволюционные рекорды, что свидетельствовало о возрождении коннозаводства и коневодства в Советской Республике.

Е. К. Пиотровская

Конь в компиляции «Книги Законные»

Как известно, в состав компиляции «Книги Законные» вошел текст «Земледельческого Закона» — переводного памятника славяно-русской письменности. Перевод был осуществлен, по-видимому, в период расцвета переводческой деятельности в эпоху Киевской Руси. В греческой традиции текст «Земледельческого Закона» существовал как самостоятельное юридическое сочинение, время возникновения которого ученые обозначают от начала VII до середины IX в.

«Земледельческий Закон» используется учеными как источник по истории земельных отношений в Византии, истории свободной общины, истории средневекового права. Однако в славяно-русской традиции нет свидетельств и исследований использования памятника в юридической практике. Остаются до конца не изученными «механизмы» существования подобного рода компиляции, в которой сохранились статьи текстов и из других памятников византийского права — Эклоги и Прохирона.

Среди частных вопросов изучения текста «Земледельческого Закона» интересны статьи 29, 34, 36, 41, 48. В них есть упоминание коня, которое стоит в ряду других животных домашнего скота (вола, овцы, осла). В греческом оригинале конь отсутствует. Эта особенность введения в перевод нового вида животного может быть еще одним свидетельством раннего возникновения славяно-русской традиции и перевода текста в Древней Руси.

В. В. Понарядов

**Из истории верховой езды в русской армии:
от трензеля к мундштуку и обратно**

На протяжении веков техники верховой езды не оставались неизменными. Определенные изменения легко проследить по многочисленным руководствам, наставлениям и прочим письменным источникам, относящимся к XIX–XX вв. В более ранний период такие источники дают менее полную информацию, но многие аспекты могут быть прослежены по изображениям, сохранившимся артефактам и т. п. При этом развитие конного дела в России и Западной Европе несколько различалось, хотя российские практики на протяжении нескольких веков испытывали сильное европейское влияние. Наиболее полно эволюция верховой езды может быть прослежена на примере техник, применявшихся в армии, так как именно они лучше представлены в ранних источниках. Здесь мы рассмотрим лишь один элемент конского снаряжения, использование которого, однако, сильно влияет на то, каким образом управляется лошадь. Это «железо», вкладываемое в рот лошади — трензель, мундштук или их комбинация.

До XVI в. письменные и изобразительные источники практически не дают информации об особенностях русской верховой езды, но археология однозначно свидетельствует о распространении трензеля. В XVI в. появляются описания побывавших в России европейцев, которые обращали внимание на необычный для них русский стиль верховой езды. Больше всего их внимание привлекала «азиатская» посадка русских всадников. Типы конского оголовья лучше прослеживаются на сопровождающих описания иллюстрациях, и на них, конечно, обычно представлен трензель. В Европе тогда однозначно преобладали мундштуки.

Казалось бы, начало массового использования мундштуков русскими военными можно было бы ожидать от времени Петра I,

при котором русская армия вообще была преобразована на европейский лад. Но реальная картина оказывается значительно сложнее.

Прежде всего, уже в XVII в. появляется значительное количество изображений, на которых русские всадники используют мундштук, и их посадка тоже выглядит вполне по-европейски. В 1670-х годах на русский язык были переведены некоторые европейские руководства по верховой езде.

Однако даже при Петре I переход на европейские техники верховой езды вообще и использование мундштуков в частности в русской армии далеко не был завершен. Более того, сам царь, несмотря на свою репутацию большого поклонника всего европейского, подходил к делу реалистически и не форсировал этот процесс.

При Екатерине II русская кавалерия уже массово ездил на мундштуках, но только в теплое время года. «Инструкция конного полку полковнику» 1766 г. предписывает при зимней езде использовать мундштуки только на тех лошадях, «которые упрямы в головах».

Видимо, наиболее «европейской» русская кавалерия выглядела при Павле I и Александре I. Однако уже при Николае I в русской военной верховой езде стали проявляться примечательные тенденции. Несмотря на то, что позднейшие кавалеристы ругали николаевский стиль за искусственность и неудобство, в военное время допускались послабления: не только стремена подтягивались короче, но уже в 1829 г. все русские полки на турецкой войне фактически перешли на трензеля, чтобы удобнее было пользоваться подножным кормом.

После середины XIX в. некоторые русские военные начинают ратовать за полный отказ от мундштуков, давая этому теоретическое обоснование.

Почему же русская армия, перейдя в XVII–XVIII вв. с трензеля на мундштук, в XIX в. засомневалась в целесообразности применения мундштуков? Одной из причин могло быть изменение характера военных действий, когда в условиях увеличения плотности огня на поле боя большее значение приобретала быстрота движения по пересеченной местности, а важность сохранения кавалерийского строя, которой спо-

собствовало более точное управление мундштуком, наоборот, уменьшалась. Однако не стоит сбрасывать со счетов и особенности передачи культурной традиции.

Заемствованная русскими военными из Европы езда на мундштуке в самой Европе явилась результатом сложной культурной эволюции, немаловажным элементом которой явилась интеграция в военную езду достижений высшей школы верховой езды, сформированной в XVI и XVII вв. усилиями главным образом итальянских и французских мастеров. Хотя эти мастера всегда позиционировали высшую школу как полезную для военного применения, сами европейские военные нередко жаловались на ее недостаточное соответствие военным задачам. В России эта проблема выступала еще явственнее. Поэтому уже в середине XVIII в. екатерининская «Инструкция конного полку полковнику» использование высшей школы в армии попросту запретила. Лошадей было предписано «выезжать в строевое, а не в школьное употребление». Если же «кто из офицеров учиться пожелает настоящей школе, то за то имеют таковые берейтору платить».

Тем не менее, общий подход высшей школы в значительной мере повлиял на военную верховую езду в том числе и в России. Как отметил уже в начале XX в. Л. Закржевский, «берейтора выезжали коней больше для манежа, нежели для езды в поле». Поэтому в 1880 г. берейторскую школу закрыли, а в 1883 г. вместо нее для образования инструкторов верховой езды офицерского и унтер-офицерского званий был образован Инструкторский отдел офицерской кавалерийской школы.

Это не значило, однако, что русская армия отказывалась от мундштуков. Во второй половине XIX в. в России, как и в Европе, получила распространение практика одновременного применения мундштука и трензеля. Ранее такое взнуздывание применяли только как временную меру при обучении лошади.

Более того, предпринятая на рубеже XX в. попытка внедрения в русской армии системы выездки Дж. Филлиса во многом восстанавливала старые приемы высшей школы и даже предполагала полную отмену трензеля.

Войны XX в., однако, внесли свои коррективы. Первая мировая война и особенно Гражданская война заставили обучать

и новобранцев, и ремонтных лошадей в ускоренном порядке; времени на усвоение тонкостей работы мундштуком часто просто не было. В связи с этим опытом первые советские военные наставления по обучению верховой езде просто отмечают, что в военное время мундштуки не используются.

Мирное время позволило снова расширить использование мундштука. В 1925 г. циркуляром Революционного Военного Совета СССР мундштук снова был введен для комсостава и для выездки молодых лошадей. Мундштук был включен в программу обучения курсантов кавшкол. В 1927 г. Д. Н. Мясоедов опубликовал специальную брошюру «Мундштук в конном деле».

Однако Великая Отечественная война снова показала, что мундштук на поле боя больше не нужен. И дело не только в ускоренном обучении солдат и лошадей. Атак в конном строю становилось все меньше. Да и случавшаяся еще иногда конная атака теперь производилась исключительно лавой, а не в сомкнутом строю, как бывало в XVIII и XIX вв., что не предъявляло столь больших требований к обеспечиваемой мундштуком точности управления лошадью. Поэтому мундштук в армии остался востребован только на парадах.

Е. А. Поправко

**«Временно исполняющий должность автомобиля»:
транспортно-гужевые подразделения Красной армии
в 1941–1945 гг.**

Современные военные конфликты порождают массу проблем обеспечения боевых действий. Аналогичные проблемы возникали в период Второй мировой войны. Все готовились к войне технического типа (уже не первой в истории). В транспортном обеспечении некой аксиомой был тезис, что автомобиль стал основным средством подвоза во всех воюющих армиях. Но нехватка машин, состояние дорог, а также некоторые свойства автомобилей (шум двигателя, необходимость включать в ночное время фары, которые демаскировали передвижение машин, особенно в колоннах и т. п.) внесли существенные корректировки в транспортное обеспечение боевых действий. Опытные разведчики-акустики умели по звуку определять кто едет (свои или чужие машины), направление движения (в сторону к линии фронта или от нее), пустым или загруженным следует транспорт и т. д. В Красной армии решение проблемы нашли в формировании транспортно-гужевых батальонов, что позволило сократить использование автотранспорта в непосредственной близости от линии фронта.

Применению этого «*ноу хау*» способствовало то, что в стране большая часть населения проживала в сельской местности и умела обращаться с лошадью (да и горожане, зачастую, были таковыми «в первом поколении»), а также то, что в народном хозяйстве имелось достаточное количество лошадей для практической реализации такого решения.

Инициатором смелого эксперимента по замене автотяги лошадиной стал заместитель наркома обороны, начальник Тыла Красной армии генерал-лейтенант интендантской службы А. В. Хрулёв. Он инициировал принятие 22 сентября 1941 г. Постановления Государственного комитета обороны СССР (ГКО)

№ 700 сс, согласно которому Наркомат обороны (НКО) должен был к 1 ноября сформировать 73 отдельных транспортно-гужевого батальона. Из народного хозяйства, согласно Постановлению, изымались 167 900 обозных лошадей, 86 767 парных повозок и 86 767 комплектов пароконной упряжи.

Роль гужевого транспорта была исключительно важной во всех операциях 1941–1945 гг. Лошадь стала первым транспортным средством, проверившим готовность к эксплуатации «Дороги жизни». Утром 20 ноября 1941 г. из Ленинграда на восточный берег Ладожского озера отправился батальон конно-транспортного полка Ленинградского фронта. К вечеру, преодолев около 30 км, конно-санный обоз в 350 упряжек добрался до Кобоны, загрузился мукой и ночью вышел в обратный путь. 21 ноября груз (63 т муки) был успешно доставлен в Осиновец. Да и потом на ледовой трассе трудился транспортно-гужевого батальон, без которого деятельность дорожных частей, призванных поддерживать трассу в рабочем состоянии, вовремя предупреждая возможные проблемы, была бы невозможной. Численность личного состава этого воинского подразделения, судя по документам, была стабильной — 1455 чел., а вот численность конского состава варьировалась от 1012 лошадей (в осень-зиму 1941 г.) до 241 лошади (к апрелю 1942 г.).

Гужевого транспорта в период подготовки и проведения самой крупной операции 1943 г. — Курской битвы — эксплуатировался до истощения. Среди трех фронтов, где наблюдались самые высокие показатели «большого отхода лошадей от истощения, травматических повреждений, неправильной эксплуатации и пропажи без вести без выполнения боевых задач», в Приказе заместителя НКО № 0408 от 6 августа 1943 г. упоминался Западный фронт: «пало от истощения 1058 лошадей и пропало без вести 27».

Служба интендантская (тыловая), как известно, ни в одной армии мира не относится к числу престижных воинских профессий. В отличие от людей, для перевода которых в тыловые подразделения и на тыловые должности требовались основания (негодность к строевой службе вследствие болезни, ранения и т. п.), лошадь переводили потому, что по-другому не получалось. Так, оказавшись в период подготовки и проведения Крым-

ской операции в непростых климатических условиях 4-й Украинский фронт вынужден был искать «нестандартные решения» проблем тылового обеспечения. К числу таковых, несомненно, относится использование в феврале 1944 г. кавалерийской дивизии для подвоза материальных средств: «Для того, чтобы обеспечить войскам, <...> самый минимум огнеприпасов, для их подвоза была использована целая кавалерийская дивизия, которая в течение 8–10 дней транспортировала огнеприпасы на вьюках». И это при том, что согласно официальным данным, войска, накопившие к началу операции запасы в 2 заправки на 1 единицу автотранспорта, сена имели только 0,5 сутодачи, а зернофуража вообще 0,2 сутодачи.

К концу войны лошадь стала столь привычным транспортом, что маршал Г. К. Жуков в период наступления в Германии в марте 1945 г. был вынужден требовать: «Все конные обозы из-под пехоты сдать тыловым частям» и «наступать только в пешем строю». Мера, казавшаяся временной и вынужденной, встреченная поначалу с недоверием и смехом, стала в конце концов одной из ключевых в обеспечении Красной армии всеми необходимыми материальными средствами.

А. Н. Потанов

Белый конь Белого генерала

Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) — выдающийся русский полководец, большой любитель лошадей.

Почему М. Д. Скобелева называли Белым генералом?

Родовое имение генерала в селе Спасское-Заборово (ныне Александро-Невский район Рязанской области).

Судьба Белого генерала при Советской власти.

Белый генерал: большевистские ассоциации с белым движением.

Сведения о генерале Скобелеве в «Большой советской энциклопедии», в «Советской исторической энциклопедии», других изданиях, где боевые деяния Белого генерала оценивались отрицательно и характеризовались как проведение военно-феодальными методами колониальной политики царизма в Средней Азии.

Некоторые факты биографии Скобелева.

Рождение Скобелева в Петербурге 17 сентября 1843 г.

Легенды о счастливой судьбе Скобелева, которую ему предсказала в детские годы ворожея, «увидевшая» его героем на белом коне.

Любовь Скобелева к коням и его умение с ними обращаться.

Случай, когда Михаил Дмитриевич, готовясь к выпуску из Академии Генерального штаба, вместо того, чтобы отыскивать удобное место для переправы через Неман, выполнил поставленную задачу по-своему: вскочил на коня и переплыл верхом на нем своенравную реку на противоположный берег и обратно.

Предание о том, что молодого офицера Скобелева однажды спас от неминуемой гибели его белый конь, вытащивший хозяина из непролазной топи. Отсюда — суеверие полководца; белый цвет — счастливый, отсюда — предпочтение коней белой масти всем прочим.

Случай, когда во время русско-турецкой войны в жестоком бою под Скобелевым был убит белый конь, и Михаил Дмитриевич не захотел садиться верхом на коня иной масти и только за неимением коня белой масти вынужден был временно пересесть на гнедую лошадь.

Поход русских войск под командованием Скобелева в Среднюю Азию в мае 1880 г. для усмирения воинственных ахалтекинцев, чинивших грабежи на российских окраинах и державших в страхе мирных жителей соседних государств.

Случай в ходе военной экспедиции в Среднюю Азию, когда Скобелев, прежде чем начать высадку солдат с парохода на берег Каспийского моря, первым спустил с борта в воду коня.

Привычка Скобелева давать своим коням клички по названиям мест, где он командовал боевыми сражениями: на Балканах — конь по кличке Шейново, в ахалтекинской экспедиции — отбитый у предводителя туркмен белый конь Геок-Тепе (по названию взятой русскими войсками крепости).

Внезапная кончина Скобелева 25 июня 1882 г. в Москве.

Похороны героя-генерала на его второй родине — в селе Спасское-Заборово Рязанской губернии.

«Участие» в траурной процессии коня Михаила Дмитриевича, ахалтекинца Геок-Тепе.

Судьба любимого коня Белого генерала, его жизнь в Спасском-Заборове.

Памятные чернильницы, сделанные из копыт павшего коня Геок-Тепе.

Захоронение Геок-Тепе в усадебном парке, обустройство захоронения и установка памятной плиты.

Д. А. Прохоров

Лошади и кони в традиционном хозяйстве крымских караимов в Средневековье и в Новое время

По свидетельству путешественников и дипломатов, посетивших Крымский полуостров в эпоху существования Крымского ханства, каждый караим, подъезжая верхом к ханскому дворцу в Бахчисарае, должен был спешиваться и «продолжать свой путь пешком до тех пор, пока дворец совершенно не скроется из глаз». Выполнение этой процедуры являлось обязательным для всех представителей караимских общин. Следует отметить, что запрет караимам на право езды на лошадях, а также на ношение оружия восходит к грамоте, принятой праведным калифом Омаром ибн-Хаттабом I еще в VII–VIII вв. Согласно этому правилу, всем немусульманам запрещалось продолжать свой путь верхом при приближении к правоверному. На этот же обычай указывал и естествоиспытатель, этнограф, лингвист, академик Петербургской Академии наук Петр Симон Паллас, совершивший поездку по Крыму в конце XVIII в. Причем он заметил, что караимам запрещалось ездить на лошадях и поэтому они использовали для верховой езды ослов, как и полагалось зимми — немусульманской части крымского населения (данный термин подразумевает исключительно немусульманских резидентов преимущественно исламских государств, которых следует отличать от понятия райя — низших классов общества, которые хотя и состояли в основном из немусульман, однако включали в себя и низшие сословия мусульман). Тем не менее, данное утверждение Палласа выглядит не вполне убедительным, если принять во внимание тот факт, что в текстах ханских ярлыков неоднократно упоминается о наличии в хозяйстве у караимов коней и лошадей. Очевидно, караимы обязаны были выполнять данное правило при приближении к могилам крымских ханов, расположенных неподалеку от ханского дворца в Бахчисарае.

В документах Крымского ханства есть указания о том, что представители местных иудейских общин, чье имущество составляли кони или лошади, даже могли обращаться в суд шариата для вынесения решений по спорным делам. Так, в одном из сиджилей Бахчисарайского кадылыка начала XVII в. упоминается, что некий «Иосиф сын Менахема, привлекая в собрание Суда Шариата Джан Гази б. Сари, в присутствии (последнего), давая показания (заявил): “Два года назад я потерял коня. Ныне же нашел я его у указанного Джан Гази и потребовал. Он под всякими уловками не возвращает мне его. Требую, пусть же будет он опрошен”. После опроса и отказа (данного ответчиком) у упомянутого Иосифа истребованы были убедительные доводы по его иску». О покупке крымским татаринном Ягмуром веледи Агрукчи коня у представителя караимской общины Кара (Чуфут-Кале) некоего Довунджи свидетельствует судебная запись в сиджиле Бахчисарайского кадылыка, датированная месяцем сефер 1610 г. В сиджиле 29-го числа месяца Джумадие уль-ахыр (то есть в мае-июне) 1610 г. в суде слушалось дело, где в качестве ответчика был вызван иудей Исхак (иск. от Йицхак), которому покойный брат истца продал кобылу за шесть флоринов и один гуруш. Допрошенный Исхак дал такие показания: «“Покойный мне сказал, чтобы я отдал деньги другому человеку, я передал их”. Но он оказался неспособным доказать эту передачу (денег), сразу после этого было вынесено решение о выплате упомянутой суммы».

Помимо лошадей, мелкого и крупного рогатого скота на Чуфут-Кале разводили ослов, необходимых для доставки на плато воды, а также для верховой езды и перевозки различных грузов. Все тот же Паллас сообщал, что на плато Чуфут-Кале существовал «зверинец», где крымские ханы держали стадо благородных оленей (по некоторым сведениям в 1799 г. их насчитывалось около четырех десятков) и за этим стадом были приставлены два надзирателя. При этом проживавшим в Чуфут-Кале караимам запрещалось возводить на том участке плато любые постройки.

Торговая деятельность в Крымском ханстве облагалась соответствующими налогами. Сведения об этом приведены в ханских ярлыках, фирманах и бератах (указах). Так, в ярлыке 1590 г.

речь шла о том, что Яшлавские беи могли взимать «с привозимого в Кыркиер товара по 1 акче с каждой лошади <...> Определенные законом пошлыны брать с жителей Чуфут-Кале и других мест, отправляющих товары в другие города, с проданного товара. Также брать пошлыны с привозимого товара из Балаклавы, Гезлева и других мест <...> Если из Москвы и Польши кто привезет товар, взыскивать по старым законам пошлыны. Также брать десятую часть в казну с рыбного улова. Больше ничего не брать». Среди продукции ремесленников в Крымском ханстве пользовались популярностью изделия войлочников, оружейников, слесарей, медников, лудильщиков, токарей, а также ткачей и «торваджи» (изготовителей торб для лошадей), причем продукция караимских вышивальщиков и войлочников признавалась одной из самых лучших.

Е. В. Пчелов

Первые кони русской геральдики

В эпоху Московского царства в контексте российской государственной геральдики и символики известны изображения нескольких коней, некоторые из которых входят в состав более сложных эмблематических композиций.

1. Первое по времени изображение коня связано с известным образом всадника-драконоборца, в качестве государственного символа впервые представленным на лицевой стороне печати Ивана III (самый ранний сохранившийся оттиск — 1497 г.; матрица, как полагают исследователи, была сделана в начале 1490-х годов). Этот всадник, которого в период Московского царства именовали также «ездецом», символизировал, как известно, самого государя, побеждающего врагов. Иконографически его изображение восходило к известному сюжету «Чуда святого Георгия о змие». Обычно в качестве прототипов всадника печати 1497 г. указывают схожие сюжеты на монетах князей с конца XIV в. — на печати Василия I и на печати Ивана III 1479 г., однако, низкое качество и примитивность этих изображений не позволяют провести прямых иконографических аналогий. Напротив, всадник-драконоборец на печати 1497 г. имеет ряд характерных черт, сближающих его с подобного рода всадниками, образами святого Георгия в искусстве итальянского Ренессанса, прежде всего, флорентийско-римской школы XV в.

Изображение коня в композиции на печати отличается реализмом и детализацией. Подобного рода скачущие или вставшие на дыбы кони нередки в живописи и графике флорентийского Кватроченто (особенно в творчестве П. Уччелло, Б. Гоццолли, Ф. Пезеллино, А. дель Поллайоло). Расположение изгибов конского хвоста, однако, встречается сравнительно редко (в ряде произведений Пезеллино и С. Боттичелли). Эта деталь (как и множество других в эмблемах печати) показывает при-

надлежность мастера печати к флорентийско-римской традиции итальянского искусства.

Показательно, что все эти детали, в том числе и в изображении коня, сохранялись на печатях последующих государей вплоть до Василия Шуйского. Буквально с первого года царствования Михаила Федоровича на коне появляется более детализованная и роскошная упряжь, где помимо седла и стремян присутствуют и другие элементы конского убранства — паперсть, оголовь, науз, а хвост перехвачен узлом. Такой тип сохраняется на малых печатях русских царей до конца XVII в. Конская сбруя явно отсылает к национальной традиции царского парадного конского убранства и вписывается в общую тенденцию визуальных изменений, одной из особенностей которых было сближение изображения всадника с традиционной отечественной иконографией.

2. Второе по времени изображение коня зафиксировано на Большой печати Ивана Грозного конца 1577 — начала 1578 г. Оно входит в состав титульных «печатей», расположенных по окружностям на обеих ее сторонах. Коню соответствует легенда «печать Рязаньская», а сам конь показан идущим с поднятыми левыми передней и задней ногами. Изображение также отличается существенной детализацией — хорошо видны уши коня, опущенный хвост и даже особенности копыт. Уже при Михаиле Федоровиче, по крайней мере, с середины 1620-х годов изображение на рязанской печати кардинально изменилось («человек, а у него в правой руке меч»). Появление же коня на ранней рязанской печати может объясняться лошадиными ярмарками, впоследствии отразившимися в более позднем гербе города Данкова Рязанской губернии (1779 г.).

3. Свой окончательный вид титульные гербы Московского царства приобрели в «Титулярнике» 1672 г. Здесь на миниатюрах представлены четыре всадника, восходящих к литовскому гербу Погоня (гербы великого князя Литовского, Полоцкий, Витебский и Мстиславский), Георгий Победоносец в гербе «Карталинских и Грузинских царей» (в своеобразном ракурсе, известном по западноевропейскому искусству эпохи барокко) и всадник с копьём на плече в качестве символа «Черкасских и Горских князей». Однако есть и «одионый» конь, вставший

на дыбы, которого сопровождают с двух сторон сверху и снизу две восьмиконечные звезды. Это изображение соответствует титулу «всеа Северныя страны повелитель» (история и семантика этого титула — предмет для отдельного рассмотрения). В историографии предпринимались попытки связать этого коня с бегущим конем из европейских эмблематических сборников с девизом «Воля со страхом», то есть «свобода, таящая в себе опасность». Но в гербе из «Титулярника» изображен не бегущий конь, а скачущий или, точнее, вставший на дыбы; кроме того, его сопровождают звезды, в эмблеме-«прототипе» отсутствующие. Между тем, иконографическое заимствование из западноевропейской эмблематики, а, скорее всего, геральдики весьма возможно, однако, нуждается в дополнительном исследовании.

Таким образом, иппическая тема представлена в допетровской государственной и земельной символике и геральдике в разнообразных формах, как в составе сложных композиций, так и в изображениях собственно коней. Их семантика, впрочем, не всегда поддается однозначной расшифровке, но иконографическая вариативность и особенности детализации демонстрируют широту смысловых значений и взаимодействие различных культурных традиций.

А. И. Раздорский

**Конские таможенные книги XVII–XVIII вв.
как исторический источник**

Лошади издавна являлись предметом торговли, а поскольку до сравнительно недавнего времени их значение в хозяйственной жизни и в военном деле трудно было переоценить, они представляли товар совершенно особого рода, что нашло выражение, в частности, в специфической системе учета совершавшихся с ними торговых операций. В России вплоть до середины XVIII в. действовал унаследованный еще с удельных времен порядок таможенного обложения, согласно которому торговыми пошлинами облагались не только товары, вывозившиеся за границу и ввозившиеся из-за рубежа, но и те, которые находились в обращении внутри страны. Практически во всех русских городах, в том числе и в тех, которые находились в глубинных районах государства, имелись таможни, где либо несли службу выборные должностные лица — «верные» таможенные головы (в XVIII в. — бурмистры) и приданные им помощники — целовальники, либо действовали частные предприниматели — откупщики, взявшие таможенный сбор в аренду. Последние были обязаны уплатить в казну заранее оговоренную сумму откупа и от представления какой-либо отчетности были освобождены. Выборные же таможенные головы должны были по окончании срока своей службы, длившейся обычно год, представить в центральные правительственные инстанции приходо-расходную книгу, содержащую сведения о пошлинах, собранных с торгующих, а также произведенных расходах на разные казенные нужды.

В таможенных книгах содержатся записи, в которых указано когда, с кого именно и с каких товаров взяты пошлины. При этом регистрации подлежали только те товарные партии, стоимость которых по таможенной оценке составляла не менее 1 руб. (немалая по меркам XVII-го и даже XVIII-го столетия

сумма — дневной прожиточный минимум в XVII в. составлял 1–2 коп.). С товарных партий, суммарная стоимость которых была меньше 1 руб., пошлины целовальники вносили без записи прямо в переносной ящик для денег. Лошади в системе таможенного учета находились на особом положении. Во-первых, торговые операции по их купле, продаже или обмену фиксировались таможенниками либо в особых конских таможенных книгах, составлявшихся отдельно от основных, либо в специальных разделах общих таможенных книг. Во-вторых, занесению в таможенную книгу подлежали и те лошади, стоимость которых была меньше 1 руб. (средняя цена на обычную лошадь в XVII — первой половине XVIII в. находилась на уровне 3–4 руб.). Важно отметить, что сбор пошлин с конского торгового оборота в таможенных книгах всегда четко отделен от сбора пошлин с крупного и мелкого рогатого скота, который фиксировался на общих основаниях наряду со всеми остальными товарами.

Отдельные записи конских таможенных книг включают дату регистрации торговой сделки; сведения о ее участниках — продавце, покупателе или меновщиках: имена, фамилии или фамильные прозвища и (в отдельных случаях) отчества, местожительство, социальный статус или род занятий, иногда национальность или подданство; характеристику лошади: категория (конь, мерин, кобыла, жеребец, жеребенок), возраст, масть, порода (в отдельных случаях), особые приметы, наложенные клейма (тавра), имеющиеся дефекты (крива, хрома и пр.); стоимость лошади; вид и сумма взятых пошлин. Интересно отметить, что клички животных в этих документах не приводились (нам, по крайней мере, не известно ни одного такого случая).

Приметы лошадей, поступавших в продажу, таможенники фиксировали с особой тщательностью, поскольку они имели полицейско-фискальное значение в случае возникновения последующих споров между участниками торговой сделки или при расследовании кражи животного. Занесение в таможенные книги столь подробной информации диктовалось положениями Судебника 1550 г., а позднее Соборного уложения 1649 г., устанавливавших жесткий контроль над конской торговлей. С этим обстоятельством, по-видимому, связано и то, что в разделах, фиксирующих торговлю лошадьми, социальный статус ее уча-

стников указывался гораздо чаще, чем в других таможенных статьях.

В записях о купле-продаже или обмене лошадей могут также присутствовать сведения о поручителе торговой сделки. Но если за XVII в. эти данные имеются далеко не во всех конских таможенных книгах, то в подобных документах XVIII в. включение этой информации стало обязательным, что свидетельствует об ужесточении правил учета торговли лошадьми. Поручители (или их доверенные лица) были обязаны заверить запись о произведенной торговой операции рукоприкладством.

Конские таможенные книги позволяют установить основные показатели, характеризующие торговлю лошадьми в том или ином населенном пункте, а именно: количество проданных или обмененных лошадей (общее, по отдельным категориям, возрастам, мастям и, отчасти, породам животных, по месту жительства и социальным группам торговцев); величину оборота конской торговли в целом, а также по отдельным городам и социальным группам торговцев в частности; географию конской торговли по данным о месте жительства ее участников; цены на лошадей (в том числе их дифференциацию по категориям, возрастам, мастям и породам); персональный, социальный и, отчасти, национальный состав торговцев и поручителей торговых сделок.

Наиболее ранние из известных источников рассматриваемого типа — две точно не датированные новгородские конские таможенные книги, первая из которых относится, предположительно, к 1613/14 г. (составляет единый документальный комплекс с товарной таможенной книгой Великого Новгорода 1613/14 г.), а вторая по косвенным данным определяется ко времени не позднее 1 сентября 1614 г. Обе книги находятся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме в составе документов так называемого Новгородского оккупационного архива. К числу древнейших из дошедших до наших дней памятников конского таможенного делопроизводства, хранящихся в отечественных архивах, относятся «лошадиные книги», находящиеся в составе двух таможенных книг Курска 1619 г.

По описям архивов, библиотек и музеев за период с конца XVI в. до второй половины XVIII в. нами выявлено в общей

сложности свыше 4 тыс. таможенных книг. Из них, судя по заглавиям документов, 253 являются самостоятельными книгами конского таможенного сбора, в заглавиях еще 39 книг присутствует указание на наличие в документе сведений о поступлении пошлин с торговли лошадьми наряду с информацией и по другим видам сборов. Большая часть самостоятельных конских таможенных книг относится к XVIII в. Разумеется на самом деле источников, в которых имеются материалы по конской торговле, существенно больше, поскольку соответствующие разделы присутствуют и во многих таможенных книгах общего характера.

Повсеместное ведение таможенных книг было прекращено в результате проведения Таможенной реформы 1753–1757 гг., ликвидировавшей внутренние таможи. Но при этом составление особых конских таможенных книг (в которых зафиксировано взимание древнего конского сбора «с шерсти») продолжалось как минимум до конца 1770-х годов. Последние по времени известные нам источники такого рода (две книги конских сборов по Кунгуру и сельским населенным пунктам Кунгурского уезда Пермской провинции) относятся к 1777 г. Найти какие-либо законодательные акты, фиксирующие прекращение ведения конских таможенных книг (в том числе в «Полном собрании законов Российской империи»), нам пока не удалось.

Конские таможенные книги имеют важное значение для изучения региональной социально-экономической истории России. Они позволяют выявить особенности развития местных конских рынков, проследить динамику торговли лошадьми в разных городах и регионах в зависимости от воздействия различных внутренних и внешних экономических, политических и военных факторов. Эти документы являются также ценными источниками для биографических, генеалогических и просопографических разысканий.

Р. Н. Рахимов

Башкирская лошадь в походах национальной конницы эпохи наполеоновских войн

Одним из феноменов наполеоновских войн было привлечение в состав Русской императорской армии наряду с ополчением большого числа иррегулярных полков: казаков и национальных («инородческих») войск. Это было связано с тем, что кавалерия российской армии не могла быть противопоставлена в количественном отношении Великой армии включившей в себя практически все вооруженные силы Европы. Из них в 1806–1807 гг. в Пруссию были направлены 10 тыс. башкир, пятисотенный полк ставропольских калмыков (крещеных) и полк тептярей. Все они участвовали в походе на своих лошадях «о двуконь». В столкновении с французами летом 1807 г. приняли участие полк ставропольских калмыков и две пятисотенные команды башкир, атаковавшие и преследовавшие отступающих французов. Невысокая лошадь, лук и стрелы, использовавшиеся башкирами, в представлениях французов ассоциировались с «купидонами Севера», башкиры получили прозвище «северные амуры».

В 1812–1814 гг. в войне с Наполеоном участвовали 20 башкирских, 2 мишарских («мещеряжских»), 2 тептярских, Ставропольский калмыцкий, 4 крымско-татарских, 2 астраханских калмыцких полка. Все полки соответствовали штату полков донских казаков и были пятисотенными. Часть башкирских полков шла в поход «о двуконь», но большая часть имела вьючную лошадь на двоих воинов. В это же время 12 тыс. башкир на своих лошадях вместе с мишарями и казаками охраняли Оренбургскую пограничную линию, мишари несли полицейскую службу в Сибири. Кроме того, башкиры и мишари собрали и подарили правительству 4139 лошадей, которых в 1813 г. доставили в армейские резервы, находящиеся в Белоруссии, вместе с оренбургскими казаками. Из Оренбургского края на войну от-

правлялись полки оренбургских и уральских казаков. Основой конского состава иррегулярных формирований шедших с юго-восточной границы была башкирская лошадь, которую с древности разводили башкиры.

Массовое нахождение башкир в арьергарде и авангарде российской армии в Отечественной войне 1812 г., в авангарде армий союзников в Заграничном походе 1813–1814 гг., вплоть до вхождения в Париж вызывало интерес как у русских (в меньшей степени), так и у военных и мирных жителей Европы. Башкирская конница, и в том числе башкирская лошадь, стали частью активно развивающегося культурного дискурса «Азии, приведенной царем Александром в Европу», феноменом российского Востока. Его подкрепляли и русские генералы, перенявшие от Наполеона моду на «восточные конвои». Этот дискурс отразился не только в нарративах, оставленных современниками, имевших длинное «эхо», в публикациях «меморий» участников наполеоновских войн в течении XIX в. Наблюдательный взгляд художников зафиксировавших башкирскую лошадь и этнографические особенности ее всадника в представлениях идей Просвещения дали целый пласт визуальных источников (картины, гравюры, рисунки), подтверждающихся свидетельствами современников. Информативным материалом о башкирской лошади в дальнем походе является армейская документация, отложившаяся в архивах.

Дискурс «Азии, пришедшей в Европу» ассоциировался у европейцев с исторической памятью о монголах, варварах, и если рассматривался, например, французами, как экзотика войны, то голландцами и немцами, как приход освободителей. Европейские революции 1830–1840-х годов впоследствии представят его в виде «азиатских орд, жаждущих растерзать свободу» и станут элементом формирования антироссийских представлений в общественном сознании жителей Европы.

Основными качествами, поражавшими современников в башкирской лошади, были ее небольшой рост, особенности телосложения, неприхотливость в пище, выносливость. Последнее качество особенно выделялось знатоками. Лошадь не могла соперничать в скорости, но спокойно проходила огромные расстояния. Она легко переносила морозы и не нуждалась в стой-

ловом содержании, зимой могла добывать корм, разрывая снег («тебенёвка»). То, что лошадь служила одновременно и основой башкирской кухни в виде вареной конины и приготовленного особым способом кобыльего молока (кумыс), давала кожу для обуви, одежды, посуды также отмечалось как европейцами, так и русскими участниками похода. Особое внимание уделялось описанию седел, снаряжению и находчивости башкир, ремонтировавших его в походе.

Таким образом, башкирская лошадь в наполеоновских войнах была не просто средством передвижения воина, элементом мобильности войск, грозной силой, но и стала самостоятельным «участником» похода, символизируя в сознании европейцев азиатскую часть Российской империи.

М. И. Роднов

Конные соревнования (скачки) в культуре города Уфы

Обширное коневодство на Южном Урале, в прилегающих степных и лесостепных краях неизбежно порождало соревнования на лошадях как атрибут народной культуры. Эти традиции к началу XIX в. перешли в формат организованных состязаний, которые проводились в первую очередь в местах крупных скоплений людей, например, на ярмарках. В прессе отмечалось, что в 1847 г. в Бугульме, уездном городе Оренбургской губернии, в «нынешнюю ярмарку будет и призовая скачка».

Редактор единственной газеты региона (неофициальной части) выходивших в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» (Уфа — гражданская столица края), известный педагог Иван Прокофьевич Сосфенов старался подробно освещать культурную жизнь города, развлечения, театральные постановки, музыкальную жизнь. Не обошел он вниманием и конские бега.

На зиму в Уфу съезжались окрестные помещики, некоторые из них разводили породистых скаковых коней. Видимо, на зимних балах и раутах рассказы о своих красавцах, споры, хвастовство и привели к организации конских ристалищ. В 1840-е годы они стали регулярными, стали частью местной культурной жизни. Современник замечал: «Чем мы ныне не развлекались с приятностию? У нас были благородные собрания, клубы, частные интересные вечера, театр и рысистые бега».

В декабре 1849 г. в газете извещали любителей рысистых бегов, что «на Белой будут восхищаться нашими рысаками. Гг. Березовский и Ляхов наверно вступят и ныне в состязание своими добротными конями. Нам приятно будет говорить в фельетоне о последствии каждой скачки».

Сосфенов, действительно, подробно повествовал о них, без сомнения, лично наблюдая за скачками. Уфа стоит на горе, с трех сторон окружена реками, и на льду самой большой реки Белой устраивался «гипподром». Сходилось много народа: «наш

бег по прежнему был усеян любопытными». Редактор предлагал даже устроить амфитеатр для зрителей.

Бега были организованы, устанавливали дистанции бега (1460 и 730 сажень), правила (в два круга и пр., случались перебежки при спорах), замерялось время, пары коней делились по видам походки (рысь, аллюр, иноходь, галоп). Скачки проходили на льду Белой прямо под городской застройкой, уфимцам было просто и удобно дойти, простонародье, наверняка, смотрело с вершин уфимских холмов.

Видимо, на конские бега съезжался весь «высший» свет здешнего общества. В январе и феврале 1850 г. на скачках присутствовали гражданский губернатор Н. В. Балкашин и муфтий Сулейманов. Кроме окрестных помещиков в Уфу специально на бега приезжали заводчики породистых коней издалека (из Стерлитамакского уезда). Скачки носили всесословный характер, наравне с дворянами коней выставляли купцы и офицеры.

Так, в январе и феврале 1850 г. коней на соревнования представили помещики (Березовский, Ляхов, Левашёв, Дурасов), губернатор, купец Шапин, подполковник Витковский, небольшого серого иноходца выставил муфтий. Невзирая на его быстроту в газете дипломатично похвалили иноходца, «Павлин» помещика Ляхова опередил того на полминуты, пройдя дистанцию за 2 минуты и 28 секунд.

Можно утверждать, что в середине XIX в. конские бега в Уфе проводились постоянно. Во второй половине столетия информация скудная, но в начале XX в. в Уфе достаточно активно действовало Общество поощрения коннозаводства. Его возглавлял лично губернатор, но всю конкретную работу проводил местный агроном, вице-президент общества А. И. Базилев. В Уфе имелся ипподром, где устраивались скачки. Культура конских состязаний сохранилась в нашем городе и поныне.

П. В. Романец

Иппонимическая лексика в «Житии протопопа Аввакума»

«Житие протопопа Аввакума» не относится к иппологической литературе. Однако иппонимический анализ показал, что мы с позиций сегодняшнего времени порой не полностью представляем, насколько тесно была связана жизнь человека в XVII в. с лошадью.

В «Житии» упоминается 76 иппонимов, которые употреблены более чем 200 раз, что составляет 1,1 % от всего количества слов в тексте. Эти иппонимы довольно-таки полно отражают участие лошади в жизненных мытарствах протопопа Аввакума.

Поучительна, словно евангельская притча, история о том, как Аввакум, «презрев отеческое благословение и приказ», променял своему двоюродному брату книгу святого Ефрема Сирина на *лошадь*, и принятой за это плате тяжелейшими муками и избавлением от бесов только тогда, когда книга была возвращена. И Аввакум восклицает: «Таково то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди Господня?».

Показательно описание голода на Нерче. Трагизм ситуации Аввакум показал через описание поедания *жеребой кобылы*. Эта картина потрясает, особенно тех, кто знает, что жеребая лошадь — это беременная кобыла.

Интересно двойное сравнение, примененное Аввакумом в одной короткой фразе с употреблением двух иппонимов: «...*ржет* зря на чужую красоту, яко *жеребя*...», то есть как жеребенок, указывая на глупое поведение соответствующего человека, хуже чем поведение дитя, с более глупым поведением совсем неразумного детеныша животного. Здесь иппонимы использованы как мощная, яркая обличительная окраска мысли автора. А во фразе «*лошади* под ними *взоржали*» — всего лишь испуганный крик лошади.

В большинстве случаев лошадь и предметы, с ней связанные, напрямую в тексте не указываются, но подразумеваются,

особенно через глаголы. Например: выехал, выехали, доехали, еду, едучи, ехал, ехали, ехать, поехал, поехали, приехав, приехал, приехали, приехать, съехал [на телеге или лошади]; прискока (прискакав на лошади); поил и кормил [лошадь]; прилежал (ухаживал за лошадью); верхом [на лошади]; поездка [на телеге]; кореты, в царева корете; телегами, на телеге, на телегу; сани, саньми, в санях.

Вскользь автор упоминает о шести сотнях казаков. С учетом сменных, запасных и обозных лошадей, а также приплода жеребят, количество лошадей могло превышать две тысячи. Тем более ужасным рисуется голод, коль поедачь стали жерёбых кобыл.

Или вот фраза: «И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил [царь], едучи *верхом*. А из *кореты* высунется [царь], бывало, ко мне». Здесь рядом находятся три иппонима: и едучи, и верхом, и корета, а упоминания лошадей нет. Расчет на то, что читатель все понимает.

Во фразе «Он с письмом приступил к *царева корете* со дерзновением» Аввакум не пишет, что царская карета отличалась, например, от боярской, не только пышностью, размером, но и гораздо большим количеством лошадей в запряжке, количеством конюхов, обслуживающих царский выезд, охраняющих конных казаков, а также и особым обрядом царского выезда. Подразумевается, что читатель это знает и потому понимает, как непросто, только отчаянно, «со дерзновением» можно было вручить письмо Аввакума прямо царю.

Неоднократно Аввакум говорит, как приезжали за ним, увозили его: «...на *лошеди* умчали...»; преследовали: «Егда-де рассветало, — ано *погоня на лошедах!*». Иногда он упоминает *телегу* или *сани*. Но в большинстве случаев Аввакум не указывает, каким образом к нему или за ним приезжали, каким способом его перемещали, не уточняет верхом или на телеге, хотя без лошадей это никак не могло быть.

Когда Аввакум упоминает *колешичатую пищаль*, то здесь не уместен дословный перевод ‘колесная пушка’ или ‘пушка на колесах’. «Колешчатая пищаль» означает ‘пушку на конной тяге’; в таком значении это словосочетание отмечено в письменности еще с 1576 г.

Вот Аввакум пишет: «Мне под робят и под рухлишко дал две *клячки...*». Уменьшительно-уничижительным оттенком «клячка» он еще более подчеркнул, какие ужасно плохие лошади ему были даны. Поэтому, жалея этих кляч, они с Марковной «бредут» пешком, спотыкаются, падают. И вопрошает измученная жена Аввакума: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?». А он говорит ей: «Марковна, до самыя смерти!». Она же, «...вздохня, отвещала: “добро, Петрович, ино еще побредем”». И так они и брели, но клячек своих берегли, также как бережно они относились ко всяким людям, всегда стараясь помочь.

В целом иппонимический анализ «Жития протопопа Аввакума» показал, что зримо или незримо лошади присутствуют в тексте «Жития» более чем в 20 % абзацев. Это показывает, насколько важна была роль лошади в жизни людей XVII в., даже в судьбе одного опального человека. А с литературной точки зрения иппонимический анализ текста «Жития» позволяет по иному заглянуть вглубь этого выдающегося памятника русской письменности.

А. А. Рона

**Применение средневековых методов обучения лошадей
в современной дрессировке на основе трактата
Иордана Руфуса XIII в.**

Существует популярное мнение, что средневековые методы работы с лошадьми были жестокими или как минимум менее гуманными, чем современные. В качестве доказательства приводится применение длинных шпор, громоздких мундштучных удил и т. д. Не вдаваясь в подробное рассмотрение функционала средневековой экипировки данное исследование посвящено возможности применения средневековых методов обучения лошадей в наши дни. В качестве примера рассматривается трактат XIII в., автор которого Джорданус Руфус служил правителю Сицилии Фредерику II.

Уникальность трактата Руфуса состоит в том, что ветеринарному разделу предшествует раздел, посвященный разведению, объездке и уходу за лошадьми. Анализ документальных и археологических источников, проведенный рядом ученых указывает, что многие из описанных Руфусом методов широко использовались в разведении и подготовке элитных и рабочих коней.

Первые разделы посвящены разведению, обучению, заездке и выездке молодых коней, а также общим вопросам содержания и ухода за лошастью. Согласно трактату, кобылу следует покрыть в конюшне, а затем отпустить жить на воле во избежание аборта. После родов жеребят оставляли с кобылами на воле до достижения двух лет, после чего молодых жеребцов переводили на другое пастбище еще на год или сразу забирали на конюшню, где и проходило их обучение.

Молодых лошадей следовало приучить ходить в недоуздке, а позднее в узде. Также коня учили стоять спокойно, позволяя человеку касаться всех частей тела, чтобы подготовить коня к тому, что его будут чистить, подковывать, седлать и т. д. По-

сле того, как конь послушно следовал за тренером повсюду, его можно было заезжать. Впервые на молодого коня сажались без седла, шпор и хлыста. Через месяц езды без седла коня седлали. Предполагается, что к этому моменту конь уже знал основные команды — шаг, рысь, повороты в обе стороны и остановки. Обучение в седле продолжалось до наступления зимы и к этому времени конь должен был работать на рыси и галопе. Зимой молодым коням давали отдых и, начиная с весны, их начинали учить более точному выполнению команд, переходам с прибавленного галопа на рысь, приучали к шуму, толпе и другим ситуациям, с которыми мог столкнуться как боевой конь, так и почти любая другая лошадь.

В трактате есть несколько мест, где Руфус, возможно, указывает на использование боли при обучении лошади. Такие моменты требуют дополнительного изучения.

Чтобы улучшить понимание инструкций, данных в трактате, было проведено исследование нескольких версий текста и составлена программа по обучению молодой лошади на основе методики Руфуса. В эксперименте, который продолжался с марта 2019 г. по сентябрь 2024 г. участвовали две лошади. В первой стадии эксперимента была обучена двухлетняя кобыла породы «латвийская теплокровная» по кличке Эсмеральда. Она родилась на спортивной конюшне и была приучена к людям, в чем заключалось отличие от методики Руфуса, в соответствии с которой контакт молодых лошадей с людьми скорее всего был ограничен. Эсмеральда была объезжена на шагу, без седла, и в марте 2020 г. возобновились тренировки под седлом на шагу, рыси и галопе.

На данный момент кобыле семь лет — возраст, в котором обучение элитного боевого коня скорее всего должно было завершиться, если предположить, что Руфус писал о боевых конях. Кобыла участвовала в любительских соревнованиях, работала с клиентами разных возрастов, в том числе с инвалидами, на ней фехтовали, стреляли из лука и работали с копьем как взрослые, так и дети. Можно сказать, что Эсмеральда является современным эквивалентом средневековой элитной или боевой лошади.

Вторая стадия эксперимента началась в апреле 2022 г. В эксперименте участвовала трехлетка табунного разведения породы «коник польский» по кличке Панна Барбара (Бася). После поимки кобылу привезли в частную конюшню «Кумели,» где она жила на пастбище с двумя обученными пони, которые своим примером помогали в обучении. Это соответствует методики Руфуса, где давался совет держать молодого коня вместе с более опытным, так как «подобное стремится к подобному». Для приучения Баси к недоузду потребовалось два месяца, однако дальнейшее обучение прошло очень быстро и уже в августе Бася была приучена к узде и шагала под всадником.

На сегодняшний день Басе четыре года, она обучена соответственно возрасту, работает во всех аллюрах и прыгает невысокие препятствия. Имеет опыт работы со всадниками разного возраста и уровня навыков, а также общения с детьми-инвалидами. Бася работает с универсальным седлом, без седла и под реконструкцией седла XIII в. Имеет опыт участия в фехтовальных упражнениях, также с нее стреляли из лука. На данный момент ее уровень соответствует стадии обучения второго года, описанного в трактате.

Данный эксперимент показал, что обучение лошади по методике Руфуса возможно в наши дни и приводит к положительным результатам. Отдельно избранные средневековые принципы работы с лошастью способствуют психологическому и физическому развитию лошади, а также помогают сделать процесс объездки и дальнейшей верховой езды более безопасными для всадника.

А. Д. Севастьянова

**Искусство конной скульптуры:
памятники второй половины XX в. в двух столицах**

Образ лошади в искусстве всегда был одним из самых возвышенных и обладал рядом неоспоримых художественных достоинств, так как этому животному всегда была присуща естественная пластика и грация. Монументальная конная скульптура имеет древнее происхождение. Она возводилась как для увековечивания выдающихся людей, прославления крупных исторических деятелей и событий, так и для украшения городов.

Цель данной работы заключается в анализе идейного содержания конных статуй, исследовании соотношения скульптуры и пространства, а также в прослеживании изменений в традициях установки конных памятников. В рамках исследования рассматривается ряд конных статуй, созданных во второй половине XX в., а также тенденции, проявившиеся в этот период при их создании.

В России конная скульптура появилась сравнительно поздно. Но это связано и с поздним появлением круглой скульптуры в стране вообще. Но интересно, что первым в нашей стране памятником является именно конный. Скульптором, создавшим монумент, изображающий императора на коне, был итальянский мастер, приглашенный Петром I, — Б. К. Расстрелли, а первым установленным в столице конным памятником стал «Медный всадник» Э. М. Фальконе.

Трудности, с которыми столкнулись скульпторы в процессе работы над памятниками, говорят об утрате традиций создания конной монументальной скульптуры. Ключевой проблемой является расположение монументов, что влияет на их восприятие и значимость. Существует множество исследований, посвященных организации пространства для памятников. Скульпторы предыдущих эпох успешно справлялись с этой задачей, особенно в случае конных монументов. При их установке долго подби-

ралось и утверждалось предполагаемое место, так как для статуи значительных размеров и значения требовалось соответствующее окружение; в противном случае она теряла многие свои достоинства. Примеры удачного расположения конных статуй можно найти как в России (памятники Петру I и Николаю I в Петербурге), так и в Европе (статуи Марка Аврелия и Гаттемалаты). Ярким примером является история расположения петербургского памятника Александру III, где заметно влияние выгодной точки расположения и правильное соотношение памятника и постамента. На сегодняшний день монумент находится во дворе Мраморного дворца, который оказывается слишком тесным для него и оставляет его без пьедестала, что негативно сказывается на восприятии.

Таким образом, правильное размещение памятников не только подчеркивает их значение, но и влияет на взаимодействие зрителей с ними, создавая необходимый контекст для их восприятия.

В советское время соотношение скульптуры и пространства претерпело значительные изменения. Но выбор места для установки памятника зависит от многих факторов. Не последнюю роль играет и политический фактор. Примером служит история выбора места для размещения памятника Г. К. Жукову у здания Государственного исторического музея. На то, что во второй половине XX в. нередко не учитывалось соотношение скульптуры и пространства, указывает невыгодное расположение памятника Багратиону в Москве.

Вторая проблема связана с технической работой над памятником. Когда искусство создания конных памятников только зарождалось в России, скульптор Э. М. Фальконе преодолел множество технических трудностей. На рубеже XX–XXI вв. проблема увеличения модели и отливки памятника в натуральную величину остается актуальной. Техническое совершенство памятников XVIII и XIX вв., их красота и гармония подчеркивают прискорбность ситуации, когда мастера-монументалисты XX в. не справляются с увеличением масштабов и правильным размещением памятников, что свидетельствует о постепенной утрате традиций создания конных монументов.

Сюжеты и герои рассмотренных памятников объединены схожей целью — прославить и утвердить героизм и славу того, кому они посвящены: князю Юрию Долгорукому — основателю Москвы, Багратиону и Кутузову — выдающимся военачальникам.

Чувство социальной ответственности, понимание задач, сосредоточение усилий на достижении результата, смелые подходы к градостроительным задачам и стремление гуманизировать городскую среду — все это характеризует общий подход художников-монументалистов. В то же время каждый памятник отражает индивидуальность автора, его пластические предпочтения и эмоциональный мир.

Проведенный анализ показывает, что период распада художественной системы и нехватка финансов не оказали значительного влияния на творческий потенциал монументалистов. Напротив, они смогли преодолеть трудности и использовать их как стимул для собственного роста, что подчеркивает их стойкость и важный вклад в развитие монументального искусства.

А. А. Семененко

**Аргумент миниатюрности лошадей
как критерий наличия колесницы в погребении
со следами повозки и его несостоятельность**

Заведующий лабораторией экспериментальной археологии научно-образовательного центра евразийских исследований и преподаватель Южно-Уральского государственного университета И. А. Семьян в видеолекции «Колесничный комплекс синташтинской культуры», подготовленной YouTube-каналом «Креативные индустрии Урала» и выложенной в открытый доступ 23 февраля 2022 г., утверждает, что низкий рост упряжных лошадей (высотой в холке 140–145 см) доказывает колесничный характер погребений с парными колесными ямками синташтинской археологической культуры, поскольку маленькие лошади неспособны нести всадника долгое время.

Верховые лошади ранних скифов из кургана Аржан-1 конца IX — начала VIII в. до н. э. имели высоту в холке 128–136 см (20 %), либо 136–144 см (80 %) и были среднего и ниже среднего роста, высокорослые особи вообще не представлены. В других скифских курганах лошади выше среднего роста (144–152 см) составляют 2 % (Берел), 7 % (Аржан-2) и 20 % (Большой Катандинский) от общего числа особей, но преобладают животные высотой в холке 120–128 см (Степушка-1/2 — 60 %), 128–136 см (Большой Катандинский — 20 %; Берел — 25 %; Ханкаринский Дол, Чинета-II, Инской Дол — 31 %; Степушка-1/2 — 40 %), либо 136–144 см (Большой Катандинский — 60 %; Ханкаринский Дол, Чинета-II, Инской Дол — 69 %; Берел — 73 %; Аржан-2 — 93 %). 14 верховых коней из кургана Аржан-2 конца VII в. до н. э. имели рост в холке 135–145 см (в среднем 139 см).

Жеребцы из некрополя сюнну Яломан-II на Алтае II в. до н. э. — I в. н. э. были ниже среднего (128–136 см), либо среднего (136–144 см) роста. Сюннские лошади из могильника Царам в Бурятии I в. н. э. — либо низкорослые с высотой 128–136 см

в холке (46 %), либо мелкие с высотой 120–128 см в холке (54 %), и только конь для оглобельной повозки имеет рост в холке 136–144 см.

Верховые лошади жителей Керченского полуострова второй половины IV — начала III в. до н. э. имели среднюю высоту в холке 136 см. Боевой верховой конь из Восточного некрополя Фанагории конца II — первой трети III в. н. э. имел высоту в холке 136 см.

Викинги, раннесредневековые германцы, балты и славяне ездили верхом на лошадях пони-класса. Рост в холке скаковых лошадей из могильника Заостровье-1 в Калининградской области составил 120–132 см, из других некрополей эстив Самбийского полуострова — 115–145 см, что соотносится с высотой вероятных потомков раннесредневековых лошадей — исландского (133 см) и польского пони (128–135 см) и фьордовой лошади (133–145 см). В Шоссейном могильнике (Натангия, Россия, V–VI вв. н. э.) рост в холке верховых лошадей составил 125–136 см и лишь у одной — 144–146 см, что соответствует размерам лошадей из погребений Прибалтики, Скандинавии и Германии I тыс. н. э.

Верховые лошади Рюрикова городища IX–X вв., Венгрии VI–X вв., Словакии VII–IX вв., Тувы VIII–IX вв., Саркела IX–XI вв., с Неревского раскопа Великого Новгорода X в. и Польши XI–XIII вв. были среднего роста (140,5–143,5 см).

Монголы и их союзники завоевали громадную территорию от Кореи до Венгрии верхом на лошадах ростом в холке 122–143 см. Средняя высота в холке южномонгольской лошади — 123–125 см, западномонгольской — 127 см, забайкальской — 135 см, бурятской — 138 см, башкирской и казахской (джабе) — 142 см, хакасской — 143 см. По другим данным, рост бурятской лошади в холке — 130–133 см, забайкальской — 135–140 см. При этом обычная монгольская лошадь может без особого напряжения проходить под всадником изо дня в день 70–80 км в сутки, а в однодневных переходах в состоянии преодолевать 100–120 км. При этом она практически не используется как тягловый скот, поскольку ее стараются ограждать от нагрузок. Высота в холке верховых лошадей Горного Алтая в среднем — 130 см.

То есть синташтинские лошади по своему росту, установленному по данным промеров костей из погребений (120–128 см — 2 % особей, 128–136 см — 27 %, 136–144 см — 64 %, 144–152 см — 7 %) не отличаются от малорослых верховых лошадей кочевых племен Евразии, боспорцев, германцев, славян, балтов и викингов и на этом основании не могут считаться колесничными — как и погребенные с ними повозки.

Е. Д. Сергеева

Fraeno rationis: семантика изображения мундштучного оголовья в европейском искусстве XVI в.

XVI столетие стало для Европы важнейшей вехой в истории конного дела: первые академии и первые трактаты положили начало классической выездке. Художественное осмысление практики верховой езды следовало за изменениями в ней самой: в 1531 г., после почти двадцатилетней работы над трудом, в свет вышла *Emblemata* Андреа Альчиати, а год спустя под руководством Федерико Гризоне была основана первая академия выездки в Неаполе. Складывается, таким образом, диада, в которой У. Лидтке видел ключевую проблему интерпретации конной иконографии Нового времени: современный зритель, как правило, не имеет двух навыков, которыми обладал зритель непосредственный, — знания эмблематики и навыка верховой езды.

Если второе кажется самым собой разумеющимся, то первое требует пояснений. Именно в эмблематике мундштучное оголовье — казалось бы, элемент упряжи, инструмент в руках наездника — начинает чаще употребляться как самостоятельный знак. Оно сразу становится выразителем главнейшей добродетели времени — чувства меры: в руках эмблематической Немезиды, призывавшей к сдержанности в любви, деле и войне, оголовье часто соседствовало с измерительным стержнем, а изображение удила и шпор указывало на баланс между рвением и терпением и сопутствовало еще античному девизу *Festina lente* («поспешай медленно»). Оголовье же становится непременным атрибутом аллегории Умеренности, в монументальном искусстве впервые появившись на фреске Рафаэля в Станца делла Сеньятура в Апостольском дворце Ватикана (1511).

Раз за разом мы видим именно такое использование этого символа — символа не наказания или сдерживания, как полагал Э. Панофский, но управления, разумного направления. На том же настаивают и трактаты по верховой езде, начиная с первого —

Gli ordini di cavalcare (1550), принадлежавшего перу уже упомянутого Гризоне: в нем удила сравниваются с рулем, *manico del timone*. Этот сугубо технический, в отличие от позднейших, трактат, все же невольно нес в себе и морализаторскую ноту (в некотором роде подобно христианскому пафосу средневековой *Ordene de chevalerie*, в которой шпоры становились символом добродетели и службы и коня, и его седока): методическое требование самообладания приобретало здесь и впоследствии характер этического. Гризоне подчеркивал, что недаром в латинском языке слово «лошадь» (*equus*) и «равномерный» (*aequus*) созвучны.

Техническое и метафорическое соединялось и, например, в так называемых *Bit-Books* («книгах удил») — небольшом малоизученном корпусе гравированных изданий, содержавших изображения различных мундштуков. П. Кунео видела в них одновременно и энциклопедические сводки, и компендиум мировоззренческих установок человека XVI в.: изображения с указаниями, какие удила необходимы были конкретной лошади, выражали веру в господство разума над эмоциями и технологии над природой.

Та же идея, только как бы перевернутая с ног на голову, звучит и в «трактате», посвященном гуманистическому личностному идеалу, — П Cortegiano Бальдассаре Кастильоне. Он, описывая идеального придворного, называл его «совершенным наездником», имея в виду, конечно, не одну лишь способность удержаться в седле. Умеренность, эта *summa virtutum*, олицетворением которой становилось оголовье, называлась Кастильоне важнейшей из добродетелей (наравне со справедливостью) — потому как не только была таковой сама по себе, но и являлась источником добродетелей прочих. И даже страсти, писал он, управляемые умеренностью, умножают добродетель — как не вспомнить, что олицетворением неконтролируемых страстей в платонической традиции являлась именно лошадь, символически направляемая теперь в руках и сердце просвещенного человека удилами разума и меры, *fraeno rationis*.

Таким образом, изображение мундштучного оголовья стояло с точки зрения смыслового наполнения на стыке практического и символического, эпохально — на стыке античной пара-

дигмы, в которой лошадь воспринималась как аллегория порока и страстей, и куртуазной, в которой лошадь становилась и мерилом, и истоком рыцарской добродетели. Семантика образа взнузданной лошади или даже отдельного изображения удил была напрямую созвучна техническим аспектам современной выездки и находилась с ними в активном диалоге; объединявшая их морализаторская нота, в свою очередь, впоследствии способствует установлению ключевой роли конного портрета в европейской системе репрезентации. Уже в XVII столетии, в том числе, в портретах Габсбургов кисти Веласкеса, разработанная формула выражения идеи умеренности как управленческой добродетели найдет свое законченное выражение: легко поднятая в леваду лошадь здесь не просто претензия на имперскую иконографию, но цельная аллегория — лошадь, одновременно обозначающая и личные страсти монарха, и ведомый им народ, направляется благоразумием властителя.

О. С. Смаголь

**Образ коня в декоре интерьеров замка Пандоне ди Венафро
и традиция иллюстрированного ветеринарного трактата
в Италии эпохи Возрождения**

Интерьеры кастелло Пандоне ди Венафро (Италия, Молизе) являются своеобразный живописный ансамбль, созданный в первой четверти XVI в. и представляющий внушительные, в полный рост изображения лошадей, выращенных некогда в этом владении и приобретенных впоследствии представителями знатных домов Италии и Европы. В докладе предлагается попытка определения уникальности и сути образной специфики «портретных» изображений животных, которые сопровождаются в каждом случае подробными сведениями о возрасте, цвете, кличке питомца. Это требует обращения к целому ряду проблем: 1) к общему вопросу о роли образа коня в искусстве Ренессанса в Италии; 2) к проблеме конкретного заказа; 3) к теме более практического характера, теме ветеринарного трактата по коневодству, его истоков (античных, византийских, итальянских), особенностей и, главное, его иллюстративной части (рисунок или схема). В фокусе внимания здесь оказываются обыкновенно сопровождающие текст иллюстрации таких памятников эпохи Кватроченто, как трактат «*Dei cavalli*» (Маэстро Бонифачо), созданного по феррарскому придворному заказу семейства д'Эсте в 30-е годы XV в.

Учитывается опыт исследования смежных тем в зарубежной историографии, в первую очередь подчеркивается важность недавно опубликованной монографии Джованни Баттиста Томассини об итальянской традиции коневодства и верховой езды, уже переведенной на английский язык (2014 г.). Привлекаются письменные источники периода (тексты Л. Б. Альберти), рисунки (А. Пизанелло, мастера его круга и предшественники).

Делаются выводы: 1) об общем соответствии анализируемого ансамбля художественным тенденциям эпохи и значимо-

сти образа коня и всадника в ренессансном искусстве; 2) о некоторой архаизированности изображений кастелло в Венаффо в свете тематически близких решений (фрески зала Лошадей в палаццо дель Те в Мантуе); 3) о возможной взаимосвязи образно-стилистических особенностей конских «портретов» в Венаффо с традицией ветеринарного трактата о лошадях. Последнее может подтверждаться двояко: с одной стороны, техническим фактором, с другой, художественно-стилистическим. В первом случае это правила и последовательность этапов процесса создания изображения (самого «портрета» коня и сопровождающего его комментария); во втором — отдельные особенности рисунка и композиции, демонстрирующие очевидные аналогии в двух группах изображений («интерьерном» и «книжном»). В целом, приводится заключение об уникальности выбранного памятника и недостаточной освещенности его проблематики в отечественной историографии последних десятилетий, что делает данное к нему обращение актуальным, своевременным и оправданным.

А. А. Смирнов, М. Н. Волков, А. Ю. Антонов

Мобилизация конского состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны

Во время Великой Отечественной войны отрасли народного хозяйства страны обеспечивали Красную армию не только автомобильной техникой, но и разнообразным транспортом на конной тяге. В чрезвычайных условиях военного времени были сформированы специальные мобилизационные фонды под названием: «Обороне — повозка с упряжью» и «Лошадь — Красной армии», в который колхозы и совхозы выделяли до 5 % своего лучшего конского поголовья.

В предвоенные годы организации таких фондов придавалось очень важное значение. Для каждого региона страны устанавливался план поставки лошадей в фонд, причем примерно 70 % лошадей должны были быть верховыми, 25 % — артиллерийскими и 5 % — обозными. В целом по стране в фонде находилось около полумиллиона лошадей, из них 60 % взрослых животных и 40 % молодых (от 1,5 до 3 лет). Лошади, занесенные в государственные племенные книги, зачислению в фонд не подлежали. На каждую лошадь фонда заводилась учетная карточка. В ней отражались все факты ее «биографии». Исключить лошадь из фонда без ведома начальника райвоенкомата было невозможно. Персональную ответственность за сохранность живой силы несли председатели колхозов и директора совхозов.

Время суровых испытаний доказало всю целесообразность организации специальных мобилизационных фондов отборного конского поголовья. Всего из народного хозяйства на фронт попало около трех миллионов лошадей. Их потребовалось бы еще больше, если бы благодаря четко организованной военно-ветеринарной службе не возвращалось в строй подавляющее большинство легко раненых и заболевших животных. Однако более миллиона безропотных тружеников войны погибло. Как известно, уже в 1942 г. лошадей пришлось закупать в Монголии.

В дальнейшем Монголия поставила в СССР около 500 тыс. лошадей. Фактически в 1943–1945 гг. каждая пятая лошадь на фронте была монгольской.

Общее руководство военно-ветеринарной службой осуществляло Ветеринарное управление Красной армии. В каждом из полков: кавалерийском, артиллерийском, стрелковом — были полковые ветеринарные лазареты. В кавалерийских подразделениях ветеринарные специалисты были в эскадронах и батареях, а также в полковых лазаретах. Первостепенной задачей войсковой ветеринарной службы были сбор раненых лошадей на поле боя, оказание им первой помощи и эвакуация в тыл.

Мобилизация конского состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны была проведена в масштабах всей нашей страны, затронула весь государственный механизм, все обеспечивающие подразделения и службы. Предпринятые чрезвычайные меры по использованию лошадей в Красной армии показали свою эффективность.

Г. Ю. Смирнова

Конь — лошадь — мерин
(сосуществование в истории, языке и тексте)

В народных традициях славян конь (лошадь) — одно из самых мифологизированных животных, воплощение связи с миром сверхъестественного, загробным миром, атрибут мифологических персонажей. Одновременна связь как с культом плодородия, так и с погребальным культом. Конь как волшебный помощник в сказках и проводник на тот свет. Несмотря на давнюю связь человека с лошадью, в текстах пословиц восприятие коня как недоброго существа: *Собака друг, а лошадь враг. Лошадь холь, корми, как сына, а берегись, как ворога (вора). Не ржуют дружи (кони), а лают.*

Конь vs лошадь. Слово *конь* — исконное общеславянское. Широкая употребительность в фольклорных и литературных текстах слова *конь*. Конь в малых жанрах русского фольклора: *Черный конь скачет в огонь (кочерга). Конь бежит, земля дрожит. Сыпь коню мешком, так не будешь ходить пешком. В худого коня корм тратить, что в худую кадушку лить.* Пословицы без экспликации слова *конь*: *Савраска да каурка — на два века. Чалый с ленцой, да с тягой. Удастся голубец, не надобен и дубец.* Значительное количество производных слов и фразеологизмов. Расширение значения слова *конь* как в литературном языке, так и в языковых сферах ограниченного употребления (диалектах, жаргонах).

Слово *лошадь* — тюркизм в русском языке. В остальных славянских языках отсутствие различий для обозначения коня (жеребца) и лошади (кобылы или родового наименования домашнего животного). Слово *лошадь* в текстах паремий: *Лошадь человеку крылья. Возит воду, возит и воеводу. Поповы дочери что голубые лошади: редкая удается. Калмыцкую лошадь один только калмык и переупрямит.* В памятниках письменности слова *конь* и *лошадь* как полные синонимы: «Крымским деи то-

таром потому изрон был невеликой, кое у них были лошади добры, и кормилися сами коньми же, которые мерли под турскими людьми» (Ст. сп. Новосильцева, 67, 1570 г.). Дифференциация слов *конь* и *лошадь* как существительного с родовым значением «домашнее непарнокопытное животное» в деловых текстах Московской Руси: «А грабежемь с мужа еѣ взяли кафтанишко серое худое да коженишко да *лошадь кабылу гнеду*» (Сл. Ворон. II, 70, 1704 г.); «По Иване Михайловиче Киндыреве <...> дал вкладу по ево Иванову приказу Федор Вельяминович вотчину ево <...> да живота: *коней и кобылиц 22 лошади*» (Вкл. кн. ТСМ, 129, 1577 г.). Толкование В. И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка *«Лошадь — вообще конь»*. Словарь русского языка XVIII века: «Конь — самец лошади; лошадь вообще».

Мерин vs конь. Слово мерин в значении «кастрированный жеребец» — заимствование из монгольских языков. Вероятность заимствования через тюркскоязычное посредство. Благодаря спокойному нраву использование меринов в разных сферах деятельности: «Мѣрена не токмо в военное, но и в мирное время с великою пользою употребляемы быть могут» (Кон. зав. (В) 155). По виду выполняемых работ названия мерина: *мерин пахотный, санный (санник), гонный*. Породность мерина часто сохранена в текстах: *мерин немецкий, волошский, черемисский*. «Семь рублей за сѣрый мерин немецкой косматой» (Кн. прих. расх. Соф. дома, 44, 1600 г.). Фиксация производных в Словаре русского языка XI–XVII вв.: *меринец, меринок* «молодой или небольшой мерин», а также уничижительное *меринишко*. В фольклорных текстах: *Конь горбат, да не мерину брат. Сняв с кобылки хомут, да на мерина прут. Кабы не кабы, стала бы кобыла меринком. Лысый мерин чрез ворота глядит (месяц). Фразеологизмы глуп, как сивый мерин; врет как (сивый) мерин*. Различные возможности толкований последнего фразеологизма. Обширное семантическое гнездо на слово *мерин* в Словаре русских народных говоров: *Мерин*, а, м. 1. Жеребец. Болог. Калинин., 1955. 2. Лошадь по третьему году. Яран. Киров., 1940. 3. Большая толстая лошадь. Петрозав. Олон., 1885–1898. Дон. 4. Тучный бык. Уржум. Вят., 1882. Олон. 5. О высоком толстом человеке. Чернояр. Астрах., Солосин. 6. О человеке с хорошим

аппетитом, обжоре. Пек., Осташк. Твер., 7. О лентяе. Олон., 1885–1898. Мещов. Калуж., Тул. 8. О скупом, злом человеке. Олон., 1885–1898. 9. О здоровом сильном человеке, который много работает. Болог. Калин., 1955. Тул. Полное отсутствие семантики, связанной с холощением. Вероятность влияния тюркских языков: одна лексема для обозначения коня / мерина или лошади / мерина. Словарь В. И. Даля: «Лошадь — вообще конь особ. не жеребец и не кобыла, мерин».

В современном русском языке и речи четкая семантическая дифференциация. Лексема *конь* «жеребец». Лексема *мерин* «кастрированный жеребец».

О. С. Советова

**Образ коня в наскальном искусстве
Минусинской котловины ***

В наскальном искусстве Минусинской котловины одним из популярнейших образов был конь. На протяжении эпох его изображали на скалах, гранях курганных камней, на плитах и на других каменных поверхностях древние, средневековые, а порой и современные нам художники. Это могли быть как одиночные фигуры коней, так и групповые, а также включенные в многофигурные сцены с антропоморфными и иными персонажами. Как правило, в таких композициях кони представлены под всадником и чаще всего в сценах охоты, батальных, а также рядом со своим спешившимся хозяином.

Самыми ранними изображениями были реалистичные доисторические кони, представленные на скалах Оглахты и Усть-Тубы. В эпоху бронзы этот образ предельно упрощается, как и остальные персонажи, и встречается в композициях с колесницами, а также в популярном сюжете «конь у мирового дерева / у коновязи» (Тепсей, Куня, Суханиха, Усть-Туба и другие памятники) и т. д. В эпоху раннего железного века (тагарская эпоха — VIII–III вв. до н. э., тесинское время — II в. до н. э. — II в. н. э.) конь становится одним из центральных образов наскальных сцен, когда наряду с простыми лошадаками, представленными в позе «внезапной остановки», характерной для изображений животных в тагарском искусстве, появляются кони потрясающей стати и красоты — с изящными корпусами, стройными ногами и гибкими шеями (Усть-Туба, Оглахты), а также кони с «разрисованными» корпусами — клеткой, продольными и поперечными линиями, со спиральными завитками на крупах, петле-

* Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РФФ по теме: «Неизученные страницы истории и культуры населения Южной Сибири II тыс. н. э. по материалам петроглифов» (проект № 23-28-00974).

образными («подвязанными») хвостами и т. д. (тесинское время, особенно на Оглахтах, а также на Куне, Тепсее). Эти кони вызывают особый исследовательский интерес: были ли они местных пород, либо привозными, поскольку из китайских хроник известно, что в Минусинскую котловину местной элите пригнали высокопородных «с кровавым потом коней».

В наскальном искусстве раннего железного века отдельный пласт изображений представляют «обычные» низкорослые лошади, выполненные силуэтно (когда выбивкой заполняется весь корпус животного), иногда в сценах так называемого «перехода в иной мир», с «проводником», сопровождающим этот табун (Тепсей, Оглахты), а также на двух памятниках — Оглахты и на Куне зафиксирован сюжет «Господин коней» с антропоморфным персонажем, держащим за поводья двух коней, выполненных в «клетчатом стиле». Остается открытым вопрос о такой орнаментации коней, что бы это могло означать? Если нашлось объяснение, отчего у них хвосты не пышные (то есть судя по изобразительным аналогиям — они подвязаны, заплетены в косы и т. п.), то вопрос с орнаментацией остается открытым. Конечно, особенно в тесинское время коней изображали в чрезвычайно разнообразных стилях — от упрощенного до поразительно реалистичного (Сулек, Тепсей, Лынищенская писаница, Суханиха, Куна и др.). Помимо этого, часть изображений имеет смешанные признаки различных существ и относится нами к «фантастическим» персонажам. В таких случаях у коней могут быть хвосты кошачьих хищников (Тепсей), наличие крылышек (Тепсей, Анашинская писаница, Абакано-Перевоз, Оглахты) и др.

В эпоху Средневековья хотя и происходит смена стиля, но коней продолжают изображать опять же в сценах охоты и сражений (Сулек, Усть-Туба и др.). Новый всплеск интереса к этому образу происходит в Новое и Новейшее время (XVIII–XX вв.), когда на скалах изображают породы местных лошадей — коренастых, с пышными хвостами. Особо выделяется серия изображений в урочище Кизань на Оглахтах, где лошади показаны, вероятно, определенной масти и с своеобразной раскраской (возможно, «в яблоках»). На некоторых из них расположены маленькие антропоморфные фигурки. Некоторые исследователи

полагают, что таким образом изображались «изыхи». Стилистически они близки некоторым коням с Усть-Тубы. Так называемые «этнографические» лошадки нередко включены в сюжетные композиции: например, на Тепсее есть сценка, в которой изображен подпоясанный всадник на коне в сопровождении собачки с закрученным хвостом. Помимо небольших низкорослых лошадок в это время изображали и коней других пород, возможно, местных скакунов.

Н. В. Соколова

**Лошади на конюшенном дворе
московского Донского монастыря
(по описям от 15 марта, 2 и 4 сентября, 20 декабря 1702 г.)**

Целью исследования было выявление черт общего и особенного при фиксации лошадей московского Донского монастыря в четырех описях, близких хронологически, но принципиально отличающихся по целеполаганию и задачам.

Опись I имеет титульный лист с названием: «Книги записные всякой конюшенной збруи при конюшем старце Филимоне нынешняго 1702-го году марта в 15 день», но содержит описание не только сбруи, но и лошадей. Она составлена при назначении нового «конюшего старца», то есть это документ монастырского, «внутреннего», учета. Опись имеет рукоприкладство: «К сим || конюшенным || книгам || конюшей || старец || монах Филимон руку приложил». Следовательно, несмотря на зачеркивания и маргиналии, — это подлинник.

В соответствии с распоряжением монастырских властей, пересказ которого дан в преамбуле, были описаны постройки конюшенного двора, затем поименно перечислены конюхи (8 человек). Далее следуют две группы записей о лошадях — в первой (под рубрикой «Да лошадей») их 8, во второй («Да надворных лошадей») — еще 14. Таким образом, первоначально Опись I содержала записи о 22 лошадях. Но, согласно тексту маргиналии, один конь «отдан вместо драгунской»; та же помета у записи мерина в перечне рабочих лошадей. Еще один мерин отослан в смоленскую вотчину. По тем же «Книгам...» в конюшне было 20 стойл, то есть количество лошадей по Описи I соответствует возможностям подмонастырского конюшенного хозяйства.

В описных книгах стольника И. А. Дашкова, который в 1702 г. работал в Донском монастыре в рамках общего описания церковно-монастырских вотчин и имущества, производив-

шегося по указу Петра I от 31 января 1701 г., информация о лошадях сосредоточена в главе 22 «Описание на конюшенном дворе лошадям и конской всякой збруи» (далее — Опись II). Известна дата осмотра лошадей переписчиком: «Декабря в 20 день стольник Иван Андреевич описал монастырской конюшенной двор...». Глава начинается с фиксации местоположения конюшенного двора, названы имеющиеся там хозяйственные постройки. Далее, без какого-то подзаголовка, следует описание семи мерин и, после рубрики «Работных лошадей», еще 12 лошадей (9 мерин и 3 коня). Таким образом, в декабре на конюшенном дворе при монастыре было также 19 лошадей.

Однако, несмотря на кажущуюся стабильность, здесь произошли некоторые изменения. Сопоставление текстов показало, что ряд записей из мартовских «Книг записных...» не находят соответствия в Описи II. Объяснение найдено в подборке документов за август-сентябрь 1702 г. «записной книги» Донского монастыря. Так, был скопирован наказ из Монастырского приказа за приписью дьяка Ивана Иванова патриаршему дворянину Никифору Степанову сыну Рагозину, которому предписывалось, в соответствии с царским указом от 22 августа, ехать в монастыри для отбора лошадей «под драгун». 2 сентября он в Донском монастыре «взял под драгун указное число десять лошадей». Отобранные им лошади были отправлены в Монастырский приказ с монастырским слугой, который вез сопроводительное письмо Рагозина, содержавшее и роспись этих лошадей (Опись III). В Москве смотр лошадям производил глава приказа боярин И. А. Мусин-Пушкин, отбраковавший ровно половину. На основе привезенной из Донского монастыря описи были сформированы два списка, по пять лошадей в каждом (Описи IIIа и IIIб). 7 сентября состоялся смотр принятых Мусиным-Пушкиным лошадей боярином Т. Н. Стрешневым, которым признаны негодными «под драгун» еще две. Замена их 16 сентября («теми лошедьми ездит намесник да за ним слуга») была, по-видимому, для монастыря уже самой крайней мерой. «Принятые лошади запятняны» и, уже как государственные «драгунские», «присланы на корм в Донской монастырь» (с наказом «а ездить на них не велено»).

В этом событийном контексте следует рассматривать Описание IV, которая была приложена к «скаске» монастырских властей от 4 сентября. Характеристики лошадей, оставшихся в Донском монастыре после отбора Рагозина, здесь самые подробные из всех описей 1702 г. В частности, как элемент формуляра присутствует «возраст». Самым старым из тех, у кого он действительно указан (а не формула «леты срослы»), оказался 15-летний мерин («а тою лошадью ездит казначей»).

При определении масти составителями описей использовано 18 терминов, общеупотребительных односложных или составных (светло сер, темно сер, светло бур, рыж пег, карий пег). Обязательным элементом формуляра была «грива» (перекинутая на правую или на левую сторону, вся или «с отметом»). Примеры краткого варианта записи: «Конь голуб, грива налево», «Пара карих, гривы порознь с отметами», «Мерин саврас, грива направо». Однако в отдельных случаях дополнительно указаны возраст, особые приметы или физические изъяны лошади: «Мерин рыж, десяти лет, во лбу звезда, грива направо с отметом», «Мерин рыж, лыс, грива направо», «Конь гнед, грива налево, во лбу беленько, задняя нога по щетку бела», «Мерин булан, грива налево, правое ухо порото, левой глаз вышиблен, леты срослы».

И. Р. Соколовский

**От конских книг к конским переписям:
пролегомены к социальной истории русской лошади
от XVII века к 1917 году**

Изучение истории русской лошади никогда не начинается с методологии. Люди, которые занимаются этим вопросом, больше любят лошадей, чем отвлеченные теории. Автор тезисов целиком разделяет их подход, но считает, что такого рода ограничение повергает исследования вопроса в пучину эмпиризма и не дает возможности осмыслить процесс целиком, вписать его в рамки глобальных изменений. Поэтому со своей стороны автор хотел бы поставить ряд методологических вопросов относительно роли русской лошади в русской социальной истории.

По нашему мнению, следует поддержать традиционно сложившуюся периодизацию истории русской лошади и выделить несколько отчетливых хронологических периодов: период до XVIII в., вторая половина XVIII в., XIX в., первая половина XX в. Во второй половине XX в. лошадь утрачивает свое военное значение, уменьшается ее значение как тягловой силы и, постепенно, ситуация эволюционирует к текущему состоянию.

Совершенно очевидно, что будучи основной тягловой силой прежде всего на транспорте и в сельском хозяйстве (а также иногда в горной промышленности и пр.) лошадь не могла существовать как чисто биологический объект, а эволюционировала в социальном контексте. Нам кажется, что совершенно обоснованно рассматривать лошадь до начала первой четверти XVIII в. в контексте самобытного развития России. В следующий период учитывать складывание новых социальных отношений, возникших в результате преобразований Петра, а после периода 1830–1861 гг. — в контексте складывания в России элементов «капиталистических» отношений. Технологическая революция за тридцатилетний срок вытеснила лошадь из основных областей, которые она занимала в течении столетий.

Верно и другое: будучи объектом социальных преобразований, лошадь лучше, чем многое другое отражала текущую социальную ситуацию и ее изменения. Вопросы эксплуатации лошадей и воспроизводства конского поголовья становились тем «зеркалом», в котором отражались социальные перемены. В качестве предварительного наброска, который должен очертить границы проблемного поля социальной истории лошади, мы хотели бы отметить следующие положения.

1. До начала петровских реформ конское дело и конская торговля в России носит «ориентальный» характер, ориентируясь на естественные центры воспроизводства поголовья лошадей и имеющуюся традиционную культуру.

2. Петровские реформы вестернизируют русскую лошадь и этот процесс идет гораздо более медленно и сложно, чем все другие сопутствующие процессы. Более того, он тесно связан с процессом территориального расширения с одной стороны и рационализацией всех областей сельского хозяйства с другой.

3. В результате этих усилий конское дело приобретает свою классическую форму, половинчатость и ограниченность которой становятся хорошо видны на рубеже XIX и XX столетий. Общий кризис европеизационного проекта хорошо виден и в конском вопросе.

4. На наш взгляд, тема довольно хорошо обеспечена источниками и подвергается многолетней разработке в отечественной историографии. Существует ряд зарубежных работ, которые позволяют вписать историю русской лошади в широкий международный контекст. Все это дает надежду на переход от событийного изучения конского дела и конской торговли в России к изучению понятийному.

М. В. Соловейчик

Использование лошадей в служебной деятельности милиции на начальном этапе существования Советского государства в 1918–1922 гг.

Постоянное внимание органов государственной власти к созданию конных подразделений правоохранительной направленности всегда было связано с важностью выполняемых ими задач. Интерес к указанному виду деятельности и необходимость практического применения в современности повлек рождение конной полиции в нашей стране на современном этапе. Она способна эффективно осуществлять правоохранительные функции при проведении массовых мероприятий, а конные патрули являются самой эффективной мерой по охране общественного порядка в лесных массивах и парках многих регионов нашей страны.

На сегодняшний момент существует определенное количество исторических исследований, в которых отражены проблемы становления и деятельности российской конной милиции в первые годы существования Советского государства. В многочисленных научных работах, посвященных истории правоохранительных органов, можно найти упоминания о данном виде подразделений милиции.

Данные исследования отмечают, что к осени 1917 г. после свержения Временного правительства началась реорганизация всей государственной, а, следовательно, и правоохранительной системы в стране. 26 января 1918 г. на состоявшемся в Смольном совещании было принято решение сформировать конную милицию в качестве оперативного резерва Красной армии. В указанный период конные отряды являлись наиболее мобильным подразделением правоохранительно-военного блока, поэтому их применяли в ситуациях, когда требовалась оперативность и быстрота действий при пресечении противоправных деяний, которых в годы Гражданской войны было значительное

количество. В различных территориальных образованиях Советского государства организовывался конный резерв сотрудников милиции, который должен был действовать самостоятельно при чрезвычайных обстоятельствах. Также конные милиционеры часто привлекались для борьбы с бандформированиями или поминки дезертиров.

10 июня 1920 г. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР было утверждено «Положение о рабоче-крестьянской милиции», в соответствии с которым конные отряды милиции могли принимать участие в боевых действиях в качестве военных частей. Таким образом, данное подразделение рассматривалось как вооруженные части особого назначения, которые могли бы привлекаться к участию в боевых действиях. Так, Главное управление милиции РСФСР 8 мая 1920 г. приняло решение о сформировании из сотрудников милиции двух кавалерийских полков и направления последних на фронт. Например, в мае 1920 г. Управление псковской губернской милиции отправило на фронт 50 всадников.

На территории нашей страны расстояния между населенными пунктами значительны, поэтому лошади были единственным способом организовать правоохранительную работу на местах. По своей основной правоохранительной деятельности конная милиция осуществляла ночное патрулирование улиц различных населенных пунктов, боролась с незаконной уличной торговлей.

В 1922 г. с началом мирного строительства после завершения Гражданской войны начинает уделяться значительное внимание подбору милицейских кадров. Принимается инструкция для проверки знаний и определения пригодности сотрудников к милицейской службе. С этого времени у сотрудников конных подразделений милиции началось планомерное обучение. Занятия должны были проводиться ежедневно кроме праздничных дней со всеми свободными от нарядов сотрудниками милиции. Они продолжались от четырех до пяти часов в день. Руководители подразделений должны были вести книгу учета посещаемости лекций милиционерами, где отмечали все пропуски и причины отсутствия.

В то время, как отмечается рядом источников, люди фактически не отдыхали. Свободные от дежурства сотрудники конной

милиции могли быть задействованы на различных экстренных вызовах по пресечению противоправных посягательств. Руководители подразделений ежедневно высылали в распоряжение отделений милиции конных сотрудников для наблюдения за рынками и иными местами скопления граждан. При их помощи облавы проводились не менее двух раз в неделю, а все задержанные доставлялись в ближайшие районные отделения милиции. В 1922 г. для борьбы с незаконной уличной торговлей выделялось значительное количество нарядов. Такое положение сильно выматывало личный состав, в результате чего служебная дисциплина неоднократно нарушалась не только рядовыми милиционерами, но их непосредственными начальниками, которые совершали различные нарушения.

Помимо участия в облавах и несения обязательной службы по охране порядка на улицах городов конная милиция могла привлекаться для выполнения различных разовых поручений. Например, в Петрограде она была задействована для охраны общественного порядка во время праздничных гуляний на Елагином острове и Комендантском аэродроме, во время встречи делегации Конгресса Коминтерна, для охраны складов «Старой Баварии» и «Калинкина». Милиция предоставляла лошадей для запряжки в катафалки и обеспечивала почетный эскорт во время проведения похорон своих сотрудников.

Отряды конной милиции находились на казарменном положении. В казарме при отряде проживали 65 человек, в общезимитии «для семейных» — 35. Следует отметить, что в отличие от конной полиции царской России, в составе которой имелся отдельный штат конюхов для ухода за лошадьми, советские милиционеры сами чистили своих коней и убирали за ними. Порядок в конюшнях и правила обращения с конским составом регламентировались различными наставлениями.

Подведя итог кратким тезисам об использовании лошадей в служебной деятельности милиции начального этапа становления Советского государства, следует отметить следующее:

— в годы Гражданской войны конные отряды являлись наиболее мобильной частью в составе милиции, поэтому их применение было связано с ситуациями, где требовались опера-

тивность и быстрота действий не только в правоохранительной, но и в военной деятельности;

— конная милиция являлась частью кадрового состава милиции Советского государства, ее сотрудники проходили обучение наряду с остальными;

— опыт деятельности конной милиции молодого Советского государства учитывается нашими современниками и используется в ряде субъектов Российской Федерации при создании конных подразделений полиции.

*Н. Н. Спасская, А. Р. Канторович, В. Е. Маслов, В. Р. Эрлих,
О. И. Фризен, А. В. Шишлов, Н. В. Федоренко,
А. В. Колпакова, И. И. Марченко, Н. Ю. Лимберис,
А. Б. Белинский*

**Лошади для погребальных обрядов на Северном Кавказе
раннего железного века:
сакральный или хозяйственный подход? ***

У населения Северного Кавказа в раннем железном веке — как пришлого, к которому относят скифов, так и автохтонного (кобанцы, меоты и др.), — зафиксированы ритуальные погребения лошадей. Впервые проведен анализ половозрастного состава этих животных из семи археологических памятников Северного Кавказа: бескурганного могильника Владимирский, оставленного керкетами-торетами (конец VII — начало V в. до н. э.); меотских бескурганных могильников городища Спорное (IV в. до н. э. — III в. до н. э.) и Дукмасов-2 (IV–II вв. до н. э.); скифских курганных могильников Новозаведенное-II (вторая половина VII — начало VI в. до н. э.) и Новозаведенное-III (конец V — IV в. до н. э.); бескурганных могильников кобанской культуры Гастон Уота (VII–IV вв. до н. э.) и Уллу (конец VI — середина V в. до н. э.). Результаты анализа материала из меотских памятников следует рассматривать как предварительные, так как раскопки могильника Дукмасов-2 еще не завершены, а в отношении могильника городища Спорное некоторые определения индивидуальных возрастов лошадей могут быть уточнены.

Остатки лошадей были представлены полными скелетами, «шкурами» (черепа с дистальными частями конечностей), отдельными черепами и частями туш. Они находились в собственно могильных камерах, подбоях и каменных ящиках в качестве

* Работа Н. Н. Спасской, А. Р. Канторовича, В. Е. Маслова, В. Р. Эрлиха поддержана научным проектом РФФ № 22-18-00108 «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл».

сопровождения погребенного и в виде напутственной (заупокойной) пищи; на ритуальных площадках (в том числе под насыпью кургана) и во рвах курганов как остатки тризн.

Минимальное количество особей в погребениях определяли на основании сопоставления видов костей, их парности, возрастной и половой принадлежности. Пол определяли в основном по наличию клыков и по форме тазовых костей (в редких случаях при их полной сохранности); отличить мерина от жеребца из-за степени сохранности материала было нельзя. Индивидуальный возраст определяли несколькими способами: по степени прорезания и стертости резцов и щечных зубов, по высоте коронки щечных зубов; по степени прирастания эпифизов костей посткраниального скелета. Такой подход был оправдан для разрозненного и/или перемешанного из-за тафономических причин и в ходе извлечения и хранения материала. Для сопоставления данных, полученных разными методами, использовали не абсолютный возраст, а возрастные категории. При анализе учитывали местонахождение остатков лошадей в памятнике.

Во всех исследованных могильниках независимо от этнической принадлежности населения, их оставившего были идентифицированы остатки самцов (чаще в могильных камерах). Именно жеребцы (и/или мерины) как более сильные и выносливые использовались для верховой езды, что, вероятно, было закреплено и народными традициями, аналогии которых можно найти в современных этнографических материалах. В дальнейшем личный конь (конь «главного седла») сопровождает усопшего в иной мир.

При сравнении исследуемых могильников обращает внимание отсутствие остатков лошадей возраста до 1 года (единственное исключение зафиксировано в могильнике городища Спорный) и старше 20 лет. Доля животных 1–3 лет составляет 30–44 % в могильниках Дукмасов-2 (в основном они найдены в скоплениях костей, интерпретируемых как ритуальные комплексы) и Новозаведенное-III (чаще это фрагменты посткраниального скелета в могильных ямах, относимые к напутственной пище). Вообще остатки молодых животных (1–5 лет) в значительном количестве присутствуют в могильниках Владимирский и Гастон Уота (81,3–88 % от всех выявленных животных), в мо-

гильнике Дукмасов-2 (61,5 %), хотя в остальных памятниках эта возрастная категория составляет не более 33 %. Лошади нескольких возрастных групп старше 5 лет есть только в могильниках Новозаведенное-II, Новозаведенное-III и Уллу (81–89, 40–92, 66,7–84,6 %, соответственно, в зависимости от метода определения возраста). Возрастные животные (15–20 лет) единично присутствуют в Гастон Уота и не зарегистрированы в могильниках городища Спорное и Дукмасов-2.

Таким образом, выявлено, что керкеты-тореты, меоты и кобанцы использовали в погребальных обрядах более молодых лошадей, а скифы — более взрослых. Кобанский могильник Уллу, который по инвентарю демонстрирует значительное скифское влияние, оказывается схожим со скифскими курганами и по составу лошадей.

Причины сдвига возрастного спектра в могильниках, оставленных разными археологическими культурами, могут быть обусловлены как какими-то религиозными воззрениями, так и практическими причинами. Можно предположить, что там, где чаще использовали половозрелых животных, их ценность были ниже из-за большого поголовья, и, напротив — при небольшой численности лошадей таких животных предпочитали оставлять для воспроизводства.

Н. Н. Спасская, О. С. Лебедева, Е. В. Торопова, К. Г. Самойлов

**Стоматологические проблемы у лошадей
из средневековых слоев Старой Руссы
(предварительные результаты) ***

В результате многолетних археологических работ на раскопе Пятницкий-I, проводимых в историческом центре Старой Руссы на площади около 170 м², были изучены культурные напластования мощностью до 6,1 м. Прекрасная сохранность органических материалов, характерная для средневековых слоев Старой Руссы, позволила собрать значительные коллекции индивидуальных находок и массового материала, а также привязать их к стратиграфическим горизонтам, датированных XI–XV вв. (по дендрохронологической шкале).

По итогам работ на Пятницком-I раскопе на территории средневековой городской усадьбы, получившей условное наименование «А», была собрана большая коллекция костей животных, исследуемая по методической схеме, разработанной в Институте археологии РАН. Остеологическая коллекция характеризуется хорошей сохранностью костных фрагментов, 3–4 балла по пятибалльной шкале. По зафиксированным на костных фрагментах следам искусственного воздействия можно говорить, что мы имеем дело преимущественно с кухонными остатками. Однако в пластах 8–20, датируемых концом 1240-х — 1420-ми годами, встречены крупные фрагменты краниального и посткраниального скелета и скопления отдельных костей лошадей (*Equus ferus caballus*). Особый интерес представляет выраженное скопление таких остатков (в том числе 14 краниальных частей черепа) в пластах 16–18, относящихся к первой половине 1270 — середине 1290-х годов. Никаких следов разделки туш на

* Работа Н. Н. Спасской и О. С. Лебедевой поддержана научным проектом 23-ШО2-20 Междисциплинарных научно-образовательных школ Московского университета.

мясо не зафиксировано. На части костей хорошо видны следы, оставленные зубами собак, что свидетельствует о доступности костей и отсутствии специальной санитарной утилизации павших животных или их крупных фрагментов.

В данном исследовании представлены результаты анализа 22 краниальных частей черепа и 21 нижней челюсти, в том числе 3 комплектных черепа (всего 40 особей). Из них 25 принадлежали жеребцам, а 5 — кобылам. Для 13 экземпляров пол установить не представлялось возможным. Индивидуальный возраст животных на момент смерти определялся по стертости резцов, в случае отсутствия резцовой части — экспертной оценкой по состоянию швов краниальной части черепа, общей стертости жевательной поверхности щечных зубов. В результате распределение по возрастным категориям было следующим: 1–3 года — 1 особь; 5–10 лет — 8; 10–15 лет — 14; 15–20 лет — 15; старше 20 — 2. Таким образом, 55,5 % животных относилось к наиболее работоспособному возрасту (5–15 лет). Почти для 74 % исследованных особей отмечены рабочие патологии на первых премолярах и диастеме, что указывает на использование животных в качестве ездовых, вероятно, в основном для рабочих повседневных задач.

У 40 % исследованных животных был выявлен кариес в цементе на жевательной поверхности щечных зубов (в подавляющем большинстве случаев), а также несколько случаев периферического (с буккальной стороны). Кариес в большей степени был развит у 10–15-летних (64,3 % особей этой возрастной группы).

Неравномерное стирание щечных зубов отмечено у 15 % особей, в основном у 15–20-летних, но также по одному случаю у 5–10-летних, 10–15-летних и в группе 20+. У 15–20-летних наблюдались межзубные диастемы (12,5 % всех исследованных особей или 30 % особей этой возрастной группы), которые в 3 случаях вызвали воспалительные процессы в кости. Прижизненная утрата одного из щечных зубов была отмечена у одной особи из категории 15–20 лет. Ямкообразное значительное стирание щечных зубов (в основном моляров) есть у 27,5 % животных, также в большинстве случаев у 15–20-летних (у 60 % особей этого возраста), но отмечено единично у 10–15-летних и

в категории 20+. Поперечная стертость моляров (в большинстве случаев) отмечена у 27,5 % особей в возрасте 5–20 лет.

Остеопороз верхне- и нижнечелюстных костей отмечен у 17,5 % животных, в большинстве случаев у 15–20-летних (30 % особей этой категории).

В связи с тем, что археозоологическая коллекция из раскопа Пятницкий-I еще не полностью обработана, на данный момент можно сделать только некоторые предварительные выводы. В исследуемый период второй половины XIII — начала XV в. лошади имели довольно короткую жизнь: 22,5 % животных пали в возрасте до 10 лет и только у единичных особей продолжительность жизни превысила 20 лет. Отмеченные патологии зубной системы указывают на стойловое содержание животных, отсутствие полноценного питания в течение года, несбалансированность потребляемых кормов и интенсивную эксплуатацию.

И. Д. Ткаченко

**Чепрак, тебенек или покрывка на круп?
Седельные комплексы в традиционной культуре
кочевников Сибири**

Верховой конь для кочевников Сибири является важной культурной доминантой на протяжении веков — начиная с середины I тыс. до н. э., со скифского времени, и до этнографической современности (конец XIX — XX вв.).

В русскоязычной научной литературе, в первую очередь, этнографической, исторически сложилась определенная терминология для описания седельного комплекса рассматриваемых народов; эта терминология закономерным образом перекочевала в учетно-хранительскую документацию различных музеев. Настоящее сообщение имеет своей целью обратить внимание коллег на отличия якутского седельного комплекса от комплексов народов Южной Сибири и Центральной Азии и на некоторую путаницу в системе терминов, возникающую в связи с этим.

Седельный комплекс состоит из седла со стременами и седельного комплекта. В свою очередь седельный комплект (седельный набор) в наиболее полном варианте включает в себя потник, чепрак, тебеньки, нагрудный и подфейный ремни, в отдельных случаях покрывку на круп, различные попоны и покрывала. У разных народов перечисленные элементы бытовали в разных комбинациях. Темой предлагаемого сообщения являются чепрак, тебеньки и покрывка на круп.

Этимологические словари русского языка термин *чепрак*, *чапрак* относят к заимствованию из турецкого языка: *tschâprâk* (А. Д. Михельсон), *çaprak* (А. Н. Чудинов, М. Попов, М. Фасмер и др.). Есть два основных значения: 1) участок кожи, взятый с хребтовой части животного, отличающийся наибольшей плотностью, толщиной и прочностью; 2) подстилка под седло, как кожаная (чаще всего изготовленная из чепрачной кожи), так и текстильная. Этот термин прочно вошел в русский язык и стал общеупотребительным.

В словарях В. И. Даля и Э. К. Пекарского кроме общего значения подстилки под седло указывается еще одно значение термина *чепрак*, *чапрак*. В Восточной Сибири — это пристегнутый к задней луке седла кожаный лоскут, при этом для подстилки под седло также используется слово *кичим* (Даль). У якутов *чапырāk*, *чаппырāk*, *чапрāk*, *чаппарак* — часть чепрака, лежащая на крестце к хвосту. Пекарский также приводит термин *кычым* в значении кожаные лопасти по бокам седла, иногда украшенные узорами боковые части вышитого чепрака. Автор словаря сравнивает этот термин с сагайским (хакасским) *кеџим*, алтайским *кәјим*, монгольским *киџим*, и русско-сибирским *кычим*, обозначающими чепрак.

Кроме якутов часть седельного набора, прикрепляемая к седлу сзади и располагающаяся на крупе коня, бытовала у хакасов и в меньшей степени у прибайкальских бурят, весь седельный комплекс которых имеет множественные аналогии с комплексом хакасов. У хакасов *чапрах* — задний трапециевидный чепрак, кладущийся на круп лошади (В. Я. Бутанаев).

Тебеньки — небольшие округлые или трапециевидные лопасти, изготавливаются из кожи, войлока или текстиля. К седлу подвешиваются на пряжках, прибиваются к полкам ленчика между луками либо два тебенька, соединенные ремнями, перекидываются через седло под седельной подушкой. В любом случае главная функция тебенька — защита ноги всадника от трения стремянным ремнем. Бок лошади от трения этим ремнем защищен чепраком. Для тебеньков у тюркоязычных народов используются термины *тепсе* <тув.> (С. И. Вайнштейн), *типсэ* <хак.> (В. Я. Бутанаев).

В русскоязычной научной и научно-популярной литературе две большие трапециевидные лопасти в седельном комплекте якутов также называются *тебеньками*. Однако, строго говоря, это не совсем корректно. Указанные элементы являются парными, соединяются между собой двумя ремнями и перекидываются по бокам лошади под седлом, то есть выполняют роль чепрака. Скорее всего, именно эту деталь Э. К. Пекарский имел в виду в своем Словаре якутского языка, называя ее *кычым*, используя, впрочем, в определении термины и *тебеньки*, и *чепрак*. Отсутствие специальных исследований именно якутского седельного

комплекса, где была бы детально проработана терминология, вероятно, и породило ту путаницу, которая наблюдается в литературе и музейной документации, когда на русском языке *чепрак* называют *тебеньками*. Этому способствует и общая трапециевидная форма обоих элементов седельного комплекта.

Следует обратить внимание, что собственно *тебеньки*, защищающие ногу всадника от трения стремянным ремнем, на якутском седле отсутствуют, так как путлища укрепляются у основания передней луки и располагаются перед ногой всадника, совершенно ее не натирая. Это особенность именно традиционного якутского седла. Надо отметить, что даже на современных фабричных седлах, изготавливаемых на основе русского казачьего седла с металлическими луками и с тебеньками, якуты подвешивают стремяна к передней луке.

Якутское седло очень архаичное по своему внешнему виду, оно большое и тяжелое. Однако и якутская порода лошадей отличается особым экстерьером, особи некрупные, широкие и массивные, к зиме обрастают шерстью с густым подшерстком, неторопливые и чрезвычайно выносливые. Ближайшие аналогии якутскому седлу (если не учитывать материалы из погребений XVIII–XIX вв., исследованных на территории Якутии) — находки XIII–XIV вв. из Южной Сибири и Северной Монголии.

По самым разным источникам хорошо прослеживаются южносибирские корни якутской культуры. Выйдя с территории севера Центральной Азии и Южной Сибири несколькими волнами в XIII–XIV вв., предки якутов сохранили седельный комплект в очень архаичном виде. Массивные и тяжелые традиционные деревянные седла практически вышли из употребления, иногда их используют на праздниках.

Таким образом, седельный комплект снаряжения верхового коня у якутов имеет южносибирские корни, состоит из седла *ынгыр*, чепрака *кычым* в виде двух трапециевидных полотнищ и покрышки на круп *чапыра́к*. Аналогичные термины *кичím* для чепрака и *чапрах* для покрышки на круп используются в хакасском языке. Подобное сходство элементов и терминов, их обозначающих, свидетельствует о близких контактах предков якутов и хакасов в прошлом.

С. Н. Ткаченко

**Значение лошади в борьбе за Крым
(на примере Керченско-Феодосийской десантной операции
и действий Крымского фронта в 1942 г.)**

Боевые действия в восточной части Крымского полуострова с конца декабря 1941-го по май 1942 г. связаны с двумя событиями — с Керченско-Феодосийской морской десантной операцией и деятельностью Крымского фронта. Эти стратегические по масштабам действия характерны массовым применением конского состава в специфических условиях.

При десанте и боях на плацдарме в конце декабря 1941-го — конце января 1942 г. постоянно использовались лошади. Во-первых, именно они были основной тягловой силой в горно-стрелковых подразделениях и частях (на плацдарме в начале 1942 г. сражалось несколько горных формирований — две дивизии и один отдельный полк, позже — еще одна дивизия); во-вторых, в условиях крымской зимы с непостоянной погодой и сложностями по перевозкам из-за состояния грунта лошадь была хоть каким-то решением проблемы; в-третьих, именно копытные стали важным подспорьем при переброске горюче-смазочных материалов от портов в освобожденные районы Крыма. По замерзшему Керченскому проливу прошли прежде всего люди и лошади. По ледовой переправе было переброшено в Крым 96 618 человек личного состава, 23 903 лошади, 6513 автомашин, 46 тракторов и 8222 повозки. Но кони также гибли, бывали ранеными и больными, терялись без вести — как и военнослужащие. За период с 15 по 21 января только в 44-й армии было потеряно 1957 лошадей.

На Крымском фронте, который действовал с конца января по середину мая 1942 г., в боевых частях и подразделениях для обеспечения их деятельности также массово применялись лошади (учитывая, что до 20 апреля этому фронту подчинялась Приморская армия и Севастопольский оборонительный район). На-

пример, по состоянию на 20 февраля 1942 г. в четырех армиях и отдельных соединениях фронта насчитывалось по факту 49 517 лошадей. Только в составе четырех стрелковых и горнострелковой дивизии 44-й армии в это время насчитывалось 14 925 лошадей, в 51-й армии — 27 929 (на конец января), в 47-й армии — 6371 (на конец января), в Приморской армии в Севастополе — 5652 лошадей (также на конец января). Несомненно, большая часть конского состава была в тыловых частях, подразделениях и структурах. Но, например, на конной тяге было и несколько артиллерийских полков. На Крымфронте имелись и сугубо кавалерийские соединения, прежде всего, 72-я кавалерийская дивизия. Это соединение было сформировано в Краснодаре в 1941 г. преимущественно из числа кубанцев и во многом состояло из казаков. В преддверии майских боев дивизия насчитывала 3619 человек и 3754 головы конского состава. После начала наступления немецко-румынских войск кавдивизия в течение десяти дней не выходила из боев, подвергаясь атакам противника как на земле, так и с воздуха. Кавалеристы-кубанцы не поддались всеобщей панике, как в большинстве частей и соединений Крымского фронта. Подразделения дивизии участвовали в последних боях в Керчи до 18 мая, а затем были эвакуированы на Таманский полуостров. Но при эвакуации кавалеристам пришлось оставить на керченских переправах лошадей. Для казаков это было настоящей трагедией. В Севастополе находилась 40-я кавалерийская дивизия, на конец января она насчитывала 1159 человек и 1111 лошадей. В ходе тяжелых оборонительных боев она потеряла и личный, и конный состав и 25 марта 1942 г. была расформирована.

В период подготовки к наступлению было потеряно 842 лошади на весь фронт, за период интенсивных боев в феврале потеряно 294 лошади в частях двух армий, во второй половине марта (самом напряженном месяце) на весь фронт — 1272 лошади. Вместе с тем следует отметить, что подвоз фуража на Керченский полуостров за весну 1942 г. не обеспечивал фактическую потребность и гибель копытных от недоедания также имела место.

Тем не менее, именно в апреле 1942 г. исходя из боевого опыта Крымфронта и других фронтов был сделан вывод, что

конница по-прежнему остается одним из важных родов войск Красной армии. Это вполне логично, учитывая слабую оснащенность автотехникой и низкие тяговые возможности советских соединений и частей в первый период Великой Отечественной войны.

А. У. Токтабай

Конноспортивные игры казахов

У казахов насчитывается более 40 видов конных игр. Такие игры как скачки, «жорга» (бег иноходцев), «кокпар» (козлодрание), «кыз куу» (погоня за девушкой) должны проводиться на открытой местности. К ним можно добавить 22 вида военизированных игр: седлание лошади, «аударыспак» (свалить соперника с коня), перетягивание ремня и т. д. Есть также ритуальные игры — получение подарка, «табак тарту» (раздача блюд сидя на коне) и игры хозяйственные — «аркан», «бугалык» (обуздать), метание лассо.

Большинство конных игр записаны из уст народа. Множество игр зафиксировано в ходе экспедиций по Казахстану, сведения о них получены также от зарубежных казахов. Собранные материалы сопоставлены с письменными источниками.

«Кокпар» и «байга» — самые увлекательные развлечения, ценимые степной публикой выше других увеселений и игр, связанных с лошадьми. «Байга» — это соревнование лошадей, а «кокпар», точнее «кокпар тарту» (козлодрание) — высший пилотаж наездничества, когда человек, став одним целым с конем, демонстрирует свою ловкость и силу.

Зарубежные авторы XVII–XIX вв., впервые ставшие зрителями кокпара, видели не только силу и отвагу участников игры, но и восхищались их горделивым духом. А болельщиков, особенно молодежь, охватывала решимость, страстное желание стать смелыми и дерзкими. Давно доказано, что слово «кокпар» происходит от словосочетания «қөк бөрі» (синий волк). А. Калиулы пишет: «Наш современный кокпар родился из необходимости боевых навыков, имевших в прежние времена социальное значение. “Волчья дружина Дербеса” во времена тюркских каганов была группой батыров, отобранных в результате таких упражнений. Говоря современным языком, ее можно назвать гвардией. Этот способ воспитания армейцев постепенно перерос

в конноспортивную игру “кокпар тарту” или просто кокпар, окрасившись в тона народного развлечения».

Казахи с малых лет учат детей премудростям кокпара. В 5–10-летнем возрасте мальчики верхом на телятах играют в кокпар, раздирая бараньи и козлиные шкуры. Это называется «тулақ тарту» (раздирание сухой шкуры); можно сказать, что это ранняя стадия кокпара. В зависимости от раздираемой туши кокпар подразделяется на виды: «лақ көкпар» (кокпар с козленком), «серке кокпар» (кокпар с козлом), «тана көкпар» (кокпар с телкой). По количеству участников, а также условиям игры различают «мәре көкпар» (финишный кокпар): два игрока из двух групп должны отвезти тушу козла на свой установленный финиш; «алып қашпай көкпар» (умыкающий кокпар): надо завладеть тушей и увезти ее так, чтобы остальные не догнали; «айналма көкпар» (круговой кокпар): необходимо отвезти отнятую тушу в условленное место. Кокпар делится на два вида и по возрастным категориям: «үлкен көкпар» (для взрослых) и «бала көкпар» (для школьников). Для ясности следует отметить, что словом «кокпар» в игре называется сама туша, за овладение которой идет борьба.

В кокпаре участвуют сильные и ловкие джигиты, летом они готовят лошадей, а осенью вступают в игру. Кокпаршы, по словам информаторов, делятся на тех, кто кладет тушу под шенкеля (такымгер), и тех, кто попеременно держит тушу то с правой, то с левой стороны седла. У синьцзянских казахов встречаются случаи участия в кокпаре девушек.

Встречается древняя игра «мүше шабу» или «мүше тарту» (скачки подарка или получение подарка). К гуляющим конным девушкам и молодежи подъезжают джигиты и просят подарок. Джигит называет имя снохи избранной им девушки, либо имя самой девушки. И та, чье имя было произнесено, гонится за джигитом. «Мүше» — это подарок, который джигит получает от девушки. В игре «қыз қашар» две породнившиеся через детей стороны спорят из-за девушки. Женщина со стороны девушки сидит, держа девушку в объятиях. Ее обнимает сзади другая женщина и так выстраивается целая цепь женщин. Сторона жениха тянет девушку за пояс, при недостатке сил тянут с помощью лошади.

Игра «камшы тарту» (бросание камчи) происходит так. На земле вычерчивается линия, участники игры отъезжают на несколько сотен метров и оттуда скачут к цели. Условие: на всем скаку всадник должен бросить камчу так, чтобы та попала в черту. «Салма» — один из видов состязаний, в нем участвуют группы по три человека. Сначала участники оговаривают условия соревнования — выбирают оружие, на котором будут драться: дубинка, палица, камча и т. д. Состязание происходит на конях, проигравшие постепенно выбывают, пока не останется последний — победитель.

Игра «кыз куу» (погоня за девушкой) иногда называется «кыз кашар» («бегство девушки»). Она считается одной из самых увлекательных и озорных забав. Европейцы, впервые лицезревшие эту игру, назвали ее «волк-девка» и писали о ней как об экзотическом явлении: «Наездница должна доскакать до поставленного в известном направлении столба, джигиты должны помешать ей в этом, последние охватывают ее полукругом, пытаются сбить с должного направления, заскакивают ей навстречу, одним словом, начинается по степи такая оживленная дикая скачка, что в ней взывается вся отвага, вся ловкость и лихость отчаянных наездников. Если ее поймут, прежде чем она доскакала до повторного столба <...> одежда на ней летит клочками, ее теребят, тащат с лошади, целуют, обнимают, пока не вызовут у ней крики покорности».

В игре «кайыс тарту» (перетягивание юфти) берут прочную сыромятину и связывают ее концы «күрмеу» (специальный узел, которым привязывают скотину; обладает прочностью, но развязывается одним движением руки – вытягиванием одного конца), получается круг. Затем два всадника, вцепившись в юфть и припав к боку лошади, начинают ее тянуть каждый к себе. При этом оба бросают поводья и не управляют лошадь. Если кто-нибудь из них начинает одолевать соперника, тот быстро ныряет под сыромятный круг и силой туловища выправляет ситуацию. По-настоящему сильные мужчины постепенно прибирают сыромятину к рукам и не дают сопернику спуска. Эта игра направлена на испытание именно силы рук. Современная юфть не годится для такого состязания, рвется.

Раздача угощения на блюдах, сидя на коне, — очень редко исполняемое развлечение, требующее сноровки и смелости. Множество юрт, установленных для приехавших на большой ас гостей, растягиваются на несколько километров. Чтобы обслужить такое количество людей, требовались конные «официанты» — расторопные джигиты на иноходцах или других лошадях с легким ходом. Это была уже не игра, а насущная потребность, но была она одноименна с игрой «табақ тарту» (раздача блюд с мясом). Более виртуозный вариант конного обслуживания — стоя на коне и опираясь ногами в закинутые на седло крест-накрест стремена, под раззадоривающие крики окружения: «О, молодец, мой джигит!» За такой номер полагалось вознаграждение и оно не заставляло ждать: получив свое блюдо, именитый гость награждал подарком артистичного наездника.

Конные игры приобщают человека к лику живой природы, дают возможность нравственного и физического совершенствования, содействуют сближению людей различных наций и народностей. Казахские конные игры не ограничиваются 6–7 играми, которые популярны сегодня. В книгах автора настоящей публикации «История казахской лошади» (2010) и «Конный мир казахов» (2022) описано более 40 конных игр.

И. О. Тюменцев

Царские табуны в 1608–1609 гг. *

В России XVI–XVII вв. частных конных заводов для кавалерии не было. Отчасти функции конезаводов выполняли «царские табуны», где готовился конный состав для церемоний царских выездов и походов, встречи и проводов послов, для царских свадеб и т. д., все остальные лошади продавались дворянам и детям боярским. В реконструированном нами Русском архиве Яна Сапеги 1608–1611 гг. удалось обнаружить четыре документа о судьбе царских табунов в 1608 г.

Ведал Царскими табунами Конюший приказ, который возглавлял второй в российской управленческой иерархии человек «боярин и конюший». Должность давно трансформировалась в титул, поэтому развитием царского коневодства занимались главным образом дьяки, а конкретными делами ведали конюшие приказчики. Отсутствие главы Конюшего приказа в царствование явилось причиной обращения конюших приказчиков непосредственно к царю.

Самым ранним документом архива Яна Сапеги является отписка конюшего приказчика Наума Лягасова к Лжедмитрию II, из которой следует, что царские табуны осенью 1608 г. оказались в Костромском уезде. Табуны хотели отогнать в тыл подальше от тушинцев, но «воры» их захватили. Конюший приказчик Н. Лягасов обратился к Лжедмитрию II за разрешением перевести царский табун с выпаса на стойловое содержание. Именем Лжедмитрия II чиновники Конюшенного приказа поручили приказчику перегнать «государевых лошадей» из Костромского уезда в Юрьевский и поставить их на стойловое содержание. Лягасов, как видно из его письма царю, табун

* Доклад подготовлен по теме НИР «Казачество в цивилизационном освоении Россий южного фронта» в соответствии с Государственным заданием ЮНЦ РАН на 2024 г. (00-234-15, № 124012200178-4, направление ПФНИ 6.1.2.8).

перегнал и собрал с «посопных сел» сено и овес на корм лошадям, но его оказалось явно недостаточно. Он дипломатично умолчал, что запасы сена и овса разграблены наемниками, их слугами-пахоликами и казаками и попросил изыскать недостающий лошадям корм.

Приказчик государевой Шебаршинской кобыличей конюшни Н. Федоров был менее дипломатичен, перегнав царский табун в Ростовский уезд. Он прямо говорит, что дефицит кормов возник из-за того, что паны взяли себе села и деревни в приставства, послали туда пахоликов для сбора «кормов» себе и грамот Лжедмитрия II «не слушаются» и требуют письменных распоряжений своих гетманов, то есть не только «гетмана» кн. Р. Н. Ружинского и «полковника» Я. П. Сапеги (население Замосковных и Поморских городов по факту воспринимало его за второго гетмана). Если Лягасов сокрушался, что недостаточно корма и нет соломы коням «на постелю», то здесь уже речь шла о голоде среди лошадей и опасности их гибели.

Особый интерес представляет третий документ — это отрывок описания стада кобылиц, несколько лет назад обнаруженный шведским историком Э. Лёфстранд. Возможно, это описание кобылиц Можайской Шебаршинской конюшни. Согласно этому описанию, приказчики выделяли только ногайскую породу лошадей, всех остальных различали лишь по масти.

Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге о дозволении казакам перегнать табун в село Вышгород, как видно из ее содержания, позволила сохранить лошадей. Однако будущее табуна не обещало ничего хорошего, поэтому царик приказал стремянному конюху Петру Антыкову оставить лучших коней и кобылиц (примерно 200 голов) на развод, а остальных продать.

В условиях подъема второй волны земского движения против тушинцев сделать это было весьма проблематично. Мало того, что Верхнее Поволжье стало полем битвы в братоубийственной войне, наемники, узнав о решении Сейма 1609 г. начать войну с Россией, стремились любой ценой получить заслуженное и вернуться в Речь Посполитую. На этом и решили сыграть дьяки Конюшего приказа. Они заявили, будто деньги от продажи табуна пойдут на жалование наемникам. Этот пассаж мог бы сработать осенью 1608 г., когда после разгрома правительствен-

ных войск тушинцы фактически стали хозяевами всей страны, за исключением Москвы и нескольких главных городов страны. В условиях глубокого кризиса движения самозванца и неудач в борьбе с земским движением, каждый был за себя и стремился любой ценой обогатиться.

С 1609 г. царские табуны в источниках не упоминаются. Вряд ли это результат массового падежа лошадей. Иноземцы непременно написали бы об этом в своих письмах, дневниках и мемуарах. Вероятнее всего, богатые царские табуны были ими разграблены в счет «долгов» Лжедмитрия II, как это произошло с дворцовыми селами. Правда, подтверждения этой гипотезы в письмах и записках иностранцев мы пока не нашли.

Т. П. Урожаева

**Возрождение конного спорта в Иркутске
в конце XX — начале XXI в.**

25 мая 2020 г. Иркутскому ипподрому исполнилось 120 лет. Ипподром, кажется, благополучно пережил все потрясения, выпавшие на его долю и долю всей страны за прошедшее столетие. Общество конезаводчиков, распавшееся в ходе революции и Гражданской войны, в 1920-е годы возродилось, пусть и в виде государственной Иркутской заводской конюшни. В послевоенное время сформировалась группа квалифицированных наездников, соревнования проводились регулярно. В 1980-е годы это было большое предприятие: коллектив 80 чел., машинно-тракторный парк, 150 голов лошадей, — вспоминала главный зоотехник Л. Плотникова. Ну а бега и скачки проходили каждую субботу.

В 1990-х годах, когда закрывались даже индустриальные гиганты, работа ипподрома была приостановлена всего на два года. Не раз стоял вопрос о его закрытии. Но ипподром не просто выжил, а смог достойно встретить свой 100-летний юбилей. После многих лет запустения в 1999 г. здесь снова шла работа. Отлично провели беговой сезон 1998 г. и подтвердили свой профессиональный уровень новыми победами.

В программе грандиозного праздника, посвященного 100-летию Иркутского ипподрома, который состоялся 20 августа 2000 г., были призовые конноспортивные соревнования с участием лучших конников и лошадей Иркутской и Читинской областей, Республик Бурятия и Хакасия, Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

Летом 2001 г. по согласованию с Федерацией конного спорта РФ были проведены зональные соревнования конников Восточной Сибири и Дальнего Востока. Более того, начиная с 2001 г. на иркутском ипподроме стал проводиться ежегодный откры-

тый турнир лучших конников области, округа и соседних регионов на приз губернатора Иркутской области.

В 2003 г. беговую дорожку реконструировали, а рядом построили еще одну конюшню, склады и открытые загоны для лошадей. Начало сентября 2003 г. для иркутского ипподрома стало особым временем: впервые за долгие годы на нем разыграли приз губернатора. И хотя приз больше символический, тем не менее, был сделан первый, пусть небольшой, но конкретный шаг к возрождению былого величия конного спорта.

В сентябре 2004 г. в Приангарье прошел фестиваль конного спорта. На ипподроме состоялось такое мероприятие, как выводка лошадей всех пород, представленных на территории Иркутской области. Зрелище было впечатляющее, когда перед зрителями проводили чистопородных красавцев, таких как английский чистокровный воронок Рэп, занявший второе место, или победитель этих соревнований Лэйк-Плесид тракененских кровей.

В конце сентября — начале октября 2005 г. прошел II Областной конный фестиваль. В нем приняли участие около 100 спортсменов и любителей верховой езды из различных клубов Прибайкалья. Праздник открыли соревнования по выездке — высшей школе верховой езды. В завершение фестиваля на ипподроме состоялись скачки, посвященные закрытию 105-го сезона.

В октябре 2006 г. в Иркутске завершился III Областной фестиваль конного спорта. Его организаторами, как и раньше, стала областная федерация конного спорта совместно с Фондом Тихомировых и Иркутским ипподромом.

Конный спорт в Иркутске развивался вопреки обстоятельствам. Самая главная проблема — отсутствие в областном центре инфраструктуры для содержания лошадей, обучения конному спорту и проведения соревнований высокого уровня. О. Малимонова считает, что климат в Сибири очень жесткий, а необходимая нагрузка для лошади при любой погоде составляет два часа. Поэтому был желателен еще и крытый манеж.

Вторая проблема — отсутствие специалистов по уходу за лошадьми. По пальцам одной руки можно пересчитать ветеринаров, ковалей, специалистов по объездке, мастеров-наездников.

О. Тихомирова полагает, что мировые стандарты содержания лошадей и требования к специалистам поменялись, за ними могли уследить не все, ведь конный спорт в стране в течение трех десятилетий переживал упадок.

В апреле 2014 г. Иркутский ипподром был готов принять первый этап юных участников открытого городского первенства по манежной езде и конкуру среди детей на пони и лошадях. В соревнованиях приняли участие все конноспортивные центры и клубы Иркутска, Братска, Саянска, Усть-Илимска, Усолья-Сибирского, а также гости из Красноярска и Бурятии, всего около 70 спортсменов в возрасте от 7 до 16 лет. В 2013 г. на первом этапе было проведено до 135 стартов.

В сентябре 2018 г. в Иркутске состоялись III конноспортивные соревнования на Кубок мэра Иркутска. В мероприятии приняли участие лучшие коннозаводчики и спортсмены Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края. Всего на соревнованиях было представлено 59 лошадей в скачках и 30 в соревнованиях по конкуру. Победителям III конноспортивных соревнований на Кубок мэра Иркутска вручили кубки, дипломы и денежные награды. Призовой фонд составил 1 млн руб.

На ипподроме проводились межрегиональные соревнования, сюда приезжали спортсмены со всего Сибирского федерального округа. Занятия вела детская конноспортивная секция, развивалось такое направление, как реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья при помощи иппотерапии. Во многом ипподром спасло то, что горожане любили благородных непарнокопытных. А возрождение коневодства считали возрождением самого Иркутска, его духовных корней.

И. М. Федина

Лошади в историко-культурном пространстве черноморских (кубанских) казаков

Самым главным домашним животным у черноморских (кубанских) казаков являлась лошадь, как они приговаривали: «Казак без коня — что костер без огня». Черноморцы разводили в своих хозяйствах на Кубани частично скот черноморской породы, пришедший с ними из далеких районов Забужья, а частично выращивали скот адыгской породы, лучше приспособленной к местным условиям. Особенно хорошо соответствовала ландшафту и климату Северо-Западного Кавказа черноморская порода лошадей, полученная черноморскими казаками от скрещивания адыгской лошади с лошадьми, приведенными из Запорожья. Именно черноморская порода лошадей приобрела большую известность и имела устойчивый спрос на русских и иностранных рынках. Во время франко-прусской войны 1870 г. практически вся немецкая артиллерия обслуживалась с помощью лошадей черноморской породы. Коневодство с таким удачным выбором породы превратилось у черноморских казаков в одну из процветающих отраслей местного хозяйства. Из Черномории лошади поставлялись для пополнения конского состава полков русской регулярной артиллерии и даже продавались различным горским народам. По своим природным качествам черноморская лошадь могла свободно соперничать с известными закубанскими породами лошадей, в частности, она оказалась вполне сравнима со знаменитой кабардинской породой лошадей, весьма распространенной у адыгов и получившей известность во всех районах Северного Кавказа.

Лошади, наряду с овцами, занимали обширные пастбища на просторах западного Предкавказья. Среди кубанских конезаводчиков следует отметить полковников Бурсака и Скакуна, казака Серомина, горцев Атлексинова, Беслинеева, Карданова, Лиева.

Выращиваемые в их хозяйствах скакуны были известны далеко за пределами Кубани.

Лошадей обычно делили на три группы: рабочие лошади, выездные лошади, лошади для продажи (если хуторянин занимался их разведением). Но особой когортой у казаков всегда считались боевые кони, которых изначально готовили для воинской службы, и в этой системе подготовки имеется немало своих премудростей. Казаки очень берегли лошадей, скажем, боевого коня старались не портить иной упряжью, кроме боевого седла с принадлежностями. Коней стремились использовать по большей мере на легких хозяйственных работах. Лошадей применяли также в транспортных целях. Только состоятельные казаки-хуторяне, имевшие несколько лошадей, могли себе позволить делить лошадей на вышеуказанные группы: одни — для воинской службы, другие — для транспортных экипажей, третьи — для хозяйственных работ, а уж каких-то лошадей и продавали. Поэтому у состоятельных хуторян содержалось несколько косяков лошадей, чтобы отобрать животных для нужных целей. Скажем, в экономии «Хуторок» (5 хуторов) барона Р. В. Штейнгеля на 1 октября 1898 г. содержалось 424 рабочих и гулевых лошадей.

О замечательных качествах черноморской породы лошадей неоднократно и довольно много писали известные кубанские исследователи и краеведы. Вместе с тем, как правомерно подчеркивал И. Д. Попко, в отношении своенравного характера этой лошади у казаков сложилась красноречивая поговорка: «Киньску голову знайди, и ту зануздай». Лошади всегда хорошо ценились на местных рынках, и не только. Покупали лошадей для различных целей. Так, к концу 1850-х годов на Кубани «за подъемную» (рабочую, выючную, обозную. — *И. Ф.*) лошадь покупатели давали до 40 руб., а «за ремонтную» лошадь (сменную лошадь в казачьих частях, в случае необходимого пополнения конского состава боевых подразделений. — *И. Ф.*) платили до 80 руб., а иногда и дороже. Причем местные конезаводчики содержали лошадей и иных пород.

В многочисленных песнях кубанских казаков конь очень часто упоминается исключительно как верный друг казака-воина, он искренне, с любовью называется «ветроногим»: так в

народном фольклоре воспевается его быстрота, непременно подчеркивается выносливость лошади и привязанность коня к казаку-хозяину. О своевременной подготовке конского состава для насущных нужд воинской службы заботились войсковые власти. Следует отметить, что к концу XIX в. главным поставщиком строевых лошадей для боевых подразделений Кубанского казачьего войска выступает частное табунное коневодство хуторского типа, которому оказывалась весьма существенная поддержка. Кроме того, войсковая администрация поддерживала развитие подворного коневодства. Войско даже целевым образом оплачивало частным владельцам лошадей проезд (прогоны) при поездках за общественными производителями для сохранения породы.

С. В. Филатова

**«Все в округе помнили ее...,
носящейся во весь опор по полям»:
Лошади в сфере интересов женщины
дворянской среды в XIX — начале XX в.
(по материалам Пензенского края)**

Представление о времяпрепровождении русской дворянки в сознании обывателя чаще всего ассоциируется с нежными романтическими образами. Это барышня на балу в окружении галантных кавалеров или чинно прогуливающаяся по аллее. Если речь идет о домашних занятиях, то образ визуализируется с картинками семейной беседы, светского вечера, занятий чтением или музыкой. В целом такие представления вполне соответствовали действительности.

Например, С. А. Бахметева, муза и супруга поэта А. К. Толстого, обладала традиционными женскими талантами и достоинствами. По воспоминаниям современников, она «пела, <...> как ангел», отличалась «симпатичным» и музыкальным голосом (согласно другой характеристике — «золотым»). В то же время к личностным характеристикам нашей героини следует отнести такие качества, как отвага и азарт. Выросшая вместе с тремя братьями в усадьбе в с. Смольково Саранского уезда Пензенской губернии, Софья Андреевна имела некоторые маскулинные интересы. Так, «она ездила на охоту верхом по-мужски, на казачком седле, и охотилась как самый заправский и опытный доезжачий. Все в округе помнили ее с ногойкой в руках, с ружьем за плечами, носящейся во весь опор по полям».

Обучение верховой езде начиналось в дворянской среде в детстве. В этой связи уместно привести отрывок из воспоминаний Л. М. Жемчужникова, проживавшего в 1862–1870 гг. в дедовском имении Аршуковка Чембарского уезда Пензенской губернии: «Моя девятилетняя дочь Лена нередко сопровождала меня верхом в моих прогулках по полям и смело прыгала через

препятствия. С этого времени в ней зародилась любовь к благородному животному и она сделалась неутомимой наездницей».

Необходимость подобных навыков, особенно в условиях сельской жизни, была обусловлена в первую очередь практическими соображениями. Так, вся предшествующая эпоха — это история борьбы и выживания. Служилое дворянство, которому были пожалованы земли в «Диком поле», не имело возможности лично заниматься ведением хозяйства на данных территориях. Очень часто мужчины поручали данную деятельность своим вторым половинам, особенно если те были в достаточной степени активными, смелыми и амбициозными. Такая дворянка нередко лично объезжала свои владения, чтобы контролировать крестьянские работы. Жизнь в приграничных районах также требовала от женщины готовности реагировать на, например, набеги кочевников и в таком случае владение искусством верховой езды являлось суровой необходимостью.

В дальнейшем практическая мотивация стала подкрепляться нормами светского этикета. Это было связано прежде всего с петровскими преобразованиями и последующими затем царствованиями плеяды блистательных императриц. Роль и место женщины в обществе существенно изменилась. Участие в публичных мероприятиях требовало демонстрации определенных талантов и умений, к числу которых относилась и верховая езда. Так, отличной наездницей была Екатерина II, на охоте она могла скакать несколько дней без усталости. Охотой увлекались также ее предшественницы — Анна Иоанновна и Елизавета Петровна.

Провинциальные дворянки постепенно перенимали придворные порядки и обычаи, тем более, что такие занятия имели и реальную пользу. Верховая езда — это действенное средство общего укрепления организма. При регулярных занятиях ею тренируются мышцы бедер, голеней, спины и живота — сейчас мы называем это «ленивый фитнес». В сырую погоду езда на лошади заменяла моцион, в палящий зной также верховая прогулка в тенистой рощице являлась полезной и приятной.

Наконец, интерес к лошадям мог быть обусловлен личностными пристрастиями и увлечениями. Имеются сведения об интересе прекрасных дам к конному спорту и коневодству. Например, А. С. Гевлич регулярно посещала бега: ей принадлежал

Атаман завода Миндовского, один из лучших рысаков Пензенской губернии в начале XX в. По воспоминаниям А. П. Кузнецова, дама прекрасно разбиралась в лошадях, к тому же отлично рисовала их и карандашом, и масляными красками.

Тот же автор в своих мемуарах повествует о другой пензенской помещице, занимающейся коневодством, — Н. Н. Устиновой. Кузнецов обратился к указанной даме с просьбой о случке ее знаменитого жеребца-производителя с его кобылой. Предприятие Устиновой, основанное в 1893 г. в их имении в с. Грабовка Мокшанского уезда Пензенской губернии, произвело на молодого купца замечательное впечатление: это была «громадная каменная конюшня», содержащаяся в чистоте и порядке. Хозяйка конного завода лично руководила заводом и вникала во все нюансы.

Подводя итог вышесказанному мы отмечаем, что интерес к лошадям в большинстве случаев присутствовал в повседневной жизни дворянки XIX — первой половины XX в. Это могли быть поездки по хозяйственным нуждам, занятия охотой, верховые прогулки, увлечение конным спортом, бизнес, художественное творчество. Мотивацией здесь служили практические потребности, нормы светской жизни, а также личные вкусы и предпочтения.

И. А. Фомина

**К вопросу об интерпретации образа лошади
в искусстве и культуре Возрождения:
сюжетные и концептуальные аспекты интерпретации
рисунка Якопо Беллини «Похищение Фавна»**

Конь является главным спутником человека на протяжении всей многовековой истории. Свидетельства тому сохранились в мировой культуре начиная с наскальной живописи. Особое значение конь приобретает в античном мире, где его символами становятся красота, грациозность, мощь и завораживающее стремительное движение. В античной культуре его удивительная сила в сочетании с выносливостью становятся символом порядка, а необузданная мощь и неукротимый нрав олицетворяются с природной стихией. Так, одной из зооморфных ипостасей Посейдона являлся конь, необузданную мощь которого античные сказители и мастера связывали с инстинктивными побуждениями человеческой природы (страстью и желаниями). В то же время созидательная сила коня соотносилась в искусстве и литературе с образом Пегаса, символизировавшего творческое вдохновение.

В рамках литературной и изобразительной традиций на протяжении разных эпох неоднократно появляется образ коня, запряженного в колесницу. Она становится главным атрибутом богов древнего эпоса (колесница Гелиоса), упоминается в поэзии Гомера: «<...> тучегонитель Кронион <...> впряг в колесницу коней медноногих, / Бич захватил золотой и на блещущей стал колеснице <...>» В то же время ее делают значимой частью обрядовых и погребальных ритуалов: «Быстрые конники, верные друзья мои, мирмидонцы! <...> Мы на конях, в колесницах, приблизимся все и оплачем друга Патрокла: почтим подобающей мертвого честью». Кроме того, образ колесницы используют в качестве символа героизации и прославления знатных родов. В более поздние времена наблюдается снижение ее

величественности до ристаний, которые предназначались в качестве зрелищ для широкой публики. Этот образ использовался не только в античной пластике (скульптуре и рельефах), но и в предметах повседневного быта от ваз до камней и монет. Символ колесницы становится традиционной частью философской мысли античности от Парменида до Боеция, постепенно перерастая в дискурс о бытии и душе. Так, один из великих мыслителей, Платон, представляет душу в образе колесницы и впоследствии неоднократно обращается к нему в своем творчестве. С одной стороны, философ отождествляет душу с человеческим телом, подаренным ей демиургом вместо колесницы. С другой стороны, колесница становится метафорой души, уподобленной мыслителем: «<...> соединенной силе крылатой парной упряжи и возничего <...>».

Значимость этого образа полностью утрачивается в эпоху Средневековья и возвращается в искусство и культуру с началом Кватроченто метафорическим символом Души. Мастерами XV в. он многократно воспроизводится в различных произведениях искусства от мелкой пластики до украшения фамильных усыпальниц. В частности, в надгробном памятнике кардинала португальского (1461–1466 гг., церковь Сан Миньято аль Монте, Флоренция), в скульптурном бюсте «Юный философ», приписываемом Донателло, в виде медальона на груди ученого (1470 г., Национальный музей Барджелло, Флоренция), а также в предметах малой скульптурной пластики, одним из которых является бронзовая плакетка «Эрос на колеснице» неизвестного мастера XV в. из флорентийского музея Барджелло (около 1450 г., Национальный музей Барджелло, Флоренция).

Особый интерес представляет взгляд античных мыслителей на качества человеческой души, сопряженной с природой коня. Среди творений ренессансных мастеров заслуживает внимания рисунок Якопо Беллини «Похищение Фавна». Автор этой работы, на наш взгляд, перенимает традицию античных мыслителей. В прочтении венецианского мастера в образе Пегаса, лишённого крыльев, волею художника воплощается метущаяся душа, низведенная с божественных высот античности на грешную землю.

В то же время в белиниевском образе коня прослеживается намек на величественную колесницу, символ триумфа антично-

го мира. Белый конь в рисунке Якопо является победоносным символом своей эпохи, возрождающей античные идеалы, которые обретают новые смыслы и получают новое прочтение и новых героев. Ими становятся кондотьеры от Гвидориччо да Фольяно до Джона Хоквуда и Гаттамелата, ставшие «воплощением нового идеального типа человека» эпохи Кватроченто. Ренессансный победитель наполняется коннотациями отличительных качеств: ум, воля, достоинство, мужества, слава. Ренессансный образ коня становится таким же символом эпохи, как колесница в античном мире.

А. А. Хлевов

**Конь в культуре Северной Европы I тыс. н. э.:
общее и особенное**

Цивилизация Северной Европы складывалась на основе преимущественно индоевропейской культурной традиции, носителями которой были главные акторы этого региона — племена протогерманцев и германцев. Традиционное повышенное внимание, которое все индоевропейцы проявляли к теме лошадей, к использованию лошади в повседневной жизни, на войне, в культовых практиках, без сомнения, имело глубокие генетические корни, уходящие в эпоху появления индоевропейцев. Наиболее обоснованная, на наш взгляд, «курганная гипотеза» связывает происхождение индоевропейцев со степями Северного Причерноморья, Нижней Волги и Предуралья и прочно ассоциирует их с высокоразвитым коневодством уже на самых ранних этапах этнической истории. Видимо, наиболее типологически, этнически и хронологически близкой к культуре ранних германцев может выступать культурная традиция кельтов гальштатского и латенского времени, для которых были характерны весьма показательные захоронения с использованием коней и повозок, а у западных кельтов зафиксирован чрезвычайно популярный культ покровительницы коневодства Эпоны.

Германцы, по сообщениям античных авторов, также придавали лошадям особое значение, рассматривая всадничество как атрибут высокого социального статуса и отводя лошадям важную роль в мантических и погребальных практиках. Собственно, именно на этой почве формируется образ средневекового рыцаря, что блестяще и подробно проиллюстрировано в монографии Ф. Кардини «Истоки средневекового рыцарства». Однако Северная Европа к середине первого тысячелетия достаточно обособилась от континентальной традиции, чтобы говорить о специфически скандинавском варианте развития отношений в системе «человек-конь». Основные ее характеристики таковы.

Конь выступает как священное животное с высоким статусом. Он является непременным атрибутом формирующегося культа Одина, сменяющего на этом месте Тора. Восьминогий жеребец Одина Слейпнир — частый герой изображений на поминальных камнях, средство доставки не только Одина, но и павших эйнхериев в Вальхаллу. При этом не происходит, например, табуирования убийства коня — он продолжает оставаться важнейшим пищевым животным, обеспечивая критически важную долю рациона. Вместе с этим, конина становится сакральным продуктом: ее поедание — своеобразная присяга Одину и подтверждение верности язычеству: есть или не есть конину — один из самых жестких вопросов дискуссии традиционалистов и неофитов-христиан.

В «Саге об Инглингах» присутствует ряд упоминаний особой привязанности конунгов из этого, имевшего сакральное происхождение, рода к коням и коневодству. Излишне упоминать, что конь оставался при этом исключительно важным хозяйственным животным.

Разумеется, широчайшее распространение носит практика ритуального жертвоприношения и погребения вместе с воином коней (находки в Венделе, Вальсърде и ряде других мест, описание Ибн-Фадлана и пр.), как правило такие погребения парные.

В некоторых регионах, в частности, в Центральной Швеции, в вендельский период (VI–VIII вв.) появляются не слишком большие, но конные дружины, что надежно фиксируется как находками предметов конской упряжи и экипировки, так и малой пластикой, содержащей весьма информативные изображения всадников. Самое любопытное здесь то, что эти всадники в конкретном регионе и в конкретное время с военно-технической и тактической точек зрения были совершенно излишни и, очевидно, использовали коня лишь как средство транспортировки и индикатор статуса.

Существенно то, что региональные особенности североевропейских пород лошадей ограничивали их применение именно как полноценного боевого средства, однако не делали его невозможным вовсе.

Стоит отметить и тот факт, что главной причиной прекращения массовых набегов викингов на Британские острова и За-

падную Европу стало распространение кавалерии в армиях Запада. Противопоставить ей в бою, как показали сражения при Стэмфордбридже и Гастингсе, можно было только сопоставимую по численности и столь же эффективную кавалерию. Транспортировка тысяч лошадей через море оказалась слишком затратным и рискованным занятием, поэтому походы прекратились. В то же время, переброска ограниченных контингентов всадников и их лошадей по Балтике была вполне возможна, что продлило экспансию в тех же формах на восточном направлении минимум на два столетия.

М. И. Хуснутдинов

Состояние французской кавалерии в годы Семилетней войны

Кавалерия — неотъемлемый род войск на протяжении большей части человеческой истории. Французская кавалерия имеет долгую и богатую историю и поэтому является ярким примером для репрезентации роли этого рода войск. Конечно же невозможно представить себе кавалерию без лошадей и здесь французский пример может дать парадоксальные результаты. Выявить роль французской кавалерии в годы Семилетней войны — цель данного исследования.

Пример Семилетней войны неслучаен, это один из крупнейших конфликтов XVIII в., а по охвату географии он даже превосходит Революционные и Наполеоновские войны. Недаром премьер-министр Великобритании У. Черчилль назвал Семилетнюю войну «Первой мировой войной».

Именно в годы Семилетней войны начинается усиление роли кавалерии на поле боя, поскольку в предыдущие годы, начиная особенно с Тридцатилетней войны, монархи Европы уделяли большее внимание пехоте и артиллерии. Естественно, что усиление роли кавалерии увеличило внимание государств к проблеме снабжения кавалерийских частей лошадьми.

Старый режим во Франции несмотря на попытки регламентирования многих сторон военной сферы не имел возможности заниматься государственным всеобъемлющим регулированием разведения коней для французской кавалерии. Снабжение коней также, как и снабжение всей остальной экипировки, находилось на откупе у командиров отрядов, что приводило к плохим последствиям. Как следует из одной инспекции, конский состав был «кожа да кости». Анонимные мемуары, требовавшие создание завода по разведению коней, остались незамеченными.

Ситуация постепенно меняется с развитием во Франции теории меркантилизма, в рамках ее необходимо было избавиться от покупки лошадей в Германии, Испании, Италии и других

странах в пользу развития собственного разведения лошадей для военной верховой езды. Столкнувшись с необходимостью импортировать лошадей для удовлетворения потребностей армии Кольбер организует конезаводы для обеспечения роста конского состава. Постановлением Королевского совета от 17 октября 1665 г. «королевские конезаводы» подчиняются специальному законодательству и находятся в ведении специализированного органа уполномоченных должностных лиц (инспекторов, офицеров, охранников), наделенных правами и обязанностями. Жеребцы, купленные королем, затем передаются на хранение частным лицам, которым поручено ухаживать за ними. Следует обратить внимание, что речь шла только о помощи частному животноводству, а не о создании государственных животноводческих предприятий, что противоречило бы экономической культуре того времени. С другой стороны, в данный период развивается администрация, которая должна направлять государственное вмешательство.

В годы правления Людовика XIV разведение лошадей практиковалось через закупку как жеребцов, так и кобыл в других странах: было завезено несколько кобыл из Турции, Варварского берега, Испании, они были скрещены с жеребцами из Испании и Португалии. В Англии же, например, жеребцов восточных стран скрещивали с местными кобылами.

Снабжение кавалерии французской королевской армии было отдано на откуп офицерам владельцам. Капитаны должны были за свой счет обеспечивать лошадь, экипировку всадника. Источники сообщают, что офицеры экономили как на лошадях, так и на всадниках. Попав в армию во время кампании такая кавалерия быстро превращалась в скелеты. В итоге во время инспекции 1708 г. оказалось, что один из отрядов имел 183 человека со 171 лошадью из которых 109 подлежали замене. Следует отметить, что на полях войны за испанское наследство кавалерия играла второстепенное значение.

Семилетняя война (1756–1763) ознаменовала реальное возвращение кавалерии в качестве рода войск. Вслед за Густавом Адольфом, королем Швеции, и Оливером Кромвелем, лордом-протектором, Фридриху Великому удалось создать одну из лучших кавалерий в Западной Европе. Каким образом он этого

достиг? Благодаря хорошим и выносливым лошадям, которых он покупал в Польше, а также хорошим генералам, ежедневно тренировавшим свои войска и умеющим сотрудничать с пехотой. Он унаследовал от своего отца большую кавалерию, которую умел использовать и постоянно стремился к агрессивной тактике.

5 ноября 1757 г. при Росбахе Фридрих II с 21 тыс. человек разгромил 70-тысячную франко-имперскую армию Субиза. Не умаляя значения пехоты, важным событием было быстрое движение прусской кавалерии в обход во главе с генералом Зейдлицем, которое завершилось победной атакой в две шеренги галопом с саблями наголо. Это событие стало во Франции громом среди ясного неба. Методы ведения войны изменились, кавалерия стала снова играть важную роль.

В этот период французская монархия предпринимает шаги для реформирования данного рода войск. Если изначально власти предавали меньшее значение созданию военных конных заводов и по большей части закупали лошадей за рубежом, а войска испытывали недобор количества и качества конского состава, то поражения в Семилетней войне заставили реформировать как сам род войск, так и систему снабжения и конезаводы.

Н. Н. Цветкова

**Образ коня в современном художественном текстиле
(на примере творчества российских и зарубежных авторов)**

Образ коня является одним из наиболее популярных в художественном текстиле. К подобному выводу можно прийти, исследуя произведения разных временных периодов. Изображение Святого Георгия — всадника на белом коне — популярный сюжет коптских тканей V–VII вв. Всадники украшают знаменитый ковер Байе (XI в.). Многочисленные изображения коней можно видеть на французских и фламандских шпалерах XV–XIX вв., а также на произведениях Петербургской шпалерной мануфактуры. Так, одна из наиболее ранних созданных на этой мануфактуре шпалер, — «Полтавская баталия» (1722 г.) — представляет собой конный портрет Петра I, основателя российского шпалерного ткачества. Можно также отметить многочисленные примеры изображения коней в традиционном народном ручном ткачестве, часто вместе с древом жизни.

В настоящее время интерес к изображению коня в художественном текстиле не угас. Современные художники работают как в области создания традиционных двухмерных произведений — гобеленов и панно, так и объемных арт-объектов и инсталляций, главными героями которых становятся кони.

В традициях классического шпалерного ткачества работает московская художник А. Мадекин. Его произведение «Четыре всадника апокалипсиса» представляет библейский сюжет, где кони изображены в активном движении, достигаемом за счет диагональной композиции — движение всадников строится от правого верхнего угла шпалеры в левый нижний. Изображение коней анатомически правильно, но в то же время они стилизованы — это погружает зрителя в мистическую атмосферу совершающегося действия.

Иной образ коня представлен в гобеленах Баурысжана Досжанова — художника из Казахстана, представлявшего свои

работы в Москве в рамках II Триеннале современного гобелена в музее «Царицыно» в 2014 г. На гобелене «Воин ветра» конь представляет собой профильное силуэтное изображение с развевающимся хвостом и гривой, поднимающейся в небеса. Он — мистический символ степей; человек-воин, расположенный рядом с ним, выглядит маленьким и незначительным, настоящий воин — конь.

Художница Софья Хабибуллина (Екатеринбург), также принимавшая участие в Триеннале в «Царицыно», в гобелене «Ехал Ваня на коне» представила образ, напоминающий деревянную игрушку, — и конь, и всадник здесь изображены упрощенно, плоскостно, без намека на светотеневую моделировку формы. Подобный художественный прием, на наш взгляд, помог автору подать сюжет в «народном», слегка юмористическом ключе.

Ирена Андреева (Латвия), представившая свой гобелен «Колесница» на I Триеннале современного гобелена в «Царицыно» в 2011 г., выткала лошадь в экспериментальной технике с использованием приемов незатканной основы. Своеобразная стилистика животного напоминает незаконченный детский рисунок — одна из ног лошади осталась незакрашенной, изображение в целом плоское, голова имеет форму квадрата и т. д.

Гобелен Ирины Крымской (Уфа) «Дорога домой» отсылает зрителя к традициям народного ткачества. Работа наполнена традиционными текстильными орнаментами, которые заполняют небо, землю, прорастают на деревьях. Среди этих орнаментов спряталась небольшая фигурка белого коня — своеобразно-го символа возвращения к истокам.

Помимо плоских текстильных произведений образ коня нашел отражение в арт-объектах и инсталляциях. В 2016 г. в китайском городе Шэньчжэнь в рамках IX Биеннале современного текстильного искусства «Из Лозанны в Пекин» была представлена скульптура «Конь», автором которой стал Ванг Джиан (Китай). Работа представляет собой торс коня, сплетенный из стальных прутьев и светодиодных волокон. Эта скульптура светилась, создавая сказочный образ.

В 2018 г. в Санкт-Петербурге в Музее современного искусства «Эрарта» прошла выставка так называемых «носимых арт-

объектов» (wearable art), где была представлена работа Мэри Вин То (Великобритания), названная «Гилонома». Работая с натуральной кожей, художница создала своеобразный костюм, где пышная юбка декорировалась тисненными изображениями лошадей, а на голову манекена надевалась голова лошади, также созданная из кожи.

В этом же 2018 г. в Пекине в рамках X Биеннале «Из Лозанны в Пекин» была представлена инсталляция «След Шелкового пути», авторами которой стали Азигули Вуфуэр и Ву Линфенг (Китай). Располагаясь в пространстве выставочного зала, эта работа представляет собой конские головы, соединенные нитями. Волнообразные формы нитей подчеркивают движение животных.

Рассмотрев некоторые произведения современных авторов, работающих в области художественного текстиля, можно отметить, что образ коня, имея богатую историю изображения, в настоящее время остается актуальным. Емкость и символичность этого образа используется как российскими, так и зарубежными художниками при создании плоских работ, а также объемно-пространственных арт-объектов и инсталляций.

М. А. Чернова

Конь королевича Марка: от фольклора к медиа

Марко Королевич является одним из самых популярных персонажей южно-славянского эпоса. О нем записано более тысячи песен практически во всех славянских балканских странах. Волшебный конь Шарац является неотъемлемым атрибутом Марко Королевича, знаком, по которому можно безошибочно узнать этого персонажа. Причем, как вечный его спутник, Шарац встречается не только в эпических песнях и локальных преданиях, но и в *medialore* XX в.

Традиция изображения Шарца тесно связана с традицией изображения самого Марко Королевича и за XX в. она претерпела серьезные изменения. В докладе планируется отразить эту эволюцию и особый упор сделать на репрезентацию Шарца в сербоязычной интернет-среде за последнее десятилетие. Интернет представляет собой среду без четко маркированных границ и с широчайшими возможностями распространения информации, однако при этом имеет тенденцию к сохранению национальных секторов. В связи с этим можно наблюдать, как происходит фольклоризация традиционных текстов и образов в новой среде.

Основными источниками доклада являются как эпические песни и локальные легенды, так и ресурсы сербоязычного интернета: форумы, страницы, посвященные мемоподобным формам современного фольклора, а также анекдоты, комиксы, фильмы, рекламные ролики и др.

В южнославянских песнях о Марко Королевиче Шарац встречается повсеместно, а некоторые песни посвящены ему особо. Так, есть несколько версий обретения Шарца Марко Королевичем. По одной из них, Марко находит кобылу, принадлежащую когда-то его отцу Вукашину, у кобылы есть пегий жеребенок. После утомительной погони и ссылки на имя своего отца, Марко Королевич его получает. По другой версии, Марко снит-

ся вила Равиола и сообщает, что нашла для него подходящего коня «пегой шкуры, толстой шеи, который имеет тайные крылья». В целом историй обретения коня много. Марко покупает неказистого «цветного» жеребенка у караванщиков. Ищет себе коня и в процессе поисков пробует разных, но ломает им позвоночник. Не ставя в данном докладе задачу характеристики всех многочисленных вариантов описания Шарца, хочется выделить основные паттерны, которые найдут отражение и в нетлоре. Это, безусловно, сильный конь специфического пегого окраса. Хотя встречается в хорватской песне и описание Шарца как коня вороного, но это, скорее, исключение. В некоторых песнях подчеркивается его красота, но чаще он характеризуется формулой «шарца дебелого» (Шарца толстого). Он умеет летать, говорить на нескольких языках и предсказывать будущее. Марко поит коня вином: «половину сам пьет, половину коню дает». В рассерженном виде Шарац способен высекать молнии подковами и выдыхать из ноздрей огонь.

Опуская романтические изображения Шарца и его хозяина в XIX — первой половине XX в., сразу перейдем к современному восприятию волшебного коня. Прежде всего, надо иметь в виду, что образ Марко Королевича и его волшебного спутника особо актуализируется в сербском обществе в моменты национального строительства. Сам Марко в конце XIX в. четко ассоциируется с защитником сербского народа и Косово и оказывается вплетен в косовский миф. И не удивительна популярность Марко и Шарца в момент распада Югославии. Любовь к эпическим песням, исполняемым под гусли, становится определенным маркером и политической позицией национально настроенной части общества. Все это не могло не найти отражения в нетлоре, но сама фигура Шарца приобрела некоторые своеобразные черты. В интернете Шарац, как и его хозяин, изображается, главным образом, с юмористической стороны. Так, мы видим Шарца героем многочисленных шуток, цитирующих при этом эпические сюжеты. Например, формула из песни «Марко Королевич и Арап», где Марко «половину вина сам пьет, половину отдает Шарцу» одна из излюбленных тем. Кроме того, волшебный конь фигурирует и в шутках, призванных подчеркнуть особую сексуальность Марка и его немалую силу. Юмори-

стически показывая образ Марко и Шарца иллюстраторы склонны подчеркивать неказистость коня и его важнейшую характеристику в эпосе — упитанность. Нетлор заостряет и гиперболизирует эпические черты Шарца. При этом из всего круга многочисленных сюжетов о Марко Королевиче и его волшебном коне сохраняется некий устойчивый, хотя и не очень разнообразный набор.

Таким образом, можно констатировать следующие особенности репрезентации коня Шарца в нетлоре. Очевидно, что интернет оказывается весьма благодатной средой для классического фольклорного персонажа. Но поскольку прагматика воспроизводства эпических текстов серьезно изменена, то и черты Шарца гиперболизируются. Если в классической ситуации бытования эпических песен одной из их главной функцией являлась передача информации, то в новой среде это, безусловно, развлечение. Поэтому и сам Марко Королевич и его волшебный конь Шарац скорее будут представлены в юмористической манере. Кроме того, очевидно, то нетлор, репрезентуя Шарца, опирается на некоторый круг эпических песен и даже цитирует некоторые конкретные сюжеты и формулы.

Л. И. Шатилова

**Лошади в траурной культуре:
Печальный кортеж русского императорского двора**

Как и большинство придворных ритуалов похоронный ритуал был задуман и разработан Петром I. Впервые он опробовал его на церемониях похорон своих сподвижников и членов царской семьи.

Первый император отступил от старого обряда и ввел новый регламент, позаимствовав некоторые обычаи европейских государств с учетом традиций, принятых на Руси. Был разработан особый ритуал перенесения тела к месту захоронения — Печальный кортеж. Печальный кортеж соединил в себе элементы средневековых ритуалов и военного парада: Траурная колесница, Печальный и Радостный рыцари, факельщики в сопровождении войск, военной музыки, ружейных и оружейных залпов. Впоследствии в церемонию государственных похорон вносились изменения. В целом, к концу XVIII в. установился определенный порядок, соблюдаемый в траурных церемониях при захоронении русских императоров и императриц. По мнению некоторых исследователей, похоронный ритуал стал более важным, чем коронационный, так как он подводил итоги царствования скончавшегося царя. После смерти императора готовился манифест, в котором объявлялось о смерти действующего императора и восшествии на престол следующего. Его объявляли в газетах и по всем частям города герольды в специальных траурных костюмах, позже герольды объявляли и о дне «перенесения» тела в Петропавловский собор. Создавалась печальная комиссия, которая занималась подготовкой похорон. Она согласовывала порядок действий и сами ритуальные мероприятия с новым императором, подсчитывала, сколько нужно костюмов, лошадей, экипажей, выясняла, можно ли что-то использовать из предметов, оставшихся с предыдущих похорон, рассылала приглашения и уведомления об участии в церемониях.

Одними из важнейших участников шествия были лошади. В четырех отделениях следовали: знамя с лошадьёю родового герба императора, военное знамя с императорским гербом с «Лейб-пферд» и титульные знамена земель в сопровождении лошадей в пополах с соответствующими гербами и конюхов в парадных ливреях. «Лейб-пферд» или «Любимая лошадь», символизирующая воинское братство и ратные подвиги, впервые появляется в траурной церемонии, разработанной Петром I для своего сподвижника Ф. Я. Лефорта. Затем «любимые лошади» провожали в последний путь русских императоров начиная с Петра I. В кортеже принимали участие одна или несколько «лошадей собственного седла его императорского величества». При похоронах императриц «Лейб-пферд» заменяла парадная карета государыни. После знамени и лошади с государственным гербом вслед за белым знаменем ехали «латник в позолоченных латах, на лошади, с богатым чепраком и тому принадлежащим убором, с обнаженным мечом; лошадь вели два конюха в парадной ливрее. Латник пеший в черных латах, с обнаженным и опущенным вниз мечом». За черным или «Печальным» рыцарем несли Печальное знамя и вели лошадь, покрытую черной попоной.

Эти персонажи впервые появились еще в Москве во время похорон Франца Лефорта, устроенных Петром I. Латник на коне или «Радостный рыцарь» символизирует собой одновременно царство божие и начало нового царства, черный латник символизирует окончание земной жизни монарха, лошадь в черном одеянии без седока — осиротевшее государство. Для одеяний рыцарей использовали железные латы, выкрашенные в золотой и черный цвета. Печальную колесницу, запряженную восемью лошадьми, по обе стороны сопровождали шестьдесят пажей с факелами. Лошади были в черных пополах с государственными гербами, а их головы покрыты черными каптурами (капюшонами), закрывающими всю морду целиком, включая уши. За печальной колесницей следовали государь император со свитой, особами императорской фамилии, иностранными августейшими особами, министрами императорского двора, сопровождаемые ротой дворцовых гренадеров. За ними в каретах в сопровождении шталмейстеров следовали императрица и другие члены им-

ператорской фамилии, русские и иностранные представительницы августейших и знатных семей, статс-дамы и фрейлины. Кучера, фореиторы и жокеи были также облачены в специальные траурные костюмы. Замыкали шествие роты лейб-гвардейских и казачьих полков, батареи артиллерийской бригады и кавалерийского училища. Вдоль пути, по которому должно следовать печальное шествие, размещались войска и курсанты военно-учебных заведений.

После окончания траурных мероприятий, вещи, использованные при церемонии, частично раздаривали по монастырям и церквям, а частично сдавали на специальные склады, роль которых заменил открытый в 1860 г. Конюшенный музей. Регалии возвращали в Оружейную палату.

В. Ю. Шелестин

Место лошади в хеттских культах

Начиная с обнаружения пионером хеттологии Б. Грозным в архиве Хаттусы трактата Киккули о коневодстве исследователями подчеркивается значимость лошадей и колесничного войска для создания хеттами одной из обширнейших держав Бронзового века. Меньшее внимание в историографии уделялось положению лошади в хеттской религии, хотя культовые тексты составляют основу хеттских архивов. Традиционно подчеркивается концентрация культов богов, связанных с лошадьми (Камрусеп, Малия, Пирва, Пиренгир), в юго-восточных провинциях Хеттского царства (Нижняя Страна, Киццувадна), что объясняется большей значимостью лошадей для населявших эти области лувийцев. Однако вопрос о соотношении митаннийского и лувийского влияния на лошадиные культы у хеттов обычно не решается однозначно, поэтому в настоящем исследовании рассмотрено распределение упоминаний лошадей в текстах различных традиций.

В корпусе описаний хеттских праздников выявлено 92 упоминания лошадей на 73 табличках, которые относятся к 28 группам однородных фрагментов. Представлены праздники основных региональных культовых традиций Анатолии — северо-центральной (антахшум, килам, нунтариясха, пуруллия, праздники городов Аринна, Нерик, Сарисса, Цальпува и Циппаланда), юго-восточной (хисува, праздники города Лавацантия) и западной (праздники города Истанува). Древнейшие аттестации (XVI–XV вв. до н. э.) связаны с праздником для подземных божеств — центральноанатолийским культом хаттско-хеттского происхождения, в ходе одного обрядов из которого связывают лошадь с жеребенком и других тягловых животных. Среднехеттским палеографическим периодом (II пол. XV в. до н. э.) датируются самые ранние дошедшие описания праздника, посвященного покровителю лошадей Пиринкиру. Большинство

аттестаций связаны с семью функциями лошадей на хеттских праздниках — транспорт (×20), объект поклонения (×18), ритуальный объект (×17), животное в ряду других животных (×7), получатель рациона (×6), участник соревнований (×3) и орудие войны (×1). Интересна корреляция между функциями лошадей и региональными культовыми традициями: помимо праздника для Пиринкира — заимствованного из Сиро-Месопотамского региона ближневосточного божества, поклонение лошадям лучше всего засвидетельствовано описанием праздника хисува, происходящего из южной провинции Киццувадна и отражающего хурритский слой ее религиозной традиции. В текстах, связанных с лувийскими и западноанатолийскими традициями, лошадь чаще всего фигурирует в перечнях животных, отражающими иерархию порядка в живой природе. В текстах же лучше всего известной северно-центральной традиции, отражающих как локальные особенности, так и становление общегосударственной синкретической культовой системы, лошадь выступает преимущественно в роли транспортного средства. При этом ее функция находит развитие в известных только для праздника антахшум описаниях соревнования гонок на лошадиных упряжках.

Таким образом, хотя новый взгляд подтверждает особое значение лошади и ее обожествление преимущественно в традиции Юго-Восточной Анатолии, что может быть связано с митаннийским влиянием на ее развитие, можно говорить о том, что появление лошади на праздниках Хеттского царства начинается не с нее, а с автохтонной традиции Центральной Анатолии, которая характеризуется более утилитарным отношением к этому животному. При этом лувийские традиции Западной Анатолии еще меньше выделяют лошадь в ряду других животных, считая ее одним из многих элементов миропорядка, хотя и помещают ее в начало иерархии в мире животных.

О. О. Шишкина

Лошадь в искусстве и погребальных материалах Тепсейского археологического микрорайона *

На юге Сибири на правом берегу Енисея находится один из самых известных и крупных археологических микрорайонов — Тепсейский, границы которого в настоящее время определяются в 27 кв. км, включающие в себя огромные пространства горы Тепсей с ее отрогами, а также участки у подножия горы на надпойменной террасе Енисея. На территории этого микрорайона расположены разнообразные археологические объекты: погребения, поселения, поминальники, каменоломня, скопления наскальных изображений на разных участках скальных массивов горы Тепсей, на камнях тагарских курганов, на отдельных плитах.

В археологических материалах Тепсейского микрорайона повсеместно встречаются объекты, связанные с лошадьми: это и кости данного животного в погребальных и поминальных материалах, и предметы конского снаряжения, и образы в искусстве. Остатки костей лошади на Тепсее встречаются еще в афанасьевских материалах. К карасукской изобразительной традиции относится знаменитый сюжет «кони у мирового древа», который трижды встречается на скалах Тепсея (пункты Тепсей III–IV). Схематичные карасукские животные тоже в некоторых случаях могут быть интерпретированы как изображения лошадей. Это, к примеру, выбитые фигуры животных, расположенных спинами друг другу (так в наскальном искусстве Центральной Азии часто изображали лошадей, запряженных в повозки в эпоху бронзы), на одной из горизонтально лежащих массивных плит на вершине горы Тепсей. В погребальных памятниках тагарской культу-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01099 «Рисунки на камнях тагарских курганов как особый петроглифический источник по древней истории Южной Сибири (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)» <https://rscf.ru/project/23-78-01099/>.

ры (подгорновский, сарагашенский и тесинский этапы) кости лошади неоднократно встречаются — это, как правило, остатки кусков мяса правой части животного. В подгорновских курганах почти в половине случаев в качестве тризны было положено именно мясо лошади. Набор костей в тесинских погребальных материалах позволил исследователям определить, что класть в могилы могли шкуры жертвенных животных.

В наскальном искусстве тагарского времени на Тепсее образ лошади был весьма популярным. Выполнены эти изображения в скифо-сибирском зверином стиле. Отдельная своеобразная группа лошадей выделена нами на Усть-Тубе в пунктах Усть-Туба IV, V, которые могут быть соотнесены с определенной породой коней — ахалтекинцами. В другой более упрощенной силуэтной манере изображены лошади пунктов Тепсей I–V. Животные этой серии небольшие, приземистые, чаще всего они изображены в позе внезапной остановки с вытянутыми мордами, с торчащими на макушке удлиненными ушами, иногда с обозначенными копытами, длинными хвостами, часто на их спинах восседают всадники. Нередки образы всадников на камнях тагарских курганов, относящихся судя по технике и манере исполнения к тесинскому времени. К примеру, на одном из камней на трех гранях изображены разные фигуры всадников-лучников, некоторые представлены в развесистых головных уборах.

Среди таштыкских материалов остатки костей также неоднократно встречаются в склепах и поминах. Среди погребального инвентаря популярны были бронзовые бляшки в виде парных головок коней, а также образы лошадей встречаются на деревянных плакетках с резными рисунками, обнаруженными в одном из таштыкских склепов. В наскальном искусстве образы лошадей повторяют изображения на плакетках — это выполненные тонкими резными линиями фигуры в характерной позе, стремительном беге. В кыргызское время взрослых мужчин хоронили с верховым конем, такие погребения известны на Тепсее III. Мужчин хоронили с оружием, кони, сопровождавшие воинов, были взнузданы и оседланы. В наскальном искусстве этого времени популярны были образы всадников. И уже в новое время в так называемом народном искусстве на скалах Тепсея часто

встречаются образы лошадей. Это как одиночные изображения, так и многофигурные композиции. На одном из курганных камней зафиксировано изображение лошади, привязанной к дереву, как возможная вариация древнего сюжета «конь у мирового дерева» (?).

Таким образом, на протяжении многих веков в Южной Сибири лошади играли очень важную роль в бытовой и сакральной жизни местного населения. Только по материалам одного из археологических микрорайонов данного региона прослеживается значимость данного животного. И это неудивительно. Культуры, распространенные на огромных пространствах Южной Сибири в древности, были кочевыми, поэтому лошадь была неотъемлемой частью их жизни. Поэтому так многочисленны находки костей этих животных среди погребальных материалов, лошадь неоднократно транслируется в образах искусства — в металлопластике, на скалах, на камнях тагарских курганов.

Г. И. Шляхова

Лошадь в языковой картине мира России и Франции

В докладе предполагается рассмотрение образа лошади в восприятии российского и французского общества на основании анализа языковых картин мира. К исследуемой проблематике применен диахронический подход: многие фразеологизмы и поговорки вошли в обиход в прошлые столетия, когда роль лошадей в человеческой повседневности была гораздо более весома, чем по прошествии времени, когда сельское хозяйство в значительной мере вытеснила промышленность. Вместе с тем речевая традиция трансформируется достаточно медленно, отсюда сохранение историзмов и архаизмов в идиомах, широко употребляемых нашими современниками. Часть фразеологических оборотов и поговорок, связанных с лошадьми, и в прошлом имевших актуальный смысл, сегодня либо не вполне понятны, либо как минимум не очень близки большинству городских жителей, что не мешает их использованию в речи (например, «Коней на переправе не меняют», «Дареному коню в зубы не смотрят»). Таким образом, тематические устойчивые выражения являются отражением восприятия объекта носителями данного языка.

В работе, презентуемой для конференции, приводится сравнительная характеристика русских и французских пословиц и поговорок, в которых упоминаются лошади и семантически связанные с ними явления. В частности, проведен сопоставительный анализ образов, используемых в обеих языковых традициях, с учетом эквивалентов, подбираемых фразеологическим единицам при переводе и далеко не всегда сохраняющих связь с лошадьми.

С точки зрения интерпретации в них семы «лошадь» отобранные для анализа идиомы разделены на несколько подгрупп, в частности:

— метафорическое переосмысление фигуры лошади (à grand cheval grand gré; старая кляча);

— лошадь как аллегория, используемая для проведения параллели с реалиями человеческой жизни (à jeune cheval nouvelle selle — новому коню и новую узду);

— лошадь как персонаж, являющийся частью быта и окружения человека (cheval de foin, cheval de rien ; cheval d'avoine, cheval de reine — санным конем не ездить, соломенным конем не пахать);

— лошадь как аллегорический носитель определенных черт — физических или ментальных (лошадь с волком тягались — хвост да грива остались).

Дополнительно в качестве языкового материала, иллюстрирующего тему доклада, взят для анализа текст перевода на французский рассказа А. П. Чехова «Лошадиная фамилия». Варианты фамилий, перебираемых героями (42 в оригинале и 41 во французской версии) демонстрируют определенные паттерны мышления носителей языков, раскрывающиеся через построения ассоциативных рядов.

В рамках выводов по теме доклада зафиксированные в языке особенности восприятия лошадей рассматриваются с учетом исторических реалий эксплуатации этих животных в обеих сравниваемых странах, где на протяжении веков одомашненные лошади использовались в военном деле и сельском хозяйстве, спорте и зообизнесе.

В России лошадь исторически получила большую известность как тягловое животное, которое заводили в хозяйстве крестьяне, и лишь вторичным в концептуальной картине мира и языковом сознании стала ее функция быстрого передвижения верхом, сопряженная с более «благородными» и высоко ценящимися занятиями (охота, военное дело, спорт). По наблюдениям лингвистов, фразеологизмы и метафоры, построенные на отсылках к лошадям, имеют негативную коннотацию — пренебрежение, насмешка — и указывают на тяжелый, постоянный и малопродуктивный труд.

Во Франции от корня cheval и смежных с ним понятий образованы не только разнообразные профессии, но также дворянское звание шевалье. Вместе с тем, хотя языковая традиция по-

зволяет говорить о более уважительном восприятии данного животного во французской культуре, в этой стране интенсивнее, чем в отечественных условиях, получило распространение после революции мясное коневодство.

В. А. Шагина

Развитие конной ветеринарной медицины в России

Ветеринарная медицина имеет долгую историю и изначально была неразрывно связана с медициной. Основной причиной медленного развития животноводства в России являлся массовый падеж сельскохозяйственных животных от заразных и незаразных болезней, антисанитарное содержание животных, их плохое кормление, недостаток ветеринаров.

Лошадь являлась главным помощником в сельском хозяйстве, много лошадей требовалось для армии. В конце XVII в. появились первые конные заводы. В конюшенном ведомстве большое внимание уделялось охране конского поголовья от заболеваний. В связи с этим возникла необходимость в создании ветеринарных кадров. В 1680 г. по Конюшенному приказу числилось десять коновалов. В первой половине XVII в. были созданы специальные лечебные конюшни. В них содержали и лечили животных с различными заболеваниями. Чаще всего это были заразные болезни, по описаниям напоминающие сап. Конские мастера кастрировали жеребцов и в то же время пытались распознавать разные заболевания и лечить их. Имеются сведения, что они уже умели лечить раны, заболевания холки, ушибы, хромоту, отеки, проводили кровопускание, прижигание раскаленным железом.

В XV–XVII вв. на основе многочисленных наблюдений было установлено, что у животных при инфекционном заболевании наблюдаются определенные клинические признаки. Уже были известны как некоторые инфекционные заболевания, так и их формы. Так при сибирской язве различали молниеносную и карбункулезную формы, при сапе лошадей — кожную и носовую формы. Также известны были туберкулез (чахотка), оспа, мыт, чесотка и др.

В XVIII в. открылись первые учебные заведения ветеринарному ремеслу. Стоит отметить, что в Российской империи в них

учили лечить не только лошадей, как это было в европейских школах, но и другим сельскохозяйственным животным.

В 1890–1891 гг. русскими ветврачами К. И. Гельманом и О. И. Кальпингом был получен маллеин — диагностическое средство при сапе. Был предложен подкожный метод маллеинизации, а в 1907 г. К. М. Хороманским был разработан глазной метод маллеинизации.

В начале XX в. основное внимание было сосредоточено на борьбе с эпизоотиями. Постоянной и главной задачей государственной ветеринарии в период Великой Отечественной войны было бесперебойное обеспечение армии продуктами животноводства и конским составом, продолжалась работа по охране животных от заболеваний.

Таким образом, в начале становления ветеринарии ее главными задачами были защита человека от общих заразных заболеваний и обеспечение безопасными продуктами питания. Сейчас эти же задачи являются одними из главных у сотрудников Государственной ветеринарной службы.

Е. Е. Шурупова, А. П. Яковлева

**«Возраст лошадей колеблется от 9 до 27 лет»:
использование лошадей на Соловках в начале XX века —
от монастыря к Соловецким лагерям особого назначения**

Хозяйство Соловецкого монастыря было обширным и не ограничивалось рамками архипелага в Белом море. Непосредственно на островах существовала молочная ферма и конюшни. Лошади активно использовались в качестве тягловой силы на сельхозработах, транспорта для перевозки трудников и богомольцев. На Соловках в монастырский период лошадей содержалось от 100 до 170 голов. По свидетельству П. Ф. Федорова, в конце XIX в. в монастыре весь скот был пожертвованный, причем были только кони (самцы) и в основном «езжалые». Четыре оновательные деревянные конюшни в XIX в. были построены у стен монастыря, кроме того они были в Муксаломском, Анзерском и Савватиевском скитах.

После революции монастырь был упразднен, а на основе монастырского хозяйства был организован лагерь принудительных работ и совхоз «Соловки». Крупный рогатый скот (быки и коровы) содержался в основном на острове Муксалма, а лошади были на всех островах. В скотниках остались бывшие монахи, послушанием которых уход за животными был и до революции. Интересная деталь, что монахи, оставшиеся на Соловках после закрытия монастыря, были зачислены в колхоз, получили статус трудящихся и даже смогли обеспечить себе перевес голосов в местном профсоюзном комитете, демонстративно не соблюдая новых традиций советской власти (так, например, они покидали собрание во время исполнения Интернационала, не выходили на работу в церковные праздники, а в советских не участвовали и пр.).

Поголовье скота в это время сократилось, племенной крупный рогатый скот вывозили на материк, а за лошадьми не было должного ухода. В целом совхозное хозяйство на Соловках в силу разрушения традиционных экономических связей и не-

хватки рабочих рук не было успешным. К 1923 г. совхоз был на грани разорения и тогда он перешел из губернского подчинения к Наркомату земледелия. А уже по инициативе Наркомзема все постройки и имущество бывшего монастыря передали Главному управлению исправительных работ для организации на Соловках исправительного лагеря.

В актах передачи имущества от совхоза значатся уже племенные жеребцы и матки, рабочие лошади, жеребята. В графе «порода» указаны арденско-шведские, рысистые и местные (больше всего). Можно предположить, что местными представлены мезенская и / или вятская породы лошадей. Передавались также конюшни, сенные сараи и мастерские: шорная, экипажная и колесная. Состояние конюшен было разным, так, например, один из каретников вблизи монастыря был построен еще в 1840 г. и его годность на момент передачи оценивалась в 50 %.

Соловецкий лагерь особого назначения принял лошадей по описи, многие из них были уже старые или не в лучшей форме. Однако руководство лагеря располагало значительным количеством бесплатной рабочей силы и те работы, которые при монастыре или совхозе выполняли лошади, теперь выполняли заключенные. Тем не менее, в отчете указано, что общее число лошадей составляет 145 голов, причем особей в возрасте до 3-х лет в два раза меньше, чем взрослых. В лагере лошади использовались в основном на сельхозработах и лесозаготовках. Для лошадей была высчитана норма 220–248 рабочих дней в году, но в отчетном году она была перевыполнена и достигла 300 рабочих дней. При этом забота о лошадях возлагалась на конюхов, которым после рабочего дня лошадей сдавали, а на следующий день от них получали. Изготовлением сбруи, телег, текущим ремонтом занималась специальная мастерская, обслуживающая все сельхозработы. При этом на Соловках было много других производств, например, торфоразработки, но они были механизированы.

В докладе предполагается раскрыть основные аспекты использования лошадей на Соловках и выяснить причины сокращения количества лошадей и перехода к механизированному хозяйству.

В. П. Щербаков

**Человек глазами лошади:
литературный прием и философский метод
в «Холстомере» Л. Н. Толстого**

По словам Виктора Шкловского, остранение — это один из самых распространенных литературных приемов Льва Толстого, встречающийся во многих его произведениях — от монументального романа «Война и мир» до лаконичных повестей и рассказов. Однако повесть «Холстомер» занимает в этом ряду особое место, поскольку именно в этом произведении Толстой доводит свой излюбленный прием до совершенства, предлагая взглянуть на человека и мир человеческих отношений глазами лошади, прожившей долгую и непростую жизнь среди людей.

Эта короткая, но весьма оригинальная и глубокая по философскому смыслу повесть, относится, среди прочего, к тем образцам русской литературы, замысел которых изначально принадлежал одному автору, а реализован был другим. Так, например, известно, что сюжет «Мертвых душ» был подарен Гоголю Пушкиным, а сюжет «Холстомера» достался Толстому от Стаховича, который, в свою очередь, взял его из жизни, как, впрочем, и Пушкин, опиравшийся на случаи реальных махинаций с ревизскими сказками.

Результат, заметим, был отличен от того, что предписывается известной русской поговоркой — «дареному коню в зубы не смотрят». И Гоголь, и Толстой весьма ревностно и трепетно отнеслись к доставшимся им замыслам и довели их до уровня подлинных шедевров отечественной литературы. Для Гоголя его поэма стала вершиной творческих достижений и началом трагического завершения творческого пути, а для Толстого двадцатилетняя история работы над «Холстомером» стала поворотным пунктом творческой биографии, означающим решительный философский разворот на пути к богоискательству и гуманистической проповеди.

Удивительным образом оба упомянутых выше автора используют лошадей. Гоголь — в ярком образе «птицы тройки», олицетворяющей масштабы и норы русской культуры и государства. Толстой — ведя повествование от первого лица «пегого мерина», с недоумением и недопониманием смотрящего и на свою запутанную и сложную судьбу, и на странное поведение людей, ее определяющих или с ней связанных. Именно этот взгляд лошади и позволяет Толстому в полной мере реализовать и использовать все ресурсы остранения, дающего возможность не называть вещи привычными именами, а описать их как первый раз увиденные, выводя тем самым их до автоматизма восприятия и воссоздавая стершиеся в привычном употреблении значения и смыслы. Ведь именно в сотворении, делании вещи заключено подлинное предназначение искусства.

Но именно поэтому подлинный художник способен подняться до философских высот переосмысления существующего порядка вещей или создания новых идей и смыслов. И тогда на Толстого можно посмотреть не только и не столько как на «зеркало русской революции», но как на средоточие и исток идей и смыслов не только русской, но и всей европейской философии конца XIX — начала XX в. В толстовском приеме остранения очевидным образом просматриваются контуры феноменологического эпохэ — воздержания от суждения и заключения мира в воображаемые скобки, позволяющие восстановить утраченные смыслы культуры. В критике собственности и роскоши — революционные идеи Маркса. В «лошадиной» констатации подчиненности человека словам, а не делам виден более поздний лингвистический поворот Витгенштейна, а в подчиненности судьбе и преданности неблагодарному хозяину угадываются экзистенциалы заброшенности и заботы Хайдеггера. В жизнеутверждающем же описании смерти Холстомера проговариваются идеи современной биоэтики и трансгуманизма. А Лев Николаевич выступает не столько знатоком лошадиной души, сколько глашатаем гуманистических идей современности.

*А. В. Энговатова, Н. Н. Спасская, А. М. Зайцев,
Е. Ю. Полянская, А. Б. Дубровская, А. А. Дацышин,
Е. Е. Антипина*

**Лошади Троице-Сергиева монастыря начала XVII в. —
участники обороны в период его осады
войсками Лжедмитрия II**

Уникальную возможность провести морфометрическое описание и реконструкцию экстерьера лошадей, находившихся на территории Троице-Сергиева монастыря в период осады 1608–1610 гг., получили сотрудники Института археологии РАН и ВНИИ коневодства. В процессе спасательных раскопок начиная с 2018 г. на территории Лавры были найдены скелетные останки 23 лошадей — исключительный случай в археологии. При этом обнаруженные летом 2024 г. останки девяти особей представляли собой почти полные скелеты или их значительные части.

Захоронения лошадей в засыпанных землянках времен осады Лавры и в культурном слое этого периода носили санитарный характер, так как были совершены непосредственно на внутренней территории монастыря, когда не было возможности вынести их за стены обители. Основная часть останков найдена на Житном дворе, где во время осады жили укрывавшиеся в обители простые люди и ее защитники — военные. Еще несколько подобных захоронений были обнаружены на других участках монастыря около его стен.

Археозоологическое исследование костных останков лошадей показало, что среди них были животные всех возрастов, в том числе и только что родившиеся (возраст 1–3 месяца), и более старшие (3–10 мес.) и годовалые жеребята (10–12 мес.). Основная же часть лошадей Лавры — это 16 взрослых особей наиболее работоспособного возраста от 3 до 10 лет. В этой группе определены как минимум 7 жеребцов и 1 кобыла. Еще один жеребец был несколько старше, в возрасте 10–15 лет.

По наиболее полным останкам скелетов именно этих 9 особей удалось установить особенности их использования.

На основе морфометрических данных взрослые лошади Лавры XVII в. отнесены, за редкими исключениями, к группе малорослых особей с высотой в холке 128–136 см и относительно грацильными конечностями. По материалам московского региона хорошо известно, что такие размерные параметры характерны для средневековой популяции лошадей крепкого сложения полулёгкого типа, которые были пригодны как в качестве верховых, так и тягловых, в том числе для разного рода хозяйственных работ. Но обнаруженные особенности позвонков и костей конечностей, а также патологий зубной системы на останках лошадей из Лавры, позволяют утверждать, что почти все жеребцы были верховые и только один старше 10 лет использовался как тягловый; тягловой, возможно, была и кобыла. У двух верховых жеребцов близкого возраста выявлены следы ранений рубленого типа, затронувшие кости, что, вероятнее всего, явилось причиной гибели животных.

Проведена детальная морфометрическая экспертиза практически полного скелета молодого жеребца 4–5 лет со следами смертельной травмы. Общий вид скелета говорит о лёгком, сухом экстерьере без выраженных пороков и недостатков. Череп небольшой с развитой лобной частью и несколько вдавленным профилем носовых костей, напоминающим так называемый «щучий профиль», характерный для ряда древних пород лошадей Передней и Центральной Азии и в настоящее время наиболее ярко сохранившийся у арабской породы. Реконструированный относительно высокий «живой» рост (в холке около 140 см) и гармоничный экстерьер явно выделяют этого коня среди других жеребцов, что позволяет предполагать его происхождение из восточной группы пород. Такое сочетание ориентальных черт в строении черепа и специфической конституции указывает на особую ценность данного животного и, соответственно, на значимый социальный ранг его владельца.

Выявленный некоторый разброс размерных и экстерьерных характеристик найденных лошадей может свидетельствовать как о разнообразии происхождения этих животных — местные крестьянские и более элитные (отобранные или высококровные)

лошади, так и об отсутствии в рассматриваемый исторический период консолидированных пород на территории Московского государства.

Продолжающееся изучение костных останков лошадей, обнаруженных при археологических раскопках на территории Троице-Сергиева монастыря, позволяет детализировать как роль лошадей в хозяйственной жизни обители, так и облик строевых лошадей на Руси начала XVII в.

А. И. Юдин

Лошадь в неолите Восточной Европы

Процесс одомашнивания лошади был длительным и его ранние этапы ввиду отсутствия морфологической разницы в костных останках диких и домашних особей прослеживаются только по косвенным признакам при археологическом изучении культурных слоев древних поселений. Доместикация лошади по последним генетическим данным, полученным международным коллективом исследователей под руководством Людовика Орландо (Тулуза, Франция), произошла достаточно поздно — в бронзовом веке, около четырех тысяч лет назад, а наиболее вероятное географическое местоположение предков современной домашней лошади — низовья Волги и Дона. Но начальный этап этого процесса прослеживается еще в неолите, в VI тысячелетии до н. э. В степной зоне Нижнего Поволжья это ярко проявилось в орловской неолитической культуре. Особо ценным историческим источником являются материалы Варфоломеевской стоянки, так как именно здесь обнаружены факты, позволяющие говорить об особом отношении населения к лошади. Поселение многослойное, существовало на всем протяжении неолита — последняя четверть VII — VI тыс. до н. э. Хозяйство было исключительно присваивающим, основу составляла охота на копытных — тура, кулана, сайгу, лошадь. Получена и обработана значительная коллекция остеологических материалов, насчитывающая тысячи костей животных, в том числе и дикой лошади.

Кости животных широко использовались для изготовления орудий, украшений и предметов ритуального характера. Остатки лошади составляли от 14 до 31 % от общего количества. Именно их анализ в культурно-историческом аспекте позволяет увидеть первые попытки доместикации. В количественном отношении кости лошади не доминируют, но в ритуальных обрядах им явно отдавалось предпочтение. Так всегда относились к животным, роль которых в хозяйстве была наиболее значима.

В культурном слое стоянки встречены культовые (жертвенные) комплексы, состоящие из аккуратно уложенных в компактные кучки костей животных, керамики и орудий труда. Из 14 комплексов, которые с разной степенью вероятности можно относить к жертвенникам, кости и зубы лошади встречаются в 10. На втором месте по использованию в жертвенниках стоят кости и рога тура, но с большим отрывом в численном выражении. Например, количество передних зубов лошади в комплексах достигает четырех сотен. Причем часть зубов подвергнута обработке — на внутренней поверхности корня резца наносились нарезки — от 1 до 13, после чего они могли использоваться как подвески. Они встречаются как в жертвенных комплексах, так и в культурном слое и распознаются по нарезкам. Эта традиция — жертвенники с использованием зубов лошади, причем именно резцов, отмечена и на другом поселении этого времени — Алгае. Подвески же из зубов других промысловых животных — сайги, тура, кулана — единичны, хотя материала для их изготовления было достаточно. Особый интерес представляет комплекс с медной пластиной балканского (?) происхождения. Медная пластина, находка для позднего неолита (вторая половина VI тыс. до н. э.) абсолютно уникальная, без каких-либо аналогий в Поволжье и сопредельных регионах, явно не случайно была обложена несколькими сотнями лошадиных резцов, часть из которых была с насечками.

Наиболее весомым аргументом о выделении неолитическим человеком лошади среди других объектов охоты является обнаружение в культурном слое Варфоломеевки трех подвесок-амулетов, изображающих лошадей. Собственно говоря, это маленькие статуэтки из тонкопластинчатых костей. Длина самой большой не превышает 6 см. Все три фигурки выполнены в одной художественной манере: головы лошадей опущены, они имеют короткие ноги и отвислый живот. В других культурах этого времени предметы мелкой зооморфной пластики единичны: это изображение быка в степных памятниках или лося в лесных.

На одной самой крупной подвеске по голове лошади с обеих сторон кремневой пилкой сделаны глубокие пропилы, в том числе и два длинных по шее, и по одному глубокому пропилу по крупу. На второй маленькой подвеске также заметны два про-

пила поперек морды лошади. Можно предположить, что этими пропилами обозначена уздечка, но следует учитывать хронологический разрыв между поздним неолитом и рубежом ранней-средней бронзы (времени одомашнивания лошадей современного вида) более чем в две тысячи лет.

Один из зубов (P2) варфоломеевской лошади был подвергнут трасологическому анализу, который показал отсутствие следов удила, но они могли быть и мягкими, не повреждающими зубы. Тем более анализ всего одного зуба из сотен найденных мало показателен.

Между первым знакомством с лошадыо как объектом охоты и приручением прошли тысячи лет. Впервые отношение к лошади как к неординарному животному, являющемуся не только объектом охоты, но и объектом поклонения, в Нижнем Поволжье проявляется именно в неолите. Особое отношение к лошади сохранилось и позже — в энеолите также есть фигурки лошади, но опять же в пределах Поволжья. И представляется, что совершенно не случайно именно на этой территории произошла domestикация лошади, от которой происходят все современные породы.

А. И. Ярощук

Архивные данные о продаже лошадей в Испании в XVII–XIX вв.

С незапамятных времен люди соседствовали с животными, питались продуктами животного происхождения, одомашнили некоторые виды животных, стали использовать их как рабочую силу для обработки земли, защиты жилищ и складов, помощников в охоте. Конечно, во все времена велась торговля животными и средневековая Испания не стала исключением. Благодаря цифровизации архивных данных сегодня мы можем узнать больше подробностей о процессах, связанных с лечением, разведением и продажей животных, в частности, лошадей в XVII–XIX вв. в Испании.

Для определения цены при продаже животных учитывали все характеристики объекта торговли: возраст, физические характеристики, наличие пороков или болезней. Нередки были случаи обмана продавцом покупателя, состоящего в «утаивании информации». В случаях, когда покупатель мог себе это позволить, он нанимал альбеитара (ветеринарного врача) для сопровождения сделки купли-продажи и «профессиональной» оценки лошади.

В целом, согласно изученным источникам (1655, 1794, 1829, 1832, 1833, 1883 гг.), на протяжении XVII–XIX вв. линия проведения сделки не менялась: покупатель и продавец заключали либо юридически значимый контракт, либо устную договоренность. В источнике 1794 г. («Elementos de veterinaria», Hipólito Estévez) упоминается и «продажа по правилам региона», что дает нам знание о наличии определенных традиций проведения сделок такого рода в отдельных регионах Испании.

Наиболее подробно процесс продажи лошади с привлечением альбеитара приводится Ф. Рамирезом в издании 1655 г. «Discurso de albeyteria». Кроме моральных наставлений коллегам-альбеитарам, таких как «судите сделку по чести, имея непо-

рочные намерения, озвучивайте только те пороки, которые видите», автор рекомендует опросить владельца на предмет здоровья лошади. Автор подробно описывает, что нужно учесть при осмотре лошади: состояние морды и глазные рефлексы, суставы конечностей и их состояние, длину путовых костей, состояние зубов для определения примерного возраста. Также рекомендовали «проверять лошадь в ходьбе» и в случае, если лошадь спотыкалась, «рекомендовать покупателю разорвать сделку».

Рамирез также приводит стоимость услуг альбеитара при сопровождении сделки купли-продажи одной лошади — 1 дублон (равен примерно 40 реалам; дублон был в ходу с 1537 по 1848 г.), но отмечает, что «благодарный покупатель может оставить и одну-две сотни реалов за сделку». При этом нами найдена информация в издании 1873 г. («Calixto Arino», X. A. Сайенс), что «стоимость лошади с пороками в возрасте 4–6 лет надо снижать до 2000 реалов». Конечно, мы не можем сравнивать стоимость работы альбеитара в середине XVII в. (1 дублон) со стоимостью лошади в 1873 г., потому что нет возможности отследить почти двухвековую инфляцию в Испании, но тем не менее, архивные данные позволяют понять порядок цен.

В изученных источниках (начиная с 1794 г.) отмечается, что «продавец должен доказать свое право владения лошастью, указать на все ее изъяны, которые могут повлиять на сделку». При этом среди этих пороков упоминаются лишь «одышка, сап, астма», которые дают право покупателю вернуть животное продавцу. Х. Эстевез предупреждает: «не нужно обманываться, что эти болезни отступят спустя время». В издании 1829 г. («Diccionario de veterinaria», К. Русеньо) указывается, что продавец, знающий об изъянах лошади и продающий ее, обязан возместить ущерб и оплатить судебные издержки. По мнению Русеньо причинами расторжения договора могут быть проблемы с движением лошади или мула, старые раны, «плохие зубы», хромота, одышка и сап, начинающаяся слепота, следы от «бросания животного на землю» (вероятно, речь идет о предрасположенности к коликам) и пр. Указывается также и период, в течение которого покупатель может вернуть животное и потребовать возмещения денег: «в одних регионах это 8 дней, в других 40». Однако авторы отмечают, что не всегда этот срок достаточен для выявления болезни.

Во всех изученных источниках указывается наличие широкой судебной практики по расторжению сделок купли-продажи лошадей и мулов, для сделок такого рода даже отведено особое определение — «redhibitorio». В источниках указано, что судебных разбирательств такого рода было очень много и существовал «целый фронт защиты обманутых покупателей». Во все времена существовала страта безответственных продавцов, иногда попросту обманщиков и мошенников. Интересно, что уже в средневековой испанской литературе за такими продавцами был закреплён специальный термин — mohatrero (от араб. Mohatra — мошенничество).

Таким образом, изучение архивных данных даёт нам понять, что сделки купли-продажи лошадей и мулов нередко сопровождалась оценкой их здоровья альбеитаром, в результате чего сделки могли расторгаться, иногда расторжение осуществлялось с помощью судебных разбирательств.

ТЕЗИСЫ СТУДЕНЧЕСКИХ СООБЩЕНИЙ

А. С. Гончарова

Значение лошадей в хозяйственной жизни *

Лошади играли и продолжают играть огромную роль в хозяйственной жизни человека. Они были одним из первых домашних животных, которых начал использовать человек для своих нужд. Их ценность простирается от тяжелых работ на фермах до спортивных мероприятий и развлечений. Одним из основных способов использования лошадей является их участие в сельском хозяйстве. Лошади могут тягать плуги, грунтообрабатывающие машины, телеги и другие сельскохозяйственные инструменты. Благодаря своей силе и выносливости они помогают обрабатывать землю, увеличивая урожайность и производительность сельского хозяйства. Кроме того, лошади используются в различных видах спорта. Верховая езда, конкур, выездка, показательное ездовое искусство — все эти виды спорта требуют участия лошадей. Они являются партнерами спортсменов, помогая им достичь выдающихся результатов.

Изначально лошадь для человека была лишь предметом пищи. Сначала на них охотились, но в начале IV тысячелетия до н. э. их начали одомашнивать и разводить для получения мяса и молока. И тогда еще люди не придумали другого приспособления лошади. Но позже люди поняли, что лошадь можно использовать и в качестве тягловой силы. Домашние породы лошадей появились во второй половине III тысячелетия до н. э. на территории Венгрии. В промежуток времени между IV и III тысячелетий до н. э. домашняя лошадь стала частью многих культур, разных населенных пунктов. Уже тогда человек смог оседлать лошадь и направлять ее. Начинается использование лошадей в военных целях и в сельском хозяйстве.

Лошадь участвовала во многих военных конфликтах начиная с древних времен. Вначале лошадь использовали как сред-

* Научный руководитель: М. И. Хуснутдинов.

ство перевозки снаряжений и войск. Уже позже лошадь начали использовать как участника сражения, из-за чего приходилось усовершенствовать технику дрессировки. Это нужно было для того, чтобы лошадь не испытывала стресса и не пугалась. Также лошадь дрессировали для улучшения маневренности во время сражения. В конном бою, когда войска сталкивались лицом к лицу, лошади были неотъемлемой частью боевой стратегии. С появлением огнестрельного оружия лошадь не утратила свою актуальность и продолжала играть важную роль в войнах. Она использовалась не только для транспортировки пехоты и артиллерии, но и для скоростных атак на вражеские позиции. Также лошади участвовали в Первой мировой войне. Лошади активно использовались для транспортировки снарядов и продовольствия, а особенно ценны они были в местах, где техника не могла пройти. Однако с развитием технологий и появлением танков и авиации лошадь начала утрачивать свою актуальность в военной отрасли. Ведь было намного удобней и действенней использовать специальные механизированные транспортные средства, которые были быстрее лошади в несколько десятков раз. В нынешнее время лошади участвуют в военных целях главным образом для парадов и церемоний, а также для передвижения в тех местах, где техника не способна применяться. Таким образом лошадь играла и продолжает играть важную роль в истории военных конфликтов, хотя со временем ее роль немного поменялась и приняла другой вектор.

Также нельзя не упомянуть об огромном вкладе лошадей в сельское хозяйство и его развитие. Они участвовали в вспахивании и засевах полей, в транспортировке сельскохозяйственной продукции и оборудования. Например, они могут помочь с доставкой урожая на рынок или хранилище, тем самым улучшая логистику и экономя время. Лошади могут помочь в уходе за другими животными на ферме — коровами, овцами, свиньями. Они могут использоваться для выпаса животных, а также для контроля за стадами. При помощи лошади происходила уборка урожая, заготовка сена или соломы, разгрузка или погрузка сенособиравателя и т. д.

В современном мире роль лошади поменялась. Из более популярных направлений хотим выделить использование лоша-

дей в сельском хозяйстве. При своей работе они не выделяют в воздух ядовитых газов, не загрязняют окружающую среду отходами и не истощают почву в отличие от разных специализированных машин. Поэтому использование лошадей может снизить вред, наносимый машинами, и тем самым улучшить состояние окружающей среды. Кроме того, лошадей используют в сельском туризме. Часто люди выезжают за город, чтобы поучаствовать в конных прогулках, а также для познания сельской местности, помогая развитию сельских территорий и привлечения туристов. Также лошади могут использоваться для занятий спортом и фитнесом. Катание на лошадях способствует укреплению здоровья, развитию координации движений и улучшению физической формы. Поэтому это направление также имеет большой потенциал для развития.

Таким образом, использование лошадей имеет ряд перспектив развития начиная от экологически чистого сельского хозяйства и заканчивая спортивными занятиями и развитием сельского туризма. Важно развивать и совершенствовать методы использования лошадей в сельском хозяйстве, чтобы сохранить их ценность в современном мире.

В. И. Клейменов

**«И коней немецких великих много приведоша во Псковъ»:
конский состав городского полка Пскова в XIV–XV вв. ***

Доклад посвящен проблеме пополнения конского состава в Пскове в XIV–XV вв. Земли Северо-Запада Руси постоянно испытывали нехватку лошадей из-за удаленности от основных районов коневодства — Поволжья и Причерноморья. Вместе с тем, воинам городских полков Новгорода и Пскова в рассматриваемый период требовались не низкорослые татарские лошадки, а крупные европейские кони-дестриэ (известные по летописям как «кони великие»), подходящие для ведения «копейного» боя.

Вопрос о происхождении боевых коней на Северо-Западе Руси ранее уже поднимался в историографии, однако он изучен пока недостаточно. Так, например, в монографии А. Л. Хорошкевич было показано, что поставки лошадей в Новгород и Псков шли через Нарву. Торговле лошадьми на русско-ливонском пограничье и вмешательству в нее нарвских фогтов в начале XV в. посвящена одна из статей В. А. Якуниной. «Немецкое» происхождение боевых коней, верхом на которых сражались воины городского полка Новгорода, также подчеркивают А. В. Быков, Е. Д. Подвальнов, М. А. Несин и О. В. Шиндлер. Проблема разведения лошадей на территории Псковской земли лишь косвенно затрагивается в недавних статьях С. А. Салмина и Е. В. Салминой. Настоящая работа является первым специальным исследованием, в котором рассматривается конский состав городского полка Пскова, и призвана заполнить данную лауну.

Анализ источников позволяет выделить три способа пополнения конского состава городского полка Пскова. Первым и наиболее важным, безусловно, являлась торговля. Псковичи закупали боевых европейских коней в Нарве несмотря на запре-

* Научный руководитель: А. А. Вовин.

ты и ограничения со стороны Ордена, которые фиксируются в ливонских документах с начала XV в. Другим способом пополнения конского состава был прямой захват лошадей в ходе боевых действий. Помимо крупного рогатого скота, во время набегов на Ливонию воины городского полка Пскова также угоняли лошадей. Кроме того, боевые кони становились ценными трофеями и в ходе крупных полевых сражений. Об этом свидетельствуют известия Псковской первой летописи и Псковской третьей летописи о Каменском побоище (21 августа 1407 г.): согласно этим сообщениям, несмотря на то, что псковичи потерпели поражение в битве, они сумели захватить «коней великих немецких» и привести их в Псков. Купленных или захваченных лошадей затем могли разводить на территории Псковской земли. Основным районом коневодства, по мнению С. А. Салмина и Е. В. Салминой, являлась пограничная область Пурнау (летописная «Лотыгора»): исследователи отмечают, что этому способствовало наличие качественного лугового сена, которым был богат данный регион. Об этом свидетельствует письмо ливонского магистра Берндта фон дер Борха, в котором упоминается, что в январе 1480 г. при взятии псковской крепости Вышгородок, расположенной как раз в области Пурнау, были захвачены лошади. Также псковичи, вероятно, занимались разведением коней и в самом Пскове, обеспечивая их сеном с островов и побережья Чудского озера: в пользу того, что население Чудского побережья занималось заготовкой сена, говорят упоминания о расправах псковичей над эстами, незаконно косившими сено на псковской территории (в 1427 г. у Выбовска и в 1459 г. на Рожкине).

Таким образом, проблема пополнения конского состава оставалась достаточно острой на протяжении всего периода независимости Пскова. Покупка и прямой захват лошадей, а также их последующее разведение не могли в полной мере обеспечить потребности псковичей в конском поголовье. Низкая доступность «рыцарских» боевых коней, предназначенных для нанесения таранного копейного удара в сомкнутом строю, являлась существенным препятствием для увеличения численности городского полка Пскова в рассматриваемый период.

К. С. Колесник

**Сборы лошадей с вотчин Феодоровского монастыря
в начале Северной войны и их последствия ***

Взаимоотношения русских монастырей с государственной властью в разные исторические периоды, несомненно, являются интересной темой для исследования. Так, во время сотрудничества с Переславским Свято-Феодоровским историко-культурным форумом в рамках конкурса научно-исследовательских работ молодых ученых началось изучение отношений между властью и переславскими обителями в петровские времена, в частности — с Феодоровским женским монастырем.

Научно-исследовательская работа «Дело 1706 г. “О пропаже из Феодоровского монастыря лошадей” как источник по изучению истории взаимоотношений монастырей с органами судебного и административного управления в начале XVIII века» затронула многие исторические темы: уголовное право конца XVII — начала XVIII в., деятельность Монастырского приказа, экономические и социальные отношения в монастырях и принадлежащих им селах, начало Северной войны и т. д. Однако центром исследования явилось найденное в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) дело «О пропаже из Феодоровского монастыря лошадей», датированное августом 1706 г. Поэтому целью данного доклада является освещение события, описанного в деле, и того, к чему оно привело в дальнейшем. Актуальность работы состоит в рассмотрении значимости лошадей для монастырского хозяйства через реакцию обителей и их вотчинных крестьян на указы о сборах лошадей и выходе на размышления о напряженности между монастырями и государственной властью в рассматриваемый период.

* Научный руководитель: А. Ю. Конькова.

В деле приводилось расследование таинственной кражи лошадей из монастырского села Ивановского, проводимое Монастырским приказом. У крестьянина Алексея Федорова и его товарищей ночью украли шесть лошадей, о чем игуменьей Феодоровского монастыря была подана челобитная в Монастырский приказ. Началось запутанное, полное различных подробностей, вплоть до колдовства, ереси и наговоров селян друг на друга, следствие, которое длилось почти полтора года. Свидетели рассказывали совсем о других преступлениях, путались в показаниях. Найденный в самом начале обвиняемый — сын дьячка Матвей Васильев — уверял, что его оговорили сестры монастыря, однако потом вдруг перестал на этом настаивать. И даже количество украденных лошадей в течение следствия менялось — одни крестьяне говорили, что их было шесть, другие — восемь. По итогам следствия Матвей Васильев был признан виновным и отправлен на войну в качестве драгуна.

В процессе поиска связанных с этим следствием документов было выявлено, что незадолго до кражи в Феодоровский монастырь был прислан царский указ от 8 июня 1706 г., которым предписывалось собрать со ста дворов по здоровой крепкой лошади для драгунских полков и доставить в Москву. Также среди документов, хранящихся в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области, касающихся Феодоровской обители, было обнаружено значительное количество других указов по сборам не только лошадей, но и возов сена для их пропитания, а также конских мастеров.

В условиях ведения Северной войны подобные указы со стороны государства были вполне логичны, однако они заставили проанализировать экономическое состояние Феодоровского монастыря и его вотчин в изучаемый период. Выяснилось, что сама обитель пользовалась вниманием со стороны царской семьи. Однако вотчины монастыря еще в период Смутного времени подверглись значительному разорению и запустению — к примеру, согласно дозорной книге 1612 г., в упомянутом селе Ивановском осталось всего пять жилых домов. Учитывая силы и ресурсы, необходимые для восстановления экономического состояния вотчин, размеры государственных повинностей, монастырские села едва ли могли процветать к началу XVIII в.

Это подтверждают документы первой половины XVIII в., в которых сообщается о нужде и оскудении монастыря и о высылке туда прядильщиц для обучения монахинь ремеслу для пропитания. Лошади тем временем были ценным ресурсом не только для армии, но и для крестьянского хозяйства. При этом также стоит упомянуть, что вышеперечисленные указы предполагали, что требуемые кони, сено и конюхи должны быть доставлены в указанное место за счет монастыря.

Эти обстоятельства, количество сборов и запутанность описанного ранее следствия наталкивают на вывод о том, что пропаша лошадей могла быть заранее спланирована. Также это предположение подкрепляется наличием похожих случаев в других монастырях в этот же временной период. Например, описи РГАДА содержат дело об исчезновении из деревни крестьянина со своей лошастью. Таким образом, в архивных документах прослеживается целая история о монастырских конях в военное время, а также видится напряжение, создавшееся вокруг них между властью, монастырем и крестьянами. Тема данного исследования содержит потенциал не только в рамках изучения взаимоотношений монастырей и власти, но и места лошадей в истории.

Д. Б. Костян

Формирование мифологизированного лингвокультурного концепта на примере образа лошади *

Лингвокультурная специфика концепта формируется под влиянием огромного количества факторов, среди которых мифология волшебного играет одну из ключевых ролей. Специфика мифологии заключается в многослойности данного явления, основанного на участии различных культур в ее формировании. На протяжении истории человечество долгое время двигалось в будущее совместно со своими неустанными спутниками — лошадьми. Эти животные играли ключевую роль в транспорте и сельском хозяйстве подавляющего большинства народов мира. Они помогали людям преодолевать огромные расстояния, перевозить тяжелые грузы, вспахивать землю. Обладание лошадью было честью и обеспечивало владельцев надежным помощником в их делах. Для некоторых культур, например, кочевых народов, лошади и вовсе были необходимостью и основой существования. Поэтому совсем не удивительно, что образ лошади много раз был запечатлен в мифах, сказках, легендах, предметах декоративно-прикладного искусства в самых разных уголках мира, что, в свою очередь, отражается в образовании паремий и фразеологических единиц всех уровней.

Часто образ лошади в мифологических и культурных концепциях связывают с солнцем. Например, у восточных славян конь является важным солярным символом. Его часто изображают в традиционной славянской вышивке, некоторых архитектурных деталях. Согласно одному из вариантов славянских преданий, солнце выезжает на небо в колеснице, запряженной двумя белыми конями с золотыми гривами. Археологические данные говорят также о том, что конь был одним из главных

* Научный руководитель: О. И. Кайдалова.

жертвенных животных на похоронах — проводником в мир загробный.

В одном из скандинавских мифов также говорится, что после того как боги сотворили солнце из яркой искры, они поместили светило в колесницу и запрягли в нее двух белых лошадей, которыми правила Соль — дева солнца. Также в скандинавской мифологии можно встретить имя Слейпнир — это восьминогий конь Одина. Этот конь невероятно быстр и может перемещаться по воздуху и воде, а также попадать в мир мертвых.

В древней Греции также существовало представление о том, что Гелиос-солнце ездит по небу на огненной колеснице, запряженной четырьмя огненными лошадьми, принося день на земли людей. Кроме того, в греческой мифологии также есть существо, которое практически полностью повторяет образ лошади — Пегас. Главным отличием во внешнем виде данного мифического существа от его реальных прототипов являются белоснежные крылья. Согласно легендам, удар его копыта мог высекать из скалы водный источник. Так возник источник Гиппокрена на горе Геликон в греческой области Беотии. Пегас также помог герою Беллерофонту победить чудовищную Химеру.

В тюркской мифологии существует родственный греческому пегасу легендарный конь Тулпар. Крылья его не всегда использовались для полета — часто они были символом скорости.

Существует и другое эквиноподобное мифическое существо, крайне похожее на лошадь — единорог. Отличает его от лошади наличие рога на лбу. Единорог является крайне популярным образом как в современной действительности, так и в эпоху Средневековья, и часто выступает как символ чистоты, долговечности и благополучия. Люди верили, что рог единорога обладает магической силой.

Стоит отметить, что кони очень часто сопровождают важных персонажей, будь то богатыри из старославянского фольклора или рыцари из «Легенды об Артуре».

Однако образ лошади отождествляли не только с положительными чертами. В легендах Шотландии упоминается существо, которое называют «келпи» — меняющий облик водяной дух. Его название, возможно, происходит от гэльского слова «sailreach» или «solrach», что означает кобылу или жеребенка.

В фольклорных текстах сказано, что келпи населяют реки и ручьи, обычно в облике лошади. Привлекая путников в образе лошади, они дожидаются, когда человек оседлает их, чтобы затем жертва прилипла к их волшебной шкуре и больше никогда не смогла спешиться. Обездвиженных жертв келпи утаскивали с собой в воду, чтобы потом съесть.

В древнегреческой мифологии также присутствует отрицательная ипостась лошадей. Во время восьмого подвига Геракл вел в Микены кобылиц фракийского царя Диомеда, которые были свирепы и кровожадны, ведь питались исключительно человеческим мясом.

Таким образом, можно заметить, что во многих культурах образ лошади имеет общие черты и ассоциируется со скоростью, силой, миром мертвых и сменой дня и ночи. Лошади в основном имеют положительную характеристику, но в легендах некоторых народов темные силы принимают форму этих животных.

Человечество и сейчас продолжает культивировать и развивать образ лошади в различных культурных традициях, ведь не смотря на то, что эти животные несколько утратили свою транспортную и земледельческую функции в современном мире, они все еще остаются предметом восхищения множества людей. Это непременно позволит лошадям и дальше идти в будущее вместе с человеком.

С. К. Логунова

Лошадь как переход от реального к чудесному на примере Конька-Горбунка *

Фольклор отражает убеждения и знания народов, являясь важной частью культурного наследия конкретной эпохи. Изучение фольклора позволяет заглянуть в мир древних представлений о природе, социуме и отношении человека к нему. Одной из самых ярких фигур русских народных сказок является лошадь, олицетворяющая силу и свободу, обладающая магическими свойствами. Создание таких образов, как Конёк-Горбунок, открывает возможность исследования границ между реальным и воображаемым, а также связи между биологической реальностью и мифологическим восприятием. Данная тема важна не только для фольклористики, но и для биологии, так как здесь удастся показать, как культурные нарративы влияют на наше понимание природы и ее сущности.

В славянской культуре лошадь не только служила средством передвижения, но и обладала особыми символическими значениями. Она ассоциировалась с божествами, такими как Дажьбог и Перун, считалась жертвой в ритуалах, а лошадиные духи часто изображались как защитники и помощники в трудных ситуациях.

В сказке «Конёк-Горбунок» главный герой сталкивается с препятствиями и именно волшебный конь помогает ему преодолеть все трудности. Образ Конька-Горбунка представляет собой переход от реального к чудесному, становясь катализатором событий и позволяя герою добиться успеха, справившись с испытаниями. Волшебные способности и умение исполнять желания подчеркивают завораживающий элемент фольклора, а также границу между реальным и фантастическим.

* Научный руководитель: К. В. Азаров.

Отдельные мифологические образы, связанные с лошадьми, часто интерпретируются через призму современных биологических знаний. Фольклор предоставляет глубокие символы и модели для понимания природы, тогда как биология помогает нам видеть реальную жизнь лошадей и их эволюционное развитие. Это сопоставление определяет, как мифы о лошадях комплектуются с реальными данными и их ролью в экосистеме.

Лошадь (*Equus ferus caballus*) — это вид млекопитающих, который является одним из наиболее известных подвидов в рамках рода *Equus*. С биологической точки зрения границы между видами определяются способностью к скрещиванию и образованию плодовитого потомства. Лошади обладают уникальными генетическими особенностями, которые отличают их от других, предполагая многообразие пород и форм, обусловленных естественным отбором и селекцией.

Фольклорные образы создают уникальную мифологию вокруг лошади, в то время как наука предоставляет разумные и жесткие определения о биологических видах. Миф может легко переплетаться с реальностью, создавая сложные образы, обладающие символической значимостью.

Сказка «Конёк-Горбунок» и лошадь как мифологический персонаж служат отличным примером переплетения фольклорных и биологических аспектов. Рассмотрение этих границ не только углубляет наше понимание национальной культуры, но и позволяет лучше осознать значимость лошади как символа в различных контекстах. Сопоставление фольклорного восприятия с научным анализом предлагает уникальную перспективу для изучения биологического многообразия и мифопоэтического осмысления мира.

Ю. А. Макаулидзе

Роль кавалерии в Беотийской войне *

К началу IV в. до н. э. гегемоном в Греции была Спарта, победившая Афины и ее союзников в разрушительной Пелопоннесской войне. Военная мощь лакедемонян, являвшаяся опорой их власти в регионе и главной гордостью, заключалась в непобедимости их пехотной фаланги.

Кавалерия же не была сильно развита ни у спартанцев, ни у их основных соперников афинян. В греческих полисах армия состояла из гоплитов-ополченцев — каждый гражданин города должен был за свой счет себя вооружать и содержать в походе. Содержание лошадей было дорогим, еще больше ухудшало ситуацию малоземелье в крупных полисах и запущенность пахотных земель после Пелопоннесской войны.

Хотя активное использование лошадей на войне не было распространено в классический период Древней Греции, наиболее боеспособной считалась конница Фив и Фессалии. Связано это было в основном с особенностями географии этих регионов. Беотия — регион, где располагались Фивы, и Фессалия по греческим меркам имели обширные и плодородные поля, на которых можно было снимать больший урожай зерна, чем на Пелопоннесе и в Аттике. Спарта и Афины, находившиеся в этих двух регионах соответственно, имели более развитую торговлю и ремесленное дело, в то время как фиванцы представляли из себя зажиточных крестьян, имевших тесные связи как с городом, так и непосредственно с землей. Более того, из-за меньшей зависимости от импорта пшеницы фиванские всадники могли более надежно содержать своих коней.

На войне древние греки использовали лошадей исключительно для боевых действий. Для возделывания земель приме-

* Научный руководитель: Т. Б. Гвоздева.

нялись более неприхотливые волю, в походах всадники прямо на своих конях шли позади колонны.

В древнегреческих войсках кавалерия не играла решающей роли на поле боя и использовалась как разведывательные отряды. Таким образом, при необходимости полководец мог быстро послать свою конницу разведать дальнейший путь. В то же время она не должна была удерживать позиции до подхода основных сил: для этого использовались пельтасты — легкие пехотинцы из полисной бедноты, которые не могли себе позволить броню и щит. Легкая разведывательная кавалерия, ожидаемо, не имела тяжелого вооружения или доспехов. Более того, так как ей не ставилась задача удерживать позиции от натиска противника, главным оружием конников были метательные дротики, а не оружие ближнего боя.

Особенностью конницы Беотийского союза (коалиции Фив и дружественных им городам) во время Беотийской войны стало более активное ее применение в крупных битвах. Традиционно бои начинались с битвы кавалерии и, учитывая преимущество фиванцев над спартанскими и афинскими конниками, Беотийский союз побеждал в начальной стычке. Однако главным нововведением стало применение кавалерии совместно с пехотным строем. Беотарх-полководец Эпаминонд во второй четверти IV в. до н. э. провел военную реформу в войске фиванского полиса, основным достижением которой стала разработка тактики «косого клина» — усиление одного фланга и постепенное отступление другим. Эта тактика принесла ему победу в битве при Левктрах в 371 г. до н. э., а к 362 г. до н. э. он ее улучшил, включив действия кавалерии. Так, в битве при Мантинее ударный фланг гоплитов целенаправленно поддерживался отрядами конницы, действовавшими совместно с застрельщиками.

Стоит отметить, что с гибелью Эпаминонда развитие кавалерии в эллинистическом мире не остановилось. Влияние его идей прослеживается в структуре войска Филиппа II Македонского. Именно при нем сформировался корпус тяжелой македонской кавалерии, которая станет играть уже решающую роль в сражениях, особенно во время походов его сына Александра Великого.

А. А. Мачнева

Конская ветеринария в России XVIII в. *

С незапамятных времен лошади играли важную роль в жизни людей, большую, чем какие-либо другие одомашненные животные. Благодаря особенностям своего строения лошади начали применяться человеком в различных областях. Издревле они помогали перевозить грузы — различные товары, продовольствие на рынки, развивая тем самым торговлю. Незаменима была лошадь и в сельском хозяйстве, на пахоте. Особую роль эти животные сыграли в военных действиях, в частности, в кавалерии. В связи с широким применением лошадей в самых разных областях возросла потребность в их уходе, содержании и лечении. О первых методах врачевания лошадей стало известно вскоре после их одомашнивания (в Европе и Азии — около 2 тыс. лет назад до н. э.).

Первостепенное значение для решения поставленных нами задач имеют исследования, непосредственно направленные на изучение развития конской ветеринарии, уровня ветеринарного образования, а также методов лечения лошадей ветеринарными врачами в эпоху расцвета Российской империи. Изучение истории конской ветеринарии XVIII в. в России отражает культурно-социальные изменения в обществе в данный период, показывая как с течением времени менялось отношение к «братьям нашим меньшим», а также их значение в общественной жизни. Необходимо понимать как формировались основы ветеринарной медицины, отслеживать эволюцию теоретических знаний и практик для осуществления лечебных манипуляций. Благодаря данному аспекту можно найти решение в профилактике и ликвидации различных болезней, в том числе и эпидемиологических, основываясь на опыте ветеринарных врачей прежних времен. Все вышеперечисленное аргументирует актуальность темы и опре-

* Научный руководитель: М. И. Хуснутдинов.

деляет цели исследования, заключающиеся в сравнительном анализе методов лечения лошадей в XVIII в. и сейчас, в анализе научных достижений и открытий, извлечении опыта для решения современных проблем в области ветеринарии, профилактики заболеваний и охране здоровья животных.

Развитие и становление конской ветеринарии всегда было важным разделом в истории ветеринарной медицины. Особый интерес специалистов данной области вызывает XVIII в. Данный период истории Российской державы характеризуется экономическим ростом, связанным с развитием промышленности и сельского хозяйства, значительными прогрессивными изменениями в области науки и образования, среди которых открытие Петербургской академии наук, европеизация, заключающаяся во внедрении зарубежных практик культуры, технологий и управления, развитие торговли. Особую роль сыграли реформы Петра I в отношении создания ветеринарных школ, благодаря которым стали возможным развитие ветеринарной медицины и подготовка квалифицированных специалистов для работы в сфере животноводства и сельского хозяйства. В XVIII в. были приняты меры по контролю за болезнями животных, что повышало их жизнеспособность и продуктивность. Петр I распорядился прикрепить к коновалам-иностранцам несколько учеников для обучения кузнечному делу и коновальному искусству. В связи с ростом армии и потребностями военного дела активно развивалось коневодство. В 30–40 годах XVIII в. при конных заводах возникли конюшенные школы, где изучались общеобразовательные и специальные дисциплины, а также иностранные языки. По завершению обучения ученики сдавали экзамен, включающий умение диагностировать наружные и внутренние болезни, подготавливать лекарства, изготавливать подковы.

Следует отметить, что организация ветеринарного образования в России в первой половине XVIII столетия была значительно лучше, чем в европейских странах, где оно специализировалось исключительно на изучении болезней лошадей. В 1733 г. была устроена первая «конская» аптека. Стали активно развиваться научные знания, так как ветеринарные специалисты стали основывать поставленные диагнозы и лечение на анатомии и физиологии животных. Благодаря возникновению первых трак-

татов полученные знания в области ветеринарной медицины стали активно распространяться. Ветеринарные врачи начали использовать новые методы лечения, среди которых были хирургические операции, а также изучать заболевания лошадей, такие как грипп, колики, инфекционные и кожные болезни, гельминтозы и др.

Подводя итоги можно сказать, что в XVIII в. конская ветеринария в России претерпела значительные изменения. Это положительно сказалось на здоровье лошадей, развитии коневодства, улучшении условий содержания и разведения животных.

П. Р. Озерова, Д. О. Стоякова

Лошадь Пржевальского — последняя дикая лошадь на Земле: история открытия и спасения вида *

В мире существует более 150 пород и типов лошадей. Развитие почти каждой из них происходило под влиянием человека. Искусственный отбор, а также более питательные корма привели к увеличению размеров и возрастанию качества лошади. Но самый важный фактор, который оказывал влияние на формирование пород, — работа, выполнения которой человек требовал от лошади. Однако существуют лошади, на развитие которых человек не смог повлиять. Лошадь Пржевальского — вид дикой лошади, который до 1879 г. был не исследован и не изучен, а его открытие — это огромный вклад в познание удивительной фауны нашего мира.

Заслуга открытия неизвестного прежде науке вида древней лошади (как и дикого верблюда, медведя-пищухоеда и др.) принадлежит великому русскому путешественнику, в корне изменившему представление о рельефе Центральной Азии, — Николаю Михайловичу Пржевальскому — ученому и путешественнику.

Во время своего третьего путешествия в Центральную Азию (1879–1880 гг.) Пржевальским было пройдено 7200 верст. В ходе этого путешествия, проходившего зачастую в экстремальных природных условиях, Николай Михайлович изучил новые виды животных и птиц оазисов Хами и Са-Чжеу. Тогда же произошло и открытие подвида дикой лошади, впоследствии названной в его честь лошадейю Пржевальского.

Облик данной лошади Николаю Михайловичу пришлось восстанавливать с помощью добытых у местных охотников шкуры, черепа и устных сведений. Результаты своих изысканий он опубликовал в книге «Из Зайсана через Хами в Тибет и на

* Научный руководитель: А. А. Бахта.

верховья Желтой реки», опубликованной в 1883 г. Шкуру и череп дикой лошади Пржевальский представил в Академию наук в Санкт-Петербурге, которая подтвердила важное открытие. Зоолог И. С. Поляков сделал первое научное описание *Equus ferus przewalskii*.

Приземистое, крупноголовое животное имеет короткую стоящую гриву, мощную шею, небольшие уши и типично ослиный хвост. Шерсть окрашена в песчано-рыжий цвет. Ноги темно-бурые либо покрыты темными зebroобразными полосами. Длина тела у лошадей — 200 см, рост — до 135–136 см, а вес — около 250–300 кг. Крупные жеребцы могут весить до 350 кг. Лошадь Пржевальского генетически отличается от домашней лошади: у нее 66 хромосом, а не 64. Однако от их скрещивания получается плодовитое потомство, в отличие от других подвидов, которые всегда бесплодны.

Не успела пресса оповестить мир о находке, как тогда полагали, предка современного коня, как лошадь Пржевальского превратилась в диковинку, иметь которую захотели все зоопарки Европы. Отловом «перволошадей» занялся предприимчивый торговец экзотическими животными Карл Хагенбек из Гамбурга. В 1902 г. он организовал крупную экспедицию в Монголию, откуда привез 17 жеребцов и 15 кобыл. Часть из них он продал в европейские зверинцы, а оставшихся приберег для собственного зоопарка, который открыл на окраине Гамбурга в 1907 г. Хагенбек следил за научными публикациями и быстро реагировал на новые открытия: в своем зверинце он стал содержать животных не в клетках, а в вольерах, что вызвало восторг у посетителей. Со временем интенсивное браконьерство, вытеснение домашними лошадьми с пастбищ и климатические изменения привели к исчезновению древних скакунов в естественной для них среде. Последний живший на свободе конь пал в 1969 г. С тех пор лошадь Пржевальского была занесена в международную Красную книгу в категорию «исчезнувших в природе».

В естественной среде лошади Пржевальского ведут стадный образ жизни. Они формируют небольшие стада, во главе которых стоят сильные взрослые жеребцы. Власть вожака абсолютна: только он выбирает места для водопоя или кормежки, направление пути. Пасутся лошади большую часть дня, но

предпочитают вечерние сумерки или утро. Днем они отдыхают, стараясь выбрать место на возвышении для лучшего обзора окрестностей, поскольку представители этого вида отличаются хорошим зрением, нюхом и слухом.

Исчезновение последних диких лошадей Азии из природы в XX в. — факт свершившийся. Но сегодня, в начале XXI в., лошадь Пржевальского обитает в неволе — в зоопарках и заповедниках мира и в центрах репродукции. В Ленинградском зоопарке данный вид лошадей обитал и даже давал потомство. Но на сегодняшний день их невозможно здесь увидеть, так как они жили в зоопарке до 2008 г. В настоящее время лошадь Пржевальского можно встретить в государственном природном заповеднике «Оренбургский», где обитает 105 особей. В 2024 г. начался выпуск лошадей в дикую природу во втором национальном парке — Алтын-Дала.

Из вышеизложенного текста следует, что лошадь Пржевальского как последняя дикая лошадь, имеющая уникальные особенности по сравнению с другими видами, на сегодняшний день находится на грани вымирания и обитает вне воли. Это является важной проблемой, ведь вымирание животных представляет собой многогранное явление, которое затрагивает не только экосистемы, но и науку, экономику и культуру. Сохранение биоразнообразия — задача, решение которой требует совместных усилий на глобальном уровне.

У. Ю. Павлова

«Наставление для выездки ремонтных лошадей» 1870 г. *

Конный спорт пользуется популярностью в современном мире. Выездка или высшая школа верховой езды — олимпийский вид конного спорта. В общем смысле это также искусство управления лошастью. Правила выездки сосредоточены на точности выполнения каждого элемента, плавных переходах от одного элемента к другому, способности лошади к правильным и производительным движениям в различном темпе, а также взаимодействию между лошастью и наездником. Выездка — самый эффектный и непростой вид конного спорта, демонстрирующий способности всадника при управлении лошастью, показывающее их взаимопонимание. Конская выездка обладает обширной и насыщенной историей.

В сообщении проанализировано «Наставление для выездки ремонтных лошадей», изданное в 1870 г. Оно включает упрощенные тезисы И. Бобинского (1836 г.) и курса Берейторской школы для кавалерии Русской императорской армии. Согласно наставлению, подготовка начиналась с работы на корде и в руках, затем следовала верховая подготовка на трензеле и после — на мундштуке. Цель подготовки заключалась в постепенном развитии полевой лошади, выработке широких аллюров и хорошего контакта для маневренности.

Правильная выездка должна была обеспечить подготовку ремонтной лошади согласно требованиям боевой кавалерийской службы, но при этом не ослаблять, а развивать природную силу и свойства животного. Лошадь также должна была подходить под следующие требования: быть покорной воле всадника, уметь спокойно стоять и двигаться, производить все необходимые действия с быстротой, ловкостью, смелостью. В «Наставлении» акцентируется внимание на верном построении лошади:

* Научный руководитель: М. И. Хуснутдинов.

как удерживать поводья наезднику, о правильном равновесии лошади, как правильно ей держать шею и голову, о манежных упражнениях для развития гибкости, выносливости и ловкости.

В «Наставлении» выделены главные условия для успешной выездки молодой лошади:

— вести выездку терпеливо, постепенно переходя от слабого упражнения к трудному;

— проявлять умеренность в требованиях к лошади; опираться на физическую подготовку и осознанность животного к требованиям к задачам;

— выездку молодой лошади следует проводить не более одного раза в день и не дольше чем до легкого пота лошади; занятия не должны быть принудительные и слишком продолжительные; лучше вести выездку отдельно для каждой лошади.

Отмечено также, что в 1-й части Воинского устава 1869 г. говорится: сбереженная лошадь, хотя и менее обученная, предпочтительнее лошади выученной в совершенстве, но при этом растратившей свои силы. Добавлено, что манежная езда — это средство, подготавливающее лошадь к строю, и что выездка, растрачивающая силы, — это порча лошади.

В 3-й главе «Наставления» повествуется о правилах обращения с лошадью и перечислены общие основания управления ею. Указано, в частности, что степная лошадь обладает робостью и недоверием к человеку. Это свойство побороть можно только заботой. Необходимо ласковое и спокойное отношение к лошади, наездник должен всеми силами давать понять, что ему нужно от нее. Лошадь сразу надо ставить в нужное положение, при правильном выполнении упражнения награждать ее поглаживанием и кусочком хлеба. При этом наезднику нужно быть в меру строгим и уметь наказывать, быть внимательным, терпеливым и смелым.

Здесь же содержатся такие положения:

— управление лошадью основывается на умении владеть уздой;

— правильная посадка и владение рукой составляет главное условие успешной выездки;

— необходимо аккуратное пользование поводьями, частое и грубое дерганье поводьями, причиняющее боль лошади, сна-

чала выводит ее из себя, а затем приводит к нечувствительности к поводьям и непослушанию человеку;

— первоначально выездка должна проводиться без шпор, но с хлыстом;

— начальная выездка ремонтных лошадей должна проходить в резервных эскадронах.

Отмечено, что вести выездку ремонтных лошадей необходимо с величайшей осмотрительностью и терпением, не торопиться и обращать внимание на сбережение сил лошади и на полное подчинение ее человеку. К выездке лошади уже должны уметь выполнять движения как на уздечке, так и на мундштуке, свободно ходить шагом и рысью, правильно делать повороты, перемену направлений, вольты, осаживания и прыгать через небольшие барьеры. Рука, управляющие кордою, должна быть чувствительной, покойной и мягкой. Приемы: движение руки вперед по направлению движения лошади, побуждающее ее прибавить ход; легкое колебание кордою, убавляющее или останавливающее ход движения; движение руки от себя, снизу вверх, заставляющее лошадь расширить вольт, а движение к себе — уменьшить его.

В «Наставлении» расписываются следующие упражнения: боковые движения, осаживание, езда шагом, езда рысью, полуостановки, остановки, повороты на ходу, повороты на месте, движения плечом внутрь, прыжки через барьеры и рвы, езда в поле, галоп, сокращенный галоп.

В. Н. Пономарева

**Конокрадство как криминальный феномен
(по материалам Оренбургской губернии XIX в.) ***

Конокрадство как разновидность правонарушений являлось не только весьма распространенным, но также одним из самых тяжких и преследуемых преступлений в XIX в. Поиск украденного животного требовал решительных действий со стороны правоохранительных органов, поскольку преступнику, пойманному на месте, нередко грозила мгновенная расправа. Этот преступный промысел быстро распространился во множестве регионов Российской империи. Не избежала «напасти» и Оренбургская губерния: «Это зло вкоренилось почти повсеместно, а особенно в восточной полосе России. В одной Саратовской губ. по 6000 лошадей; также весьма много крадут их в Оренбургской, Вятской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и других губерниях».

Архивные данные, путевые записки путешественников, информация о проведении ярмарок на территории страны, а также многочисленные отчеты экономического характера свидетельствуют о том, что лошади являлись крайне востребованным товаром. В Оренбургской губернии в период с 1860 по 1870 г., по данным Объединенного государственного архива Оренбургской области, стоимость животного в зависимости от различных факторов составляла, как правило, от 30 до 80 руб. Особенно высоко оценивались при этом полковые лошади. В силу высокой стоимости лошадей отдельные категории населения Оренбуржья не могли позволить себе их покупку на законном основании или длительное содержание. Вследствие этого желание обладать практически незаменимым в хозяйстве животным побуждало людей к незаконному присвоению «живого товара». Уводили

* Научный руководитель: К. А. Абдрахманов.

их, как правило, во время разбойных нападений на хозяев, во время выпаса или прямо из стойбища в ночное время суток.

В отчетах, направленных оренбургскому губернатору с 1868 по 1872 г., приведены некоторые статистические данные о сословных представителях среды конокрадов. К примеру, в сведениях, предоставленных старостой 3-го стана Оренбургского уезда, упоминается не только общее количество дел о конокрадстве — 35, но и точное число конокрадов-крестьян — 18. Остальные представителями судопроизводства были определены в категорию «разных сословий» — 23, что в сумме составляет итоговый показатель в 41 человека.

Этнический и социально-профессиональный состав преступников был довольно разнообразным. Чаше всего это были кочевники-казахи, в хозяйстве которых лошади и другой скот играли ведущую роль. Также промышляли угонем лошадей башкиры, татары, русские крестьяне и казаки. Особую популярность этого криминального промысла в кочевой среде можно объяснить как достаточно поздним вхождением степных территорий в российское правовое поле, так и культурными особенностями региона. Среди тюркских кочевых народов известен обычай барымты — одного из древнейших степных законов о набеге на врага с целью захвата материальных ценностей, как правило, за неуплаченный долг. Грабеж или угон на территории степи карались штрафом (аип), но за барымту человека не наказывали, так как данный обычай считался вполне легальным способом добиться справедливости.

Упоминались в отчетах старост и татары, уводившие коней во время вечернего выпаса, и казаки, не добившиеся правосудия и решившие отомстить соседям, а также разбойники, не определенной в ходе следственных мероприятий национальности, которые опустошали целые двory, забирая помимо остального имущества хозяев, их скот. Следует отметить и то, что кражу животного мог совершить абсолютно любой работник, недовольный оплатой труда.

Д. Д. Рязанова

История возникновения и развития выездки в России *

Конный спорт в последнее время набирает популярность в России, однако для обывателя такой вид верховой езды как конкур более прост для восприятия. Выездка является одним из наиболее сложных классических направлений, входит в олимпийские виды спорта, требует много физических и умственных умений от всадника, имеет долгую историю и является основой искусства верховой езды. Целью нашей работы является ознакомление с историей возникновения и развития выездки в России, с традициями и особенностями данного вида конного спорта.

Выездка (по международной терминологии — дрессура) — высшая школа верховой езды. Суть выездки заключается в демонстрации способности лошади к правильным и производительным движениям на всех аллюрах в различном темпе, правильная стойка, осаживание, движения с боковыми сгибаниями, сложные движения (пируэты, менка ноги на галопе в 4-1 темп, пассаж, пиаффе).

Человек впервые оседлал лошадь предположительно между 6000 и 4000 г. до н. э., однако выездка как специфичный подход к военной подготовке лошади сформировалась в Древней Греции, где ключевую роль сыграл афинянин, полководец-кавалерист Ксенофонт. Он является автором первой из обнаруженных письменных работ по выездке — трактата об искусстве выездки «Иппика», датированной 360 г. до н. э. Ксенофонт был первым тренером, осознавшим роль посадки в верховой езде и основавшим более мягкий и сострадательный подход к управлению лошастью. В основе выездки в то время лежали военные цели: сделать лошадь более маневренной, контролируемой и ловкой.

* Научный руководитель: М. И. Хуснутдинов.

После падения Римской империи, в Средневековье, предпочтение вновь отдается крупным и выносливым, однако немагнанным лошадям, способным вынести тяжесть доспехов, требующим простого и грубого управления, и выездка на время останавливается в своем развитии.

Эпоха Возрождения принесла моду на верховую езду в крытых манежах — развлечение среди знати. Именно в это время выездка получила свое развитие как искусство управления лошадью. Появились сложные элементы, до сих пор используемые в данном виде спорта: пиаффе, пассаж. Это было время расцвета выездки и основания классических школ данной дисциплины, например, широко известной по сей день Испанской школы верховой езды.

На протяжении своей истории русская школа выездки обогащалась передовыми идеями и наработками европейских мастеров. Так, в 1676 г. на русский язык был переведен труд великого французского мастера «Учения, как объезжать лошадей, господина Антуана де Плювинеля, королевского величества начальника конюшен». В 1723 г. был издан еще один труд Плювинеля «Королевский манеж». В 1734 г. напечатан выдающийся труд Гериньера «Школа кавалерии».

В России теория и практика верховой езды развивались знающими свое дело русскими офицерами. И. Бобинский, П. Краснов, С. Урусов и другие оставили богатейший методический материал. Например, полковник, командир гвардейской берейторской школы Бобинский издал сначала «Руководство к образованию кавалериста», а затем, в 1836 г., капитальный труд «Краткая иппология» в двух частях, вторая часть которого посвящена искусству верховой езды.

Основоположником современной выездки можно назвать Джеймса Филлиса — талантливого берейтора, который разработал свою систему выездки лошадей, основанной на знании биомеханики, анатомии лошади, ее природных данных и особенностях поведения. В течение 50 лет он наблюдал за работой лошадей в различных областях: скачках, бегах, цирковой дрессуре, манежной езде, езде в дамском седле, военном деле. В Россию Филлис приехал в 1897 г. в цирк Чинизелли (Санкт-Петербург), где у него сразу появилось много поклонников.

В 1901 г. была впервые издана на русском языке его уникальная книга «Основы выездки и езды». Филлис давал уроки в Петербургской офицерской кавалерийской школе, где служил выдающийся русский военачальник А. А. Брусилов. В 1908 г. эту же школу закончил С. М. Буденный.

В 1912 г. на V Олимпийские игры из Петербурга в Стокгольм выехала делегация русских спортсменов, среди которых была и команда конников. Соревнования конников включали в себя конкур-иппик, «милитари» (современное троеборье) и выездку. Лучший результат из наших спортсменов показал ротмистр Екимов — он занял 9-е место среди 39 участников. Олимпиада 1916 г. не состоялась из-за Первой мировой войны, а Гражданская война 1917–1922 гг. в России помешала нашим конникам принять участие в VII Олимпиаде.

В 1952 г. всадники СССР участвовали в XV Олимпийских играх в Хельсинки и показали там довольно скромные результаты. Дело в том, что наши спортсмены оттачивали сложнейшие элементы — испанский шаг, испанскую рысь, галоп на трех ногах, требующие от лошади максимальную концентрацию и хорошую физическую подготовку. А зарубежные мастера выездки стали делать акцент на раскрепощение лошади и развитие ее естественных аллюров.

Большой вклад в развитие советской выездки внес Григорий Терентьевич Анастасьев, заслуженный тренер СССР (1957 г.), судья всесоюзной категории (1954 г.), чемпион СССР. Обладая большим опытом и особым чутьем в подготовке лошадей и всадников, он, заняв пост главного тренера сборной СССР, подготовил целую плеяду знаменитых всадников: Николая Ситько, Нину Громову, а также будущих олимпийских чемпионов — Сергея Филатова и лошадь Абсента, Елену Петушкову и Пепла, Ивана Кизимова и Ихора.

На Олимпиаде 1980 г. наши всадники Юрий Ковшов на Игроке, Вера Мисевич на Плите и Виктор Угрюмов на Шквале завоевали золото в командном первенстве. Не отставали от них и конкуристы, завоевавшие также первое место в командном зачете. На Олимпийских играх 1988 г. сборная в составе Нины Меньковой на Диксоне, Анатолия Танкова на Ижарске, Ольги Климко на Букете и Юрия Ковшова на Барине заняла 4-е место.

На Олимпиаде-2004 Александра Корелова на Балагуре заняла 23-е место в личном зачете. Выступление на следующих Олимпийских играх было удачнее: Корелова завоевала 6-е место, а в переезде Большого приза осталась пятой. Игры 2016 г. собрали у экранов телевизоров множество российских поклонников выездки, которые с волнением наблюдали за выступлением Инессы Меркуловой и Мистера Икс. Пара показала достойные результаты, но, к сожалению, в КЮР попасть не смогла.

Е. В. Свешникова

Лошади в похоронных обрядах древних славян *

По какой причине именно лошади участвовали в похоронных практиках? Какие основные символические значения они обретали и как эти обряды сохраняли связь между поколениями и обеспечивали переход души в мир мертвых? Лошадь у древних славян по праву может считаться одним из самых мифологизированных животных. Она занимала важную роль в фольклоре, а также в погребальных, свадебных и календарных обрядах.

В славянской культуре образ коня неразрывно связан с почитанием солнца. Одной из основных причин такого отношения является то, что по представлениям славян колесница с солнцем запряжена лошадьми. По некоторым более древним славянским традициям конь и сам мог представляться в божественном облике золотого солнца. Именно эти представления и объясняли тесную связь лошади с потусторонним миром в качестве проводника душ.

В святочном гадании славяне завязывали глаза лошади, садились на нее задом наперед и следили куда она пойдет — в той стороне гадающую и ждало замужество. В некоторых гаданиях для замужества девушки должны были прийти в конюшню в полночь и та, которая первая услышала конское ржание, должна была в скором времени выйти замуж.

Довольно распространенной традицией некоторых славянских народов являлось сжигание маски конского черепа на Ивана Купалу, когда, согласно поверьям, все мифологические персонажи, связанные с загробным миром, покидали землю и возвращались на тот свет.

Конь в русских сказках часто выступает в качестве боевого соратника и друга главного героя: Сивко-Бурко, Конек-Горбунок.

* Научный руководитель: К. В. Азаров.

Идея получения коня в качестве волшебного помощника из склепа. Важность данного тезиса заключается в том, что Иван в «Сивке-Бурке» получает волшебного коня-помощника только после трехдневного посещения могилы непосредственно от умершего отца, тогда как в других сказках герой добывает волшебного помощника из сооружения, по описанию похожего на могилу: некое место под дубами (т. е. под землей), конюшня в горе, выход, погреб. Ершов, создавая свою сказку «Конек-Горбунок», опирался на народные обряды, сказания и довольно живо их переработал.

Археологические данные лишь подтверждают важность лошади в качестве посредника между жизнью и смертью. Источниками самых ценных и достоверных сведений могут служить находки археологов на территории русских городищ и могильников. Следует заметить, что параллельно практиковались как ритуальные сожжения покойников, так и полноценные похороны с захоронением ритуальных предметов и животных.

Например, при раскопках Рюрикова городища было найдено большое количество лошадиных черепов. Все кости были расположены вдоль внутреннего западного склона древнего рва. Черепа лежали вплотную к северной и западной стенкам сруба с хлебной печью. Такое расположение позволило С. А. Семенову высказать предположение о том, что животные стали охранительной жертвой во время строительства.

С точки зрения языческих верований не меньшее значение представляет сожжение. Прах таких ритуально убитых животных помещали в урны и укладывали рядом с умершим. Примером таких захоронений являются новгородские сопки. Помимо сожжения было широко распространено применение конских черепов в качестве оберега в ритуалах и на местах расположения храмов, священных мест и захоронений, что являлось достаточно распространенной практикой. Ярким примером такого участия лошади в погребальных ритуалах можно считать захоронение, найденное в Чернигове, известное как Черная могила (X в.). На костях во всех приведенных примерах не было найдено следов разделки, которые могли бы дать основания предполагать об использовании лошадей в пищу.

Более тривиальным объяснением важности лошадей в похоронных обрядах может служить их большое значение в быту и военном деле. Использовали древние славяне лошадей уже с VI в. н. э., в том числе как тягловое животное на пашне. В основном лошади славянских племен лесной и лесостепной зоны по своим параметрам были максимально приближены к своему предку — дикому тарпану, или гибридной форме, которая являлась результатом скрещивания тарпана с домашними лошадьми.

В заключение отметим, что лошади занимали значительное место в похоронных обрядах славян, символизируя не только связь с миром мертвых, но и служа важным элементом культурной идентичности. Их присутствие в ритуалах подчеркивало веру в загробную жизнь и необходимость сопровождения души в последний путь. Образы лошадей как проводников между мирами отражают глубокие духовные и культурные традиции славянских народов.

Д. Секулович

**Феррари — отражение символики лошади
в автомобильной и итальянской культуре ***

С развитием техники произошла замена лошади автомобилем, что поменяло не только их применение, но и общественный статус и символику. Лошадиная сила — это один из символов, которые лошади привнесли в новый автомобильный мир. В данном сообщении рассматривается роль лошади в истории одного из наиболее известных гоночных и автомобильных брендов. Scuderia Ferrari и знаменитый «Гарцующий конь» стали самым успешным автомобильным и гоночным брендом в мире. Победы в самых престижных гоночных соревнованиях, таких как Формула-1, сделали скачущую лошадь символом гонок. Есть возможность исследовать появление «культурной иконы», которое предшествовало основанию компании Ferrari, с новой точки зрения. Оригинальная исследовательская база основана на личных записях Энцо Феррари и участников гонок, а также на газетных статьях.

Франческо Баракка, посещавший в 1909–1910 гг. конную школу в Пинероло, впервые столкнулся там с образом «прыгающей лошади». Школа Дату, основанная в 1692 г. герцогом Савойским, в том или ином виде на протяжении всей своей истории имела лошадь в качестве герба. Во время Первой мировой войны Баракка получил широкую известность как один из лучших летчиков-асов. На своем самолете он изобразил вздыбившуюся лошадь — в знак уважения к своему кавалерийскому прошлому и любви к лошадям. Когда гонщик Энцо Феррари встретил мать погибшего к этому времени летчика Баракки, она разрешила ему использовать в гонках герб своего сына, подчerkнув, что это принесет Феррари мировую известность.

* Научный руководитель: А. А. Исэров.

Впервые герб был использован в 1932 г. на гонке в Бельгии, благодаря которой Энцо Феррари стал известен под именем «кавалино». Успех Феррари сопровождался переносом лошадиной символики из итальянской культуры в гоночную.

Большая часть предыдущих исследований посвящена рассмотрению лошадиной символики в рамках маркетинга, без учета культурного аспекта. В данном исследовании анализируется культурный контекст лошади с автомобильной точки зрения, прослеживается передача культурных ценностей и смыслов из социально сконструированного мира в бренд. Это позволяет увидеть роль, которую играет лошадь в итальянском обществе и автомобильном мире.

Когда речь идет об эксклюзивных и роскошных брендах, мощные и уникальные ассоциации играют ключевую роль в повышении ценности бренда. Это также интерпретируется как показатель восприятия их лояльности к итальянской культуре. Создание Ferrari означало объединение бренда с набором определенных ценностей, которые преподносятся как благородные, поскольку воспринимаются как подлинные, добровольные и руководствующиеся внутренними ценностями, а не коммерческими или политическими интересами. Таким образом, они воспринимаются как аутентичные, стремясь способствовать авторитету предлагаемых ими ассоциаций и аутентичности ценностей, на которые они ссылаются.

Писатели-футуристы особенно увлекались эстетикой скорости, видя в скорости понятие красоты, сравнивали ее с красотой греческих богинь.

Таким образом, мы смогли определить стратегическое перепрофилирование как особый процесс в рамках культурного брендинга, целью которого было создание символа бренда путем перераспределения символов из области, глубоко укоренившейся в культурной и национальной идеологии общества, в сферу бизнеса. Исходя из поставленных задач можно сделать вывод, что культурный брендинг, который был осуществлен Ferrari путем принятия лошади в качестве своего логотипа, определяет общий подход к созданию, становлению и развитию восприятия и образа лошадей, производных от мощных культурных элементов.

В. А. Серянова

**Динамика жизни и образ лошади:
от свободы до ответственности ***

Образы лошади отражают различные аспекты человеческой жизни — психологию намерений и принятия решений. Исследуемые образы символизируют динамические отношения между понятиями контроля и свободы, между концептами «усилие» и «результат», а также между семантическими значениями слов «энергия» и «усталость». При рассмотрении образов с лошадьми в качестве основных философских тем можно расширить семантическое поле этих высказываний и объяснить их этимологию.

«Скакать, как на скакуне» — о человеке, который полон энергии и готов к действию. Люди, которые умели ездить верхом, ощущали свободу и скорость. Фридрих Ницше подчеркивает важность самопознания и преодоления ограничений, чтобы двигаться к своей цели. Он пишет, что тот, кто хочет быть птицей и легким, тому нужно любить себя самого, а также добавляет, что эта любовь должна быть цельной и здоровой, чтобы сносить себя и не скитаться повсюду. Истинная любовь к себе требует, чтобы человек был в состоянии безжалостно отбросить все, что мешает ему скакать, как на скакуне, навстречу своей судьбе.

«Лошадь уходит в галоп» — о том, что дела начинают развиваться стремительно. В древних обществах галоп использовался для военных целей, охоты и передачи информации. Гераклит Эфесский подчеркивает постоянный поток изменений и непостоянство мира, описывая это, тем, что всё течет и, таким образом, всё изменяется. Реальность быстротечна.

Два этих образа лошади связаны с быстротой и динамикой. Энергия, активность и устремленность, готовность могут привести к прогрессу.

* Научный руководитель: К. В. Азаров.

«Держать в узде» — фраза, в которой образ лошади появляется в семантике контроля над ситуацией или человеком. Узда использовалась для управления лошадьми в езде, в работе. Иммануил Кант считает, что свобода не означает хаос, а скорее, подчинение разуму и нравственным законам. Он пишет, что все это подчинение правилам, сформулированными нами для нас самих. Здесь образ лошади демонстрирует необходимость дисциплины и осознанного принятия решений.

«Пробраться в седло» — начать действовать или принимать на себя ответственность, взять лидерство. Джон Локк подчеркивает важность не только свободы, но и равенства для каждого. Он считает, что все люди рождаются свободными и равными в своем статусе и правах. Все это описывает процесс обретения контроля над своей судьбой, преодоления ограничений и утверждения своей индивидуальности.

Два этих образа о лошадях свидетельствуют о важности контроля, как над собой, так и над ситуацией.

«Лошадь, как символ свободы» — образ, обозначающий стремление к независимости и свободе выбора. Лошади — животные, живущие в дикой природе, не подвержены контролю человека. Жан-Жак Руссо подчеркивает, что человек по своей природе свободен, но общество накладывает на него ограничения. Он пишет, что человек таким рожден, но всё равно все вокруг в цепях. Фраза отражает стремление к естественному состоянию, к свободе от ограничений, к самоопределению и подчеркивает внутреннюю жажду независимости.

«Скакать по кругу» — выражение о том, что человек делает одно и то же без прогресса. Связано с обучением лошадей в манеже, где оттачивали навыки движения. Альберт Камю подчеркивает абсурдность человеческого существования. Он считает, что абсурд — это противостояние между человеческой потребностью в наличие смысла и бессмысленностью мира. Эта фраза отражает бесплодность попыток найти истину, если основываться на неверных предпосылках, иллюстрирует концепцию стагнации, когда усилия не ведут к прогрессу.

«Не всякая лошадь добежит до финиша» — не все усилия приводят к успеху. Здесь образ лошади связан с конными гоночными соревнованиями. Сократ, признавая свою ограничен-

ность, утверждал, что истинные знания недостижимы, а процесс познания — это бесконечный поиск. Он подчеркивал, что его мудрость заключается в том, что он осознает свое незнание. Фраза напоминает о реальности, подчеркивает важность понимания ограничений и шансов на успех, что является частью жизни.

Таким образом, образы лошади отражают сложные аспекты человеческого существования — от стремления к активности и свободе до управления ответственностью и осознания возможных неудач. Они служат напоминаниями о том, что жизнь полна динамики, выбора и вызовов.

А. С. Соколова

**Структурно-семантические особенности фразеологизмов
с зоонимическим компонентом «лошадь»
в английском языке ***

Животные, как компонент лингвокультурно маркированных образований являются наиболее часто встречающимся явлениям во всех языках. Английский язык не составляет исключения, так как животные всегда играли важную роль как в быту, так и в других областях жизни. Многие из животных стали компонентами фразеологизмов, понимание значения которых может стать ключом к пониманию культуры. Особый интерес представляет образ лошади, которая всегда занимала и занимает ключевую роль в британской культуре. Целью нашего исследования является изучение структурно-семантических особенностей фразеологизмов с зоонимическим компонентом «лошадь» в английском языке.

Зооним — это особый компонент, входящий в структуру фразеологической единицы и формирующий общее фразеологическое значение. Фразеологическая единица — это устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание, выполняющее функцию отдельной словарной единицы — лексемы.

В лингвистике существует множество систем классификаций фразеологических единиц. В нашем исследовании мы остановились на структурно-семантическом принципе классификации фразеологизмов.

По семантической слитности фразеологизмы разделяют на следующие составляющие:

- фразеологические сращения;
- фразеологические единства;
- фразеологические сочетания;

* Научный руководитель: О. И. Кайдалова.

— фразеологические выражения.

Фразеологические сращения, или идиомы, — это абсолютно неделимые, неразложимые устойчивые сочетания, общее значение которых не зависит от значения составляющих их слов: «a dark horse» — «темная лошадка» (человек, особенно конкурент, о котором мало известно). Фразеологические сращения возникли на базе переносных значений их компонентов, но впоследствии эти переносные значения стали непонятны с точки зрения современного языка.

Фразеологические единства — это такие устойчивые сочетания слов, в которых при наличии общего переносного значения отчетливо сохраняются признаки семантической раздельности компонентов: «hold your horses (or hard)» — «придержи коней» (не торопитесь, будьте терпеливы, ведите себя более сдержанно). В отличие от фразеологических сращений, переносность осознается с точки зрения современного языка.

Фразеологические сочетания — это устойчивые обороты, в состав которых входят слова и со свободным, и с фразеологически связанным значением: «you can lead a horse to water, but you can't make it drink» — «можно привести лошадь к воде, но нельзя заставить ее пить» (силой не всего можно добиться). В отличие от фразеологических сращений и фразеологических единств, которые обладают целостным неразложимым значением, фразеологические сочетания характеризуются смысловой разложимостью. В этом отношении они сближаются со свободными словосочетаниями.

Фразеологические выражения — это обороты с буквальным значением компонентов, и их единственная особенность — это воспроизводимость. В состав фразеологических выражений включают многочисленные английские пословицы и поговорки, которые употребляются в прямом значении, не имеют образного аллегорического смысла: «to work like a horse» — «пахать как лошадь» (работать на износ; много работать, работать с большой интенсивностью, энергией и настойчивостью).

Важно, что в английской и американской лингвистике менее актуален термин «фразеологическая единица» («phraseological unit»), а востребован так называемый «set expression», что в принципе тождественно. В частности, также

используется понятие «идиома» («idiom»). В английском языкознании оно не имеет узкого значения фразеологического сращения, а обозначает все устойчивые выражения в целом.

По структуре (структурно-семантический принцип) фразеологические единицы делятся на:

— именные (субстантивные), обозначающие лицо, предмет, явление: «to flog a dead horse (буквально: стегать мертвую лошадь)». Как видите, это совершенно бесполезно;

— глагольные, обозначающие действие, состояние как процесс: «horse around (дурачиться, резвиться)»;

— атрибутивные, обозначающие свойства, признаки лица, предмета, явления: «back (or bet on) the wrong horse» — «поставить не на ту лошадь» (сделать неправильный выбор, просчитаться);

— наречные, обозначающие свойства, качества, признаки действия: «Straight from the horse's mouth» (из первых уст; из первоисточника; со слов того, кто был непосредственным участником чего-либо);

— модальные, обозначающие различное отношение говорящего к тому, что говорится: «I could eat a horse» — «испытывать сильное чувство голода»;

— связочные, служащие для связи отдельных частей предложения или целых предложений, частей связного текста: «horse of a different color» (это совсем другая масть, совсем другое дело);

— сравнивающие: «To eat like a horse» — есть как лошадь, иметь волчий аппетит.

Вышеупомянутые принципы лишь могут подчеркнуть, насколько многочисленными идиомами можно охарактеризовать лошадь. Данное животное является отличным способом для выражения абсолютно разного спектра эмоций с помощью словосочетания.

В. П. Станкова

История выведения породы англо-норманн во Франции *

Лошади англо-нормандской породы являются частью культурного наследия Франции. Изучение их истории помогает сохранить и передать будущим поколениям знания о традициях коневодства и особенностях этой породы. Также современные заводчики и селекционеры смогут использовать знания об истории выведения породы для улучшения существующих пород лошадей или создания новых.

Целью данного исследования является изучение истории выведения лошадей англо-нормандской породы во Франции, определение основных этапов и методов селекции, а также оценка вклада этой породы в развитие мирового коневодства.

Лошадь — одно из самых удивительных и красивых животных, которое на протяжении веков было верным помощником человека. В современном мире лошади все еще играют важную роль в жизни людей, особенно в сфере сельского хозяйства, спорта и отдыха. Современная верховая англо-нормандская лошадь родом из Нормандии, Франция. Эта порода появилась в 1830-х годах в результате скрещивания чистокровных норфолкских рысаков и тяжелых нормандских лошадей. Процесс ее формирования продолжался до начала XX в. В становлении породы участвовали местные лошади, такие как Мерлеро и черная каретная лошадь из Котантена.

Англо-нормандскую лошадь использовали как рысака, каретника и верховую лошадь. Во времена Второй империи порода стала очень популярной и составляла основу французской кавалерии. Закон Бохера, принятый в 1873 г., способствовал увеличению численности этой породы и ее использованию в военных целях. Хотя англо-нормандские лошади были известны

* Научный руководитель: М. И. Хуснутдинов.

своей универсальностью, они не получили широкой известности как боевые кони.

В XX в. модернизация армии и транспортной сферы привела к тому, что англо-нормандских лошадей перестали использовать в военных и каретных целях. Разведение породы также было реорганизовано. После Второй мировой войны англо-норманны стали популярны в конном спорте, особенно в соревнованиях по преодолению препятствий (конкуре). В 1958 г. произошло слияние всех французских полукровных пород, и англо-нормандская лошадь была включена в национальную породу *Selle français*.

Англо-норманны — это лошади, распространенные на Канской равнине, которую также называют «конским заводом Франции». Англо-норманны всегда являются помесями. Некоторые из этих лошадей выводились как верховые и предназначались для кавалерии. В зависимости от размера, телосложения, модели и походки их приобретали в качестве ведущих, резервных, линейных, легких верховых артиллерийских или тягловых артиллерийских лошадей.

Англо-нормандская порода стала популярной во времена Второй империи, конкурируя с чистокровными лошадьми. Она известна своей универсальностью и подходит как для верховой езды, так и для упряжи. В период с 1840 по 1860 г. на породу повлияли скрещивания с полукровными рысистыми лошадьми из Англии.

В 1855 г. качество животных этой селекции обеспечило ей успех. Англо-нормандскую породу разводили по всей Франции. Л'Англо-Норман была представлена на региональных племенных ярмарках: в Сен-Ло в 1859 г., в Кане в 1860 г. и в Эвре в 1864 г. В 1864 г. было создано Общество французских лошадей-полукровок, которое впоследствии стало Обществом поощрения разведения французской лошади. В 1865 г. во время соревнований в Алансоне парижские газеты опубликовали две статьи, критикующие эту породу. Некоторые считали, что стоит поддерживать только чистокровное разведение. По словам Дени Богроса, нормандские заводчики каретных лошадей долгое время обманывали французское государство, продавая ему «племенные отходы» как военных лошадей благодаря сильному лоб-

бирванию. Именно поэтому эти заводчики продвигали концепцию «лошадь двойного назначения», особенно в отношении англо-нормандцев. Завоевание Алжира привело к конкуренции за них со стороны лошадей породы Барбес.

Таким образом, история выведения породы англо-норманн во Франции представляет собой длительный и сложный процесс. Эта порода не только стала символом качества и универсальности, но и сыграла значительную роль в развитии конного спорта, сельского хозяйства и других отраслей. Англо-нормандская порода лошадей является не только важным элементом французского коневодства, но и отражает многовековые традиции взаимодействия человека с природой. Она продолжает вдохновлять новые поколения коневодов и наездников, сохраняя свое место в истории и культуре Франции.

М. Г. Старкова, Д. К. Малахова

**«Híppos» как основной смысловой компонент
в заимствованиях, содержащих концепт «лошадь» ***

Лошади высоко ценились в греческом обществе за их полезность в сельском хозяйстве, войне и транспорте. Как символы благородства и власти, они приобрели важное значение в литературе и священных текстах. Греки не просто называли предмет или явление определенным словом, но и в само название вносили его номинативную функцию. Так, в греческом языке есть слово «híppos», что значит «лошадь». От этого корня в наш язык вошла группа «лошадиных» слов. Самые часто встречающиеся среди них: гиппопотам, что значит «речная лошадь», ипподром — «место конских бегов», имена Филипп («любящий лошадей») и Ипполит («целитель лошадей»). Ипполиты были покровителями коней и всего, что с ними связано. Их почитали как богов и часто изображали вместе с лошадьми.

Одним из видов соревнований на Олимпийских играх были скачки на колесницах. Эти скачки осуществлялись на специальных дорогах. Так образовалось слово «ипподром» — ἵπποδρομος, которое произошло от слияния двух слов ἵπλος (конь) и δρόμος (дорога) и означало «дорога для коней».

Также часто можно встретить в мифах слова, которые в своем составе содержат греческий корень ἵππος или híppos. Например, Посейдон — бог моря, был известен и как бог лошадей. Его часто изображали едущим на колеснице, запряженной гиппокампами. Гиппокамп (греч. ἵπποκάμηλος; ἵπλος — «конь», κάμηλος — «морское чудовище») — морское чудовище, служившее «транспортным средством» для Посейдона, nereид и других божественных обитателей моря. У Посейдона также была возлюбленная, которую звали Меланиппа (древнегреческое:

* Научный руководитель: О. И. Кайдалова.

Μελανίπτη, латинизированное: Melanippē, буквально — «черная кобыла»).

Гиппалектрион был существом с передними конечностями лошади, крыльями, хвостом и задними ногами петуха. Гиппалектрион означает «петушиная лошадь» или «петух-лошадь» — от греческих слов alektryōn и hippos. Это фантастическое существо имеет голову и тело коня, переходящее в рыбий хвост, который завершается плавником или клешней рака.

Гиппогриф (от греч. hippos — лошадь и griffin — грифон) в древневосточной мифологии фантастическое животное с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла или льва, полуорел, полулошадь.

Также корень hippos есть в названии мест. Например, гиппокрена или иппокрена (Ἴπλοκρήνη) в греческой мифологии источник вдохновения, который возник от удара копыта крылатого коня Пегаса на горе муз Геликоне (отсюда буквально — «лошадиный источник»).

Таким образом, слово «hippos» является высокопродуктивным в современных языках и служит основой для создания новых слов, в которых прямо или косвенно используется концепт лошади.

А. А. Томила

**«Бойся данайцев, дары приносящих»:
семиотика троянского коня ***

Троянский конь, будучи одним из центральных элементов в контексте Троянской войны, «символом греческой цивилизации», как пишет Ж. К. Кениспаев, представляет собой мощный семиотический символ, который выходит за рамки конкретного исторического или мифологического образа и обретает универсальное культурное значение, закрепленное сложившимся фразеологизмом. В своей основе он воплощает амбивалентность подарка, который скрывает за внешней привлекательностью фатальную угрозу.

Герменевтически первоначальный замысел троянского коня можно рассматривать как объект, чье значение основывается на двойственности: внешняя форма — деревянная статуя коня, символизирующая дар богам и акт признания поражения, и скрытая внутренняя сущность — укрытие для воинов, готовых нанести внезапный удар. Внутри этого образа заключена сущность «обмана», в котором форма и содержание находятся в разрыве. Условный знак троянского коня вводит концепт мимикрии: конь, как элемент сакрального дара, воспринимается троянцами как символическое выражение завершения войны и примирения, но одновременно содержащее в себе потенциал деструктивности и хаоса.

Фразеологизм «троянский конь», ставший культурной универсалией, теперь описывает любые скрытые угрозы, замаскированные под нечто безобидное или даже желаемое. Эта метафора сохраняет в себе базовые семиотические черты древнего мифа: обман, двусмысленность, нарушенное доверие. В более широком смысле троянский конь отражает герменевтическую проблему интерпретации и разрыв между знаком и его истин-

* Научный руководитель: К. В. Азаров.

ным значением, что также может рассматриваться как предупреждение о необходимости более глубокого анализа внешне очевидных явлений. Согласно классификации Ю. М. Лотмана, иконический знак дара приобретает свою условность, вуалирующую прямое значение символа в обратное, дуалистически противоположное.

Выбор коня в качестве подарка от Афины Воительницы имеет глубокие символические корни, связанные с древнегреческой мифологией и культурной традицией древнегреческого быта. Конь в античности часто ассоциировался с силой, благородством и сакральностью. Афина, будучи богиней мудрости и военного искусства, могла быть семантически связана с фигурой коня, поскольку он символизировал одновременно и силу, и ловкость в бою, а также являлся средством успешного ведения военных действий. Для троянцев в этом контексте огромный деревянный конь, оставленный у стен Трои данайцами, представлял собой ценный сакральный дар, несущий в себе символ примирения и очевидной победы. Однако подлинное значение дара оказалось в действительности ложным, что и стало ключом к трагедии. Троянцы, приняв этот подарок, обманываясь его внешней оболочкой, продемонстрировали свою веру в завершение войны, что оказалось фатальной ошибкой и повлекло за собой крах Трои. Доверчивое решение троянцев объясняется культурными особенностями мифического сознания того времени: для них дар Афины был священным и отказ от него означал бы пренебрежение волей богов, что могло привести к наказанию сил свыше.

Фразеологизм «троянский конь» в современности сохранил свой семиотический потенциал как обозначение скрытой угрозы, замаскированной под нечто безобидное или даже желанное. Сегодня это выражение часто используется для описания ситуаций, где внешне благоприятное предложение содержит скрытый риск или подвох, и наиболее известным примером его практического применения в официальной языковой среде является «троянский вирус» или «троянская программа» в сфере информационных технологий. Этот тип вирусов получил свое название по аналогии с мифическим троянским конем: как и деревянная статуя, компьютерные вирусы проникали внутрь

системы под видом безобидного или даже полезного программного обеспечения, но затем активировали вредоносный код, нарушающий работу системы и наносящий ей непоправимый ущерб, полностью выводя программу из строя. Важной вехой в истории таких программ стала эпидемия вируса «AIDS Information Diskette», которая произошла в 1989 г. Этот троян распространялся через физическую почту и был замаскирован под полезные файлы на дискете, содержащей, как утверждалось, информацию о СПИДе. Как и первые вирусы, этот троян проникал в операционную систему после активации файла, однако его характерной чертой было то, что он создавал скрытые файлы и вносил изменения в системные данные, что со временем приводило к блокировке файлов на жестком диске. В результате зараженные пользователи теряли доступ ко всей своей информации, кроме файла, содержавшего требование автора вируса, который предлагал вернуть доступ к привычному ПО за определенную сумму денег.

Цель современных «троянских коней» — обмануть пользователей, чтобы те сами установили вредоносное программное обеспечение к себе в устройство. Таким образом, семиотическое значение гомеровского мифа о троянском коне продолжает жить в цифровой среде, служа метафорой для коварных скрытых угроз, которые могут привести к разрушительным последствиям, если не будут вовремя распознаны.

Этот вирус, как и «дар данайцев» в истории Троянской войны, использует доверие как средство для достижения своих целей, а фразеологизм «троянский конь» продолжает семантически оставаться напоминанием о том, что внешняя благоприятность может скрывать за собой фатальную опасность.

С. А. Топорова

**Лингвокультурная значимость концепта «лошадь»
в различных сферах жизни
(на материале английского языка) ***

История Британии насыщена взаимодействиями различных народов, которые на протяжении веков жили на ее территории. Эти народы, включая кельтов, римлян, саксонцев, норманнов и многие другие, внесли уникальный вклад в формирование многогранной культуры, которую мы наблюдаем сегодня. Каждый из этих этносов принес свои обычаи, языки, верования и традиции, что создало богатую мозаику культурных влияний. Предания, связанные с животными и человеком, характеризуют животное с различных сторон и формулируют некое определение, отражение последнего в сознании, соответственно это происходит и с лошадью.

Лингвокультурная специфика концепта формируется под влиянием огромного количества факторов, среди которых предания играют одну из ключевых ролей. Специфика преданий Британских островов заключается в многослойности данного явления, основанного на участии различных культур в ее формировании. Лошадь играла всегда важную роль в жизни населявших эти острова народов, поэтому не удивительно, что она органично участвует в образовании вымысла в преданиях Британских островов.

Кельтские предания являются богатейшим источником народных верований, связанных с убеждением о неразрывности человека с природой и единства живых существ. Так, судя по раннему изображению кельтской королевы Боудики на колеснице, которую двое ее всадников везут на битву с римлянами, лошадь уже давно стала частью жизни Британии.

* Научный руководитель: О. И. Кайдалова.

В сфере традиций и верований с лошадьми закрепилось понятие подковы, которую, как известно, нужно размещать над входной дверью. Выражение «A lucky horseshoe», собственно лошадиная подкова, приносящая счастье и удачу. Легенда, связанная с этой традицией, гласит, что однажды переодетый дьявол пришел к кузнецу по имени Дунстан, но тот, разгадав маскировку, привязал дьявола к наковальне и набросился на него с раскаленными щипцами. Дьявол взмолился о пощаде, но Дунстан отпустил его только после того, как тот пообещал никогда не входить в дом, где висела подкова. Подкову нужно класть носком вниз, чтобы она могла уловить благодать небес.

Лошадь занимает особое место в британской культуре, выступая не только как домашнее животное, но и как символ целого ряда социальных, экономических и культурных аспектов. На протяжении веков она была ключевым элементом в жизни общества: от сельского хозяйства до аристократических состязаний.

Некоторые обычаи, формирующие моральные нормы, также непосредственно связаны с концептом лошадь. Так, *don't look a gift horse in the mouth*, значение которой может быть объяснено тем фактом, что возраст лошади иногда можно определить, исследуя ее зубы, поэтому осмотр ее рта может помочь оценить ее ценность, и в том случае, когда подарили лошадь, попытка определить ее ценность путем осмотра зубного ряда была бы воспринята как грубость. Или, *a nod is as good as a wink to a blind horse*, вы не сможете некоторых людей понять намек, если они намерены не делать этого. Интересно, что исследуемый концепт часто используется для описания моральных норм поведения, исходя из практического применения данного животного в хозяйстве, так, *every horse thinks its own pack the heaviest* или *to put the cart before the horse*, или *enough to choke a horse*

Аналогично шло постепенное образование понятия лошадь применимо к военному делу, так как морская Британия никогда не отказывалась от использования кавалерии в боях. Так до сих пор используется выражение *(old) warhorse*, оно коррелирует с русским выражением «старый конь борозды не испортит». Это устойчивое сочетание означает, что пожилой или опытный че-

ловек сможет справиться с поставленной задачей. Другой пример, связанный с этой тематикой: wild horses wouldn't drag me away.

Другой областью употребления концепта «лошадь» является спорт. Так, частотными являются: a dark horse, a two-horse race, to back the wrong horse, to flog a dead horse, to hold your horses, to take the reins, a horse of a different colour, get off your high horse, stalking horse, don't spare the horses.

Исследуя выражения, имеющие оценочное значение, можно заметить, что употребление концепта «лошадь» часто ассоциируется с понятиями «грубый» — horseplay, horse sorrel; «невысокое социальное положение» — a horse doctor; «низкопробный» — a horse opera.

Широта семантики и областей применения данного концепта свидетельствует о повышенном интересе к этому животному и его значимости во всех сферах жизни.

М. С. Ускова

История конской торговли в России во второй половине XIX в. *

В докладе рассматривается состояние внутренней конской торговли на территории Российской империи в XIX в. На основе архивных, публицистических и статистических источников проанализированы типы конской торговли, спрос на породы и очаги продаж. Показана связь между породами и климатом регионов.

В XIX в. Российская империя занимала первое место среди стран Европы по числу конского поголовья. Количество лошадей в России в 1882 г. составляло 21 065 000. Столь значительное число связано с нуждами крестьян, с транспортными задачами. Также лошади активно использовались в армии. Распределение поголовья по России шло неравномерно в зависимости от сельскохозяйственных нужд и климата. Южные и центральные регионы имели более широкое породное разнообразие за счет изобилия корма и притока новых лошадей из-за рубежа. Приток новых лошадей обеспечивал генетическое разнообразие и следовательно расширял возможности в выведении новых пород. Теплый климат и качественные корма создавали все условия для коневодства. В северных регионах коневодство было проблематично за счет ограниченности кормовых ресурсов и неблагоприятного для лошадей климата. Следовательно север нуждался в лошадях с юга и центра России.

Конская торговля была затруднена из-за большого расстояния между регионами. Одним из главных способов доставки лошадей на дальние расстояния была железная дорога. Она позволяла конезаводам распространять свои породы за пределы ближайших регионов. Таким способом доставлялись самые качественные и дорогие лошади.

Большая часть конской торговли шла между ближайшими районами и городами. В основном торговля лошадьми происхо-

* Научный руководитель: М. И. Хуснутдинов.

дила на сельскохозяйственных рынках и базарах. На таких рынках можно было встретить большое количество распространенных пород. В более развитых губерниях — Саратовской, Воронежской, Киевской, Подольской, Тамбовской, Черниговской проходили еженедельные базары, где представлялся большой выбор пород. Торговая активность регионов была обусловлена наличием государственных конных учреждений. К примеру, на территории Курской губернии функционировали Беловодские государственные конные заводы, в число которых входили Деркульский, Стрелецкий, Ново-Александровский и Лимаревский заводы, а на территории Воронежской губернии располагался Хреновской конный завод. Также функционировало более 800 частных конезаводов. Такое обилие точек разведения приводило к разнообразию пород.

На базарах выставляли лошадей частные владельцы, там же и проходила покупка. Еще одним источником торговли являлись конезаводы. Качество генетического материала и чистота породы у лошадей с заводов были выше, но и спрос с ценой тоже были завышены. В более крупных городах торговля происходила на специальных конных площадях. Своя конная площадь была и в столице Российской империи — Санкт-Петербурге. Торг здесь происходил не каждый день, а только три раза в неделю: по воскресеньям, средам и пятницам. С 1890 по 1893 г. привод лошадей ежегодно составлял более 40 000 голов. В дни оживленного торга на площади насчитывалось до 500 голов, в дни затишья — около 150. Быстрее всех выкупались больные лошади на убой. Качественных лошадей покупали извозопромышленные учреждения и владельцы мелких промышленных и торговых предприятий, которым принадлежало $\frac{3}{4}$ всех столичных лошадей. Неблагоприятные условия северных регионов негативно отражались на извозничьих лошадях, их часто меняли на новых, а старых продавали на убой. Цены на лошадей колебались от 3 до 350 руб. Цена на убойных лошадей, продаваемых оптом, составляла от 3 до 30 руб. Лошади более высокого качества стоили от 20 до 350 руб. Также цены зависели от пород и сезонности. Годовой оборот торговли на площади от первой категории лошадей составлял в среднем 75 000 руб., от второй — до 245 000 руб.

С. И. Федотова

История разведения и селекции тракененских лошадей для конного спорта *

В работе исследуется разведение и селекция лошадей тракененской породы для конного спорта. Выяснено, каких параметров старались добиться заводчики и какие качества требовались спортивным лошадям этой породы. Прослежено от каких пород и по каким принципам происходило выведение данных спортивных лошадей. Данный вопрос вызывает большой интерес, особенно у людей, связанных с работой в конюшнях. В настоящее время данная порода пользуется популярностью у спортсменов, селекционеров и любителей, ее часто можно заметить на крупных спортивных соревнованиях.

Когда мы наблюдаем за выступлениями лучших лошадей мира, мы восхищаемся и задаемся вопросом: были ли эти лошади рождены для этого? Лошади, выступающие на высоком уровне, являются результатом не только обучения, воспитания, ухода и выбора снаряжения, но и, возможно, наиболее существенно, селекции. Особи отбираются по конкретным критериям: телосложение, ловкость, прыгучесть, темперамент и образ движения.

Тракененскую породу вывели и развивали в Восточной Пруссии. Считается, что официальной датой выведения породы является 1732 г. С того времени, взяв за основу арабскую и английскую породы, происходила активная селекция для ее улучшения. Свое название лошади данной породы получили по топониму Тракенен — «лес у болота».

История этой лошади не так богата как у кабардинской, английской или арабской. Первоначально основной задачей коневодства в Восточной Пруссии было производство лошадей для кавалерии. Тракененская порода выводилась для сельскохозяйственных и военных целей. Она является полукровной поро-

* Научный руководитель: М. И. Хуснутдинов.

дой, выведенной из высоко ценившихся в то время за выносливость и скорость арабских скакунов и сильных тяжеловозов, которые и придали особям неимоверную силу, стойкость и мощь. Достоинства, на которые обращали внимание при разведении, — выносливость и готовность работать, — позже стали одними из главных преимуществ для продвижения этой породы в спорте.

Однако селекция и выведение породы шли не так гладко, как хотелось бы. Во время Второй мировой войны порода была на грани исчезновения из-за массовой гибели от холода и обстрелов. В конце войны выжившие тракененские племенные лошади переехали в Советский Союз в качестве трофея, поэтому дальнейшее разведение породы разделилось на две страны. В Германии в 1960-е годы немецкие коннозаводчики решили переквалифицировать тракененскую породу из кавалерийской в спортивную. Для улучшения породы при скрещивании использовались особи чистокровных верховых и арабов. Кроме того, на формирование породы заметное влияние оказали продолжительные разнообразные комбинированные тренировки с испытаниями, продолжавшиеся на протяжении многих поколений, обильное правильное кормление, хорошие условия конюшенного содержания. В СССР же порода переживала взлеты и падения. Несколько раз она была на грани исчезновения, а после Хрущева ее и вовсе пришлось восстанавливать чуть ли не с нуля. Тем не менее на протяжении всего этого времени порода ценилась как одна из лучших верховых лошадей для разнообразных и смешанных задач — спортивных, сельскохозяйственных и военных. На сегодняшний день различают два типа этой породы — «русский» и «немецкий», их разведение идет обособленно.

На сегодняшний день тракененская лошадь — отличная спортивная порода для всадника любого уровня. Особи обладают уравновешенным характером и прекрасными физическими данными. На Олимпийских играх и других соревнованиях мирового уровня тракененская порода показала себя как одна из самых успешных. В конном спорте используют чаще всего именно полукровных лошадей, к числу которых принадлежат и особи тракененской породы, сочетающие в себе качества чистокровных видов и тяжеловозов в идеальном балансе.

П. А. Элькин

Образ коня в фольклоре донских казаков *

Бескрайние степи, низкие мазанки с белыми стенами, окруженные плетеным забором, конь, мирно пасущийся неподалеку, крики петухов, подсолнухи, снопы сена — все это создает неповторимую атмосферу казачьего хутора. Однако спокойствие размеренной жизни донских казаков часто нарушалось вражескими набегами и приграничными конфликтами. Судьба этого народа полна трагических событий. В тягучих звуках народных песен можно встретить множество упоминаний о легкой казачьей доле.

Отвага и боевая слава донских казаков и атаманов нашла отражение во многих всемирно известных литературных произведениях, таких как «Тарас Бульба», «Тихий Дон», «Степные рыцари».

Сюжеты народных казачьих произведений многое позаимствовали из славянских былин и сказок, однако имеют и свои отличительные черты. Конь в казачьем фольклоре олицетворяет справедливость, мужество и преданность. Он мог выступать проводником между миром живых и миром мертвых, наравне с черным вороном, появление которого в славянском фольклоре служит дурным предзнаменованием.

Казачья конница была сильным противником на поле боя. С юного возраста мальчиков обучали верховой езде, джигитовке, владению шашкой. Национальный мужской костюм казака напоминает военную форму: черные шаровары, косоворотка, красный или черный бешмет, меховая шапка или фуражка, высокие кожаные сапоги. Такой мужественный образ казака производил устрашающее впечатление на врагов.

Невозможно представить казака без коня. Он позволял быстро перемещаться по степи, давал преимущество во время во-

* Научный руководитель: К. В. Азаров.

енных действий. Донская лошадь славилась своей выносливостью и быстротой движений. Потерять коня в бою было большим горем, ведь он был не только силой, но и боевым товарищем. Если конь возвращался домой без всадника — значит казак погиб. Было обнаружено множество захоронений, в которых рядом с человеческими останками лежал конь.

До наших дней сохранились легенды и предания об отважных казаках. Существуют ансамбли казачьей песни, соревнования в джигитовке, этнографические музеи и клубы — культура жива и продолжает развиваться, сохраняя традиции предков. В Санкт-Петербурге ансамбль «Казачья доля» выступает на сценах муниципальных дворцов культуры и тематических фестивалях, где каждый может погрузиться в неповторимую атмосферу казачьего фольклора, проникнуться лирическими мотивами народных песен.

Сведения об авторах

Абрахманов Константин Алексеевич, Оренбургский государственный педагогический университет, доцент, кандидат исторических наук (Оренбург).

Аваков Петр Ашотович, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, старший научный сотрудник; Южный федеральный университет, доцент, кандидат исторических наук (Ростов-на-Дону).

Аверьянов Константин Александрович, Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук (Москва).

Азаров Константин Валерьевич, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, старший преподаватель, кандидат философских наук (Санкт-Петербург).

Акбарова-Бен-Цви Гюнай, Бакинский государственный университет, доцент центра «SABAN», доктор биологических наук (Баку, Азербайджанская Республика).

Акользина Марина Константиновна, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, заведующая кафедрой историко-филологического образования факультета педагогики Института образования и общественных наук, кандидат исторических наук (Тамбов).

Алмазов Александр Сергеевич, Государственный академический университет гуманитарных наук, доцент кафедры источниковедения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, кандидат исторических наук (Москва).

Антипина Екатерина Евстафьевна, Институт археологии РАН, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в археологии, кандидат биологических наук (Москва).

Антонов Алексей Юрьевич, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, студент факультета землеустройства и сельскохозяйственного строительства (Санкт-Петербург).

Арзыбаев Тыныстан Кадырович, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук (Бишкек, Республика Кыргызстан).

- Асылгараева Гульшат Шарипзяновна**, Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, старший научный сотрудник, кандидат ветеринарных наук (Казань).
- Бабенко Анна Николаевна**, Институт археологии РАН, научный сотрудник (Москва).
- Базарова Татьяна Анатольевна**, Санкт-Петербургский институт истории РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Базиева Гульфия Джамаловна**, Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, старший научный сотрудник сектора этнографии и этнологии, кандидат философских наук (Нальчик).
- Баландина Олеся Александровна**, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, ведущий архивист отдела научно-публикаторской и выставочной работы, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Балашова Оксана Борисовна**, Благотворительный фонд ЛИТО, заведующая лабораторией гуманитарных исследований, кандидат филологических наук (Москва).
- Баленкова Светлана Сергеевна**, Пензенский колледж искусств, преподаватель истории (Пенза).
- Бедельбаева Марина Васильевна**, Карагандинский университет им. Е. А. Букетова, Сарыаркинский археологический институт, заведующая музеем археологии и этнографии, кандидат исторических наук (Караганда, Республика Казахстан).
- Белинский Андрей Борисович**, ООО «Наследие», генеральный директор, кандидат исторических наук (Ставрополь).
- Беляева Вероника Николаевна**, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, руководитель центра туристического образования, исследований и взаимодействия с туристической индустрией Института международных отношений и мировой истории, кандидат исторических наук (Нижний Новгород).
- Богомазова Анастасия Александровна**, Российский государственный архив древних актов, начальник отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов, кандидат исторических наук (Москва).

- Болнова Екатерина Владимировна**, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, доцент кафедры русской литературы Института филологии и журналистики, кандидат филологических наук (Нижний Новгород).
- Борисова Алина Владимировна**, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, доцент кафедры отечественной средневековой и новой истории, кандидат исторических наук (Ярославль).
- Борщик Наталья Дмитриевна**, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, профессор, доктор исторических наук (Симферополь).
- Бутрин Егор Сергеевич**, Государственный архив Ивановской области, главный археограф, кандидат исторических наук (Иваново).
- Быков Андрей Юрьевич**, Институт востоковедения РАН, руководитель Лаборатории исследования современных Центральной Азии и Кавказа, доктор исторических наук (Москва).
- Валуев Анатолий Алексеевич**, Калининградский областной историко-художественный музей, заместитель директора (Калининград).
- Варникова Евгения Николаевна**, Вологодский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доцент, кандидат филологических наук (Вологда).
- Великодная Елизавета Константиновна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, аспирантка кафедры биохимии и физиологии (Санкт-Петербург).
- Виноходова Мария Владимировна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, доцент кафедры организации, экономики и управления ветеринарным делом, кандидат ветеринарных наук (Санкт-Петербург).
- Вихрова Ксения Александровна**, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, старший преподаватель (Санкт-Петербург).
- Волков Михаил Николаевич**, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва, доцент кафедры общенаучных и общетехнических дисциплин, кандидат технических наук (Санкт-Петербург).
- Высочков Леонид Владимирович**, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XX века, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

- Ганулич Александр Анатольевич**, член Союза писателей России, кандидат технических наук (Москва).
- Гвоздева Инна Андреевна**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, кандидат исторических наук (Москва).
- Гвоздева Татьяна Борисовна**, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук; доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук; Литературный институт им. А. М. Горького, доцент кафедры зарубежной литературы, кандидат исторических наук (Москва).
- Гилева Ксения Александровна**, Екатеринбургский музей изобразительных искусств, заведующая отделом декоративно-прикладного искусства (Екатеринбург).
- Глашев Ахмат Алабиевич**, главный редактор журнала «Вопросы тюркологии» (Москва).
- Глушецкий Андрей Анатольевич**, Высшая школа финансов и менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, генеральный директор Центра корпоративных стратегий, доктор экономических наук (Москва).
- Гончарова Анна Сергеевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Грузнова Елена Борисовна**, Российская национальная библиотека, старший научный сотрудник Федерального центра регионалистики, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Гущина Анастасия Андреевна**, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, старший лаборант Научно-исследовательской археологической лаборатории им. В. И. Мамонтова, соискатель ученой степени кандидата исторических наук при отделе скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (Волгоград).
- Дацьшин Андрей Александрович**, Всероссийский научно-исследовательский институт коневодства, младший научный сотрудник (пос. Дивово, Рязанская область).
- Денисов Сергей Александрович**, Институт археологии РАН, младший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Москва).

- Дильбази Гюльрух**, Азербайджанский научно-исследовательский институт ветеринарии, заведующий отделом ветеринарных препаратов, кандидат ветеринарных наук (Баку, Азербайджанская Республика).
- Дубровская Анастасия Борисовна**, Всероссийский научно-исследовательский институт коневодства, научный сотрудник лаборатории генетики, кандидат сельскохозяйственных наук (пос. Дивово, Рязанская область).
- Егоров Сергей Борисович**, Санкт-Петербургский государственный университет, старший преподаватель кафедры этнографии и антропологии Института истории, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Ермаченко Игорь Олегович**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, доцент кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Есис Валерия Андреевна**, Национальный исторический музей Республики Беларусь, научный сотрудник (Минск, Республика Беларусь).
- Жиброва Татьяна Валерьевна**, Воронежский государственный университет, доцент кафедры политической истории исторического факультета, кандидат исторических наук (Воронеж).
- Жигалов Владимир Михайлович**, Историческое общество «Ратник», председатель (Белгород).
- Жилина Наталья Викторовна**, Институт археологии РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук (Москва).
- Задерейчук Алла Анатольевна**, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, доцент кафедры основ российской государственности, кандидат исторических наук (Симферополь).
- Задорова Наталия Николаевна**, кандидат сельскохозяйственных наук (Чебоксары).
- Зайцев Александр Михайлович**, Всероссийский научно-исследовательский институт коневодства, директор, кандидат сельскохозяйственных наук (пос. Дивово, Рязанская область).
- Зарубкина Ольга Викторовна**, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, доцент кафедры «История, философия, политология и социология», кандидат философских наук (Санкт-Петербург).
- Игнатьева Ольга Петровна**, Российский этнографический музей, научный сотрудник отдела специализированного хранения, хранитель иллюстративного фонда (Санкт-Петербург).

- Иевлев Николай Витальевич**, НП «Серебряное кольцо», директор (Санкт-Петербург).
- Исмаилова Зулейха Адил-кызы**, Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского, аспирантка (Брянск).
- Кабанов Андрей Юрьевич**, Кинешемский художественно-исторический музей, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Кинешма).
- Калюта Анастасия Валерьевна**, Санкт-Петербургский институт истории РАН, научный сотрудник отдела всеобщей истории, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Кандаурова Татьяна Николаевна**, Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры теории и истории культуры, кандидат исторических наук (Москва).
- Канторович Анатолий Робертович**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой археологии, доктор исторических наук (Москва).
- Карпенко Лариса Юрьевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, заведующая кафедрой биохимии и физиологии, доктор биологических наук (Санкт-Петербург).
- Кидирниязов Даниял Сайдахмедович**, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук (Махачкала).
- Киштымов Андрей Леонидович**, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, старший научный сотрудник Республиканской лаборатории историко-культурного наследия, кандидат исторических наук (Минск, Республика Беларусь).
- Клейменов Виталий Игоревич**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», студент (Москва).
- Колесник Ксения Станиславовна**, Российский государственный гуманитарный университет, студентка Историко-архивного института (Москва).
- Колпакова Алиса Вадимовна**, Новороссийский исторический музей-заповедник, научный сотрудник (Новороссийск).
- Кореева Наталья Анатольевна**, Федеральный исследовательский центр Казанский научный центр РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Казань).

- Коробов Дмитрий Сергеевич**, Институт археологии РАН, заведующий отделом теории и методики, доктор исторических наук (Москва).
- Королькова Елена Федоровна**, Государственный Эрмитаж, заведующая сектором Отдела археологии Восточной Европы и Сибири, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург).
- Косинцев Павел Андреевич**, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, старший научный сотрудник, кандидат биологических наук (Екатеринбург).
- Космовская Анна Алексеевна**, Пермский государственный институт культуры, научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности; Пермский государственный национальный исследовательский университет, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований; Пермская государственная фармацевтическая академия, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук (Пермь).
- Костян Дмитрий Богданович**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студент (Санкт-Петербург).
- Котова Анастасия Викторовна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург).
- Кравцова Елена Сергеевна**, Курский государственный медицинский университет, заведующая кафедрой философии, доктор исторических наук (Курск).
- Красникова Лариса Викторовна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, библиотекарь Фундаментальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- Кривчиков Владислав Михайлович**, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, профессор кафедры тылового обеспечения, кандидат исторических наук (Гродно, Республика Беларусь).
- Кузнецов Павел Федорович**, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, заведующий музеем археологии Поволжья, кандидат исторических наук (Самара).

- Куприянов Дмитрий Александрович**, Институт археологии РАН, младший научный сотрудник лаборатории контекстуальной антропологии (Москва).
- Курская Вера Александровна**, Российский университет транспорта (МИИТ), старший преподаватель, кандидат сельскохозяйственных наук (Москва).
- Кускарова Ольга Ивановна**, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии, кандидат социологических наук (Майкоп).
- Лебедева Ольга Сергеевна**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, специалист по учебно-воспитательной работе кафедры археологии (Москва).
- Лимберис Наталья Юрьевна**, Кубанский государственный университет, старший научный сотрудник НИИ археологии (Краснодар).
- Логунова Софья Константиновна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Макаулиффе Юджин Александр**, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, студент (Москва).
- Маковецкая Мария Владимировна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, доцент кафедры истории и философии, кандидат философских наук (Санкт-Петербург).
- Малахова Дарья Константиновна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Малов Александр Витальевич**, Институт российской истории РАН, старший научный сотрудник; Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), директор Научного центра «История казачества», кандидат исторических наук (Москва).
- Марциновский Павел Николаевич**, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, доцент кафедры основ российской государственности, кандидат исторических наук (Симферополь).
- Марченко Иван Иванович**, Кубанский государственный университет, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, кандидат исторических наук (Краснодар).

- Маслов Владимир Евгеньевич**, Институт археологии РАН, научный сотрудник, кандидат исторических наук (Москва).
- Мачнева Анна Александровна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Мелентьева Ирина Евгеньевна**, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, ведущий научный сотрудник; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, доцент; Псково-Печерская духовная семинария, доцент, кандидат филологических наук (Москва).
- Микитюк Владимир Петрович**, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, старший научный сотрудник центра экономической истории, кандидат исторических наук (Екатеринбург).
- Миролюбов Иван Андреевич**, Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева, доцент кафедры истории, кандидат исторических наук (Москва).
- Митина Мария Николаевна**, Государственный Эрмитаж, сотрудник научно-просветительного отдела (Санкт-Петербург).
- Моисеев Максим Владимирович**, Институт российской истории РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Москва).
- Морозова Оксана Сергеевна**, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, заведующая кафедрой политологии и обществознания, кандидат политических наук (Рязань).
- Неклюдова Анна Павловна**, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, ведущий специалист (Санкт-Петербург).
- Нестерова Елена Ивановна**, Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры истории и теории культуры, кандидат исторических наук (Москва).
- Нефёдкин Александр Константинович**, главный редактор военно-исторического журнала «Parabellum novum»; Белгородский государственный национальный исследовательский университет, научный сотрудник лаборатории исторической антропологии, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

- Никитина Мария Александровна**, Сибирский федеральный университет, магистр (Красноярск).
- Никифоров Олег Александрович**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, профессор кафедры истории и философии, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).
- Новикова Лидия Игоревна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, директор Фундаментальной библиотеки, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург).
- Новоженков Виктор Александрович**, Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук (Алма-Ата, Республика Казахстан).
- Нуйкина Елена Юрьевна**, Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник отдела археологии, кандидат исторических наук (Москва).
- Нуралиев Радмир Люмирович**, Союз ногайской молодежи, пресс-секретарь (Сургут).
- Озерова Полина Руслановна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Округин Дмитрий Николаевич**, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, ассистент (Санкт-Петербург).
- Онучина Ирина Викторовна**, Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, старший научный сотрудник (Каргополь).
- Орлова Татьяна Сергеевна**, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, преподаватель (Санкт-Петербург).
- Осипова Ирина Валентиновна**, Мемориальный музей «Разночинный Петербург», ведущий научный сотрудник (Санкт-Петербург).
- Осипова Яна Вячеславовна**, Челябинский государственный университет, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, кандидат исторических наук (Челябинск).
- Павлова Ульяна Юрьевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).

- Парамонов Виталий Яковлевич**, независимый исследователь (Пекин, Китайская Народная Республика).
- Париева Лада Руслановна**, Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Историко-архивного института, кандидат исторических наук (Москва).
- Пиотровская Елена Константиновна**, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).
- Полянская Евгения Юрьевна**, Институт археологии РАН, младший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия (Москва).
- Понарядов Вадим Васильевич**, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук (Сыктывкар).
- Пономарева Виолетта Николаевна**, Оренбургский государственный педагогический университет, студентка (Оренбург).
- Поправко Елена Александровна**, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).
- Потапов Александр Николаевич**, член Союза писателей России, член Союза журналистов России (Рязань).
- Прохоров Дмитрий Анатольевич**, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью, доктор исторических наук (Симферополь).
- Пчелов Евгений Владимирович**, Российский государственный гуманитарный университет, заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии Историко-архивного института; Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук (Москва).
- Раздорский Алексей Игоревич**, Российская национальная библиотека, руководитель Федерального центра регионалистики; Санкт-Петербургский институт истории РАН, старший научный сотрудник; председатель Ассоциации исследователей торговли, купечества и таможенного дела, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

- Рахимов Рамиль Насибуллович**, Уфимский университет науки и технологий, заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения, кандидат исторических наук (Уфа).
- Роднов Михаил Игоревич**, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук (Уфа).
- Романец Павел Викторович**, Костромской государственной университет, профессор; Костромская сельскохозяйственная академия, профессор, член Союза российских писателей (Кострома).
- Романов Павел Константинович**, Академическая гимназия им. Д. К. Фаддеева, преподаватель (Санкт-Петербург).
- Роба Анастасия Александровна**, Латвийская академия спортивной педагогики; Рижский университет им. Паула Страдина, ведущий научный сотрудник, доктор философии (PhD) (Рига, Латвийская Республика).
- Рязанова Дарья Денисовна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Самойлов Кирилл Глебович**, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, старший научный сотрудник Центра археологических исследований (Великий Новгород).
- Свешникова Елизавета Валерьевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Севастьянова Алина Дмитриевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, старший преподаватель кафедры истории и философии, кандидат философских наук (Санкт-Петербург).
- Секулович Димитрие**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), студент (Белград, Республика Сербия).
- Семененко Александр Андреевич**, гимназия № 2, учитель, кандидат исторических наук (Воронеж).
- Сергеев Алексей Юрьевич**, Институт археологии РАН, младший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов (Москва).
- Сергеева Екатерина Дмитриевна**, Санкт-Петербургский государственный университет, магистрантка Института истории (Санкт-Петербург).

- Серянова Вера Алексеевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Скворцов Константин Николаевич**, Институт археологии РАН, младший научный сотрудник (Москва).
- Смаголь Оксана Сергеевна**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, аспирантка кафедры всеобщей истории искусств Исторического факультета (Москва).
- Смирнов Александр Александрович**, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва, старший преподаватель кафедры общенаучных и общетехнических дисциплин, кандидат технических наук (Санкт-Петербург).
- Смирнова Галина Юрьевна**, Институт лингвистических исследований РАН, сотрудник, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург).
- Советова Ольга Сергеевна**, Кемеровский государственный университет, директор Института истории и международных отношений, заведующая кафедрой археологии, доктор исторических наук (Кемерово).
- Соколова Александра Сергеевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Соколова Наталья Викторовна**, Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник Отдела археографии (Археографическая комиссия), кандидат исторических наук (Москва).
- Соколовский Иван Ростиславович**, Институт истории Сибирского отделения РАН, научный сотрудник, кандидат исторических наук (Новосибирск).
- Соловейчик Максим Вячеславович**, Санкт-Петербургский университет МВД России, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург).
- Спасская Наталья Николаевна**, Научно-исследовательский Зоологический музей МГУ им. М. В. Ломоносова, ученый секретарь, кандидат биологических наук (Москва).
- Станкова Веселина Пламенова**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).

- Старкова Мария Георгиевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Стоякова Дарья Олеговна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Ткаченко Ирина Дмитриевна**, Российский этнографический музей, научный сотрудник высшей категории отдела специализированного хранения, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Ткаченко Сергей Николаевич**, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, доцент кафедры основ российской государственности, кандидат исторических наук (Симферополь).
- Токтабай Ахмет Уалханович**, Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник, доктор исторических наук (Алма-Ата, Республика Казахстан).
- Томилина Алиса Андреевна**, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, студентка (Санкт-Петербург).
- Топорова Софья Алексеевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Торопова Елена Владимировна**, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, заведующая кафедрой истории России и археологии Гуманитарного института, кандидат исторических наук (Великий Новгород).
- Тюменцев Игорь Олегович**, Южный научный центр РАН; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоградский государственный университет, главный научный сотрудник лаборатории казачества, доктор исторических наук (Волгоград).
- Урожаева Татьяна Петровна**, Иркутский государственный университет, научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии, кандидат исторических наук (Иркутск).
- Ускова Мария Сергеевна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Федина Ирина Михайловна**, Кубанский государственный университет, профессор кафедры истории России, доктор исторических наук (Краснодар).

- Федоренко Наталья Валентиновна**, Новороссийский исторический музей-заповедник, научный сотрудник (Новороссийск).
- Федотова София Ивановна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Филатова Светлана Владимировна**, Пензенский государственный университет, доцент кафедры «Изобразительное искусство и культурология», кандидат исторических наук (Пенза).
- Фомина Ирина Анатольевна**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, аспирантка факультета искусств (Москва).
- Фризен Ольга Ивановна**, Государственный музей искусства народов Востока, научный сотрудник (Москва).
- Хлевов Александр Алексеевич**, Севастопольский государственный университет, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Института общественных наук и международных отношений, доктор философских наук, кандидат исторических наук (Севастополь).
- Худин Кирилл Станиславович**, Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры вспомогательных исторических дисциплин и археологии; Институт всеобщей истории РАН, научный сотрудник; Российский государственный архив древних актов, сотрудник, кандидат исторических наук (Москва).
- Хуснутдинов Марсель Ильфирович**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, ассистент (Санкт-Петербург).
- Цветкова Наталия Николаевна**, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, профессор кафедры художественного текстиля, доктор искусствоведения (Санкт-Петербург).
- Чернова Мария Александровна**, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доцент кафедры всеобщей истории Историко-филологического факультета Института общественных наук, кандидат исторических наук (Москва).
- Шатилова Людмила Ивановна**, Государственный Эрмитаж, научный сотрудник отдела западноевропейского прикладного искусства (Санкт-Петербург).

- Шелестин Владимир Юрьевич**, Институт востоковедения РАН, научный сотрудник, кандидат исторических наук (Москва).
- Шишкина Ольга Олеговна**, Кемеровский государственный университет, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, кандидат исторических наук (Кемерово).
- Шишлов Александр Владимирович**, Новороссийский исторический музей-заповедник, заведующий отделом археологии (Новороссийск).
- Шляхова Галина Игоревна**, учредитель АНО СОВет, корреспондент-переводчик ТАСС (Москва).
- Шпагина Виктория Александровна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, аспирантка (Санкт-Петербург).
- Шурупова Елена Евгеньевна**, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, научный сотрудник отдела истории Соловецкого архипелага, кандидат исторических наук (Архангельск).
- Щербаков Владимир Петрович**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, заведующий кафедрой истории и философии, доктор философских наук (Санкт-Петербург).
- Элькинд Полина Александровна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, студентка (Санкт-Петербург).
- Энговатова Ася Викторовна**, Институт археологии РАН, заместитель директора по науке, заведующая отделом сохранения археологического наследия, кандидат исторических наук (Москва).
- Эрлих Владимир Роальдович**, Государственный музей искусства народов Востока, главный научный сотрудник, доктор исторических наук (Москва).
- Юдин Александр Иванович**, Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, заместитель директора по научной работе, доктор исторических наук (Саратов).
- Яковлева Анна Петровна**, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, старший научный сотрудник отдела истории Соловецкого архипелага (пос. Соловецкий, Архангельская область).
- Ярошук Алина Игоревна**, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, ассистент кафедры организации, экономики и управления ветеринарным делом, кандидат ветеринарных наук (Санкт-Петербург).